Кирилл Шатилов

Осенью осенённая

Субъективный путеводитель
по осенней Японии

best-repetitor.jimdo.com

ОСЕНЬЮ ОСЕНЁННАЯ

Субъективный путеводитель по осенней Японии

Перед вами книга, которая повествует о путешествии русского туриста по трём японским городам – Киото, Наре и Осаке. В силу субъективности восприятия она не претендует на звание полноценного путеводителя, однако если вы не любите странствовать в одиночестве, то обретёте в ней интересного и доброго собеседника. Книга проведёт вас удобными маршрутами по всем трём бывшим столицам Японии, подскажет, где лучше свернуть с туристической тропы, что и сколько стоит, как общаться с местным населением, если вы не знаете японского, откроет историческую подоплёку многих достопримечательностей и поделится удивительным духом Страны восходящего солнца. Вы узнаете много неожиданного о японских нравах и традициях, познакомитесь с религиозными взглядами синтоизма и буддизма, осмотрите все основные храмы, находящиеся в этих старинных городах и даже переживёте загадочное просветление.

Книга богато иллюстрирована авторскими фотографиями и адресована самому широкому кругу читателей, которые готовы познавать новое, располагают временем и средствами и не боятся через собственный опыт ломать навязанные стереотипы.

ПРОЛОГ

На транспортной ленте вместо своего чемодана я обнаружил средних размеров деревянную доску, на которой ровным почерком по-английски было написано, чтобы *Mr.Shatilov*, то бишь я, обратился по вопросу получения багажа к сотрудникам авиакомпании *JAL*[1]. И хотя прилетел я в Осаку вовсе даже не на «японцах», а на самых что ни на есть «китайцах», да ещё через Пекин, местные авиалинии, судя по всему, брали на себя решение всех возникающих по ходу дела недоразумений.

За что я сразу же почувствовал к ним искреннюю благодарность.

Потому что никакого удивления или огорчения я, наоборот, не почувствовал. Несмотря на то, что и в московском агентстве, собиравшем меня в дорогу, и на регистрации в «Шереметьево» мне абсолютно точно пообещали, что при пересадке в столице Китая «всё будет хорошо, ваш чемодан никуда не денется». А я вот точно знал, что денется. Поэтому в загулявшем чемодане не было почти ничего из того, что могло бы мне быть необходимым с первых же минут пребывания в Японии: компьютеры, фото- и видео-аппаратуру я предусмотрительно держал за спиной, в небольшом, но вместительном рюкзаке.

Так началось моё захватывающее путешествие по «стране восходящего солнца», к которому я морально готовился почти десять лет…

Впервые о существовании Японии, кимоно, буддизма, сакуры, Золотого павильона и сумо я узнал ещё до школы, в далёком 1973 году, когда мои родители, оставив меня на попечение бабушки, уехали туда в командировку почти на год. Появившиеся потом в нашей квартире вещи, а главное – фантастического качества фото-

[1] *Japan Airlines* – Японские авиалинии

графии, положили начало моему увлечению не просто Востоком (которого много и который очень разный), а именно Японией.

Опыт поездок по всему свету учит тому, что никогда не следует заранее очаровываться избранной для очередного путешествия страной. Обычно радость от знакомства ощущается именно тогда, когда ничего необыкновенного не ждёшь. Поэтому мой вам попутный совет: не сходите с ума от предвкушения долгожданного свидания, например, с Бразилией (в сущности заурядной и пустоватой страной, где даже футбол на самом большом в мире стадионе «Маракана» производит впечатление дворового), с Парижем (где невкусная еда, безразличные официанты, полуразрушенная история и преобладание коричневого населения), с Китаем (в котором при чуть более внимательном взгляде вас даже на «великой» китайской стене не покидает ощущение, что вокруг – сплошной новодел), с Майоркой (куда стоит заглянуть разве что ради приятного тепла прибрежного океана) или с Таиландом (где нету вообще ничего, кроме естественных возбудителей для неискушенных пенсионеров).

Я вас только что обидел или удивил? Не обессудьте. Я ведь уже в названии этой книги предупреждал, что наше с вами нынешнее путешествие будет совершенно субъективным и не претендующим на истину в последней инстанции. И здесь, и впредь я буду высказывать исключительно свои собственные суждения, а вы, мой уважаемый читатель, имеете ровно такое же право соглашаться с ними или нет. Договорились?

Однако продолжу свою мысль по поводу опасности предвкушений…

В том редком случае, если вы ничего эдакого от очередного пункта назначения не ожидаете, поверьте, вам уготованы приятные сюрпризы. Для меня подобными «откровениями» в разное время стали и баварский городок Нюрнберг (о котором мы обычно слышим разве что в связи с послевоенным процессом над поверженными немцами), и деревня племени зулусов на склоне зелёной горы в далёкой Южной Африке, и уютный Созополь в соседней Болгарии, и Тенерифе, один из Канарских островов, с его одинаковой круглогодичной температурой как воздуха, так и воды, отсутствием комаров и акул и почти чёрным вулканическим песком, и почти ставший мне родным в 90-х годах Копенгаген (который, правда, нынче я боюсь посещать после долгой разлуки, чтобы не ужаснуться результатам местной политики толерантности по отношению к

чужеродным иммигрантам), и прелестная маленькая Лукка, обрамлённая кольцом земляного вала, чудом уцелевшего в бурной истории Италии.

Лишь несколько мест на моём пути стоят особняком. В них я с восторгом увидел то, что ожидал увидеть, почувствовал то, что ожидал почувствовать, и полюбил сразу так, как должен был полюбить чудесным образом проявившийся в Яви сон.

Одно из них едва ли вас удивит, поскольку, судя по тому, что написано и снято, Венеция для многих оказывается «своим городом», в который входишь, как в покинутый в детстве дом, и частичка которого с тех пор всегда остаётся с тобой.

Второй раз я испытал это ни с чем не сравнимое ощущение близости, вернувшее меня именно к мерцающей сказке огней в ночных водах Гранд Канала, когда колесил на велосипеде по непритязательной набережной реки Камо, пересекающей западную оконечность Киото, второй столицы Японии.

В Киото я впервые оказался почти за десять лет до этого, когда мы с женой, осмотрев в рамках группового тура достопримечательности Токио, Камакуры, Никко и Хаконэ, купили дорогущие билеты на молниеносный поезд синкансэн и вдвоём провели полтора дня, как мне уже тогда показалось, в другой Японии. Погода стояла хоть и майская, но дождливая, Киото предстал неожиданно огромным, мы то и дело были вынуждены прибегать к помощи такси, чтобы успеть посмотреть хотя бы Сад камней, Золотой и Серебряный павильоны, Императорский парк… и в 16:00 обнаружить, что все прочие туристические радости, кроме магазинов, уже закрыты. Однако даже это мимолётное знакомство настолько запечатлелось в моей памяти, что я дал себе слово когда-нибудь снова вернуться в Японию и посвятить, по меньшей мере, неделю одному только Киото.

И вот, спустя десятилетие, я выходил без чемодана из стеклянных дверей аэропорта «Кэнсай», что в Осаке, и несмотря ни на что предвкушал незабываемые десять дней осенних каникул.

Почему «несмотря ни на что»?

Потому что, во-первых, если мой чемодан остался в Пекине, то моя жена и подавно – в Москве. Прозомбированные телевизором родственники на полном серьёзе решили, что после утечки из атомной станции Фукусима радиации вся Япония – это нынешний Чернобыль, и строго-настрого запретили Алине покидать вместе с

сумасшедшим мужем отчий дом и двоих малолетних детей. Все мои доводы о том, что даже в августе 2011 года, то есть через неделю после знаменательного взрыва, радиация в Киото составляла всего 0,05 мЗв[2], что в Москве в то же самое время этот показатель равнялся 0,11 мЗв и что допустимая норма для Москвы составляет вообще 0,3 мЗв, то есть, в 6 (!) раз больше, нежели в Киото после подрыва Фукусимы, в расчёт приняты не были, и в итоге я улетел один. Во-вторых, ультиматум родственников, отказавшихся в последний момент посидеть недельку с детьми, аукнулся почти тысячью долларов, не возвращённых жадными китайцами за неиспользованный Алинин билет. Наконец, в-третьих, дурацкие прогнозы погоды, каждый час менявшиеся в интернете, не утешали: Киото обещало то и дело мочить меня дождём. Похоже, только я один знал, что всё будет хорошо и потому, выходя из аэропорта, улыбался серому небу и необходимости скорейшего преодоления 80 километров от Осаки до Киото, чтобы после 12 часов перелёта «против времени» не лишиться вместе с женой и чемоданом остатка драгоценного дня.

О том, как всё сложилось, а главное – почему, и рассказывает эта незатейливая книга.

Пока же, забегая вперёд, лишь скажу, что за всю поездку зонтик я открывал минут на 9, чемодан нашёлся и вернулся, а Алина в итоге тоже не осталась в обиде (как мне отчаянно хочется верить).

А теперь по порядку…

---

[2] Миллизиверт – единица измерения доз ионизирующего излучения, названная в честь шведского учёного Рольфа Зиверта, отчего и пишется со странной заглавной буквой в середине аббревиатуры.

***Глава I**, из которой вы узнаете, чем Киото отличается от Ташкента и как до него долететь с наименьшими потерями денег и времени*

Добраться из Москвы до Японии в наши дни можно, как вы понимаете, различными способами. Самолёт, разумеется, предпочтителен. Если вы летите в Японию впервые, советую, как бы вы ни относились к «Аэрофлоту», выбрать прямой рейс до Токио, на который вы потратите порядка девяти не самых приятных в вашей жизни часов, но зато это будет самый быстрый перелёт из всех на сегодняшний день возможных. В первый раз мы с женой так и сделали: долетели вместе с актёрами из труппы Табакова (и самим мэтром) до токийского аэропорта «Нарита», а там нас подобрал специально приехавшей за нашей маленькой группой микроавтобус.

Теперь же я лететь в Токио не хотел. Почему? Если вы в советское время успели побывать, скажем, в Узбекистане, вот вам простое объяснение. Сравнивать Токио и Киото всё равно, что сравнивать Ташкент и Самарканд. Вроде бы одна страна, но города совершенно разные. Ташкент хоть и столица, но слишком сильно пострадавшая от землетрясения, чтобы сохранить первозданный облик и не превратиться просто в провинциальный современный город. Самарканд меньше, грязнее, но зато какая там царит атмосфера! Настоящая старина, настоящий восток, настоящие минареты, настоящие рынки с горами синих арбузов и плутающими между ними осликами, от души грязные дети, выглядывающие из арыков. Даже тараканы в центральной ведомственной гостинице и те кажутся первозданными ровесниками динозавров.

Токио (как и большинство японских городов) на землетрясения смотрит свысока, сегодня они ему не страшны, однако по японским меркам он слишком молодой, чтобы тягаться с Киото. Впервые под именем Эдо он вынырнул в истории Японии где-то в конце XVI века как крохотная рыбацкая деревушка на реке Сумида, а по-настоящему заявил о себе лишь в 1868 году (запомните эту дату, мы к ней ещё не раз обратимся), когда, будучи переименованным в Токио, стал столицей страны. В 1923 году, правда, одно землетрясение его всё же потрепало (и даже осталось в истории как Великое землетрясение Канто), а потом грянула ещё более разрушительная

Вторая мировая, так что в итоге город пришлось восстанавливать из руин после лихих американских бомбардировок. Сказать, что в Токио нет истории, было бы в корне неверно (как не стоит обижать и Ташкент), однако всё познаётся в сравнении и, на мой взгляд, сравнение это всецело в пользу Киото, под именем Хэйан-кё построенного аж в 794 году, причём сразу как главный город будущей империи, о чём свидетельствует перевод его исконного названия – «Столица мира и спокойствия».

Не понимайте мои слова буквально. Повторяю: если вы в Японии первый раз, не погулять по Токио грешно и глупо. Но если вы одним только Токио ограничитесь (а многие агентства так и поступают, предлагая вам недельные туры с «экономичными» ценами, но на деле – исключительно по Токио и ближайшим окрестностям), считайте, что вам дали возможность судить о России по неделе выживания в Москве. А как же Питер, возмутитесь вы? А как же Владимир и Суздаль? Москва – это не Россия, справедливо замечают гости столицы. Нет, разумеется, если хорошо знать Москву и не спешить (что сегодня редкость – и то, и другое), в ней тоже можно найти немало местечек и закоулков, которые перенесут вас в старые русские города. Однако общая атмосфера, «дух» города, я с вами соглашусь, уже не тот, не Русью тут пахнет, нет уже здесь того зелёного дуба, под которым чах Кащей над златом из вступления Александра Сергеевича к «Руслану и Людмиле». На мой вкус, Токио, как и Москва, своей столичной участью лишён самобытности. Он вынужден нравиться всем, вынужден гнаться за иллюзорным временем и модой, вынужден всегда оставаться современным, а значит - терять по пути очарованье первозданности, независимости и безвременья.

Киото же, куда мы с вами сейчас направляемся, всё это давным-давно пережил и теперь оглядывается на свою собственную тысячелетнюю столичную историю с мудростью старца, познавшего суть извечных ценностей и снисходительного по отношению к прочей мишуре. И лично мне это чертовски импонирует. Но я, кажется, снова заговорился и забежал вперёд…

Поскольку лететь прямиком до «Нариты», но потом пересаживаться в синкансэн и за 200 долларов и 2 с половиной часа добираться до Киото (т.е. с скоростью 300 км в час) мне не улыбалось изначально, я решил усложнить себе задачу и поискать что-нибудь, что садилось бы поближе к моему главному пункту назначения.

Ближайший к Киото аэропорт оказался в Осаке, назывался он, как я уже упоминал выше, «Кэнсай», но летели туда из Москвы исключительно «китайцы», то есть *Air China*, причём с обязательным залётом в Пекин.

Время в пути варьировалось от 11 часов до практически суток, что объяснялось возможностью при желании провести часть дня в столице Китая в качестве транзитного пассажира. Эта перспектива меня совершенно не привлекала, хотя в своё время Пекин как раз таки произвёл на меня более приятное впечатление, нежели я предполагал. В первую (и последнюю) очередь обилием зелени.

Долететь до Осаки хотелось быстро и… нет, конечно, о надёжности я не мечтал. Любые пересадки в мировых аэропортах чреваты нестыковками и возможностью утраты багажа. Помню, как при возвращении из Кейптауна с посадкой в Йоханнесбурге (ЮАР) многие мои сотоварищи по группе не досчитались в Москве своих чемоданов. Оказалось, они должны были сами их там где-то на транзите получить и перекатить в новый самолёт.

В моём случае такой операции не предполагалось: всю перекладку брала на себя *Air China*, но мне, привыкшему доверять только себе, от этого было не легче. Лети я куда-нибудь в Мексику или Индию, вся моя кладь состояла бы из рюкзака, который я бы даже не подумал сдавать в багаж. Но в Киото я по старой памяти планировал купить, по меньшей мере, один японский меч, а его в салон не возьмёшь. Поэтому и чемодан я раздобыл накануне поездки можно сказать специальный – дешёвый, прочный, длинный и узкий.

Но вернёмся к моему выбору.

Им стал рейс CA910, вылетавший из «Шереметьево» в 19:45, совершавший посадку в Пекине в 7:15 следующего дня (по местному времени, которое опережает московское на 4 часа), превращавшийся дальше в рейс CA927 и стартовавший в сторону Японии в 8:40. Окончательная посадка намечалась на 12:40 японского времени, которое в свою очередь опережает пекинское на 1 час, а московское, соответственно, на 5. Пишу здесь об этом подробно, чтобы вы, если решитесь пуститься в путь по моим стопам (что, как вы потом увидите, не так то уж и бестолково) чётко понимали кажущиеся на первый взгляд лишними мелочи, из которых впоследствии сложится ваше ощущение реальности.

В итоге первый день пути «нах Остен» у вас из обещанных 11 часов легко превращается в сутки с хвостиком, причём практически

бессонные. Чтобы успеть к 19:45 без приключений и нервотрёпки, вы должны ступить на пол «Шереметьево» в 17:45. Чтобы добраться до него к этому времени, из дома вам лучше выйти не позже 15:45. При этом лучше избегать такси (можно оказаться в аэропорту и за три часа до вылета, и через три после), а вместо этого доехать на метро до «Белорусской», купить без очереди билет на экспресс и через 35 минут быть на месте. Нет, конечно, если вас, допустим, трое, то такси по деньгам получается выгоднее, но я лично в данном случае испробовал вышеуказанный метрошно-экспрессный маршрут и потому уверенно заявляю: оно того стоит.

Как бы то ни было, когда вы сядете в «Кенсае», на ваших московских часах будет 17:40 минут следующего дня, в желудке – два довольно скромных китайских обеда, в бессонной голове – ощущение, что вы ещё во вчера, а в ногах и всём настрадавшемся в обоих самолётах теле – что вы уже месяц в пути, причём на оленях. И при этом вам ещё неизвестно, сколько и как добираться до гостиницы в Киото.

Только не думайте, что я вас пугаю. Напротив, всё это я говорю лишь затем, чтобы вы были уверены в правильности своего решения, непотопляемы и воспринимали происходящее вокруг вас с радостью и улыбкой. Вы ведь отправились в путешествие, а не просто вышли на балкон покурить и покашлять.

Идиотизм ситуации с билетами, в итоге не понадобившимися Алине, заключался в том, что заказали и сдуру оплатили их мы больше чем за месяц до вылета. Когда же на следующий день мы осознали, что лечу только я, наше агентство уведомило об этом китайцев, и тут выяснилось, что сумма возврату не подлежит, то есть подлежит, но в весьма миниатюрном проценте. Можете себе представить? Не за день до вылета, а за месяц! Представили? Ну, а теперь расслабьтесь, потому что не судиться же теперь с наследниками товарища Мао, которые отнюдь не считают зазорным обманывать длинноносых и большеглазых белых обезьян, позарившихся на их китайскую дешевизну, восточность и вообще несусветную древность (шитую белыми нитками, о чём, если хотите, мы поговорим с вами отдельно).

Если вам, уважаемый читатель, уже за сорок, надеюсь, с вами произошла та естественная метаморфоза, которая называется взрослением (не путать со старением, которое может наступить в любой момент, даже в юности). До сорока вы ещё суетились, кому-

то что-то зачем-то доказывали, пытались показать себя в наиболее выгодном свете, к чему-то, как правило, несбыточному стремились, вас что-то непременно раздражало и нервировало, а после сорока… ой, а где же это всё, всё то, что казалось таким важным и нужным, ради чего вы по утрам спешили в опостылевший офис, по вечерам – домой для более чем короткой передышки, чтобы назавтра начать всё снова, и так до пятницы, когда принято перемигиваться, со вздохами переглядываться и обмениваться бесконечно грустными и грустно бесконечными шутками на тему «конца недели»? В сорок лет (срок условный, плюс-минус года два, но от того не менее ощутимый и реальный) вы как будто рождаетесь вновь, рождаетесь прямо из этой ежедневной офисной суеты, воспаряете над нею и понимаете, что негоже вам скучно и нудно «функционировать функцию» в рамках отведённого на это ненормированного времени и слишком нормированной зарплаты. То, над чем делает вид что бьётся в поту целый отдел, ясно вам сразу и без лишних раздумий. При этом если вы дерзновенно озвучиваете руководству пришедшее вам в голову решение, руководство вам не верит, потому что оно, это решение, ну никак не может быть настолько простым. Ведь в жизни, а тем более на работе всё обязательно должно быть сложно. В идеале это должен быть вообще сизифов труд. Помните товарища Сизифа из эллинской мифологии? Который за некие грехи был приговорён богами с утра до ночи толкать в гору тяжеленный камень, а когда уже казалось, что вот она вершина, ещё чуток и дело будет сделано, камень вырывался из его усталых рук и снова скатывался к подножью. Сегодня я бы посоветовал Сизифу поинтересоваться у богов, зачем вообще понадобился на горе этот камень, а пока они будут размышлять и совещаться, покурить в теньке или прокатиться в ту же Японию. Потому что живём мы для многих вещей, но уж точно не для того, чтобы *раб*отать. Ибо рабы должны остаться лишь в сочинённой кем-то истории. Нормальный человек должен *труд*иться. То есть вкушать плоды от трудов своих, а не передавать эти плоды кому-то другому, довольствуясь бумажками, которые во многих странах, включая нашу с вами, уже даже не называются деньгами[3].

[3] Возьмите для интереса обычную купюру и убедитесь в том, что у вас в руках всего-навсего некий «БИЛЕТ БАНКА РОССИИ», причём надпись эта сделана заглавными буквами, так что вы так никогда до конца и не узнаете, касается ли это какого-то конкретного банка с таким названием или вообще любого банка. Во всяком случае, надпись красноречиво даёт нам понять, что самой России как стране даже этот «билет» не принадлежит.

Одним словом, уважаемые граждане РФ, пора мыслить философски. Только ни в коем случае не из последних сил, а естественно, не нарочито, с твёрдым сознанием того, что ничего страшного в потере денег или чемодана на самом деле нет. Представьте, что вам осталось жить на этом свете и в этой оболочке ещё ровно десять минут. Станете вы переживать о тех вещах, которые в данный момент представляются вам крайне важными? Вот и я думаю, что нет.

Выйдя на пустой платформе «Шереметьево» из экспресса, я проследовал через длинную череду новых залов разросшегося зачем-то комплекса, чтобы в итоге долгого пути под постукивание чемоданных колёсиков оказаться у до боли знакомых ещё с перестроечных времён стоек регистрации. Несмотря на вечернее время и пятницу, народу было не сказать что мало, но приятно пропорционально количеству стоек. К нужной мне тянулась черноголовая очередь китайцев, обременённых нешуточной поклажей. И это снова не была причина для унынья. На двадцать минут я почувствовал себя праздным буржуином в белых шортах (виртуальных) среди сутолоки озабоченных папуасов.

За тускнеющими окнами зала вылета стояли последние деньки октября. Зачем вам и это знать? А как же! Львиная доля удовольствия от путешествия определяется правильным попаданием в погоду. Например, если вы хотите выжить в Бразилии или шире – в Южной Америке, отправляйтесь туда с июня по август, когда там зима, то есть столбик термометра редко поднимается за отметку + 35 градусов. Потому что если вы верите ящику и добродушным турбюро, которые горазды сосватать вам путешествие в «новогоднюю Бразилию», знайте, что в это время там стоит лето, то есть температура в каком-нибудь Рио будет + 45 в тени, а то и повыше. Оно вам надо?

Кроме вопросов температуры перед всякой поездкой обязательно стоит задаваться вопросами осадков. Хотя Япония и не тропики, дожди там, судя по всему, идут с такой же завидной частотой, как в Уэльсе[4]. И для того, чтобы хоть как-то заручится поддержкой многочисленной братии тамошних синтоистских богов во главе с дамой по имени Аматэрасу[5], вы должны выбирать строго между двумя сезонами: если хотите полюбоваться цветением сакуры, то ваш самолёт должен взлететь в *конце апреля*, если же, как я, мечтаете застать многоцветие осени – в самом *начале ноября*. Сам я

[4] О чём я подробно повествую в книге «Солнечный Альбион».
[5] Богиня-солнце в пантеоне синто и прародительница японских императоров.

чуть-чуть поспешил и стартовал в конце октября, но лишь потому, что так было удобнее моей жене, подстраивавшейся под каникулы наших школьников. В итоге осень на моих снимках[6], конечно, видна, но если бы я тронулся в путь на недельку позже, её было бы больше. Хотя сослагательное наклонение здесь неуместно, поскольку, как покажет жизнь, тогда бы насладиться ею в полной мере мне помешали начавшиеся сразу после моего возвращения домой дожди.

Получив заверение в полной безопасности только что сданного чемодана и место в проходе, куда в любом случае можно будет вытянуть затёкшие ноги, я отправился дальше по аэропорту показывать свой новенький загранпаспорт (пятый или шестой по счёту) и дожидаться рейса. Кстати, пока я ждал, по громкой связи то и дело объявляли о задержках вылетов «Аэрофлота». Один из них вообще перенесли на утро следующего дня. Причём рейс был не на Марс, а кажется, в какую-то Грецию.

Самолёт, в котором я, наконец, оказался, был велик даже для той очереди, что вошла за мной следом. Черноголовый и забавно попискивающий народ как-то сам собой рассосался, и я осознал, что буду лететь один в трёх соседних креслах. Миловидная китаянка и по совместительству стюардесса мне это официально подтвердила, предложив даже пересесть в тот ряд, где отсутствовали впереди стоящие сиденья, но я промедлил, и места вскоре были заняты проворковавшей всю дорогу парочкой.

Время – понятие сугубо относительное, если не сказать иллюзорное, поскольку иногда минута кажется нескончаемой вечностью, а иногда день проходит так, будто его и не было. Поэтому что такое восемь часов полёта вы поймёте лишь тогда, когда их преодолеете. Мне они особенно запомнились взлётом и посадкой. Потому что на экраны мониторов в салоне китайцы выводили то, что «видели» в этот момент камеры на носу и под фюзеляжем самолёта. Надо сказать, что зрелище проваливающейся в пропасть земли или неудержимо приближающейся посадочной полосы производит более сильное впечатление, чем виды облаков в боковом иллюминаторе.

Потом была посадка в Пекине, поиски транзитной зоны, неприятное общение с местной таможней, которая, несмотря на то, что вы никуда не выходите, считает своим долгом выпотрошить вашу

---

[6] По адресу *kyoto-nara-osaka.jimdo.com*

ручную кладь на предмет компьютеров и не дай бог еды, и получасовое ожидание следующего рейса.

Что до таможни, то на обратном пути я убедился в том, что лучше слушаться не указаний разводящих вас по турникетам сотрудников, а интуиции. Если, как и в моём случае, вы увидите, что народ пускают через два коридора, не идите в первый, ближний, а постарайтесь проскользнуть во второй, дальний: там почему-то очередь раза в два меньше и идёт раза в три быстрее. Поскольку я умудрился за эту поездку воспользоваться обоими, говорю по собственному опыту.

Из Пекина в Осаку летят (*surprise, surprise!*) китайцы и несколько японцев. Русских нет. Россиян тоже. Забегая вперёд замечу, что родных слов я за всю эту поездку не слышал ни разу, если не считать случаев, когда связывался по мобильному с домом. Самолётик маленький, тесноватый, свободных мест нет, но и лёту всего каких-то два часа. Финишная что ни на есть прямая. Времени хватает лишь на то, чтобы в очередной раз легко перекусить китайской рыбой (хотя я согласился, чтобы мне дали мясо, но дали почему-то именно рыбу), тщетно попытаться заснуть (какое там, день на дворе!), в очередной раз пробежаться усталыми глазами по знакомым страницам путеводителя и пару раз пропустить не умолкающих всю дорогу соседей в туалет и обратно.

И вот за иллюминаторами невыразительный пейзаж, самолётик со знанием дела плюхается на полосу, командир корабля прощается с вами на хорошем китайском и не очень японском, и вы понуро (или весело, в зависимости от того, успели вы прочитать эту книгу или нет) идёте следом за вереницей пассажиров навстречу притягательному неведомому.

***Глава II**, в которой мы с вами доберёмся на перекладных от аэропорта в Осаке до гостиницы в Киото и заодно узнаем, что почём, где и как покупать валюту, откуда взялась японская йена и японская нация, как ориентироваться в японских адресах и сколько тут принято давать на чай*

- Как я понял, чемодан мой доставят позже? – уточнил я, обращаясь к взволнованной сотруднице *JAL*, стараясь придать своему английскому голосу и космополитичному лицу столь необходимой в подобных ситуациях уверенности.

Сотрудница, похоже, уже была в курсе.

Здесь и далее я буду изредка описывать то, как в Японии обслуживают клиентов (в магазинах, в музеях, на вокзалах, в такси и т.п.), но на самом деле далеко не всеми словами это явление можно передать даже на наш с вами богатый русский (пока не российский) язык. Это надо видеть, слышать и пробовать!

Японцы почти не говорят по-английски. К концу своего путешествия я сделал вывод, что единственное слово, которое средний японец выносит из школы, это приветствие «Харо!». Как вы, вероятно, догадались, так на японском акценте звучит незатейливое «Хэллоу».

Моя собеседница слов английских знала больше. Но пользовалась ими плохо и от того жутко тушевалась, краснела, улыбалась и кланялась раз в десять чаще, чем следовало.

Прежде всего, она меня заверила в том, что чемодан мой в порядке и что я его обязательно получу. Вероятно, именно так звучат ободряющие слова той светлой сущности, которая встречает вас в Послесмертии: тебя все любят, ничего не бойся, ты не можешь совершить ошибку.

Если волею судьбы вы попадёте в схожую ситуацию в Японии, вот что вам нужно знать.

Первым делом вы показываете сотруднику свой паспорт и обязательно прилепленный к билету купон на получение багажа. Со всего этого тут же будет сделана ксерокопия.

Далее вы должны сообщить, где вас в ближайшее время можно застать. Одним словом, предъявляете ваучер гостиницы, в котором

указан её адрес. Сотрудница вносит его в соответствующие графы специального бланка.

Затем она просит вас описать загулявший чемодан. При этом вам показывается набор фотографий, среди которых вы указываете наиболее похожую модель. Подбирается подходящий цвет. Есть ли какие-нибудь на вашем чемодане надписи? Тут я смог вспомнить разве что две металлические буквы, сцепленные на одном из кармашков в аббревиатуру. При всей своей склонной к странствиям натуре, я почему-то ни на одном из своих чемоданов не ношу специальную бирку, на которой бы говорилось, кому эта вещь принадлежит. Потом, в Киото, я обязательно такой обзаведусь и очень подробно подпишу. Но это всё впереди.

Теперь вас с извинениями расспросят, что находилось в чемодане. Вернее, чего там нет. Например, наркотиков. Или оружия. Или кучи заморских сигарет. Я заверил, что в моём багаже исключительно одежда, а из всего оружия я туда положил только зонтик.

Не удивляйтесь, если вас попросят указать код на замке чемодана. Его обязательно будут осматривать. Мало ли. Но будьте уверены, не пропадёт даже спичка. О честности японцев мы обязательно поговорим с вами отдельно.

После заполнения бланка (заполняет, разумеется, его за вас сама сотрудница, это не ваше дело, а теперь её) и выяснения, где именно в границах Японии вы согласны ваш чемодан дождаться, вам сообщают, когда вы его получите. В моём случае это обещание звучало так:

- Завтра вечером, с 18:00 до 21:00. Обратитесь на ресепшн, он будет там.

Ну, разумеется, мы ведь пока не знали, в каком именно номере меня поселят…

В конце концов, девушка прошла вместе со мной к сотруднице таможенной службы, рассказала ей вкратце мою печальную историю, та пропустила через рентген осиротевший рюкзак и пожелала счастливого пути. Наверное, поскольку говорила она со мной по-японски. Я же на японском без акцента лишь молчу. Хотя, конечно, кое-что знаю (как и на языках всех тех стран, куда меня время от времени заносит любовь к новому), но об этом – чуть позже.

Не знаю, как вас, а меня в некоторых аэропортах не перестаёт удивлять, насколько же всё в них продумано: толпы только что стоявших в змеиных очередях туристов моментально куда-то рас-

сасываются, будто их и не было. Впервые эти замечательные качества я обнаружил в «Хитроу», что под Лондоном, куда, как на воздушном конвейере, доставляются сотни и сотни пассажиров. Если вы, будучи в «Хитроу», посмотрите на небо, то непременно (поспорим?) увидите сразу пять самолётов, из которых первый уже катится по посадочной полосе, а последний выныривает из-за далёких облаков. И так постоянно, 24/7/365, как говорится.

Перед выходом к несостоявшемуся багажу я тоже простоял минут 20 в многонациональной очереди к пяти или шести тумбам, в которых сидели сотрудники паспортного контроля. Они забирали паспорта, просили приезжих приложить оба указательных пальца к датчикам, что-то проверяли, возвращали документы и кивали следующим. Это вам не Италия типа Неаполя, где в последний раз из четырёх работало полтора окошка, а когда подошёл ещё один сотрудник, и толпа облегчённо вздохнула, выяснилось, что он заглянул просто поболтать с одним из клерков, который тут же бросил обслуживать туристов и поспешил поддержать приятельскую беседу. Кстати, после приложения ваших драгоценных пальцев к датчикам вам предлагают баллончик с жидкостью, чтобы на всякий случай эти пальцы протереть. Японцы знают толк в чистоте, в чём нам с вами ещё не раз предстоит убедиться.

Итак, я на свободе, точнее, на воле, потому что свобода и воля – две большие разницы. В английском языке тоже существует два слова – *freedom* (исконно английское) и *liberty* (заимствованное), - но они разнятся лишь тем, что первое применяется в обиходе и «человеческом» плане, а второе – в сугубо политическом типа «Хартии вольностей»[7] или Статуи Свободы. Понятия «воля» в английском нет[8]. Думаю, это незримым образом связано с фактом отсутствия в английском понятия «совесть». Только не хватайтесь сразу за словари и не начинайте доказывать мне, что там есть слово "*conscience*". Да, разумеется, перевести нашу «совесть» на английский мы сможем только через него, но англичанин воспримет его не так как мы, а как «сознание». Которое может быть и чистым, и по которому можно поступать и т.п., однако понятия «СОвместной ВЕСТи» в него не заложено. Лучшее, на что я смог его расчленить, это "*con* + *science*", т.е. «с наукой», т.е. опять-таки «со знанием».

---

[7] Именно *The Charter of Liberties* называлась первая Хартия 1100 года, ставшая предтечей знаменитой Хартии 1215 года, которую обычно именуют на латинский лад *Magna Carta.*

[8] Не путайте со словом "*will*", которое означает ту «волю», которая синонимична слову «желание» как в словосочетании «сила воли».

О чём стоит не забывать, пока вы находитесь в японском аэропорту, будь то «Норита» или «Кэнсай»? Конечно, о деньгах. А теперь я дам вам два ценных совета, которые поначалу могут показаться странными.

Если вы успели уже повидать Европу, то наверняка знаете, что в аэропортах меняют деньги только дураки. Или те, у кого этого добра слишком много. В Японии всё наоборот. *Лучший курс обмена именно в аэропорту*. Кроме того, в городе вы потом намаетесь в поисках обменников. Их там просто нет. Деньги вам могут поменять разве что в банках или больших гостиницах. Ну, ещё, говорят, могут это сделать в особенно крупных универмагах, но настоятельно не рекомендую до этого доводить. К тому же, если вы покажете японцам не знакомые им доллары, а какие-нибудь евро или фунты, они их могут сразу не признать, и вам придётся тратить время, пока ваш собеседник будет выяснять у начальства, мол, можно такое брать и что это вообще за бумажки.

Это был первый совет.

Второй совет по покупке японской валюты прозвучит ещё круче: удобнее и выгоднее всего (если вы живёте в России) покупать её в отделениях Сбербанка. Я не шучу. Она там есть всегда. Если в ближайшем к вам отделении её нет, закажите определённую сумму и вам её туда привезут завтра. Сколько заказывать, не скажу, всё зависит от ваших аппетитов и возможностей, но некоторые ориентиры по мере чтения этой книги вы, обещаю, получите.

Когда я ездил в Японию в первый раз, на дворе стоял 2004 год и про йены Сбербанка я не знал. Может быть, их тогда там и не было. Менял я свои доллары в токийской «Нарите» и точно помню, что курс был 107 йен за 1 доллар Федеральной резервной системы (поскольку доллары, как вы, наверняка слышали, тоже США не принадлежат, а печатает их частная контора, ФРС). Накануне своей второй поездки я обратился в Сбербанк и обнаружил, что десять лет спустя йена поднялась (или доллар съехал): теперь получалось нечто вроде 98-97 йен за 1 доллар. Поскольку автор этих строк считает себя пусть не ушлой, но довольно умной Машей, он прихватил с собой в дорогу и купленные йены и плесневеющие с давних пор доллары, от которых в наши дни только ленивый не призывает избавляться.

Одним словом, я решил не испытывать судьбу и сразу же поменять привезённые доллары.

Но сперва два слова о японских деньгах.

Сегодня они все называются словом «йена» (т.е. «йен») и ходят по стране в таком виде: монеты номиналом 1, 5, 10, 50, 100 и 500 и четыре вида банкнот номиналом 1 000, 2 000, 5 000 и 10 000 йен. Монетки в 5 и 50 йен примечательны тем, что в центре у них соблазнительная дырка.

Откуда такое название – *йена*? Ровно оттуда же, откуда появился китайский *юань* и корейских *вон*. Все эти три созвучных слова обозначают одно общее понятие – круглый. Именно круглыми (кто бы сомневался!) были испанские и мексиканские (!) серебряные доллары, считавшиеся основной разменной монетой юго-восточной Азии в XIX веке.

Первые местные серебряные доллары стали штамповать в Гонконге, однако китайцы слишком медленно переходили на незнакомую деньгу и власти Гонконга в итоге сбагрили печатный станок японцам. Ну, а те почему-то круглую форму полюбили и сделали своей настолько, что 10 мая 1871 года правительство Мэйдзи подписало специальный акт, по которому йена становилась официальной денежной единицей Японии. Тем же актом, в частности оговаривалось, что 1/100 часть йены должна называться *сэн*, а 1/1000 – *рин*.

В связи с девальвацией эта мелочь, сэны и рины, просуществовала менее ста лет и была выведена из оборота в 1953 году. Во время Второй мировой войны йена, как вы понимаете, сдала свои позиции, и добрые американцы привязали её стоимость к доллару по курсу 360 йен за 1 доллар. Под предлогом, что, мол, спасают японскую экономику. Этот курс продержался до 1971 года, когда США резко отказались от золотого стандарта. Причины, надеюсь, вам известны: кому охота привязывать свои аппетиты к наличию в казне золота, если деньги можно печатать в совершенно произвольных количествах, а народу рассказывать всякие небылицы про экономические законы? Одним словом, йена оказалась в свободном парении. И что бы там ни говорили специалисты, факты красноречивее слов: в апреле 1985 года один доллар стоил всего 80 йен. Что было потом вы тоже слышали: был придуман некий «пузырь» японской экономики, который якобы лопнул, отчего многие бизнесы и простые японцы сильно пострадали.

Насколько это время помню лично я, оно совпало с деноминацией нашего отечественного рубля и превращением в начале 90-х

годов банковских сбережений граждан в фантики. Для тех, кто тогда только родился, поясню, что если у вас было на сберкнижке, скажем 9 000 рублей, вы могли бы позволить себе купить автомобиль. С этой мыслью вы ложились спать, а наутро просыпались и узнавали, что на те же 9 000 можете теперь позволить себе купить… пару ботинок. Хотя нет, пара приличных ботинок уже стоила 10 000. Представили?

Я тогда работал на довольно крутой западной фирме и помню, как на одном из совещаний под Лондоном мой местный начальник, принимавший участие в обсуждении российского рынка, произнёс пламенную речь в поддержку моих соотечественников, которые в подобной абсурдной ситуации не выпрыгивали из окон и не вскрывали себе вены, а почти спокойно жили и трудились дальше. По его мнению, если бы подобное случилось в Англии, англичане определённо ударились бы в панику и суицид. Ну, всё ещё впереди, посмотрим…

Те, кто печатал и печатает доллары для американцев, понятное дело, не могли простить японцам такой наглости. «Пузырь» лопнул, многие японцы, у которых отношение к самоубийству отличается от русского, воспользовались окнами и бритвами, а йена к февралю 2002 года упала до курса 134 за 1 доллар США.

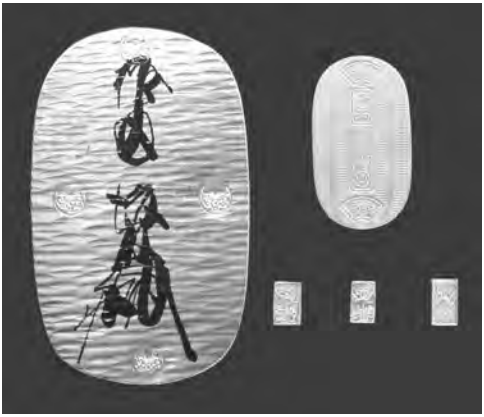
После этого, как вы уже наверняка знаете, внимание хозяев мировых денег переключилось на Европу, и там в 2008 году был объявлен «глобальный кризис». Всем было велено бояться, переживать и всячески ужиматься. Валюты (которых к тому времени в Европе почти не осталось) поехали вниз (кроме швейцарского франка, разумеется), а о том, что в результате получилось, вы прочли несколькими абзацами выше.

На сегодняшний день йена крепнет, что наводит думающих людей на грустные выводы: едва ли Фукусима под прикрытием землетрясения была единственным и последним предупреждением японскому правительству, делающемуся вновь слишком самостоятельным и наводящему дружеские мосты с тем же китайским юанем в обход доллара и прочего мусора.

Если вы внимательный читатель, то, несомненно, успели удивиться тому, что в название монеты японцы вложили понятие «круглый». А то какой же? Квадратный что ли? Тот-то и оно, что до появления круглого испанского доллара деньги в Японии имели овальную и… прямоугольную форму. Ввёл их один из самых вы-

дающихся деятелей японской истории сёгун Токугава Иэясу в 1601 году с целью развития международной (главным образом японско-китайской) торговли. К слову сказать, сам Токугава был тогда весьма зажиточным «олигархом»: его годовой доход, как говорят некоторые источники, составлял 2 557 000 коку риса. Что это значит? Посчитайте сами, сколько денег вы тратите на прокорм одного члена вашей семьи в год. Поскольку в рационе японца преобладал рис, рисом этот прожиточный минимум и измерялся, т.е. 1 коку риса хватало одному человеку на год. Вот такая до реформы была математика.

Любители японских исторических фильмов о самураях и всяких слепых меченосцах наверняка обращали внимание на то, что герои расплачиваются овальными металлическими бляшками довольно большого размера. Они назывались *рё* и были вообще-то не столько металлическими, сколько золотыми. В качестве монеты такой *рё* именовался *кобан*. Десять кобан соответствовали самой большой во всех отношениях из тогдашних монет – *обан*. В свою очередь половина кобан назвалась *нибубан*, а четверть – *итибубан*. Обе эти монеты имели прямоугольную форму.



Так выглядели оригинальные японские золотые монеты, введённые в обращение в 1601 году

Золото для чеканки в Японии было. Правда, не так много, как того бы хотелась сёгунам для поддержания активной торговли. Поэтому при неизменном весе в 18,20 гр. кобан к 1714 году уже содержал в себе 14,25% примеси серебра. Говорят, и нынешние золотые слитки «99 пробы», которыми торгует Сбербанк, это лишь по-

золоченный вольфрам. Не знаю наверняка, не пилил, но вполне возможно.

Заглянув в увлекательную историю, давайте, однако, вернёмся к сегодняшнему дню.

Обменный пункт оказался тут же, справа от выхода из зала прилёта. Я сперва смело направился к нему, твёрдо решив избавиться от парочки тысяч долларов. Перед окошком стояло несколько человек. Все мужчины. И все смотрели на меня. С довольно дружелюбными улыбками.

- Хотите деньги поменять? – спросил по-английски первый, пожилой, примостившийся у стойки с буклетами.

Я медленно соображал. Где-нибудь в Китае, не говоря уж о Таиланде, я бы с независимым видом прошёл мимо. Но вокруг была Япония и ни о каких «разводках» речи быть не могло. Или мне лишь так казалось?

- Хочу, - смело бросил я. – Смотря, какой курс.

И тут мужичок превратился из потенциального бандита в услужливого клерка, который быстро и внятно объяснил, что за свои доллары я получу йен по курсу 94 к одному.

- А почему там написано и 94 и 99? – не преминул уточнить я, кивая на большую табличку в окне обменника.

- Курс продажи и покупки. Сколько меняете?

Я знал, что буду писать эти строки, и потому рискнул. Под пристальными взглядами всех выстроившихся наизготовку японцев, я выложил содержимое своего заветного конверта на блюдечко, стоявшее здесь же, на стойке. Мой собеседник молча подхватил все купюры, умело составил веер, моментально сосчитал, написал что-то на бумажке, положил бумажку поверх денег и передал блюдце второму сотруднику. Тот с поклоном блюдце принял и передал – уже меня, а не блюдце – третьему коллеге, который вручил мне большой и изрядно потрёпанный пластиковый номерок, какие обычно выдают в гардеробах. Блюдце же он передал единственной из всей компании даме, которая чинно сидела внутри обменника. Тот, кто дал мне номерок, вежливо попросил подождать «вот тут», указав на специальную полоску на полу метрах в двух от окошка. Пока я ждал, ту же саму операцию проделали с какой-то пожилой туристкой, которая застыла с номерком неподалёку, ожидая, когда обслужат меня. Не прошло и трёх минут (по ощущениям, поскольку часы я уже много лет не ношу), как ожил четвертый из сотруд-

ников и с поклоном протянул мне блюдце уже с йенами и справкой о покупке.

Сейчас, когда я всё это записал, у меня получилось, что задействовано в моём обслуживании было пять человек, включая даму в окошке, однако мне кажется, что одних только мужчин там было человек шесть. Теперь это неважно. Хорошо то, что хорошо кончается.

Спрятав полученные деньги, я обнаружил, что чёрная полоса моего путешествия заканчивается и начинается белая: прямо напротив обменного пункта синела стойка информации. Улыбающаяся из-за неё девушка говорила по-английски весьма неплохо и быстро поняла, чего я хочу, а именно: как можно быстрее, удобнее и дешевле уехать из осакского аэропорта в центр Киото. На мгновение заглянув в справочник, она пропела:

- Отсюда на улицу направо, до остановки 8B, там садитесь на автобус-лимузин и скоро окажетесь в Киото.

- А поездом?

- На автобусе вам будет удобнее.

Я ей поверил. В Японии вас вообще никогда и никто не обманет. А если почему-то не сможет ответить на ваш невинный вопрос, то будет бледнеть, краснеть и извиняться в надежде, что не слишком потерял(а) в ваших глазах своё «лицо».

Итак, мы с рюкзаком вышли на улицу и двинулись лёгкой рысцой направо вдоль стеклянной стены здания аэропорта.

Народу не было никого[9]. Автобусов тоже. Нет, один, правда, был, и стоял он как раз напротив вывески с надписью 8B. Перед открытой дверцей пустого багажного отделения переминался с ноги на ногу пожилой японец в синей форме и фуражке. Английского он не знал, но слово «Киото» понял.

- Киото, хай, - заверил он меня.

Обрадованный столько успешным начинанием, я огляделся в поисках кассы. И с оторопью обнаружил, что билет мне придётся покупать у троицы недружелюбных многокнопочных автоматов, вмонтированных в стену аэропорта. Не знаю почему, но автоматы, которым надо давать за что-нибудь деньги, я терпеть не могу. Даже если на них всё написано по-английски. Да хоть бы и по-русски. А уж тем более, когда все надписи сделаны жучками иероглифов…

---

[9] В чём легко убедиться, если посмотреть самое начало моего фильма на сайте *kyoto-nara-osaka.jimdo.com*

Слева от автоматов я заметил крохотное спасительное окошко. Оказавшаяся за ним радушная девушка живо лопотала на английском, и, по её словам, общение с автоматами мне ничем не грозило.

- До Киото билет стоит 2 500 йен, - сразу уточнила она.

Как показал опыт моего дальнейшего пребывания в Японии, главное знать, сколько стоит предполагаемый переезд. Пункт назначения вы можете искать на экране и кнопках до бесконечности, а вот цены проезда выскочат сразу же, и вам останется только ткнуть на нужный квадратик с заветной цифрой. Цифры здесь для всеобщего удобства написаны по-арабски, хотя местные любят и умеют писать их и иероглифами.

Накормив тучное железное животное тремя тысячными бумажками, я в ответ получил горку мелочи и два билета. Оба билета были на сумму 2 500. Неужели автомат сам себя обманул, подумал я и снова обратился за объяснением к окошку. Оказалось, что нет, всё в полном порядке, просто один из билетов – это билет, а второй билет – это своеобразная квитанция, подтверждающая, что я купил первый билет. Ну, или как-то так. Одним словом, все довольны и меня ждёт порядка ста километров поездки на автобусе-лимузине отсюда до… А докуда, собственно?

Я сверился с простеньким планом-графиком. По нему выходило, что до киотского центрального вокзала (*Kyoto Sta.*) добираться 85 минут. Ещё одна остановка внутри Киото (через 110 минут) называлась *Nijo Sta.*, т.е. станция Нидзё, названная так в честь расположенного рядом с ней одноименного замка. Это было мне ещё удобнее, поскольку оттуда я мог бы попытаться найти мою гостиницу пешком, а от вокзала наверняка придётся брать такси.

Не удивляйтесь моим подобным мыслям. Как-то так получилось, что ориентируюсь я почти безошибочно в любой точке света, пусть даже оказываюсь там впервые. Разумеется, если заранее взгляну на карту. Другое дело, что карты могут врать. Масштабом, например. Поэтому никогда не покупайте карты, например, в Бангкоке – наплачетесь.

Всё ещё прикидывая, как лучше поступить, я вошёл в пустой автобус, и тут выяснилось, что он направляется вовсе не в Киото. Об этом мне деловито сообщил водитель в белых перчатках. Судя по его японскому объяснению, я сделал вывод, что автобус в Киото будет, будет здесь, но будет позже.

Выйдя и присмотревшись к окружающей меня действительности (избегая синего работника в фуражке, который подарил мне ложную надежду на скорый отъезд), я обнаружил мигающее табло с двумя временами – 13:40 и 14:00. Первое то и дело заливалось красным светом, сигнализируя скорое отправление. О чем объявил и обманщик (шучу) в фуражке. Он встал перед открытой дверью заурчавшего автобуса, в которую за всё время, пока я тут кружил, юркнуло не больше двух человек, и негромко, так, чтобы самому было слышно, проговорил какую-то мантру. По узнаваемой фразе *годзай-мас* (пожалуйста), я понял, что он обращается к невидимым пассажирам, приглашая их пройти на посадку.

Автобус закрылся и гордо отъехал, а мы с фуражкой остались ждать ещё 20 минут. Давайте же проведём их с толком и быстренько разберёмся, где мы с вами, в сущности, оказались.

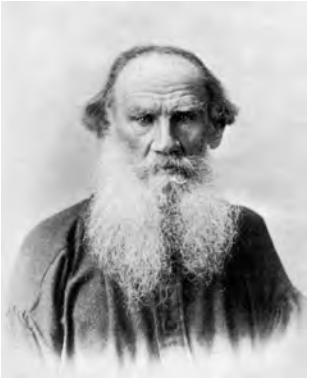
Название страны Япония происходит от китайского её написания -日本. Эти иероглифы (да простят мой дилетантизм китаисты и японисты) означают нечто вроде «рожденная солнцем», что в более красивой интерпретации известно нам сегодня как «Страна восходящего солнца». По-японски эти иероглифы читаются «Ниппон» (более формально и официально) или «Нихон». После реставрации Мэйдзи и вплоть до конца Второй мировой японцы величали свою страну *Дай Ниппон Тэйкоку*, что означало Империя Великой Японии.

Как вы понимаете, «рождённой солнцем», то есть находящейся на востоке, Японию относительно себя назвали именно китайцы. Окажись японцы к тому времени более развитыми, они бы не зацикливались на чужеродных иероглифах (которые составили основу их собственной письменности), а назвали свою страну как-нибудь по-другому. Ну, уж как получилось, так получилось…

Вообще-то до закрепившихся позднее иероглифов 日本 раньше использовался иероглиф 倭, который читался как *Ва*. Так китайцы вплоть до VIII века назвали и жителей Японии и страну. Этимологи до сих пор спорят о смысле такого названия, однако в любом случае для самих японцев оно было довольно оскорбительным, поскольку переводилось либо как «покорные», либо как «коротышки». Неудивительно, что в VIII веке японцы заменили этот иероглиф другим, который читался вроде бы также, но означал «гармонию» и «покой».

Пожалуй, ещё более запутанным, чем вопрос с названием, считается вопрос заселения архипелага. Почему я сказал архипелага? Потому что Япония, если вы не в курсе, состоит из 6 852 островов, главными из которых являются Хонсю (самый большой, на котором мы с вами находимся), Хоккайдо, Кюсю и Сикоку. Протяжённость архипелага с севера на юг не только определила разнообразие климата от почти нашей снежной зимы на Хоккайдо до черноморского лета на островах Окинавы, но и привела к столкновению на этой территории самых разных культур.

С севера, через Курилы и Сахалин сюда пришли *айны*, одна из самых больших тайн Японии (на мой взгляд). Хотя разные учёные светила сделали вывод, что ДНК айнов не совпадает с ДНК европеоидов (вроде нас с вами), если вы посмотрите на старые фотографии их семейств (коих немало в интернете), то обнаружите, что на вас смотрят обычные рязанские мужики и бабки, разве что бороды у первых погуще, да вторые щурятся похитрее. А так – ну просто наши ребята. У айнов были свои собственные традиции, своя культура, свой язык. По последним данным сегодня на нём говорят не то 100, не то вообще 15 человек на всю Японию. Лично мне с ними за обе поездки повстречаться, увы, не довелось, поэтому не буду рассуждать о том, чего не знаю.



Для сравнения – два современника: старейшина айну и Лев Николаевич

Внешне и внутренне айны отличались от другой крупной народности, заселившей Японию, полагаю, с юга, из Китая и Кореи – *ямато*. Сами айны считают, а предания свидетельствуют, что их предки жили здесь «за сотни тысяч лет до прихода Детей Солнца».

От айнов ямато отличались меньшей растительностью на теле и более смуглой кожей. В разных справочниках можно найти объяснение происхождения слова «ямато» вплоть до названия провинции, где они изначально обосновались. Теперь она, кстати, называется провинцией Нара, и мы там ещё обязательно побываем.

На мой дилетантский взгляд, названия передаются в другую сторону: от народа к месту, которое он населяет. Но спорить я ни с кем не собираюсь. Ведь не зря же «наука» объясняет происхождение названия аж двух континентов от имени (внимание, не фамилии, что происходит обычно, а имени) флорентийского путешественника Америго Веспуччи. Который в письмах вообще-то называл себя почему-то Альберико. Гораздо логичнее в этой связи предположить, что Америго – это псевдоним Альберико Веспуччи, узнавшего, как на самом деле местные жители Нового Света называют свою землю[10].

Если поставить рядом китайца, корейца и японца, которые будут молчать, думаю, мы с вами их едва ли отличим. Когда я возвращался из Японии в Китай, китайская стюардесса безошибочно здоровалась со своими соплеменниками словами «ни хау», а со всеми остальными по-английски. Я не выдержал и поинтересовался, действительно ли она так слёта видит разницу. Она снисходительно улыбнулась и сказала, что конечно.

Это я к тому, что в самой Японии мне удавалось отделить китайских туристов от японских тоже весьма просто – по языку. Китайцы, как вы сами наверняка слышали, слова чирикают, играя мелодикой и тональностями, а японцы их худо-бедно произносят. О японском языке разговор нам ещё предстоит, но вот что хочется отметить сразу. Интонации японцев очень напоминают интонации корейцев. Помните сериал «Остаться в живых» (в оригинальной версии – *Lost*)? Там была одна разлучённая корейская чета, и девушка то и дело вспоминала, как познакомилась на родине с будущим мужем. До того я к корейской речи никогда не прислушивался. А здесь чётко уловил знакомые по японским фильмам нотки, когда фраза бежит-бежит однообразным потоком, а под самый конец делает своеобразную горку типа на-на-нА-нааа, как в какой-нибудь

[10] В забавном сериале «Демоны Да Винчи» есть забавная сценка, когда Леонардо с друзьями, в числе которых Америго Веспуччи, приплывают в Новый Свет и шутят, что Америго единственный уцелеет и вернётся домой, а открытую землю назовёт своим именем. И тот, довольный, громко кричит: «Да здравствует Веспуччия!».

нашей фразе вроде «Ах, во-о-от в чем дело!». Не обращали внимание? На досуге обратите. Очень забавно и похоже.

Между тем подрулил следующий автобус, и я на правах местного старожила, почти айна, вошёл в него первым и занял оба передних кресла слева. Потому что водитель, как в Англии, сидел справа. Движение-то левостороннее.

Ровно в 14:00 мы стартовали. Мы – это в данном случае не только я и мой рюкзак, но ещё примерно пять пассажиров-японцев. Водитель взял белыми перчатками эстрадный микрофон, но не запел, а быстро и невнятно что-то долго говорил, видимо, лишний раз оповещая о предстоящем маршруте и убеждаясь в том, что посторонних на борту нет. Все молча согласились ехать в Киото.

О том, почему кое-где в мире – и в Японии в частности - движение левосторонне, я неоднократно размышлял в своём блоге[11]. Кратким итогом поделюсь здесь.

Самураи были правшами (не то, что нынешнее, особенно западноевропейское поколение), поэтому меч-катану носили на левом боку, поскольку так его легче выхватывать, если что. При этом катана считалась вещью священной, прикосновение к ней постороннего приравнивалось к оскорблению хозяина. Даже сегодня понимающие люди никогда не станут, рассматривая меч, трогать его рукой за лезвие, а в ту пору вы должны были быть польщены, если хозяин меча, демонстрируя его вам, хотя бы чуть-чуть высовывал его из ножен. Поэтому, если бы японцы брали пример с нас и ходили по правой стороне дороги, велика была вероятность того, что их мечи могли случайно столкнуться. Во избежание этого они шли по левой стороне и таким образом оказывались друг к другу «невооруженным» боком. Впоследствии эта традиция перекочевала на счастливых обладателей тойот и всяких прочих мицубиси.

Автобус мягко покачивало, с улицы в тихий салон не доносилось даже звуков мотора, и я решил посвятить предстоящие полтора часа отрывочным съёмкам видов за окном и продолжению медитации на тему истории Японии.

Не пугайтесь, я не стану утомлять вас бесконечными именами и датами, перечисление которых заняло бы не одну сотню страниц, а лишь пунктиром обозначу те реперные точки, без знания которых ориентирование в культурном наследии Страны Восходящего

---

[11] На сайте *best-repetitor.jimdo.com*

Солнца (а мы ведь с вами именно за этим сюда добирались, не правда ли?) окажется практически невозможным.

Проще всего разделить историю Японии на три неравноценных этапа: древность, феодализм и современность. Считается, что первое письменное упоминание о ней произошло в китайской «Книге Хань», однако я бы поостерёгся принимать написанное в китайских хрониках (равно как и в библии) за чистую монету. Это примерно то же самое, как говорить о том, что писавшие Новый завет называют «число зверя», т.е. 666, а потом выяснить, что подобное написание цифр появилось в Европе не раньше XI, а в России – не раньше XVIII века. Кому-то это может показаться несущественным, однако, на мой взгляд, говорит явно не в пользу древности Завета. Так и историзм китайских хроник, построенный на регулярности появления кометы Галлея, вызывает большие сомнения. Вы не слышали? Европейские миссионеры-иезуиты, явно помогавшие китайцам сочинять их историю, внедрили в неё в качестве одного из доказательств её безмерной древности постоянные и многочисленные наблюдения летописцами вышеупомянутой кометы. Несколько наблюдений европейские учёные к тому средневековому времени уже провели и были уверены в регулярности появлений этой небесной странницы. Но уже в XX веке астрономы с удивлением обнаружили, что отсутствует не только регулярность: комета оказалась видной почему-то исключительно в южном полушарии. А Китай, как нас с вами учили, находится в полушарии северном. Уместно предположить, что если столь существенные отклонения происходят с кометой сегодня, велика вероятность, что они были и в прошлом. Тогда вопрос: отчего же в китайских хрониках она летает над Поднебесной с завидным постоянством, всегда в одно и то же заранее известное время?

Ну, это я так, к слову, народ позлить. У нас же до сих пор преобладают светлые головы, которые считают, что история – правда, а наука знает всё. Спите дальше, дорогие товарищи… Мы же едем дальше.

Итак, нас с вами должен прежде всего интересовать 710 год, поскольку именно тогда была основана первая столица Японии – Нара, называвшаяся первоначально Хэйдзё-кё или «Столица цитадели мира». Этот славный период сегодня характеризуют не только появлением сильного государства с императорским двором, но и

развитием привезённого из Кореи буддизма, а также вдохновлённой им литературы и архитектуры.

Через 74 года император Канму отдал распоряжение столицу перенести. Почему он это сделал, честные японцы затрудняются сказать. По одной из версий император хотел завладеть более удобными для транспортных нужд речными артериями. По другой – он тем самым убегал из-под влияния буддийских парторгов и придворных, недовольных его происхождением от пришлой иммигрантки (кореянки). Как бы то ни было, столица на 10 лет оказалась в местечке Нагаока-кё, которое существует и поныне где-то между Нарой и Киото.

Родной брат императора, принц Савара, был изначально против переезда. Неудивительно, что когда через год был убит мэр новой столицы, товарищ Танецуго из старинного рода Фудзивара, подозрения пали на него. Принц бежал, но по дороге в другую провинцию, говорят, заморил себя голодом и умер.

В 794 году император решился на очередной переезд. То ли вместо обещанного облегчения транспорта близость рек обернулась постоянными их разливами, то ли эти затопления способствовали усилению разных неприятных болезней вроде оспы (которая за один только период с 735 по 737 год выкосила треть населения Японии), то ли его преследовал дух убиенного брата. Теперь уж и не вспомнишь. Главное, что с этой поры столица прочно закрепилась в городе Киото, тогдашнем Хэйан-кё. Отсюда и название последовавшего за этим исторического периода Хэйан, ознаменованного дальнейшим расцветом литературы и поэзии и продолжавшегося до 1185 года. Достаточно сказать, что слова современного национального гимна Японии – *Кимигайо* – были написаны именно в это время. Поэтому он по праву считается самым древним в мире. Другие достижения этого достославного периода мы с вами чуть позже обязательно увидим и частично пощупаем.

Пора расцвета всего-всего привела к началу феодализма, а тот в свою очередь – к появлению класса воинов, самураев. Период Хэйан благополучно закончился, когда Ёритомо из клана Минамото победил воинов клана Тайра (читайте «Хэйкэ-моногатари», иначе говоря «Повесть о доме Тайра», там все подробности), был возведён в ранг *сёгуна* (главного полководца, а фактически – правителя Японии) и, оставив столицу потерявшему власть императору, перебрался из Киото в Камакуру.

Период Камакуры (1185-1333) в свою очередь ознаменовался появлением в Японии китайской школы дзэн. За это же время сёгунату удалось отбить два десанта монголов, причём судьба независимости Японии оба раза висела на волоске, и неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не *камикадзе*. Только не в виде лётчиков-смертников Второй мировой, а в виде сильнейших бурь, которые и были названы «божественными ветрами», т.е. камикадзе. Правда, я как-то с трудом представляю себе монголов на тех огромных кораблях, которые им приписывают. Это примерно то же, что наивно верить в монгольское нашествие на Русь, приведшее в действительности к буйному расцвету христианства и строительству церквей…

Камикадзе, однако, не помогли сёгунату в борьбе с внутренним врагом – императором. Воспользовавшись накопившимися проблемами с землевладением и землевладельцами, император Го-Дайго на три года расправился с сёгунатом, однако те же самые причины не позволили ему развить успех, и дело кончилось тем, что к власти пришёл новый сёгун – Асикага Такаудзи. А как известно, новая метла по-новому метёт. Вот и Асикага взял да и перебазировался из Камакуры в Муромати. Так начался период… ну, разумеется, период Муромати, продлившийся аж до 1573 года.

Сёгунат Асикага тоже оказался не без слабинки. Он не смог справиться сам с собой, и начались распри между отдельными полководцами-феодалами, которых в тогдашней Японии называли *даймё*. Разразилась гражданская война, называемая в истории и «смутой годов Онин» и «эпохой воюющих провинций». Обо всём этом вышло множество умных книжек и фильмов, так что при желании вы сами можете узнать все подробности.

Когда организм слабеет, в него сразу же проникают инородные тела – бактерии. В Японии XVI века такой заразой оказались иезуиты (постойте, где-то мы только что их вспоминали, ах, да в связи с Китаем и его историей!) из Португалии, прикрывавшиеся желанием наладить торговлю замкнутых в себе островов с Западом. Этим воспользовался предприимчивый даймё по имени Ода Нобунага, который прикупил у европейцев огнестрельное оружие и показал остальным самураям кузькину мать. Теперь говорят, что он очень хотел объединить Японию. Однако в японских компьютерных играх Нобунага обычно предстаёт в роли огнедышащего воплощения дьявола на земле.

В 1582 году Нобунага был убит, а его место занял Тоётоми Хидэёси, вошедший в историю как полководец, наконец-то покончивший с гражданской войной. На радостях, что дома теперь всё спокойно, он сам полез в Корею, причём сделал это дважды и в итоге поплатился головой. Два года после этого от имени его маленького сына Японией правил Токугава Иэясу (тот самый, что ввёл в стране денежную систему). Другие полководцы возмутились такой несправедливостью, но в 1600 году в знаменитой битве при Секигахара все недовольные были разбиты, и в 1603 году Токугава Иэясу сделался законным сёгуном. Свою столицу он незамедлительно перенёс в Эдо, нынешний Токио.

Сёгунат рода Токугава продолжался до 1868 года. Наученный ошибками своих легкомысленных предшественников, сёгун не преминул ввести политику *сакоку* (закрытой страны). Европейцев прогнали, оставив только горстку голландцев, через которых правящий двор получал последние сведения о научных достижениях в окружающем мире.

Капитан Мэтью Перри глазами японцев и «в оригинале»

В 1844 году Вильгельм II Нидерландский попытался было заставить японцев открыться для торговли, однако сёгунат оставался верен себе, и крики Вильгельма проигнорировал. И только когда 8 июля 1853 года к берегам Японии в районе Эдо подошли на всём пару боевые американские корабли «Миссисипи», «Плимут», «Саратога» и «Сасквеганна» под руководством командующего этой бравой эскадрой капитана Мэтью Перри, стены изоляции дрогнули, а меньше чем через год был подписан соответствующий договор,

Канагавская конвенция. Которая, разумеется, привела к очередной кровопролитной гражданской войне между сторонниками клана Токугавы и поборниками власти императорского двора. На стороне которой теперь был и Запад с его огнестрельным оружием и деньгами.

Сегодня реставрация Мэйдзи (т.е. возвращение к власти императора) романтизируется и подаётся как «бескровная революция», однако по официальной статистике из 120 000 сражавшихся с обеих сторон 3 500 все-таки сложили свои отчаянные головы. Конечно, не Варфоломеевская ночь, которая за раз унесла 50 000 жизней, но чуть меньше, чем за всё своё многолетнее царствование истребил Иван Грозный, которого потомки «варфоломеевцев» величают не иначе как «Ужасным».

Покончив с самураями, несколько столетий державшими страну в мире и относительном покое, новое японское правительство вернулось к имперским амбициям. Победив в китайско-японской и в русско-японской войнах, возрождённая империя завладела Тайванем, Кореей и южной половиной Сахалина. При этом население страны выросло с 35 миллионов в 1873 году до 70 в 1935. В 1931 году японцы заняли Манчжурию, в 1937 отважились на вторую китайскую кампанию, а ещё через три года захватили Французскую Индонезию. Чем эти выходки закончились, все мы знаем: русские выбили японцев из Манчжурии, американцы уронили несколько не слишком мирных атомов, и 15 апреля 1945 года империя сдалась.

Без войны японцам всегда жилось лучше. Даже чем некоторым победителям. До 2010 года Япония уверенно держала второе место в мире по размерам экономики, уступив его растущему (что довольно странно, потому что в массе народ там по-прежнему нищ) Китаю.

Между тем страна третьей в мире экономики была сейчас вокруг меня, и я не мог не отметить, что первое впечатление она производила довольно удручающее. Однотипные кубики утлых домишек, сетки заборов, за которыми тянули вверх трубы какие-то мелкие заводики, длинные шеи кранов – одним словом сугубо промышленный пейзаж.

Аэропорт «Кэнсай» расположен на воде. От суши его отделяет мост, напоминающий автостраду, по которой вы добираетесь до материка из той же Венеции. Осака встречает вас высоченным столбом гостиницы, по прихоти архитектора переломленной при-

мерно на половине, как сдвинутая локтём башенка из детских кубиков. Слева и справа порт, впереди – обычный с точки зрения современного москвича город.

Эту грусть и скуку я тут напускаю специально, чтобы вы опять же не питали больших надежд, оказавшись в Японии, сразу почувствовать себя в «стране будущего». С другой стороны, мне бы не хотелось, чтобы вы, выглянув в окно, удивлённо вздохнули: «И это Япония?». Я ведь предупреждал в самом начале: никаких ожиданий. Любая страна открывается не сразу, а первое впечатление часто бывает обманчивым.

На что вы точно обратите внимание, так это на дороги, вернее, на их постоянное переплетение. Почти весь стокилометровый путь вы проделаете на высоте. Дома и улицы окажутся где-то под вами. При этом вас будут то и дело обгонять выныривающие откуда-то снизу автобусы, над вами будут проноситься, сверкая белоснежными боками курносые легковушки, вы будете скатываться по узким желобам в разряжённый поток машин и снова терять его где-то за очередным поворотом. Кое-где вас будут поджидать залитые ровным светом тоннели. И всё это будет происходить в постоянной тишине.

На пути до Киото нас ждала единственная остановка на какой-то невзрачной площадке, где автобус покинуло двое. При этом автобус нигде не разворачивался и не подавал задом, как то обычно бывает: просто заехал с одного конца, выехал с другого. Продумано, отметил я про себя.

«Кэнсай», Осака, Киото – всё это единый мегаполис. В Японии вас часто будет посещать ощущение, будто вы никуда из городской черты не выезжаете. Попробуйте разнять Токио и Йокогаму. Не получится. Так же и здесь. О том, что мы в Киото я понял лишь по часам на потолке да по белому веретену обзорной башни Киото-тава, которую совершенно не помнил по прошлому сюда приезду.

Зато я очень хорошо помнил вокзал, рядом с которым тогда находилась наша с Алиной гостиница и на задах которого сейчас притормаживал в последний раз мой автобус. Часы над водителем тем временем показывали 3:25. Прошло ровно обещанных 85 минут.

Забыл вам сказать, что всю дорогу нас провожали нехорошие тучи, грозившие в любой момент пролиться дождём или даже ливнем. Так что единственное, о чём я вспоминал с сожалением, так это об оставленном в чемодане зонте.

Когда я вышел из автобуса и вдохнул свежий осенний воздух Киото, выглянуло солнце. Новые города часто встречают меня прекрасной погодой, которая потом застревает в памяти, что бы дальше ни происходило. С солнцем у меня ассоциируется и декабрьский Лондон, и ноябрьская Венеция.

- Где у вас тут такси? – поинтересовался я у двух коренастых мужичков в форме, похожих на полицейских. Пёстрая очередь в не подошедший ещё маршрутный автобус взирала на меня с интересом.

Оказалось, что такси спрятались тут же, за углом магазина.

Имейте в виду, что когда вы подходите к такси или когда такси останавливается по вашему запросу, задняя дверь распахивается автоматически. Всегда. Поэтому не хватайтесь за неё и не пугайтесь.

Не выбирая, я просунул голову в первый же салон. Внутри японское такси напоминает нашу деревенскую горницу – все в белых салфеточках, кружавчиках и рюшечках.

- Отель «Хеартон», - максимально по-японски сообщил я оглянувшемуся широколицему водителю и сразу же протянул ему свой гостиничный ваучер.

По тому, как внимательно мой новый знакомый рассматривал листок бумаги, я с грустью понял, что читать по-английски он не умеет. Тогда я попросил листок обратно и прочитал адрес вслух:

- Хигасинотоин-дори, Оикэ-агару, Накагъё-кю.

Водитель одобрительно хрюкнул и тронулся с места, однако в его затылке по-прежнему чувствовалась неуверенность.

В Японии, как и в России, адреса пишутся в порядке уменьшения. В отличие от европейского мира, где сперва идёт номер квартиры, потом дома, а потом всё остальное в увеличивающемся масштабе.

Если вы собираетесь отправить кому-нибудь в Японию письмо и хотите, чтобы оно дошло, то сперва пишите название *префектуры*. Обычно они называются *кен*, но в Токио это – *то*, на острове Хоккайдо – *до*, а в Осаке и Киото – *фу*. В моём адресе, как вы поняли, префектура указана не была.

Далее идёт указание на *муниципалитет*. Как правило, он приравнивается к городу, району или деревне и обозначается словом *кю*. О, это уже в моём ваучере значилось! То есть гостиница находилась в районе Накагъё.

Районы в Японии делятся на разные подрайоны, которые могут называться и *тё*, и *мати*, и *оаза*, и *коаза*.

Наконец, последними указываются район города – *тёмэ*, квартал – *бан*, и номер дома – *го*.

Ничего подобного в моём адресе не наблюдалось. Почему? Потому что в Киото система районов настолько запутана, что здесь и только здесь работает неофициальная система. Которая на поверку оказывается проще и удобнее официальной.

В Японии не принято указывать в почтовых адресах название улиц. Многие улицы их не имеют вовсе. Кроме того, регистрация домов, то есть присвоение им порядковых номеров идёт не по нашему принципу, когда можно даже понять, на какой стороне, чётной или нечётной, вам следует искать нужный дом, а по временному: домам присваиваются номера по мере застройки города. Чем старше дом, тем меньше цифра. Поэтому если ваш японский друг захочет пригласить вас к себе в токийскую квартиру, он, скорее всего, скажет нечто вроде:

- На пересечении Тюо-дори и Мацуя-дори, через дорогу напротив станции метро Гинза.

Привязка к метро, которого во всех японских крупных городах много, вообще показалась мне общепринятой практикой. Именно по ним вас будут ориентировать в гостиницах и магазинах, если вы спросите на ресепшн, как куда добраться.

А что же в Киото? Послушайте теперь меня внимательно.

Сначала называется улица, на которой собственно и находится дом. В моём случае это была Хигасинотоин-дори. Затем называется та улица, с которой первая перекрещивается в ближайшей к дому точке. В Киото это довольно просто определить, поскольку, в отличие от безумной Москвы и прочих бессмысленно разрастающихся во все стороны городов, бывшая столица Японии застраивалась ровной сеточкой улиц. Итак, ближайшее к моей гостинице пересечение проходило через улицу Оикэ.

Теперь самое интересное.

Если смотреть на Киото сверху, то мы увидим, что с севера, запада и востока город, как П-образной подковой, прикрыт горами. В результате он стоит как бы на пологом склоне, с севера на юг. Поэтому все, что находится в Киото севернее, называется *агару* (выше), а всё, что южнее – *сагару* (ниже).

Иными словами, чтобы определить местоположение моей гостиницы на карте, нужно было найти улицу Оикэ (которая явно шла горизонтально), потом найти вертикально пересекавшую её улицу Хигасинотоин и дальше искать среди домов, расположенных выше этого перекрёстка. Забавно? Не очень, особенно после суток в двух самолётах, двух поездах и автобусе. А теперь ещё и такси, которое куда-то едет, но почти на авось…

Помогло везенье.

Пока мы объезжали импозантные стеклянные формы огромного вокзала, называемого некоторыми туристами Воротами в Киото, я продолжал снимать происходящее за окном на камеру и иногда комментировал происходящее. Таксист, вероятно, внимательно прислушивался (ибо в салоне, кроме моего голоса, опять-таки никаких иных шумов не было), и когда я сказал фразу типа «И вот теперь мы ищем мою гостиницу, которая называется не то Хеартон, не то Хартон», он меня радостно прервал:

- Хартон! Хартон! Хотэру (хотэл, отель) Хартон!

Оказалось, что я перестарался и читал название по буквам, чтобы было понятнее, а надо был читать почему-то по-английски: *Hearton* = Хартон, от слова «сердце».

Поняв, куда ехать, и избежав позора перед иностранцем, мой возничий надавил на газ и оказался разговорчивым. Причём, разумеется, делал он это не по-английски. Тут я допустил очередную ошибку и сообщил ему, что, мол, *нихонго га вакаримасэн*, т.е. не говорю по-японски. Представьте, что вам какой-нибудь негр или китаец без запинки выдаёт «к сожалению, я не говорю по-русски». Что вы делаете? Конечно, начинаете говорить с ним ещё быстрее и неразборчивее, не обращая внимания на смысл сказанного. То же случилось и со мной. Пришлось снова браться за камеру и нарочито отвлекаться от «беседы».

Когда мы свернули на улицу Карасума, один из центральных проспектов Киото, по которому многократно гуляли с Алиной в прошлый раз, водитель поинтересовался, откуда я.

- Руссия, - сказал я так, чтобы ему было понятнее.

- А, Горбачёв! - причмокнул на автомате мой собеседник.

- Путин, - заговорчески поправил я.

Водитель рассмеялся, потом, подумав, добавил:

- Чернобыль.

- Фукусима, - был ему мой ответ.

Так мы ехали через высыхающий после недавнего дождя солнечный Киото, вокруг зеленели сады, туда-сюда шныряли велосипедисты, попискивали светофоры на перекрёстках, и я думал о том, что мои приключения в далёкой стране только начинаются.

Гостиницу я выбирал сам. Агентство присылало мне варианты, я вбивал названия в поисковик и прикидывал, насколько то или иное местоположение мне удобно. Как говорится, нет худа без добра, потому что когда выяснилось, что я еду один, и номера нужно перебронировать на одноместные, оказалась, что японская фирма, делавшая предварительную бронь, не уполномочена высылать приглашения. Была найдена другая фирма, а вместе с ней всплыли и другие отели.

«Хартон» я выбрал по нескольким критериям: почти центр города в непосредственной близости от Императорского парка и уже упоминавшегося замка Нидзё, умеренная цена – порядка 100 долларов за ночь – и возможность взять напрокат велосипед, причём бесплатно. Если вы в Азии, тем более в Японии, «звёздность» гостиниц не должна вас волновать – здесь всегда будет скромно, чисто и удобно. А платить за одно и то же 100 долларов или 500 – это сугубо ваше личное дело. Что до меня, то я живал и в ужасных пятизвёздочных отелях в Париже, и в отличных трехзвёздных в Бангкоке, так что давно предпочитаю ориентироваться не на рейтинги, а на свой непритязательный вкус и интуицию. Чего и вам искренне желаю.

- Нам вон туда, - указал я в проулок, когда за окном мелькнула английская надпись *Oike*, а наша машина стала переезжать широкий проспект.

Таксист извинился и стал по-японски объяснять, что приходится давать небольшие круголя, поскольку с этой стороны заезда на мою улицу нет. Я не спорил. Я был слишком доволен тем, что начинаю чувствовать себя в Киото не посторонним.

И стал наблюдать за счётчиком.

Когда я садился, на нём светилась цифра 640. Потом она довольно долго не менялась, потом ожила, стала набирать обороты, и в итоге десятиминутной поездки уже показывала 1 300 с копейками.

А объясняется это на самом деле просто. Первоначальная (она же «посадочная», она же «минимальная») цена действует первые два километра. Два километра ничего не происходит, даже если вы стоите на светофоре, поскольку считается не время, а исключи-

тельно метраж. Только после двух километров начинают тикать копейки. Тоже по метражу, а не по времени. Километр обойдётся вам примерно в два с полтиной доллара. Исходные цифры в разных городах разные, но принцип один – лично проверял в Осаке, где мы трогались с 660 йен.

Надеюсь, вас не успело укачать? Всё, осталось совсем немного, уже делаем поворот направо, съезжаем в узенький проулок, почти касаясь фонарных столбов, ещё раз направо, последняя сотня-другая метров, такси останавливается, и дверца снова автоматически распахивается.

Пока я расплачиваюсь с водителем, примите к сведению как аксиому и даже не думайте проверять: в Японии не принято брать чаевые. Я подчёркиваю – брать. Потому что дать вы запросто можете. Но вас просто не поймут. И вернут всё до копейки, то есть до йены. Это касается и магазинов, и такси, и ресторанов – всего-всего вообще. Сам не пробовал, но если вы оставите чаевые под салфеткой и выйдете на улицу, подозреваю, что вскоре вас нагонит запыхавшийся официант и с низким поклоном и кучей извинений всучит обратно ваши кровные, «забытые» в его заведении. Так что смотрите, не переусердствуйте.

Ну, а мне пора благоустраиваться в гостинице и как-то продуктивно дотягивать до ночи, чтобы не превращать ни этот день, ни грядущий в акклиматизационную кашу. Приглашаю разделить со мной эти приятные трудности в следующей главе.

***Глава III**, из которой вы узнаете, как перевести биологические часы на полдня вперёд и при этом не заработать бессонницу, а также об истории Киото, о гейшах, о японском кинематографе, магазинах и продавцах, жемчуге, самодельных фуросики и японском чае*

О пропаже моего чемодана в гостинице уже знали.

За стойкой ресепшн суетилось трое или четверо сотрудников, все они неплохо говорили по-английски, обслуживали быстро и лишних вопросов не задавали. Зато их задавал я.

Во-первых, я зачем-то попросил, чтобы мой номер был как можно выше. Признаться, я хотел иметь возможность обозревать город с высоты. Ну, люблю я это дело. Особенно мне нравилась моя гостиница в Кейптауне, где окно было во всю стену, а жил я этаже на двадцатом, так что утром и вечером имел возможность обозревать с высоты птичьего полёта все красоты африканского города и Столовой горы с совершенно плоской вершиной. Забегая вперёд, скажу, что в данном случае я допустил ошибку. Мало того, что из киотского номера окно выходило во двор, где стояли такие же высокие дома, за которыми ничего видно не было. Всякий раз, когда мне нужно было спуститься с моего девятого этажа вниз, особенно по утрам, лифт делал по нескольку остановок, подбирая новых пассажиров. Если я когда-нибудь, лет через двадцать, остановлюсь в этой гостинице с женой, детьми и внуками ещё раз, то попрошу разместить нас на первом же этаже.

Во-вторых, я уточнил, где и когда проходит завтрак. Оказалось, что прямо тут же, напротив ресепшена, за импровизированной оградой. Начинается в 7:00, заканчивается в 10:00. Как в большинстве гостиниц всего мира. При этом обслуживавший меня юноша вручил мне вместе с ключом – пластиковой карточкой с номером 903 в аккуратном конверте – ровно восемь купонов с иероглифами и наказал их бережно хранить, а утром предъявлять по одному при входе в ресторан. Если я их потеряю, меня кормить никто не будет. Очень строго.

В-третьих, я поинтересовался насчёт проката велосипеда. Для меня велосипед с детства является любимым средством передвижения. Одних только своровавных у меня велосипедов хватило бы на

то, чтобы открыть маленький магазин. Когда я в студенческую пору много времени проводил в Дании, у меня там всегда находились друзья, которые на весь мой срок пребывания изыскивали какое-нибудь двухколёсное чудо, чтобы я мог перемещаться по этой маленькой и уютной стране, не тратя лишнего времени и денег. Надо сказать, что наличие подобной возможности – верный способ увидеть окружающий мир по-другому. Конечно, нужно стараться ходить в новых городах пешком. И избегать машин или метро, потому что тогда у вас не сложится целостной картины. Велосипед достойно занимает промежуточное положение, потому что скорее напоминает быструю ходьбу, нежели медленную езду. Вы одновременно и замечаете всё происходящее, и не устаёте от монотонности ходьбы, и покрываете значительные расстояния. Но подробнее об этом чуть позже, а пока я узнал от своего собеседника, что велосипед в моём распоряжении обязательно будет, но не сегодня и не завтра, а послезавтра, когда освободится. Объяснялось это просто: количество велосипедов у гостиницы было ограничено, а отданные постояльцам вроде меня, они закреплялись за ними на весь период пребывания. Когда я дождался своей очереди, это оказалось весьма удобно, поскольку я лишь сдавал ключ от замка по приезде и потом забирал там же на ресепшн, но данный конкретный велосипед был моим до конца, и я всегда мог им воспользоваться. Только я и никто другой.

Наконец, я попросил портье дать мне какую-нибудь карту Киото. Хорошая карта, как вы понимаете, гораздо важнее того же велосипеда. Готовясь к этой поездке, я предусмотрительно закачал на планшет несколько местных карт, однако все они вызывали во мне лёгкую оторопь. Поскольку больше походили не на карты, а на планы местности, что, согласитесь, не одно и то же, да к тому же были вдоль и поперёк изъедены жучками иероглифов. Попробуйте сами найти карты Киото в интернете, и сразу поймёте, что я имею в виду.

Не в качестве рекламы замечу, что с некоторых пор в каждое путешествие беру с собой путеводители «Дорлинг Киндерсли», которые отличаются не только высокой ценой, но и тем, что действительно очень наглядно *показывают* достопримечательности, причём в трёхмерной проекции, а не просто рассказывают о них по примитивным фотографиям. Раньше, когда они у нас не издавались, я покупал их в английском оригинале где только мог, и был счаст-

лив. Но даже в японском томике карта Киото оказалась слишком поверхностной и примитивной, не давая внятного представления о том городе, который запомнился мне по первому знакомству как огромный и весьма запутанный.

Портье услужливо порылся в своих ящичках и протянул мне многократно плотно сложенную брошюру, которая оказалась именно тем, чего мне так не хватало. Сейчас она лежит передо мной, изрядно помятая и потрёпанная, но живая и безмерно любимая. Потому что в ней, бережно развернув, я обнаружил подробнейшую картину улиц, японских обозначений с обязательными английскими подписями и все крупные и мелкие достопримечательности с точной привязкой к местности. Всё это можно было увидеть на одном листе, охватить одним взглядом, сопоставить расстояния, разработать маршрут. Впоследствии я получал в разных местах разные карты Киото, но лучше той первой так и не обрёл.

Лифт разговаривал приятным женским голосом.

В Японии, кстати, женщины не только не утратили своей женственности в отличие от заражённого феминизмом Запада, но эту женственность там, можно сказать, эксплуатируют, доводя до крайности. На мой вкус, конечно. Но это, на самом деле, просто дань традиции. Дело в том, что манера говорить для японца крайне важна. Через речь он проявляет свой характер. Поэтому в кино (в большей степени) и в жизни (в чуть меньшей) мужчины стараются показать свою мужественность и говорят резко, грубо и громко. Женщины, наоборот, максимально сюсюкают. Пройдите по какому-нибудь японскому универмагу, и у вас быстро сложится впечатление, что вы оказались в детском саду, где сплошь крохотные покорные девочки-гейши, пискляво притягивающие к себе ваше внимание извечной просьбой «Ирассаимасэ!» (Добро пожаловать).

Подобными голосами в Японии с вами разговаривают не только школьницы и продавщицы, но также двери автобусов и поездов, путеводные GPS, всевозможные службы информации и лифты. Думаю, не избежали сей участи и знаменитые японские унитазы, однако в тех номерах, где я жил, эти чудеса техники при всём обилии компьютерной начинки динамиками не обладали, а специально я подтверждения своему предположению не искал.

Номер оказался вполне пригожим для недельного постоя, правда, чуть меньше, чем я предполагал. Во всяком случае, к занаве-

шенному тяжелой портьерой окну я добрался через кровать. Вид из него, как вы уже поняли, меня не вдохновил, и впоследствии я занавески больше не трогал. Разве что когда открывал створку, а она пропускала внутрь свежий японский воздух утром, вечером и ночью. Охотно изменив своим привычкам, я зато не притронулся к кондиционеру.

Если вы решили последовать за мной буквально, спешу сообщить, что двухместные номера, которые я видел распахнутыми уборщицами по утрам, когда уходил на очередную прогулку, выглядели весьма просторными и комфортными. Я же довольствовался тем, что есть, то есть малым.

Слегка напрягало отсутствие полноценного шкафа, заменённого вешалкой в стенном проёме, но пока у меня не было чемодана с вещами, я этого почти не заметил.

Белый махровый халат прилагался, крохотные тапочки тоже. Мой 46-й размер, предусмотрительно захваченный из дома, был сейчас где-то в Пекине.

В ванной меня в аккуратном строю ждали все необходимые туалетные принадлежности, среди которых я, увы, только на следующее утро заметил тюбик с пастой и зубную щётку, а потому вечером потратился на новые, о чём, разумеется, до сих пор не жалею. Особенно меня порадовали огромные банки с тремя видами шампуня, который в Европе, как вы знаете, выдаётся в виде неудобных одноразовых пакетиков, гораздо более пригодных для кетчупа и горчицы.

Телевизор я не смотрю уже несколько лет, но здесь он тоже был, поставленный на довольно громоздкую железную коробку с кнопками и прорезью, которая, как я понял позже, служила для отъёма звонкой мелочи для просмотра платных каналов. Поскольку их я бы стал смотреть лишь в том случае, если бы за это платили мне, моё внимание переключилось на другие достоинства номера.

К которому относилась, в частности, маленькая плитка с одной электрической конфоркой; на неё можно было ставить небольшую железную кружку и таким образом кипятить себе воду для чая. Кофе я с тех пор, как из меня вынули камни, не пью, но его и не было. Для чаепития предназначалась маленькая пиалушка, палочка для помешивания, какие обычно втыкают в коктейли, и три пакетика собственно чая. Ну что, сразу рассказать, что в них было на самом деле или дождёмся вечера? Ладно, всему своё время, потерпите.

Душ подействовал освежающе, но вот одеваться пришлось в то же, в чём я приехал. Увы, номер, как водится, не был предназначен для стирки и быстрой сушки, так что я решил сегодня же раскошелиться на какую-нибудь дополнительную одежду, чтобы весь завтрашний день провести, не думая о чемодане.

Когда я, повеселевший, взбодрившийся и почти уверенный в том, где нахожусь, вышел из гостиницы на улицу, меня встретило солнце, безоблачное небо и свежий ветерок. Думаю, в номере я провёл в общей сложности не больше получаса.

Про Японию в целом мы с вами уже успели поговорить, пока ехали в автобусе. Теперь, пожалуй, самое время, так же в общих чертах коснуться непосредственно Киото.

Тысячу лет назад он назывался просто *Кё*, точнее *Кио*, или Мияко, или даже Кио-но-Мияко. В XI веке за основу были взяты китайские иероглифы 京都, означавшие «столичный город». По-китайски они читались *джиньг-ду*, а по-японски *кио-то.* Не правда ли, не нужно много ума, чтобы столицу назвать «столицей». С тем же смыслом в средневековье Киото ещё называли Кэйси.

Думаю, вы уже проделали мысленно некоторую перестановку слогов и обнаружили, что из слова Кио-то очень легко получается современная столица – То-кио. Ох уж эти японцы-затейники!

Тем не менее, Токио на самом деле переводится как «Восточная столица». После реставрации Мэйдзи Киото в этой связи называли некоторое время Сайкио – «Западная столица».

Вероятно, всем вам приходилось слышать о китайской системе *фэншуй* – учении о взаимодействии человека, его жилья и окружающего мира путём привлечения жизненно важной энергии *ци*. На досуге почитайте что-нибудь, поскольку хоть тема и китайская, но толковая. Предполагаю, правда, что основа у неё совершенно другая, быть может, даже наша славянская, ну да не в том дело. А в том, что умные японцы при постройке Киото, точнее Хэйан-кё, придерживались именно энергетических принципов. За основу они взяли древнюю китайскую столицу Чанъяань. Так императорский дворец был возведён фасадом на юг, отчего правый сектор города (У-кио) фактически оказался на западе, а левый (Са-кио) – на востоке.

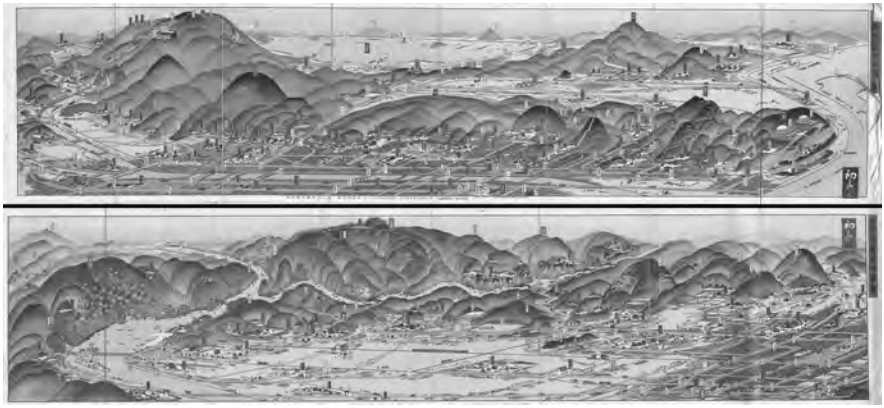
В XV веке войны Онин, о которых мы уже говорили выше, повлияли на внешний облик города не лучшим образом. Кто мог себе это позволить, превращал свои особняки в крепости, выкапывая

рвы и возводя укрепления. Дома же тех, кто такими средствами не обладал, горели в постоянных пожарах.

Придя к власти, Тоётоми Хидэёси подлатал Киото по своему усмотрению. Он распорядился удвоить количество улиц, шедших с севера на юг, и тем самым квадратные раньше кварталы стали отныне прямоугольными. Он же обнёс центр земляной стеной, *Одои*. Киото стал одним из трёх самых процветающих городов Японии наряду с Осакой и Эдо.

Перед возвращением к власти императорского семейства в 1864 году Киото охватила волна восстаний возмущённых граждан, что привело к новым пожарам. Говорят, сгорело порядка 28 000 домов. Последовавший за этим переезд императора в Токио тоже отрицательно сказался на местной экономике.

Жизнь в Киото вернула идея постройки канала от самого крупного в стране пресноводного озера Бива. По каналу можно было бы переправлять не только воду, но также грузы и пассажиров. Кроме того, с 1895 года этот канал стал, можно сказать, местной ГЭС, снабжая Киото столь необходимым (как нас заставляют думать) электричеством. Часть канала составляет ярко-красный кирпичный акведук, который мы увидим, когда пойдём гулять по лесу после посещения храма Нандзэн-дзи. Только напомните мне, хорошо?



Виды Киото на литографиях 1928 года

К 1932 году население Киото перевалило за миллион. Причём, живя в столь исторической атмосфере, проникнутой древней культурой, население это чуть было не пострадало за свою интеллекту-

альность и интеллигентность. Добрые американцы на полном серьёзе вынашивали планы сбросить на Киото одну из атомных бомб, поскольку жители Киото в силу своей природы «могли лучше других осознать важность такого оружия». Каким-то чудом в итоге Киото было заменено на Нагасаки. Заодно обошли город и обычные массовые бомбардировки, так что именно здесь ещё уцелели дома довоенной постройки (даже деревянные), которые мы с вами обязательно должны увидеть уже потому, что в других местах Японии их просто не осталось.

Окружённый с трех сторон горами, Киото лежит в долине, под которой залегает огромный бассейн стекающей с гор чистейшей воды. Происходит это на высоте порядка 1 000 метров над уровнем моря, поэтому лето тут обычно жаркое, а зимы холодные.

Киото пересекают три реки: *Удзи-гава* на юге, *Кацура-гава* на западе и моя любимая *Камо-гава* на востоке. Слово «гава» лучше опускать, потому что оно как раз и значит «река». Это всё равно, что гору Фудзи называть по глупой традиции Фудзи-яма, что буквально будет звучать как «гора Фудзи-гора».

Благодаря чистоте воды в Японии вообще и в Киото в частности, здесь варят самое вкусное пиво. Поверьте мне, пробовавшему этот напиток почти профессионально и в Германии, и в Англии, и в Ирландии.

К сожалению, современная урбанизация приводит к тому, что многочисленные колодцы и источники начинают на глазах мелеть. Так что спешите, пока Киото окончательно не утратило своего природного шарма, особенно осеннего.

Что касается населения Киото сегодня, то его там полтора миллиона. Это почти в 10 раз меньше, чем в Москве. Зато если Москва занимает по официальным данным 2 522 км², то Киото – 828 км². Получается, что плотность населения там почти в 4 раза меньше, нежели в Первопрестольной. И это, надо сказать, приятное ощущение.

Которое открылось мне сразу же, как только я, свернув из-под гостиничного козырька направо, и миновав современный гараж, где через открытые ворота были видны стоящие в два яруса белые автомобили, вышел к той самой улице Оикэ, которая на поверку оказалась весьма широким и оживлённым (только опять-таки не по московским меркам) проспектом.

Угловой дом был опрятным, но деревянным, полутораэтажным и старым. Поскольку я никуда не спешил (ещё одно блаженное чувство для путешественника), за приоткрытой створкой двери мне открылась живописная картина. Три смеющиеся старушки наряжали высокую белолицую *майко* в лилово-чёрное кимоно с белыми и золотыми лебедями. Представили себе? А теперь по порядку.

Майко в Киото называют учениц *гейш*. Правда, гордые киотские гейши предпочитают другое самоназвание – *гейко*, т.е. «дитя искусства».

Высокой увиденная мною девушка была потому, что старушки уже успели водрузить её на *гэта* – деревянные башмаки-шлёпанцы с узкими перекладинами на подошве. Лет четыреста назад строгая придворная мода требовала ношения гэта 30-сантиметровой высоты. Подобные «туфли» я видел ещё только в одном месте в мире – в музее Венеции, но там их высота определялась практической необходимостью – хождением по ежедневно затапливаемой площади Сан-Марко «не замочив ног». Вообще же система шлёпанцев в Японии тоже весьма практична, поскольку их удобно снимать и надевать, не наклоняясь, а делать это приходится всякий раз, когда входишь в любое жилое помещение или храм. Сам я проделал эту процедуру за всю поездку раз двадцать, если не больше.

Белолицей девушка была потому, что таковой её делал толстый слой специальной пудры. Белое лицо и алые губы до сих пор считаются в Японии классическим эталоном красоты. Белил избегает обычно только верхняя часть шеи, которая считается сексуальной.

Впоследствии, сколько я ни проходил мимо, створка входа оставалась задвинутой, а потому я не могу вам сообщить, что же это на самом деле был за дом.

Проспект Оикэ-дори, по которому я теперь шагал на восток, примечателен тем, что весь выложен светло-серым и тёмно-серым кафелем, чем напоминает одновременно шашечные полы масонских соборов (коих в мире большинство) и кухни или ванные комнаты в наших с вами домах. Как я потом убедился, в Киото это единственная мощёная таким образом улица, так что находить по ней поворот к моей гостинице даже в позднее время суток было одним удовольствием.

Определённой цели моя нынешняя прогулка не имела. Я просто знал, что, во-первых, не должен терять времени, во-вторых, засыпать слишком рано, хотя бессонная дорога сказывалась на ясности

мыслей, и, в-третьих, не простаивать же моим двум Сонькам – фото- и видео-камерам, в коем-то веке вернувшимся на историческую родину. По секрету скажу, что на своём веку я испытал в дороге не одну марку подобной техники, начиная всякими канувшими нынче в Лету «минольтами» и заканчивая «джи-ви-си», однако наилучшие результаты[12] в итоге получил именно благодаря Соньке, на которой и остановил свой придирчивый выбор.

Пешеходов вокруг было немного. Оикэ-дори не относится к числу улиц для шопинга, хотя магазины по левую от меня руку были в первых этажах каждого дома: мебельные, продовольственные, аптеки и т.п. Как я обнаружил почти накануне отъезда, основное средоточие магазинов, целый шопинг-городок находился в этот момент буквально под моими ногами, под землёй. А в тот вечер я ни в какие подземные переходы, отмеченные стеклянными будочками, не спускался, и только замечал, что все они украшены невыразительной вишнёвой надписью *Zest*.

Обращали на себя внимание велосипедисты. Они ехали прямо по тротуару, демонстрируя неспешный слалом между пешеходами, мальчики и девочки, дяди и тёти, старички и старушки. Преобладала, конечно, молодёжь. Ничего, думал я, скоро и я вольюсь в ваши колёсные ряды.

Для велосипедистов по внешнему краю тротуара была очерчена краской специальная дорожка, однако далеко не все следовали этой разметке и предпочитали ехать, где придётся. Зато почтительно замирали на постоянных светофорах в ожидании гостеприимного чириканья.

Улочки, с которыми пересекалась Оикэ-дори, выглядели типичными для Киото. Узенькие, с односторонним движением, совершенно прямые и пустынные. Больше всего обращала на себя моё внимание электропроводка: частые столбы были точками при-

[12] Которые, повторяю, любой из вас может оценить на сайте *kyoto-nara-osaka.jimdo.com*

тяжения мириад чёрных проводов, которые тянулись и по стенам домов, и поперёк улиц, и от столба к столбу.

Японцы, как показывает история, вообще до электричества охочи. С конца Второй мировой и вплоть до 90-х годов прошлого века его потребление здесь увеличивалось в два раза каждые пять лет. Соответственно росло и его производство. В 2008 году Япония по этому показателю стала третьей страной в мире после США и Китая. По понятным причинам электричество тут сравнительно дорогое, а когда взорвали Фукусиму, цена подскочила на порядок.

Имейте в виду, что ток здесь используется напряжением 100 В, но с разной частотой: 50 Гц на востоке, где мы с вами сейчас находимся, и 60 Гц на западе. Стандартные местные розетки сделаны под специальные вилки с двумя плоским штырьками. Вы наверняка их видели, если покупали «родную» японскую технику в 90-х годах, когда специально для России нигде ничего не делалось. Чтобы не попасть впросак, обзаведитесь ещё дома специальным адаптером. Я когда-то давным-давно купил где-то в аэропорту целый набор под все розетки мира и теперь не знаю проблем. Если вы забыли это сделать, не беда: зайдите в любой хозяйственный магазин в Японии и наверняка нужный адаптер найдёте. Вероятно, его можно попросить и в гостинице, но я, как профессиональный странник, до этого простого решения не опускался.

Современная архитектура японских городов в массе своей, как я уже упоминал по пути из аэропорта, весьма непритязательна и сугубо утилитарна. Места в Японии для простых смертных мало, дома стоят плотно, не разбежишься. Да и не подпрыгнешь особенно: потолки даже в номерах гостиниц, думаю, не выше 2 м 30 см. Хотя, могу ошибаться. Увы, но в домах обычных японцев я до сих пор ни разу не был и могу, как и вы, судить разве что по фильмам.

Здания на Оикэ-дори ничем не запоминались. Обычные разноцветные коробки из плит и стекла, разве что почище и поухожен-

ней, чем где-нибудь в Медведково или Алтуфьево. В немалой степени, думаю, тому способствуют густо высаженные по обеим сторонам проспекта деревья. Когда-то деревья росли и вдоль московских улиц, включая такие центральные, как бывшая улица Горького. Поколение, знающее её как Тверскую, даже представить себе не может, каково это – идти посреди Москвы и дышать почти свежим воздухом. Поищите в интернете фотографии конца 70-х – начала 80-х годов, и вы легко поймёте, почему: деревьев было много, а вот машин мало. То же самое сегодня наблюдается и в Японии.

Кстати, о машинах. Я их по жизни терпеть не могу за вонь, шум и наглость, однако в самой Японии, завоевавшей ими весь мир, они выглядят как-то подозрительно безобидно. Начать хотя бы с того, что здесь преобладают всего два цвета: белый и чёрный. Красные автомобили попадаются, но редко. Не ловите меня на слове. Разумеется, при желании и терпении тут можно найти автомобили самых разных цветов, но это будет выглядеть примерно так же, как цвет волос самих японцев, т.е. попадаются и крашеные, хотя исходно все чёрные. Как я понимаю, белый цвет машин говорит японцам о чистоте, тогда как чёрный – о статусности.

За десять лет, что я тут не был, японские машины практически не изменились. Они по-прежнему тупоносые, плоскобокие и приземистые, на маленьких колёсах. Из легковых преобладают, пожалуй, семейные микроавтобусы.

Ну да ладно, хватит тратить время на ерунду, идёмте дальше.

А дальше мы с вами обращаем внимание на то, что по левую руку от нас оказывается довольно красивое и неожиданное европейского типа здание с прямоугольной башенкой. Оно тут стоит с 1927 года. Жители Киото, говорят, его недолюбливают. Во всяком случае, если погибнут все здания довоенной постройки, об этом они будут сожалеть в наименьшей степени.

Это местный муниципалитет.

Впоследствии мне приходилось читать интернет-блоги, где его на полном серьёзе местные называли «сталинским» за «холодную зловещность». Не знаю, как вы, а я к нашим московским высоткам отношусь с уважением. Они, во всяком случае, имеют свой характер в отличие от множества безликих коробок. Хотя и построены по тем же канонам, что «государственные» дома того времени где-нибудь в США или Китае.

Ещё в блогах писали, что внутри муниципалитет также представляет собой «заповедник прошлого», где люди в белых рубашках и очках по-прежнему сидят за столами, заваленными бумагами и картонными коробками, а свет проникает в помещения через давным-давно не мытые окна.

Не знаю, что такое зловещее японцы углядели в своём муниципалитете, зато мне доподлинно известно, что в первое воскресенье месяца они приходят сюда на импровизированный блошиный рынок, благо перед зданием раскинулась почти свободная от деревьев широкая площадь.

Кстати, деревьями зелень Оикэ-дори не ограничивалась. Вдоль всего тротуара, от ствола к стволу тянулись деревянными уступами ящики с землёй и самыми разными цветами. Во многие были воткнуты таблички с названиями, так что моментально возникало ощущение, что оказался в ботаническом саду. Клумбы эти, разумеется, никто не портил и не обрывал.

Когда-то давно, не помню уже у какого автора, мне приходилось читать о том, что ещё в 60-е годы прошлого века японские города вроде Токио являли собой довольно отталкивающее зрелище: всюду мусор, пакеты, бумаги, банки и т.п. С этим безобразием нужно было что-то срочно делать. Городские власти поступили довольно прямолинейно. На остановках автобусов и в других местах скопления народа появились плакаты, взывающие к совести сограждан. И что самое забавное – эти призывы сработали. На горку мусора за всё время я натолкнулся лишь однажды и так невольно опешил, что даже сфотографировал. При этом я *ни разу не видел*, чтобы улицы кто-то убирал. Может быть, это делают под покровом ночи, причём с водой и шампунем, не говоря уж о вениках и пылесосах, не знаю. Со стороны очень похоже на то, что чисто именно там, где не мусорят, и этим всё объясняется.

О самом главном я до сих пор не сказал. Здание муниципалитета привлекло моё внимание в первую очередь потому, что над его башенкой на фоне сумеречной тучи чётко проступил весёлый серп радуги.

Думаю, все люди, вне зависимости от возраста и национальности, любят радугу. Она дарит ощущение перемены, близости добра, надежду и ещё немало разных приятных эмоций.

Глядя на радугу над киотским муниципалитетом, я отчётливо понимал, что мои переживания закончились, я добрался, куда хотел, с чемоданом всё тоже будет в порядке, и я проведу здесь замечательное время.

Поскольку шёл я, куда глаза глядят, они довели меня до того места, где Оикэ переходит в мост над рекой, и повлекли на другую сторону улицы, в притягательный уют переулков. Здесь, на пятачке перед мостом, стояло несколько вендорных автоматов. Что это такое, вы наверняка знаете: шкаф, выдающий за деньги напитки и всякую прочую мелочь, которую можно выбрать, нажав соответствующую кнопку на прозрачной витрине. Не будет преувеличением сказать, что в Японии такие автоматы встречаются даже чаще, чем общественные туалеты. Причём никто их не ломает, и они все исправно работают. Показательно, что за десять лет до этого, гуляя по Токио, я встречал автоматы не только с напитками, но и со всякими закусками, а также с сигаретами. На сей раз я за всю поездку ни разу не увидел, чтобы они торговали чем-то иным, кроме соков, воды, чая и кофе. Похоже, японцы взялись за голову, и курение постепенно выходит из моды.

Перед одним из автоматов стояла черноволосая школьница. Автомат пищал на все лады, спеша удовлетворить её жажду, а она всё никак не могла решить, что выбрать. Наконец, пальчик ткнул в кнопку, раздалась победная трель, и в лоток на уровне тротуара глухо выкатилась пластиковая бутылка.

Когда девушка отошла, я занял её место и пробежал взглядом по шеренгам разноцветных ёмкостей.

Ассортимент состоял из всего, что можно пить, включая бутылированные чаи и кофе. Причём, судя по редким английским надписям, чаи и кофе можно было каким-то образом пить не только в ледяном, но и в горячем виде. Как это сделать, я, признаться, так и не понял.

Цены напитков варьировались от 120 до 150 йен, т.е. порядка полутора долларов, считайте, рублей 50. Принимали они любые монеты и тысячные купюры. Каждый вброс сопровождался радостным писком и выскакиванием соответствующей суммы на табло. Если, например, вы зарядили 140 йен, то все кнопки с ценой меньшей или равной этой сумме зажигаются зелёным светом, а все, что больше, остаются потушенными. Я загрузил 240, выбрал за 150 просто холодной воды из какого-то горного источника, и пока выгребал из маленькой амбразуры сдачу, услышал за спиной женский голос:

- Рейнбо, рейнбо!

Молоденькая японка на велосипеде смеялась и радостно указывала на новое проявление всё той же радуги, теперь уже не слева, а справа.

Не успел я запечатлеть незнакомку на камеру (а весь процесс покупки воды я на всякий случай снимал на видео), как она вскочила в седло и укатила прочь на своём двухколёсном мустанге. Я же невольно двинулся за ней, и оказался на улочке, которая впоследствии оказалась одной из моих самых любимых в Киото – Кияматидори.

Как любой нормальный человек, я крайне положительно отношусь к сочетанию воды и деревьев. Венеция чудесна, воды в изобилии, но деревьев там явно не хватает. Здесь же меня нежданно встретила улочка, посередине которой был проложен узенький канал, утопавший в зелени. Кое-где уже начинали зажигаться фонари, и картинка получилась если не сказочная, то весьма и весьма симпатичная.

Кстати, каналу этому без малого четыреста лет. Ещё в эпоху Эдо в него была превращена речка Такасэ. Цель преследовалась вполне прозаичная – транспортировка товаров из Осаки. После реставрации Мэйдзи нужда в этом отпала, но канал остался и постепенно превратился в уютный квартал ресторанов и баров.

Здесь же я забрёл на маленькую частную автостоянку, откуда открывался прекрасный вид на мою знакомую радугу. Охранник хотел было что-то возразить, но понял мой романтический настрой без слов и только согласно кивнул, что-то сказав. Возможно, он процитировал какую-нибудь классическую *танку* или *хайку*[13]. Например, что-нибудь типа:

---

[13] Танка – 31-слоговая 5-строчная стихотворная форма; хайку – жанр японской лирической поэзии

Окунули боги копьё
В мост небесный,
И капли, упав,
Японией стали.

Да простит меня уважаемый читатель за столь вольное обращение с местной мифологией, в которой описывается, как Идзанаги и Идзанами стояли на радуге, тыкали в неё копьём, а капли превращались в острова.

Кроме баров и ресторанов, на Киямати-дори вы найдёте также немало симпатичных гостиниц. По фасаду одной из них, прямо по стене, медленно стекал тонкий поток воды, символизируя канал. То здесь то там вместо домов оказывались открытые проходы, обрамлённые воротцами, за которыми виднелись дворики с беседками и часовнями. О японских религиях мы поговорим в другой раз, на свежую голову, а пока просто умилённо вздохнём и отправимся не спеша дальше.

Очутившись в непосредственной близости от витрин ресторанов, вы можете приятно удивиться, увидев практически всё меню, представленное за стеклом в стоящих чуть ли не на боку блюдах: мясо, рыба, рис, салаты, дары моря, шашлычки, супы и т.п. Тут не только ничего не выпадает и не выливается, но и не портится. Потому что вся эта аппетитная какофония кушаний сделана из специальной пластмассы. Такое умеют, вероятно, только японцы. От настоящих кушаний эти муляжи, не потрогав пальцем, никогда не отличишь. А если вы увидите их воочию, то решите, что я вас разыгрываю, настолько живыми и вкусными они смотрятся в действительности.

При моём появлении зажглась выключенная до этого момента лампочка, озарившая металлическую японско-корейско-китайско-английскую табличку, в которой рассказывалось, что в этом самом месте промышленник Кацутаро Инабата в 1897 году впервые в Японии продемонстрировал настоящий фильм. Вероятно, под «местом» подразумевалось здание на противоположной стороне канала с баннером «*Kyoto Experiment*».

Научившись снимать, японцы сразу же взялись за спецэффекты. Одним из родоначальников этого направления считается Эйдзи Цубурая, придумавший в 1954 году Годзиллу.

Будучи отпрыском не самого бедного киотского рода, владевшего магазином *вагаси*[14], Инабата ещё в 1877 году уехал учиться ткацкому и красильному ремеслу во французский Лион, где одним из его сокурсников оказался Огюст Люмьер, ставший впоследствии на пару с братом изобретателем кино. Инабата тоже отличился, сделавшись сперва преуспевающим бизнесменом, на производстве которого красилась форма японской армии, а потом и президентом торгово-промышленной палаты Осаки. В 1896 году он вернулся во Францию, снова встретил там Люмьера, заинтересовался коммерческими возможностями нового изобретения и привёз домой не только проектор с пятьюдесятью рулонами фильмов, но и одного из люмьеровских техников. Хотя за год до этого Томас Эдисон уже презентовал свой *кинескоп* в Кобэ, его детище не показывало «двигающихся картинок». Таким образом, Инабата по праву считается пионером японского кинематографа. Он не только показывал, но и снимал фильмы, в частности, с участием собственной семьи. Впоследствии, правда, он разочаровался в этом занятии, сочтя его «без-

[14] Вагаси – традиционные японские сладости, подаваемые к чаю, вместо сахара.

вкусными», и передал новый бизнес приятелю по фамилии Ёкота, который стал основателем первой в Японии киностудии – «Ёкота Сокаи». Вот такая попутная история.

Когда я говорю, что шёл в тот вечер, куда глаза глядят, я, разумеется, лукавлю. Мало того, что мне нужно было прикупить что-нибудь на лёгкий ужин, на утреннее умывание и опрыскивание духами, а также на смену хотя бы поизносившейся майке (даже без чемодана и даже в Японии джентльмен должен оставаться джентльменом), я перед отъездом получил от жены несмелый запрос на покупку серёжек, которые бы сочетались с подаренным в своё время свекровью жемчужным ожерельем. Сложность поставленной задачи состояла в том, что вообще-то, как мы с вами знаем, жемчужины в бижутерии используются круглые, а те, что составляли ожерелье Алины, были самой что ни на есть неправильной формы – как белые камушки на ниточке. Поскольку поиски мне предстояли долгие, я решил начать их, не откладывая.

А надо вам сказать, что одно из средоточий магазинной жизни в Киото как раз находится в квадрате, ограниченном с севера проспектом Оикэ, а с юга параллельным ему проспектом Сидзё-дори[15] (на латинице его обычно неправильно пишут как *Shijo-dori*). Второе, если вам интересно, окружает со всех сторон центральный вокзал, но туда мы с вами отправимся в другой вечер.

Выйдя с сумеречной Киямати-дори на залитую светом Сидзё-дори, отличительной особенностью которой являются широкие козырьки на уровне вторых этажей, под которыми можно гулять вдоль витрин при любой погоде (почти как в моём любимом Честере), я признал в ней ту самую улицу, что в прошлый приезд помогла нам с Алиной скоротать оба вечера. Для Киото она примерно то же самое, что Оксфорд-стрит – для Лондона. Если вы не располагаете запасом времени, но хотите что-нибудь купить на память о поездке, отправляйтесь прямиком сюда. Местные ГУМы и ЦУМы носят названия «Ханкью» (*Hankyu*), «Такасимая» (*Takashimaya*) и «Даймару» (*Daimaru*).

Когда я в плотном потоке пешеходов переходил площадь между первыми двумя, в объектив моей чуткой камеры попали часы. Красные цифры на фасаде дома свидетельствовали о том, что ещё только 5:11 вечера. При этом над городом незаметно сгустилась ночь.

---

[15] По сути, название это означает всего-навсего 4-я улица, как в лишённом воображения Нью-Йорке.

Если вы зададите мне каверзный вопрос, что же, собственно, стоит покупать в Японии, я, скорее всего, пожму плечами и дам более чем уклончивый ответ: что нравится. Думаю, вы не очень удивитесь, если я добавлю, что в сегодняшних магазинах Японии довольно мало исконно японского. Про такие вещи, как игрушки, я вообще не говорю. Всё только из Китая. Правда, неплохого качества. Среди техники местные товары ещё встречаются, но если вы, допустим, любитель наручных часов и жадно наброситесь на ломящиеся от разнообразия прилавки, мой вам совет: не спешите и присмотритесь. Лишь на некоторых часах вы увидите большие синие наклейки с белыми надписями «*Made in Japan*». Таким образом их тут специально выделяют для туристов. Цены, разумеется, подороже «привозных», но ведь нас учили, что китайское – плохое, а японское – хорошее. В прошлый раз я сдуру купил две пары именно японских часов, которые заводились от встряски. Обе сейчас невесть где, потому что с первого же дня время показывали, но неточно.

В магазины мы с вами ещё зайдём и не раз, так что пока давайте уточним лишь один волновавший меня вопрос: как дела с жемчужными серёжками? Оказалось, не очень. То есть, жемчуга и изделий из него в той же «Такасимая» было вдоволь (на первом этаже, как войдёте с Сидзё-дори, направо, напротив стойки информации, или на третьем, рядом с эскалатором, если подниметесь здесь же), а вот именно такого, какой был нужен мне, неровный и негладкий, увы, никто предложить не мог. Лучшее, что попадалось, это круглый жемчужный шарик, вставленный в колпачок из белого золота и походивший таким образом на каплю. Неплохо, но нет, не моё, аригато[16].

Несолоно хлебавши, я вышел обратно на заметно почерневшую улицу и огляделся. Угол «Такасимая» с внешней стороны занимал не сочетавшийся с помпезностью магазина ларёк, с пола до потолка уставленный пузырьками с парфюмерией. Кстати, напрасно улыбаетесь, «родная» японская парфюмерия весьма интересна неожиданностью ароматов, так что при желании подобрать тут всегда что-нибудь можно. У меня такое желание (оно же – необходимость) было. Я купил кое-что себе, кое-что домой, а заодно воспользовался тем, что расторопный продавец средних лет охотно отвечал мне по-английски, и расспросил его, где можно поблизости найти рос-

[16] Спасибо.

сыпь жемчуга. Узнав, что «Такасимаю» я уже обследовал, он указал на противоположную сторону улицы за перекрёстком.

- Называется «Тасаки». Там у них точно есть. Они исключительно жемчугом торгуют.

Магазинчик и вправду оказался, как говорится, на славу. Вот только нужной мне разновидности я там так и не нашёл. Вокруг меня хлопотали взволнованные девушки разного возраста, однако их усилиями из всех запасов были извлечены лишь две модели, но такие, что интуиция дёрнула меня за рукав, мол, не спеши. Жемчужины, действительно, оказались вполне неровными, зато просто огромными и подвешенными хоть и на модерновых цепочках, да только не из белого, а из обычного золота. А мы обычное золото не очень жалуем. С позволения продавщиц я поступил очень просто: сфотографировал оба варианта с тем, чтобы выслать по интернету жене на выбор, и предположил, что зайду снова, после получения ответа. Все остались весьма довольны. На своей визитной карточке девушки написали параметры сразу нескольких моделей, а подобные документы я имею привычку по умолчанию архивировать, так что карточка сейчас передо мной, и я могу для особых любителей жемчуга сообщить, что цены в «Тасаки» на подобные серёжки варьировались от 43 000 до 136 500 йен. То есть где-то от 450 до 1 500 долларов.

На мой вопрос, почему в Киото так трудно найти неровный жемчуг, но зато так много идеально круглого девушки пояснили, что круглый жемчуг в Японии выращивается, а неровный завозится с Таити. Позже я эту информацию проверил и выяснил, что таитянский жемчуг вообще-то тоже круглый, зато единственный в мире имеет натуральный чёрный цвет. Жемчуг же с атласным белым цветом, какой нужен был мне (и который я, разумеется, нашёл уже под конец поездки, когда окончательно похоронил надежду отыскать что-либо стоящее), вылавливают у берегов Австралии, Индонезии и Филиппин. Ровных жемчужин среди него почти не бывает, зато он и ценится высоко.

Покупательское настроение и желание пообщаться с народом привели меня в соседний магазинчик. Здесь торговали платками. Но не простыми, а японскими. И не просто японскими, а теми, что носят смешное название «фуросики». Означает это нечто вроде «банного покрывала» и представляет собой квадратный отрез мате-

рии самых разных расцветок и качеств. Сегодня фуросики можно купить и шелковые, и хлопчатобумажные, и синтетические.

Считается, что нужда в фуросики возникла ещё в эпоху Нары, когда японцы, посещавшие общественные бани, заворачивали в них оставляемую одежду. Затем фуросики взяли на вооружение торговцы, использовавшие большие платки для переноски товаров. Одним словом, в нашей традиции они лучше всего соответствуют понятию «узелок». В них можно заворачивать любые пожитки: от овощей и фруктов до бутылок. Разумеется, создание красивого узелка требует мастерства. Тем более что в наше время японки предпочитают изначально складывать фуросики в удобные сумочки и использовать как авоськи.

Примеры складывания фуросики

Фуросики, которые хотелось купить, стоили, если не ошибаюсь, в пределах 100 долларов. Схема трёх способов сворачивания в сумочки прилагалась. Я выбрал два узора и решил не искушать судьбу, попросив бойкую продавщицу сразу же сделать из них две сумочки: большую, которую удобно носить через плечо, и маленькую, с двумя ручками. Она охотно принялась за работу, а я тем временем

заворожённо запечатлевал весь процесс на видео. Результат вы при желании легко можете найти на *Youtube*.

Здесь уместно обратить ваше внимание на то, как в японских магазинах принято проявлять уважение к покупкам. Иначе это таинство и не назовёшь. Я имею в виду то наслаждение, с которым продавцы вашу покупку оформляют. Казалось бы, что может быть проще: сунул в фирменный пакет, поклонился, и ждёшь следующего покупателя. У нас в РФ теперь часто даже спрашивают, нужен ли нам пакет. И если да, то предлагают за него заплатить. Как будто это не средство рекламы, которое для покупателя должно быть бесплатным. Идиоты, я ведь сейчас понесу по улице ваш брэнд! Или не понесу. Это всё равно, что за свои деньги покупать майку каких-нибудь Дольче-Габана.

В Японии продавцы научены другому. Какую бы мелочь вы ни покупали, она всегда будет сперва завёрнута, потом… ещё раз завёрнута, потом перевязана, потом подклеена скотчем, потом поверх скотча будет прилеплена фирменная наклейка, потом будет найден пакетик оптимального размера, потом в него следом за покупкой будет вложено несколько проспектиков и чек, потом вам либо эту красоту протянут через прилавок двумя руками и с поклоном, либо (что впоследствии проделывалось со мной несколько раз) вас сперва выведут за порог магазина и только тогда позволят принять пакет, сопроводив поклоном в пояс и громкими «*домо аригато годзай масс*»[17]. Вероятно, не без умысла: прохожие должны видеть, как вас тут обслужили. В итоге вы чувствуете себя… ну, скажем так, очень хорошо. Как будто поучаствовали в ритуале сродни чайной церемонии. Сейчас, когда я пишу эти строки по прошествии времени, мне ясно вспоминаются мелкие подробности чуть ли не каждой покупки, которую я сделал в Японии. И причиной тому, как я теперь осознаю, было именно созерцание того, что проделывали с ними добропорядочные продавцы. Причём важно отметить, что подобное оформление покупки вовсе не связано с лишней тратой времени: вышеописанный процесс производится отточенными движениями и занимает от силы минуты две. Вот вам настоящий маркетинг в действии.

В тот вечер я имел возможность вкусить прелестей магазинной обходительности ещё дважды: когда покупал в спортивном отделе свежую футболку на завтра (без дурацких надписей, разумеется) и

[17] Большое спасибо

когда затаривался провиантом на вечер (поскольку искать полноценный ресторан у меня уже просто не было сил).

В отличие от некоторых стран Европы (особенно южноостровной, типа Майорки), в Японии всегда можно найти круглосуточные магазины. Смело заходите и выбирайте, что вам по вкусу и карману. И хотя все надписи сделаны иероглифами, суть предметов всегда окажется внятной благодаря прозрачной упаковке или наглядным рисункам. Я по вечерам стараюсь много не наедаться, а потому прикупил разных местных соков, йогуртов, экзотических желе с живыми фруктами и кое-что из выпечки. На кассе продавщица сама аккуратно уложила всё в пакет и протянула на блюдце сдачу, так что мне оставалось только открыть рот и сказать «аригато».

Уже в гостиничном номере, перекладывая провиант в холодильник, я с удовольствием обнаружил, что вместе с чеком она беззвучно вложила в пакет соответствующее купленным упаковкам количество трубочек, ложечек и прочей удобной ерунды.

На сегодня мне оставалось разобраться с двумя последними вещами: окном и интернетом. Окно не хотело открываться. Мешала специальная задвижка, причём явно с умыслом. Однако спать с кондиционером мне искренне не хотелось, памятуя о свежем воздухе снаружи. В итоге пришлось спускаться в ресепшн и просить помощи. Недолго думая, одна из сотрудниц просто вооружилась отвёрткой и поднялась со мной.

Блокиратор был снят во мгновение ока, и в комнату потянуло ночным Киото.

У неё же я уточнил вопрос с интернетом. Действительно, проведённый в номер и представленный в виде свёрнутого кольцом шнура, он чего-то стоил, зато в лобби на первом этаже круглые сутки работал бесплатный *Wi-Fi*. Зачем, спрашивается, платить, если можно получить то же самое бесплатно?

Поужинав разновкусием японских яств, я решил отложить чай на потом и спустился в холл поделиться с друзьями своими первыми фото-впечатлениями о поездке, а с женой – серёжками.

Было часов около восьми вечера, когда я окончательно вернулся в номер с твёрдым намерением, не затягивая, лечь спать, чтобы назавтра проснуться не позже семи и сразу же влиться в новый для меня режим.

Поставив железную кружку на плитку кипятиться и бесцельно пощёлкав пультом по каналам такого же пустого телевидения, как наше, я присмотрелся к чайным пакетикам.

Если какой-нибудь китайский или индийский чай отличаются друг от друга разве что запахом (говорю, конечно, глупость, как обычный обыватель, поскольку принципиальная разница хотя бы в том, что оригинальные китайские чаи – молодые, и их можно заваривать многократно, а индийские – старые, пригодные к однократной заварке), то чаи японские – это вообще другой напиток. Начать с того, что они все порошковые. Да, да, вы высыпаете в чашку зелёный или коричневый порошок, заливаете кипятком, размешиваете и получаете прозрачную жидкость, без чаинок. Он растворился…

Запах и вкус вас ждут тоже совершенно иные, нежели те, к которым вы привыкли. По-видимому, виной тому удобрения, которыми подкармливают кусты на скудных японских плантациях. Кроме того, чайные листья пропариваются не обычной водой, как всюду, а морской, да ещё с добавлениями водорослей. Поэтому в лучшем случае получившаяся у вас чашка чая будет пахнуть морем, будь то зелёная его разновидность или чёрная (которая здесь называется «красной»). Если вы отсидели традиционную чайную церемонию (только не думайте, будто знаете, что это такое, если побывали в Китае, потому что китайские чайные церемонии отличаются от японских так же, как обслуживание в магазинах Москвы и Киото), то зеленеющий в пиалушке напиток покажется вам довольно гаденькой кашицей (хорошо ещё, что его там будет достаточно мало, чтобы покончить с мучением одним глотком). Я это испытал на своей шкуре в прошлый раз в Токио, а потому сейчас, высыпая порошок из зелёного пакетика, был готов к худшему. Нет, ничего страшного не произошло. Напиток получился невкусным, но пить можно. Вероятно, не хватало сахара. Тогда я смело вскрыл третий пакетик, не похожий на чай, и обнаружил внутри подозрительно большие беловатые гранулы. Утопил одну и попробовал…

Знаете, что это было? Никогда не догадаетесь. Соль. Я не шучу. Как потом выяснилось, действительно, многие японцы предпочитают пить чай с солью. В расчёте на них гостиница и предлагала её постояльцам в качестве подсластителя. Сахар ведь, как известно, только портит чай.

Какая же это гадость, доложу я вам, пить японский порошковый чай с солью! Правда, очень легко представить, что вы на самом деле пьёте куриный бульон, и тогда всё быстро встанет на свои места. Только не для меня…

«Чай» я в конечном счёте благополучно вылил, хлебнул ледяного из бутылки, расправил постель, лёг, и понял, что не знаю, как погасить верхний свет. Выключателя не было. Нигде. Один, что был, относился к кондиционеру, другой к радио, третий к свету в ванной. Пришлось усталому путнику идти на крайние меры и вынимать из прорези у двери карточку-ключ, которая вырубала разом всё электричество в номере.

Заснул я быстро, но проснувшись в кромешной темноте выспавшимся, обнаружил, что телефон показывает всего лишь 1:20 ночи. В Москве было 20:20 предыдущего дня. Хуже всего оказалось то, что через занавешенное плотными шторами окно с улицы явственно доносился шум дождя, чуть ли не ливня. Второй день поездки обещал новые испытания. Но я упорно вспоминал радугу и почему-то верил в то, что ничего плохого со мной произойти не может.

Глава IV, в которой мы подучим японский язык, рассмотрим палочки для еды и совершим пешую прогулку по «поющим» полам

Утром я раздвигал занавески с замирающим сердцем. Как ни удивительно, асфальт оставался совершенно сухим, а небо, несмотря на столь ранний час, было уже приветливо голубым и солнечным.

Впоследствии оказалось, что шум дождя за окном слышен каждый вечер. Я так и не смог определить его источника, однако предполагаю, что с замиранием всех остальных звуков на авансцену ночного города выходил какой-нибудь запрятанный на крыше вентилятор.

Окрылённый перспективой погожего дня, я быстро, но, не торопясь (по моему излюбленному принципу «спеши медленно»), привёл себя в порядок, сделал зарядку (в стеснённых гостиничных условиях иногда вполне хватает отжиманий) и устремился на завтрак, не забыв прихватить заветную карточку.

Лифт останавливался почти на каждом этаже, впуская кланяющихся постояльцев, спешащих в том же направлении, так что мне удалось вдоволь попрактиковаться в японском.

Любой уважающий себя турист, приезжая в Страну восходящего солнца знает, что «доброе утро» здесь называется «коннити ва». Мои попутчики так не говорили. А говорили они «охаё годзаймас». Я не преминул уточнить у стоявшей ближе ко мне улыбающейся старушки, в чём разница, и теперь готов доложить вам, что *охаё годзаймас* или просто *охаё* – это первое, чем вы встречаете людей в Японии. Примерно часов до 11 утра. Потом в ход идёт *коннити ва*.

Если вы читаете эти фразы впервые, и они кажутся вам сложными в произношении, мой вам совет: поупорствуйте немного и просто попроизносите их вслух, чтобы привыкнуть их выговаривать. Иного пути нет. Мы с вами здесь ненадолго, поэтому учить грамматику в чём-то простого, но в чём-то очень сложного (говорят, самого сложного в мире, хотя я не знаю наверняка) языка, мы, разумеется, не станем. А будем только прислушиваться, присматриваться и делать некоторые выводы.

Итак, вывод первый: утром встречайте всех подряд японцев уважительным *охаё годзаймас*. Официанты же будут встречать вас

ещё более уважительно, тщательно напевая последний слог – *охаё годзаймасю-у-у*. Это уже относится к различным уровням вежливости, принятым в японском языке.

Вечером вам в тех же целях понадобится выражение «комбан ва».

Самым же полезным выражением я к концу поездки счёл уже упоминавшееся выше «домо аригато» (или просто «аригато», или просто «домо»), что означает «большое спасибо». Его можно использовать всегда и везде. Выучить очень просто, тем более что вы раз по 30 в день будете слышать его от японцев в свой адрес.

Ещё одно крайне удобное и многозначное орудие коммуникации – выражение «сумимасэн». Используете его, когда за что-то извиняетесь (что соответствует английскому *I am sorry*), и когда привлекаете внимание незнакомого человека (английская аналогия *Excuse me*), и даже когда благодарите. Например, когда я в дальнейшем обзавёлся велосипедом и был вынужден вблизи достопримечательностей искать специальную парковку (неправильно припаркованный велосипед будет неминуемо убран, а вам придётся его разыскивать и платить штраф, так что лучше позаботиться о выборе места заранее), я смело подкатывал к стоявшему поблизости охраннику или полицейскому и просто спрашивал:

- Сумимасэн, паркинг?

И обязательно получал исчерпывающий ответ, сопровождаемый красноречивыми жестами – от указания, куда именно нужно завернуть, до резкого «ноу паркинг».

Ещё два слова, которые стоит знать, чтобы в общих чертах понимать, чего от вас хотят (сами вы можете ими никогда и не воспользоваться, но услышите наверняка), это «дозо» и «кудасай». Они оба означают наше «пожалуйста», только *дозо* используется при выражении приглашения типа «проходите, пожалуйста» самостоятельно, а *кудасай* обычно сопровождает какой-нибудь императив вроде *табетэ кудасай* (выпейте, пожалуйста).

Конечно, неплохо также знать слова «да» (*хай*) и «нет» (*ие*). *Ие* в японском используется гораздо реже, чем «нет» – в русском. Чтобы вы сразу поняли, что я имею в виду, возьмём для примера такой наш типичный диалог:

- Ну, ты как, пойдёшь?

- Неа.

Если бы то же самое говорили японцы, он выглядел бы следующим образом:

- Ты пойдёшь?

- Я не пойду.

То есть несогласие было бы выражено не коротким «нет», а постановкой всей глагольной конструкции в отрицательную форму.

- *Икимас ка*?

- *Икимасэн*.

Вывод легко сделать самостоятельно.

Что касается *хай* в значении «да», то обычно им слушатели сопровождают речь говорящего (с непременным кивком). Помню, мой отец умилялся этой японской черте.

- Ты ему что-то говоришь, а он тебе «да, да, да». Но если ты потом спросишь: «Ну так как, вы согласны», он на полном серьёзе может ответить «Нет, конечно».

На самом деле, когда вы говорите *хай* собеседнику, это означает нечто вроде «Я вас слышу», не более. Если же вы действительно хотите сказать «да», то лучше это сделать при помощи фразы *Хай со дэс* или просто *Со дэс*.

Найти общий язык можно везде и всегда

Выучите приведенные выше словосочетания, и я вас уверяю, что вам они очень пригодятся. По поводу всего остального богатства японского языка можете не переживать. Если вам захочется по-

разить японца, спросив дорогу или сделав заказ в ресторане, что ж, можете воспользоваться многочисленными разговорниками. Только по своему опыту скажу: если вы владеете английским и знаете вышеупомянутые слова, большего от «белых» здесь никто не ждёт. Мне, чтобы уточнить, как куда-нибудь проехать, вполне хватало *сумимасэн* и максимально правильного произнесения названия нужного места.

Раз уж мы тут затронули тему японского языка как такового, а путь с девятого этажа до первого постоянно прерываем остановками, вежливыми *охаё* и поклонами с улыбками, давайте бросим взгляд на рекламные и информационные проспекты, украшающие кабину лифта. Здесь мы неминуемо столкнёмся с японскими иероглифами. Которые, если присмотреться, отличаются и от корейских, и даже от китайских. Хотя изначально последних в японский язык было позаимствовано порядка 60 000. Они составили корневую основу японского письма, которая получила название «кандзи». Однако если китайцам достаточно знать иероглифы, японская речь изобилует всяческими приставками и окончаниями, которые китайскими средствами не передашь. Поэтому на письме китайские иероглифы со всех сторон окружают упрощённые закорючки, называемые «хирагана». Ими и записываются фонетические формы исконно японских предлогов, приставок и т.п.

После реставрации Мэйдзи в 1868 году количество иероглифов в «кандзи» было радикально сокращено, а с 2010 года рядовой японец обязан знать всего 2 136 из них. Зато в сегодняшнем японском присутствует порядка 25 000 заимствованных слов, главным образом английских. И для их написания существует третья, специальная система письма, называемая «катакана».

Казалось бы, наличие такого обилия европейской лексики должно способствовать дружбе между народами и пониманию наших японских собеседников, однако этого не происходит по весьма прозаичной причине: иностранные слова записываются в соответствии с японским произношением, а оно весьма своеобразно. В японском языке, как я уже, кажется, упоминал, нет таких звуков, как «ш» (а потому нет суши, но есть суси), или «ж» (а потому нет плёнки «Фуджи», названной в честь горы Фудзи), или «л» (вместо которого они произносят «р»). Более того, поскольку японская речь сугубо слоговая (то есть практически все слова можно разбить на парочки согласный-гласный), то и заимствованные слова сперва

раскладываются на слоги и лишь потом складываются вместе. Что из этого получается? Гостиница (*hotel*) по-японски звучит как *хотэ-ру*. Молоко (*milk*) теряется в слове *ми-ру-ку*. Голубой (*blue*) становится *бу-ру*. И так далее.

Чтобы хоть как-то помочь иностранцам разобраться в сложных перипетиях японского письменного языка и его звучания с момента «открытия» Японии для внешнего мира разные страны предпринимали разные попытки, в которых отсутствовало главное - универсализм. Голландцы записывали японские слова на свой лад, португальцы – на свой, и так бы всё и осталось, если бы в 1859 году с медицинской миссией в Японию ни прибыл доктор Джеймс Хепбёрн, которому в конце концов удалось «романизировать» японский язык. Получившуюся в результате запись японских слов понятной всем нам латиницей назвали «ромадзи». Доктор Хепбёрн помог японцам основать университет Мэйдзи Гакуин и стал первым его президентом, а в 1867 году его усилиями был составлен и издан первый японско-английский словарь. Сегодня «ромадзи» используется главным образом в европейских и американских книгах о Японии, а также на указателях улиц, за что японцам отдельное спасибо.

Если вас интересует вопрос, как японцы при всём этом многообразии набирают тексты на весьма ограниченной клавиатуре компьютера, ответ прост: либо латинскими буквами (через «ромадзи»), которые благодаря специальному программному обеспечению превращаются в иероглифы, либо значками «хираганы».

Особенно пестрят сочетаниями всех вышеперечисленных систем тексты газет и заголовки новостей. Вот вам типичный пример, где упоминается имя английской бегуньи и европейская мера длины:

ラドクリフ、マラソン五輪代表に 1 万 m 出場にも含み

Первые пять значков (до запятой) написаны катаканой и означают фамилию Рэдклифф (Радокурифу). Дальше четыре значка читаются как «марасон» и обозначают заимствованное слово «марафон». Затем, как вы сами видите, идут полноценные китайские иероглифы (системы кандзи), заканчивающиеся упрощенными закорючками хираганы, используемой для связи слов через окончания. Также вы не можете не заметить понятную нам арабскую цифру «1» и латинскую букву «m». Всё это безобразие по-японски читается как *Радокурифу Марасон горин дайхьё ни, ити-ман мэтору суцудзё ни мо фукуми*, а означает всего-навсего «Рэдклифф намекает, что может принять участие в Олимпиаде как

что может принять участие в Олимпиаде как на дистанции 10 000 метров, так и в марафоне».

Или взять название столицы Японии – Токио. В указателях для туристов оно будет писаться как *Tokyo*. В исконном китайском написании кандзи вы узнаете её по иероглифам 東京, означающим «восточную столицу». В системе хирагана оно же пишется とうきょう, а в системе катакана - トウキョウ.

Ну что, как вам такое многообразие? Ещё не загорелись желанием учить японский?

Если вы или ваши дети любят японские комиксы, вы наверняка обращали внимание на то, что дотошные издатели печатают их задом наперёд, то есть нумерация страниц идёт с конца книжки. Это всё потому, что традиционно в Японии писали не только китайскими иероглифами, но и в прямом смысле слова по-китайски, то есть справа налево да ещё колонками, сверху вниз. Эта система называется «татэгаки». Современные японские тексты придерживаются более понятного для нас формата письма – в строчку, слева направо – и называются «йокогаки».

Чтобы окончательно запутать читающего, японцы не используют пробелов между словами, переносов, запятых, восклицательных и вопросительных знаков. Правда, если им придётся записать ваши имя и фамилию, они разделят эти два незнакомых для них слова точкой, поставив её на уровне середины высоты буквы. Просто чтобы странные слоги не слились в одно – Ибануибанобу (Иван Иванов, как вы правильно догадались). Точка же в конце предложения будет написана как маленький кружок. Восклицания и вопросы выражаются знаками «?» и «!» только в очень неформальной записи.

Между тем лифт, наконец, остановился, и мы с моими попутчиками почти с порога оказались стоящими в очереди. Похоже, сегодня все постояльцы «Хартона» решили спуститься на завтрак прямо к открытию. Преобладали японцы, которые любят путешествовать по собственной стране ничуть не меньше, чем за границей. Кое-где виднелись светлые головы европейцев. Наших с вами соотечественников не было (и не будет уже до самого Пекина).

В холле сиротливо стоял на столике премудрый аппарат с кучей кнопок и короткой широкой трубой – для измерения давления. Он был включён, однако я так ни разу и не видел, чтобы им кто-нибудь когда-нибудь воспользовался.

Очередь тянулась не спеша, вежливо. Стоявшая сбочку японка в форме проверяла наши карточки, с поклоном их отбирала и вручала другие – с номером. Делала она это лишь тогда, когда очередной столик освобождался, и главный из официантов, проверив его чистоту, подавал ей знак.

Получив свою долгожданную «десятку» и пожелав девушке «охаё», я был препровождён за столик у окна. Столики предназначались для двоих, однако оставленная мною карточка сигналила о том, что оба места заняты. Сам же я получал возможность вооружиться подносом и собрать утренний урожай с довольно разнообразного шведского стола.

Выбор оказался вполне достойный и совершенно европейский: холодные закуски, горячее, фрукты, булочки, соки, чаи, кофеи и т.п. Отсутствие сугубо японских блюд меня более чем устраивало. В качестве приборов предлагались и вилки с ножами, и японские палочки – *хаси*. Иногда их ещё называют *о-тэ-мото*, где «тэ» означает «рука», «мото» – «то, что поблизости», а «о» – вежливую форму. Одним словом, «замечательное подручное средство». От китайских японские палочки отличаются укороченным размером и острыми кончиками. Если хотите, вот вам несколько советов, что можно и чего нельзя ими делать.

Нельзя передавать еду со своих палочек на чужие. Если хотите поделиться с кем-то едой, можете передать всю тарелку. В противном случае это будет напоминать японцу передачу костей умершего во время похоронной церемонии (о чём мы ещё поговорим в более уместное время). В том же Китае передача еды палочками вполне естественна и не возбраняется, так что не ошибитесь.

Если вы закончили есть палочками, не кладите их просто на стол. Часто для этого вместе с палочками подаётся специальная подставка – *хасиоки (*буквально

– «хасидержалка»). В ресторанах, где палочки обычно одноразовые, вы её можете не найти. Тогда возьмите бумагу, в которую ваши палочки были завёрнуты, сложите её и положите палочки сверху.

Если за столом сидят несколько человек, и вам нужно взять еду с общего блюда, позволительно воспользоваться собственными палочками, но при этом нужно перевернуть их тупыми концами вперёд.

Палочки не должны лежать на столе скрещенными. Это опять-таки напоминает японцам о смерти.

Тем более не стоит втыкать палочки в еду, например, в чашку с рисом. Когда мы с вами окажемся на японском кладбище, вы сами поймёте почему.

Лучше всего класть палочки вдоль стола (не диагонально и не вертикально), чтобы их кончики смотрели влево от вас.

По окончанию трапезы, самым правильным будет убрать их обратно в бумажный конвертик, откуда вы их достали.

Говорят, что японцы любят свои «подручные средства» за то, что они с детства развивают правильную моторику и умственные способности. А в некоторых фирмах как будто даже тестируют кандидатов, предлагая им палочками собирать мелкие бусинки.

Зачем я всё это вам рассказываю, не знаю, поскольку сам я *хаси* откровенно игнорирую за их неудобство по сравнению с той же вилкой. При этом в наших отечественных китайских ресторанах я могу на спор съесть палочками весь ужин, так что с моторикой у меня всё вроде бы в порядке и дело тут сугубо в ощущениях и привычке.

Яичница, картошка, ветчина, корнфлекс, фруктовый салат, грейпфрутовый сок, чай с булочками и вареньем постепенно насытили мой истосковавшийся по еде желудок, и я с чувством исполненного долга покинул ресторан, на всякий случай унося с собой несколько булочек в салфетке – в пути всякое может пригодиться. Сколько людей, столько и пищевых склонностей, однако сам я предпочитаю завтрак есть сам, обед делить с другом, а ужин отдавать врагу, как в стародавние времена заповедовали не то немцы, не то англичане. Хотя, быть может, и французы, правда, их с позволения сказать «кухню» я предпочитаю за едой не вспоминать…

И вот, повесив на шею фотоаппарат, зажав в правой руке видеокамеру со специальной рукояткой для пущего удобства, отчего она у меня походила на футуристический пистолет и, сунув в кар-

ман прекрасную карту Киото, я покинул гостеприимный отель, чтобы возвратиться в него лишь под вечер довольным и обессиленным.

Путь мой лежал по всё той же мощёной кафелем Оикэ, только в другую сторону, направо, на запад, туда, где располагалась первая точка на моём богатом достопримечательностями маршруте – замок Нидзё.

Начать именно с него я решил потому, что, во-первых, он находился в приятной пешеходной близости, а во-вторых, потому что в прошлый раз мы именно в него не успели заглянуть с Алиной, поскольку не предполагали, что он закрывается уже в 16:00 (на вход, а так он работает до 17:00).

Оикэ-дори в столь ранний час напомнила мне московские улицы моего советского детства – широкие, чистые и малолюдные. Ещё не было девяти, зато было воскресенье, свежий воздух приятно овевал и призывал дышать полной грудью, обгонявшие меня велосипеды стеснительно позванивали на стыках плиток, а я шёл широким шагом и предвосхищал насыщенный впечатлениями день.

Между домами вправо то и дело уходили узкие и прямые проулки, которые я заметил ещё накануне. На углах некоторых из них я имел приятную возможность видеть трогательно сохранённые старые деревянные домики вроде того, в котором вчера под вечер заснял одевавшуюся гейшу. Коричневые, заросшие вьюнками, с чуть ли не глинобитными заборами, они совершенно не стеснялись соседства с современными зданиями из стекла и бетона, словно знали, что им тут всегда рады. Особенно мне запомнился один, с разноуровневыми покатыми крышами, фасад которого был небрежно залеплен плакатиками с прищуренными физиономиями местных жириков всяких мастей.

Не доходя до площади на пересечении Оикэ-дори и Хорикава-дори, я заметил справа по курсу бежевое трехэтажное строение с разбитой перед ним зелёной лужайкой. Раньше здесь была обычная начальная школа, а с 2006 года сюда въехал популярный среди любителей японской массовой культуры (если это не два взаимоисключающих слова) международный музей манги.

Если вы вдруг не слышали этого слова, спешу пояснить, что в переводе с тех иероглифов (漫画), которые Япония унаследовала у Китая, «манга» означает «эксцентричные рисунки» или «эскизы экспромтом». Начало ей было положено ещё в конце XIX века, ес-

ли не раньше, а к первым подобным изданиям принято относить «Мангу Хокусая», названную так в честь автора, знаменитого японского художника, творившего вообще-то в жанре укиё-э, т.е. писавшего цветные гравюры, ставшие популярными в период Эдо. «Отцом» термина «манга» в современном понимании был первый в Японии художник-мультипликатор Ясудзи Китадзава по прозвищу Ракутэн.

В Японии мангу «читают» все кому больше нечего делать, от мала до велика. Среди излюбленных тематик: приключения, детективы, любовные романы, исторические драмы, комедии, истории о спорте и бизнесе, научная фантастика и фэнтези, ужастики и море секса и эротики, которым дали зелёный свет в 90-е годы прошлого века.

Типичная японская манга прячется под яркой обложкой, хотя внутри она чёрно-белая и на довольно скверной бумаге. В остальном мире её предпочитают печатать в цвете и отдельными книжками, тогда как в Японии в большем ходу толстенные журналы, наполненные историями «с продолжением».

Читать настоящую мангу следует, как водится, сверху вниз и справа налево. Точнее, не столько читать, сколько разглядывать картинки с подписями. По сути, это то, что у нас обычно называется комиксами.

В музее на 140 метрах книжных шкафов, которые так и называются «стена манги», собрано порядка 40 000 экземпляров этой макулатуры на любителя. Книжки можно брать и читать (исключительно по-японски). Правда, только в пределах музея.

Открыт музей все дни, кроме среды, с 10 до 18 часов. Вход стоит 800 йен для взрослых, 300 – для школьников и студентов и 100 – для учеников младших классов.

Стоит ли говорить, что я гордо прошёл мимо, решив зайти туда когда-нибудь под конец моего пребывания в Киото, если останется

время. Времени почти не осталось, и я так и не зашёл, о чем, как вы, вероятно, догадались, не жалею. Полистать, почитать и купить домой в любых количествах мангу можно во множестве обычных книжных – и не только – магазинчиков.

И вот, наконец, я оказался на том месте, откуда за 412 лет до меня упомянутый выше Токугава Иэясу, основатель одноимённого сёгуната, решил послать наказ всем феодалам западной Японии скинуться на постройку замка Нидзё. Закончено строительство было спустя четверть века при правлении его внука, Токугавы Иэмицу. По замыслу, замок должен был служить киотской резиденцией клана Токугава, поскольку, как вы теперь помните из истории, столица сёгуната переехала в Эдо (Токио). В Киото между тем продолжал жить потерявший власть императорский двор. Как они это делали, мы сегодня ещё с вами увидим, благо императорский дворец отсюда неподалёку, на северо-востоке.

Одна из угловых башен замка Нидзё

По иронии судьбы именно в замке Нидзё в достопамятном 1867 году 15-й и последний Токугава – Ёсинобу – подписал отречение в пользу императора Муцухито. Через год замок занял имперский кабинет, а шток-розу на гербе сменила хризантема.

С 1939 года Нидзё был передан в ведение города Киото, а ещё через год открыл свои могучие ворота для любопытной публики. К которой сегодня спешил присоединиться и я.

То, что вы у цели, легко понять по белоснежному домику-башне на другой стороне площади, возвышающемуся над углом серой стены, сложенной из внушительных каменных глыб. Перейдя площадь, вы натыкаетесь на магазинчик, торгующий изящными мраморными надгробьями, поворачиваете вдоль замкового рва, наполненного водой, направо и метров через пятьдесят оказываетесь у входных ворот.

В то утро ворота были открыты, однако стоявшая перед ними очередь из разноцветных японцев подозрительно не двигалась. Я приблизился и обнаружил, что за первой очередью внутрь замка находится ещё одна, в кассы. Хотя нет, мне это только показалось. Просто я снова, как и на завтрак, пришёл к самому открытию, а если замок начинал работу в 8:45, то вы не войдёте в него в 8:44. Вы же в Японии.

Так что очередь была единая. Я встал последним, однако за мной сразу вырос новый хвост. Японцы были приветливы и веселы. Они ещё больше оживились, когда впереди кто-то что-то прокричал, и мы неторопливо тронулись. Поравнявшись с кассами, я вынырнул из очереди, сказал в окошко «Ити!» (один), отдал 600 йен (7 долларов) получил красивый цветной билетик с фотографией одного из внутренних строений замка и снова пристроился к очереди. Передо мной стояло человек сто, но в итоге вошли мы минуты за 3-4.

Под ногами шуршал гравий.

Через большие мрачные ворота Карамон, увенчанные подобием тяжёлой деревянной шапки с золотыми крепежами, я вместе с несколькими группами громкоголосых школьников в одинаковой

форме вошёл на территорию главной здешней достопримечательности – внутреннего кольца обороны с дворцом Ниномару.

«Дворец» сказано, конечно, громко, поскольку перед вами просто череда хоть и высоких, но одноэтажных строений из кипариса, соединённых крытыми деревянными переходами. Вход в Ниномару (Второй двор) прямо перед вами: через ещё одни красивые ворота в углу здания, служившие ранее, как говорят, подъездом для карет. Не спешите входить. Поднимите голову и поразитесь необыкновенно сложной и витиеватой резьбе на фронтальной панели, запечатлевшей переплетение летящих птиц, фазанов и изящных цветов.

Куда идти точно, я не знал, а потому двинулся направо вдоль длинного ряда полок, на которых уже стояла чья-то обувь.

Не помню, упоминал ли я ранее, но, собираясь в Японию, обязательно захватите с собой некоторое количество носков. Чем больше, тем лучше. Они вам непременно пригодятся. Только не рваные и не штопаные. Потому что при входе во все помещения вам придётся разуваться. И не бойтесь – полы всюду будут идеально чистыми. Ну так как, рискнём?

Типичная картина перед любым замком, храмом и музеем

Пока я с трудом стягивал ботинки (лавочек нигде не было, как не было их почти нигде и в моих последующих странствиях) и выбирал для них место на полках, меня незаметно окружили толпы школьников. Они лихо скидывали обувь прямо перед деревянным настилом даже не наклоняясь, ставили её куда попало, улыбались

мне, а когда замечали, что я включаю камеру, весело кивали и показывали любимый в Японии знак – V, Викторию – два разведённых в стороны пальца.

Как я потом понял, меня угораздило оказаться в «отстойнике», где собирались группы. Из европейцев я был здесь один. По гравию рядом с нами шуршали учительницы, тоже в форме и с привлекающими внимание флажками.

Кто-то что-то сказал, все моментально застыли (включая меня), и девушка в будке впереди очереди громко и пискляво прочитала, судя по всему, короткую лекцию о том, как нужно себя вести внутри дворца.

Самым грустным было то, что многочисленные таблички строго запрещали всякую съёмку, будь то фото или видео. Путешествуя по Европе, особенно такой заслуживающей внимания и запечатления, как Италия, я стараюсь подобные предупреждения игнорировать и нагло снимать, пока ко мне не подбежит какая-нибудь смотрительница и не зашепчет на весь зал: *No video! No video*! Не снимал я, кажется, только на вилле Боргезе да и то лишь потому, что там камеры и вообще всё лишнее заставляли сдавать в специальную камеру хранения. В Японии же я невольно поддался всеобщей дисциплине и решил не нарушать моральных устоев. Если японцы всю жизнь тренируются «сохранять лицо», почему я должен вторгаться в их устои со своим караваем?

Итак, дружной вереницей мы отправились осматривать дворец. А вот и тот вход, через который мне следовало заходить как индивидуалу! Те же полки для обуви и отсутствие сидений. Да и всё равно теперь. Поток-то общий.

Обход всего комплекса Ниномару займёт у вас от силы минут десять-пятнадцать. Вы будете идти по деревянным полам сплошной галереи, а по правую руку от вас будут открываться застланные чистенькими японскими циновками (татами) просторные и совершенно пустые помещения, которые как древним, так и современным японцам должны представляться настоящей роскошью. Я имею в виду их повседневную зажатость в крохотных квартирках, в крохотных домах, втиснутых в крохотные пространства улиц.

Стены, точнее раздвижные двери и потолки помещений скудно, но со вкусом расписаны. Здесь постарались художники школы Кано, знаменитые в XV веке, хотя происходили из незнатной самурайской семьи. В замке Нидзё собраны их самые большие произве-

дения: пейзажи в китайском стиле, изображения людей, цветов, птиц. В первой же комнате можно полюбоваться картиной с гигантскими кошками. Говорят, в то время японцы плохо разбирались в живности и считали леопардов самками тигров.

Прогулка под писк полов

Главной «фишкой» дворца считаются «соловьиные полы» или *угуисубари*. Идя по стертым временем и уложенным перпендикулярно доскам, вы, действительно, слышите почти каждый свой шаг. Звучит это, на мой вкус, не столько как птичья песня, сколько как перуанская дудка. Но важно не это, а то, что полы выполняют свою задачу: не дают врагам прокрасться в покои хозяев незамеченными. Достигается подобный эффект за счёт того, что оставленные под досками гвозди и стружки трутся друг о друга при надавливании ногой[18].

Ступая под мелодичное поскрипывание вперёд, не забывайте поднимать голову и обращать внимание на красиво расписанные необычными цветками деревянные потолки.

Таким образом, вы минуете Комнату ивы, Комнату молодой сосны, Комнату слуг, Комнату приёмов, Комнату министров, Ком-

[18] В книге С. Тёрнбулла *Warriors of Medieval Japan* я обнаружил другое объяснение. По мнению исследователя, скрип издают не сами половицы, а специальные металлические скобы, которые трутся о дерево при нажатии на пол.

нату императорского посланника и огибаете Великую залу, Охирома Итинома. Здесь вы можете лицезреть пятнадцать коленопреклонённых фигур в нарядных одеждах: десять даймё, четырёх гордых слуг и самого сёгуна на невысоком помосте. Почувствуйте себя знатным японцем, потому что в те времена до этой комнаты допускались лишь избранные.

Дальше ваш путь лежит мимо внутренних, ничем не примечательных покоев дворца, мы делаем с вами полный круг и оказываемся там же, где оставили свою обувь.

Разумеется, этим осмотр замка не ограничивается.

Если стоять лицом ко входу для карет с воротами Карамон за вашей спиной, то слева вы увидите два чугунных колокола, установленных зачем-то прямо на гравий, а рядом с ними – проход в сад Ниномару. Ступайте именно туда. Вас ждёт приятная прогулка вокруг пруда, обложенного причудливыми камнями. При желании в пределах извилистых берегов пруда можно насчитать три островка. Растущие повсюду невысокие деревца – это вишня, японская слива, фигурно подстриженные сосенки и даже нечто вроде укороченных пальм. Справа, в глубине, обратите внимание на сверкающий под лучами солнца водопадик.

Один из многих видов сада Ниномару

Создал это чудо природы художник и аристократ Кобори Энсу, второе (из многих) подобных произведений которого мы с вами увидим в последний день путешествия, в Осаке. Особенно прославился Кобори не столько садоводством, живописью и поэзией, сколько мастерством чайной церемонии. Один из стилей даже получил его имя – Энсу-рю. Этому искусству Кобори специально учил третьего сёгуна из рода Токугава – Иэмицу, внука Иэясу.

Вообще японские сады принято разделять на четыре типа: чайные, ландшафтные (или пейзажные), сухие ландшафтные и райские. Мы, думаю, ещё не раз к этой теме вернёмся, а пока просто запомним, что райские и сухие ландшафтные предназначались для созерцания с одного ракурса, а чайные и пейзажные – для неспешных прогулок, поскольку буквально с каждым шагом дарили (и по-прежнему дарят) зачарованным путникам смену скрывающейся и открывающейся перспективы. Сад Ниномару относится как раз к разряду пейзажных. Это особенно чувствуется, если вы не просто прогуливаетесь, но ещё и снимаете окружающую вас прелесть на фото и видео.

Осмотром сада заканчивается наше знакомство с первым редутом обороны замка. Мы оказываемся перед ещё одним рвом, залитым зелёной водой с прожорливыми разноцветными карпами, на которых можно полюбоваться с мостика, прежде чем вступить в пределы центрального укрепления, называемого Хонмару (Основной двор).

Вас сразу же обступают могучие каменные стены, сложенные из тёсаных глыб, очень напоминающих плотной кладкой мегалитические строения древних. Только здесь, в Японии, почему-то никому не приходит в голову сомневаться в том, что их возвели без кранов и пил обычные трудолюбивые японцы средневековья, а не божественные посланцы десятки тысяч лет

тому назад, как то принято считать в случае перуанского Куско и т.п.

В Хонмару есть свой дворец, называемый, разумеется, дворец Хонмару (*Хонмару Готэн*). Говорят, оригинальный комплекс состоял из 55 зданий, а то, что мы видим, появилось тут всего лишь в 1893 году и раньше носило имя дворец Кацура. В 1928 году именно в его стенах проходил торжественный банкет в честь восшествия на престол императора Хирохито. Для публики дворец обычно закрыт.

Пройдя по лужайкам и дорожкам мимо белостенного Хонмару, вы упираетесь в крутую каменную лестницу, ведущую вверх двумя уступами. Поднявшись по ней, вы выходите на просторную квадратную площадку, откуда открывается превосходный вид на парк под вами и часть Киото. Знайте, что вы стоите на том месте, где вплоть до 1750 года находилась пятиэтажная башня, главное укрепление замка, которое в европейской традиции называется на французский манер донжон. Говорят, башня сгорела при пожаре, и её почему-то никто не стал восстанавливать.

Посреди площадки расположено несколько каменных скамеек, так что при желании можете передохнуть и понаблюдать за наслаждающимися погодой и окружающей красотой японцами.

Кстати, о японцах. Пока я делаю очередную серию фотографий, обратите внимание на то, какие они спокойные и непринуждённые. Говорят, на работе они выворачиваются наизнанку, жутко переживают обо всём, отдыхают разве что в клубах караоке и вообще довольно закомплексованные. Может быть. Я этого не заметил. Зато они по-настоящему честные. Смело заходите в метро или автобус с открытой сумкой, набитой кошельками или телефонами – никто в неё даже не подумает залезть. Забудьте на скамейке дорогущий фотоаппарат и вернитесь за ним, спохватившись, через час: он будет на месте. Я читал историю о том, как один наш соотечественник забыл в поезде обычную куртку, так его разыскали, а куртку переслали на ту станцию, рядом с которой он жил.

Поэтому нам с вами в Японии хорошо. А вот самим японцам, вернее, японским туристам, привыкшим ко всеобщей честности, где-нибудь в Европе – очень худо. Тем более гидам. Потому что их наивные (ведь мы уже научились называть честность наивностью, не правда ли?) подопечные ходят по Парижу или Лондону с по-домашнему расстегнутыми сумками, направо и налево показывают кошельки и то и дело что-нибудь забывают. А Европа – это вам не

Япония, тут только глаз да глаз. В Японии население весьма мононационально. Просто так на улицах не увидишь ни негра, ни араба, ни цыган. И знаете, ведь из-за этого атмосфера совсем другая, какая-то правильная и ладная. Все сразу видят, что ты здесь гость, и тебя уважают. И ты чувствуешь себя гостем и уважаешь тех, кто относится к тебе по-хорошему, уважаешь их правила и традиции.

Всё, фотографий достаточно, пора двигаться дальше. Снова опасный сход по почти отвесным ступенькам, прогулка вдоль стены и поворот налево, на второй и последний мост через ров, выводящий нас за пределы Хонмару.

Свернув после моста ещё раз налево, я не спеша обошёл Хонмару по парку, любуясь тем, с какой заботой здесь ухаживают за деревьями, оборачивают стволы и подвязывают ветки, посмотрел снизу вверх на основание сгоревшей башни, где сам только что стоял и откуда теперь постреливали в разные стороны фотоаппаратами новые посетители, и решил вернуться к выходу как-нибудь по-другому. Я пересёк парк с юга на север и оказался в саду Сейрю-эн, разбитом здесь относительно недавно, в 1965 году.

Ничего страшного, если вы почувствуете себя тут эдаким бедным родственником, которого не пускают внутрь заполненного гостями дома. Идя по дорожкам сада, вы увидите вдали, за кустами, на лужайках целые шатры со столиками, накрытыми для интеллигентно толпящейся тут же публики в строгих костюмах или радующих глаз кимоно. Однако ведущие к ним дорожки перекрыты, а стоящие рядом мужчины в форме вежливо поинтересуются, есть ли у вас приглашение. Потому что Сейрю-эн изначально мыслился как место для приёмов официальных гостей Киото и различных корпоративных мероприятий. Если вам интересно, и ваш фотоаппарат

снабжён телевиком, можете поснимать народ издали, никто не запрещает.

Наконец, сфотографировав прелестный беленький домик на ковре зелёной травы, я свернул направо, на финишную прямую. Она пролегала через подобие импровизированного рынка с одинаковыми красными палатками в два ряда, серьёзными продавцами и немногочисленными покупателями. Продавали здесь всякую непонятную всячину, в основном, вероятно, съедобную. Причём, что называется, для своих. Поскольку все надписи были сделаны исключительно японскими иероглифами.

Перед самым выходом на улицу можете ещё заглянуть в довольно большой магазинчик сувениров и даже что-нибудь там купить на память. Я походил, посмотрел, но так ни на чём свой придирчивый выбор не остановил, ибо знал по опыту, что всё то же самое можно при желании приобрести и в городе, только по более умеренным ценам.

Напоследок хочу предупредить. Замок Нидзё закрыт с 26 декабря по 4 января, а также по вторникам в июле, августе, декабре и январе. Так что планируйте свой приезд в Киото соответственно.

***Глава V**, в которой мы поразмышляем об азартных играх, императоре, свастике, деревьях, японских волосах, камнях, синтоизме и буддизме, об оранжевом цвете*

На Хорикава-дори возле касс уже никакой очереди не было. Я накормил очередной вендорный автомат мелочью, побаловал себя ледяной бутылкой оранжевой витаминной воды и отправился по карте вверх, на север, искать пересечение с Марутамати-дори, чтобы по ней потом дойти до Императорского парка.

Отличительной и весьма приятной особенностью Хорикава-дори, как вы вскоре обнаруживаете, является узенькая речка, протекающая, можно сказать, посреди улицы, правда, метра на три ниже уровня земли, в бетонном жёлобе, куда можно спуститься по многочисленным лесенкам. «Бетонный жёлоб» звучит довольно грубо, хотя и отражает суть. Считайте, что это искусственный овражек, склоны которого засажены деревцами, внизу расставлены скамейки, и в итоге вы оказываетесь в симпатичном оазисе посреди города. По одну сторону вдоль «овражка» оживлённо снуют автомобили, по другую – идут немногочисленные прохожие и стоят разнотипные жилые дома, а внизу тишь и благодать.

Как я потом выяснил, такое замечательное во всех отношениях положение дел здесь недавно. Долгое время речка Хорикава была спрятана под толщей бетона. Бетон убрали, деревья посадили, и теперь любой может насладиться царящей здесь безмятежностью.

Удобно вытянув ноги и допивая витамины, я в очередной раз сверился с картой и решил, что завтра именно тут будет снова проходить начало моей утренней прогулки – только теперь уже велосипедной.

На углу Хорикавы на Марутамати меня поджидал очередной местный соблазн. Не столько меня, сколько миллионы азартных японцев. Это чисто японское явление получило здесь название *потинко*. Причём писать его они предпочитают на ромадзи – *Pochinko*. С нашей «починкой» оно никак не связано. Как не связано и с ирландским почином (*poitin* или *poteen*), т.е. самогоном, о котором я подробно писал в своей прошлой книге «Солнечный Альбион».

Слово «потин» в японском языке звукоподражательное. Насколько я понимаю, для них так звучит рогатка при выстреле. Суффикс «-ко» уменьшительный. То есть получается, что что-то куда-то стреляет и при этом всё выглядит мило и забавно. Что же это на самом деле?

Вы наверняка знакомы с игрой в пинбол. В ней вы выстреливаете шарик на наклонное поле, а потом при помощи лапок-флипперов стараетесь либо как можно дольше удержать в движении и помешать скатиться вниз, откуда его уже не достать, либо за-

бить в лунку с наибольшим количеством очков. А теперь представьте, что пинбол поставили вертикально, флипперы убрали, понатыкали в поле кучу гвоздиков, а шарики выстреливаются не по одному, а сплошной очередью. Вот это и есть потинко.

Пройдя через звуконепроницаемые стеклянные двери, я был буквально раздавлен царившей внутри какофонией звуков. Несколько сотен автоматов стучали шариками, пищали и напевали, подбадривая игроков (немногочисленных в это раннее воскресное утро), а всё это перекрывала оглушительная дискотечная музыка.

Я направился к девушке за прилавком и пояснил жестом, что хочу тут поснимать. Она кивнула в знак понимания, но снимать строго запретила. Реакция совершенно естественная, я ничего иного не ожидал, однако был соблазн проявить настойчивость. Когда я ещё в такой кутерьме окажусь!

Девушка вызвала на помощь управляющего. Молодой человек в брюках и белой рубашке был со мной подчёркнуто любезен, однако поначалу внять моим просьбам не спешил. Я пояснил, что сделаю всего несколько снимков в копилку любопытного туриста и никакого шантажа не замышляю. Управляющий дал слабинку (или мне это только почудилось), я прямо у него под носом включил камеру и несколько секунд запечатлевал происходящее, стараясь во избежание сложностей физического порядка не пускать в кадр самих игроков.

Процесс игры сводится к следующему алгоритму. Вы садитесь перед автоматом, вставляете в него купюру или карточку, и вам в лоток высыпается металлический горох на оплаченную сумму. Затем вы подкручиваете регулятор силы выстрела, нажимаете на кнопку, и шарики начинают выстреливаться вверх по полю. Ваша задача чрезвычайно сложна – смотреть да подправлять регулятор. Ничего больше вы сделать просто не можете. Цель у вас одна – заставить автомат вернуть вам ваши шарики и отсыпать максимальное количество сверху. Тут тоже существуют разные бонусы и джекпоты, так что вероятность остаться в прибыли есть. Когда вам надоело играть, вы ссыпаете полученные шарики в пластмассовый лоток, получаете обратно неиспользованные деньги (если таковые ещё имеются), нажатием кнопки вызываете сотрудника зала, он (или она) тащит ваш лоток к специальной машине, которая выигрышные шарики считает и выдаёт фиксирующий точное количество шариков чек. Чек действует сутки. Что с ним делать? Пройтись

по расположенному здесь же магазинчику и набрать на указанную сумму шариков каких-нибудь ненужных призов вроде чайников, зажигалок и жвачек. Потому что азартные игры на деньги в Японии официально запрещены.

Есть, конечно, и другой способ.

Если вы выиграли достаточно большое количество шариков и не хотите идти домой с пылесосом, можете попросить дать вам «специальный приз» – брусочек золота в прозрачном пластике. Или несколько, в зависимости от суммы. Вы забираете этот выигрыш с собой, выходите из потинко, сворачиваете за угол и где-нибудь в соседнем дворике обнаруживаете пункт приёма специальных призов. Здесь вам за них заплатят настоящие йены. И вы сыты, и законы целы. Вы выиграли не деньги, а приз, просто потом этот приз с выгодой продали.

Полиция смотрит на эти метаморфозы совершенно спокойно, а многие бывшие служители закона после выхода на пенсию сами идут работать в потинко.

В тех отечественных передачах, что рассказывали об азартных играх в Японии, говорилось, будто владеют этими своеобразными казино японские мафиози – *якудза*. Вероятно, так оно и было изначально. Истоки игры прослеживаются до 20-х годов прошлого века, а первый салон открылся в конце 30-х в городе Нагоя. С участием в денежных операциях якудзы полиция стала особенно жёстко бороться ещё в 60-е годы. В 90-е якудза практически оставила потинко в покое. Сегодня 90% почти 20 000 салонов по всей Японии принадлежат этническим корейцам, так называемым *дзаинити*, которые стали гражданами империи в период японской аннексии 1910-1945 годов. Более поздние иммигранты из Кореи к дзаинити не относятся.

Не знаю, пробудил ли я в вас аппетит к шарикам и золотым призам, но сам я человек до безобразия не азартный. Помнится, в Дурбане для меня было пыткой просидеть несколько часов в роскошном местном казино лишь потому, что в определённое время нас с коллегами должны были оттуда централизованно забрать и вернуть в гостиницу. При этом я был директором по маркетингу одной из крупнейших игровых сетей РФ и приехал в ЮАР не просто так, а в командировку по обмену опытом. Кто бы знал, как я там скучал, время от времени позволяя тупому шкафу с лампочка-

ми откусывать по чуть-чуть от моих командировочных. Не читать же в казино умные книги!

Улица Марутамати, на которую я не без облегчения вышел из грохота и звона потинко, с первых дней своего существования считалась местом проживания японской аристократии периода Хэйан. Ещё бы, ведь на ней фактически расположено жилище главного человека в стране. Точнее, даже не человека, а потомка богов, микадо, императора всея-всея. Тянется эта улица с запада на восток добрые восемь с половиной километров.

Кстати, если интересно и если вы знаете английский язык[19], можете найти в интернете целую подборку получасовых документальных фильмов, совсем недавно подготовленных японским телевидением NHK и рассказывающих об отдельных улицах Киото. Сериал так и называется – *Mapping Kyoto Streets* («Нанесение киотских улиц на карту»). В сети, правда, они оказались уже после моей поездки, так что излагаемой в них довольно занятной информацией я во время непосредственного знакомства с городом воспользоваться не мог. Зато они дали мне понять, сколько ещё примечательного я там не видел. И это по-своему хорошо!

Так вот, по поводу микадо.

По конституции 1947 года, отменившей само понятие «империя», император является «символом страны и единения народа». Кроме того, он выступает главной фигурой в религии *синто*, поскольку считается, что корни его рода уходят к божественной Аматэрасу, олицетворяющей собой солнце. Император Японии – единственный из современных монархов, которого собственно называют «императором».

Примечательно, что сами японцы предпочитают величать своего императора термином *тэнно* – «небесный владыка». Термин же «микадо», по-видимому, пришёл к нам из англоязычной литературы. «Микадо» означает «почтенные или высокие врата либо портал». Как тут ни вспомнить принятое в истории дипломатии наименование правительства Османской империи – Высокая Порта, по названию ворот в центре Стамбула, ведущих во двор великого визиря. Не уверен, что между японским императором и Османской империей есть какая-то связь, но совпадение примечательное, не правда ли? Сродни японскому слову «яма», которая на русский переводится как «гора».

---

[19] В противном случае обращайтесь ко мне на сайт *best-repetitor.jimdo.com*

Японская династия императоров не только единственная из уцелевших, но и самая древняя из всех существующих монархий. Согласно «Кодзики», древнейшему памятнику японской литературы, создание японской империи относится к 660 году до н.э. Правда «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), были записаны со слов сказителя Хиэда-но Арэ лишь в 712 году уже н.э., а потом, как водится, канули в Лету и дошли до наших дней в списке 1372 года. Не хочу ни на что намекать, но фактически получается, что о 2000-летней древности рода своего императора японцы узнали только в XIV веке.

Чтобы пролить свет на генеалогию японского императорского дома, достаточно как следует порыться в курганах *кофун*, которых в Японии множество, и примечательны они тем, что с высоты очень похожи на замочные скважины. Будто говорят: «Ну, не стесняйтесь, товарищи археологи, подберите к нам ключик». Только кто же археологам разрешит ворошить прошлое?

Император Мэйдзи. Эти фотографии разделяет один год

Ни нынешний император Акихито, ни его предшественники не были по сути полновластными правителями страны, как то происходило в истории европейских королевских дворов. За ними всегда кто-то приглядывал: то клан Сога (530-645), то Фудзивара (850-

1070), то Тайра (недолго), то Минамото (1192-1333), то Асикага (1336-1565), то Токугава (1603-1867). При этом Минамото, Асикага и Токугава формально назначались на их должности с благословения императора. Сегодня Акихито при желании может попытаться вмешаться в дела государства, однако его решение будет иметь силу лишь в том случае, если его одобрит кабинет министров во главе с премьером.

Думаю, вам будет также небезынтересно узнать, что сами японцы никогда не называют своих императоров по именам. Это старая традиция, касающаяся не только императоров. Японцы считают, что называть человека по имени невежливо, особенно если он относится к аристократии. Для обращения обычно используется имя рода, то есть фамилия. Сегодня, правда, это правило пересматривается, и к друзьям всё чаще обращаются по имени. Императоров это послабление не касается. Их по-прежнему называют по той эре, в которую они правили. Например, отца нынешнего Акихито «в миру» звали Хирохито. Эра, в которую он правил, вошла в историю как эра «просвещённого покоя» – *Сёва*. Теперь покойного Хирохито в Японии зовут «император просвещённого покоя» или *Сёва Тэнно*.

Когда 7 января 1989 года имперский дворецкий объявил о кончине Сёва Тэнно, глава кабинета министров объявил, что новая эра будет называться Хэйсэй – «мир повсюду». Когда нынешнего императора Акихито не станет, его, как вы уже поняли, будут называть Хэйсэй Тэнно.

Равноправие никогда не было отличительной особенностью японского общества. Так вплоть до начала XX века за императорами сохранялось право практиковать полигамию. Иногда у императоров бывало не просто несколько наложниц, но две полноценные жены. Благодаря этому обстоятельству череда наследников на престол никогда не иссякала. Правда, дети от фактической императрицы (первой жены) имели преимущество перед сыновьями второй супруги.

С другой стороны, из всех восьми императриц ни одна не вышла замуж и не родила ребёнка после восшествия на престол. Некоторые из них к тому моменту уже были вдовами и имели детей.

По традиции императорские фамилии варились в собственном соку, то есть справляли свадьбы между родственниками. В дело шли двоюродные братья с сёстрами, дяди и племянницы. Лишь бы

сохранить в жилах голубую кровь. Раз этот обычай существует повсеместно, похоже, в нём действительно есть глубинный смысл. Чреватый, правда, неминуемым вырождением, но это уже другая история.

Главным поставщиком жён для императоров стал род Фудзивара. Что в крови этого изначально непримечательного дворянского клана было такого существенного – неизвестно, однако исторический факт остаётся фактом: в качестве императоров всем прочим предпочитались дети от жён Фудзивара. Последнее слово за генетиками, но они, разумеется, дипломатично промолчат. А ведь могли бы, например, пролить свет и на одну из до сих пор неразгаданных загадок нашей отечественной истории: был ли Пётр, уехавший в Европу, тем Петром, который вернулся и стал выкорчёвывать из России всё русское. Казалось бы, чего проще: сравни ДНК похороненного Петра с останками его родственников. Окажутся ДНК одинаковыми, значит, дураки те, кто сомневаются в том, что несколько лет за границей могут заставить человека забыть не только свои корни, но и русский язык, начать говорить с акцентом, убивать родственников, которые могли бы заметить подмену, гнобить население целой страны неизвестными доселе табаком и водкой, вводить 1 января празднование «нового гада», извините, «года», и делать много прочих гадостей. Если же ДНК всё-таки окажутся на поверку разными, хммм, увы, придётся в очередной раз переписывать историю многострадальной Россиянии…

Возвращаясь к японцам, замечу, что нынешняя императрица по имени Митико является первой в этом статусе, которая не может похвастаться не только связью с кланом Фудзивара, но и вообще породистой родословной. Её отцом был президент мукомольной компании, она училась в Гарварде и Оксфорде, а с будущим мужем-императором, говорят, познакомилась на теннисном корте.

Из задумчивости меня вывел отчаянный лай собак.

Несколько крохотных щенков с упоением носились внутри зелёного вольера, установленного прямо на улице перед входом в магазин, где торговали товарами для домашних питомцев. Щенки весело дрались и мало обращали внимания на меня и мою камеру.

Сегодня улица Марутамати производит впечатление обыкновенной рабочей магистрали: разношёрстные панельные домики и домишки, лавчонки на первых этажах, паутина проводов над головой, деловитые букашки машин, спешащих по своим делам. Не

ждите здесь хвалёного «21-го века» и прочей чепухи, которую вы наверняка слышали о Японии. Тут живут и трудятся обычные люди. Но страна эта тем и хороша, что её никогда не нужно воспринимать буквально. Особенно если вы оказались в Киото. Здесь нужно никуда не спешить, а неспешно прогуливаться, обращая внимание на разные мелочи, которым нет числа.

Вот, например, слева, прямо за железной оградой маленькое каменное святилище, похожее не то на уютный скворечник, не то на передвижной уличный театр кукол. Ещё через дом – другое.

Если вы бывали в Бангкоке или вообще где-нибудь в Азии, то наверняка видели подобные сооружения. Люди кладут в них цветы, фрукты, вставляют благовония. Однако не торопитесь понимающе кивать и идти дальше. Присмотритесь. Вы увидите вырезанные в камне или дереве наши славянские коловраты. Которые в обиходе называются на санскритский лад – свастика.

В Японии, как и на Руси, свастика (японцы называют её *мандзи*) всегда была и остаётся символом позитивным. Её изображения можно увидеть не только в древних буддийских храмах, но и как декоративный элемент при строительстве зданий, а также на флагах и доспехах самураев, то есть в качестве семейного герба. Она даже стала официальной эмблемой города Хиросаки.

На японских картах месторасположение буддийских храмов тоже обозначаются свастикой. Для непосвящённого россиянина, воспитанного на непонимании и отрицании всего исконно русского, карта того же Киото, испещренная «фашистски-

ми» символами, может на первый взгляд показаться, мягко говоря, неожиданной. Эх, коротка человеческая память, не устаю вздыхать я, рассматривая фотографии «керенок»[20], где свастика аж во весь фон. Свастичный орнамент попадался мне не только в украшении русских изб, но и на улицах Италии, в Милане, например, даже в узоре мозаичных полов Ватикана. Не верите? Можете съездить полюбопытствовать, а можете прибегнуть к помощи (часто сомнительной) интернета.

Если же вы сами когда-нибудь интересовались этим вопросом, то наверняка знаете, что коловрат отражает четыре составные части славянской структуры личности – тело, душу, дух и совесть. В противовес тем, кто ведёт свой род от Адама и кто изображает свою структуру наложением двух треугольников: вершиной вверх (тело) и вершиной вниз (душа). Правда, тело, физическая оболочка, есть у всех предметов нашего мира, душа есть тоже не только у деревьев, но и у камней (о чём забыли мы, зато прекрасно помнят в Японии), а вот когда один просвещенный товарищ пришёл к своим соплеменникам и сказал, что послан, чтобы дать им духа и совести, дабы «стали они чисты, как дети малые», те вместо благодарности его повесили. Или распяли, как свидетельствуют более поздние редакции той грустной истории…

И это вовсе не Германия 1930-х годов…

[20] Если вы вдруг не слышали, то так назывались в России деньги времён Керенского, способствовавшего вместе с временным правительством скорейшему приходу к власти большевиков.

Есть коловрат и на небе. В Москве и Подмосковье он виден плоховато, вероятно, в силу загрязнённости не только голов, но и неба, а вот если отъехать подальше, куда-нибудь в Сибирь, то достаточно найти Большую Медведицу и проследить взглядом влево от её «ковша». Оттуда блюстители разных кривых идеологий её уж точно не выковыряют.

Пока я размышлял о свастиках и многих других неправильно трактуемых символах и знаках, ноги сами принесли меня на большой перекрёсток, скорее напоминающий площадь. По другую сторону улицы за пешеходным переходом поднималась примерно метровой вышины каменная кладка, на которой плотным слоем выстроились вековые деревья.

Хотя, вероятно, правильнее сказать многовековые. Мы с вами в обычной жизни как-то не особенно обращаем на окружающие нас деревья внимание, но если приглядеться к ним, то мы обязательно заметим, что они все какие-то не очень старые. Просто деревья и деревья. Зато эта особенность бросается в глаза, когда мы путешествуем, например, по Англии, где в любом парке и уж тем более лесу безошибочно угадываются стволы, которым по многу сотен лет. Помнится, я когда-то учился в Эшридж-колледже, что под Лондоном. Так там возле маленького старинного дворца, где мы обедали и слушали лекции, рос ничем не примечательный внешне дубок, непримечательный до тех пор, пока я ни заметил табличку, которая свидетельствовала о том, что его в 1823 году посадила тогда ещё принцесса Виктория, ставшая впоследствии королевой.

Это я к тому, что и в Англии, и в Японии вы можете без труда найти деревья, которые смотрятся гораздо импозантнее того двухсотлетнего дубка. В Японии, где, как я уже говорил, по-прежнему чтят нашу славянскую традицию одушевлять деревья, камни и вообще практически всё на свете, деревья наиболее древние и почтенные (сразу вспоминается живой лес у Толкиена) считаются священными. И вы это сразу видите по тому, как трепетно с ними обходятся. К слову, когда я только что шёл вдоль речки по Хорикавадори, мне на глаза попалась железная решётка, специально распиленная и заново приваренная таким образом, чтобы дать возможность продолжать расти укоренившемуся здесь стволу. Зачем спиливать дерево, если можно его не спиливать?

Точно также я не понимаю людей, которые по весне начинают во всех дворах сжигать павшую листву. Кому она мешает? Деревья миллионы лет жили без «заботы» человека и жили неплохо. Хорошо, смети ты листья с тротуара, но сжигать-то зачем? Чтобы почва лишилась естественного удобрения?

Я думал об этом, идя вдоль каменного бордюра, поскольку то и дело натыкался взглядом на по-настоящему красивые своей древностью стволы, которые этот бордюр прерывали. Не выламывали камни, а именно прерывали, то есть ещё в те времена, когда он тут закладывался, их никто не срывал и не срубал, а осторожно обкладывал и позволял расти дальше.

Пример старого дерева в центре города, а также причины, по которой японские деревья до такой старости доживают

И вот мы с вами незаметно подошли ко входу в Императорский Парк. Никаких ворот, касс и очередей. Переступаешь с тротуара на гравиевую дорожку – и ты в парке.

Это самый большой зелёный оазис в центре Киото. Его прямоугольник имеет 700 метров в ширину и 1 300 метров в длину. Для Японии, где на счету каждый сантиметр территории, он – квинтэс-

сенция зажиточности. Жить так просторно могли позволить себе только императоры.

Кроме соснового леса и нескольких озёр, в черте парка расположено два дворца – *Киото Госё* (Императорский дворец) и *Сэнто Госё* (Дворец ушедшего на покой императора). С дорожек их не увидеть, поскольку они прячутся не только за деревьями, но и за высоченными стенами, какие я видел разве что в ЮАР, где люди более или менее зажиточные опасаются гнева нищей толпы даже больше, чем на Рублёвке.

Если вы хотите проникнуть за стены, вам надлежит обратиться в *Кунайтё* (Агентство императорского дворца), контору которого вы можете найти здесь же, в северо-западном углу парка. Само агентство интересно тем, что не подчиняется премьер-министру, а также государственным законам, регламентирующим деятельность музейных учреждений. В нём хранятся личная печать императора и государственная печать.

В агентстве вам не только продадут билеты, но и прогуляют в группе по внутренней территории. Экскурсии на английском языке проводятся с 10:00 до 14:00, на японском – с 11:00 до 13:30. Вероятно, на японские группы времени отводится меньше потому, что местные давно смекнули, что ничего интересного они там не увидят. Дело в том, что, во-первых, занимающая около часа экскурсия проходит по садам, но мимо самих зданий дворцов, в которые вас не пустят даже с билетами.

Во-вторых, если вы знакомы с историей Киото (или дочитали до этого места), то знаете, что Императорский дворец в очередной раз был восстановлен лишь в 1855 году. На протяжении многих веков он «кочевал» по всему Киото. Помните, мы с вами свернули мимо зала потинко с Хорикава-дори на Марутамати-дори? Если бы мы свернули не направо, а налево и прошли по Марутамати до пересечения с Сэнбон-дори, то обнаружили бы на перекрёстке сверкающие серебром памятные металлические таблички и узнали, что именно на этом месте вплоть до 1227 года находился оригинальный Императорский дворец, который, как водится, благополучно сгорел и от которого сегодня не осталось и следа. В Японии его по-прежнему называют *Дайдаири*. Когда Киото только закладывался (как я уже говорил, по принципам фэншуй), пространство Императорского дворца занимало центральное положение по его северной окраине. Если наложить тот оригинальный план на сегодняшнюю

карту, нынешний Императорский парк оказывается точно на северо-восточной оконечности древней столицы.

Императорский парк поражает японцев просторами. Обратите внимание на фигуру человечка слева

Как свидетельствует история, раньше территорию современного парка занимали ещё и многочисленные дома аристократических особ, хотевших жить поближе друг к дружке, а заодно и к императору. Да и войти сюда можно было, только взяв приступом стены, от которых сегодня ничего не осталось. Когда столица переехала в Токио, аристократы собрали пожитки и отправились следом, а их дома были снесены.

Зайдя в парк через южный вход, предлагаю вам сразу же свернуть направо, чтобы сделать несколько снимков живописного японского пруда, через который переброшен высокий мост, а по берегам, выложенным камнями, прячутся в кустах несколько деревянных строений, вероятно, оставшихся от живших здесь некогда придворных.

Одно из этих зданий, ближайшее к нам сейчас, привлекло моё внимание ярко красным кимоно девушки, стоявшей возле него спиной ко мне и позировавшей фотографу. Перейдя каменный мосток, я смело приблизился, и обнаружил ещё двоих персонажей: молодого человека, тоже облачённого в традиционную парадную

одежду, и второго фотографа. Оба фотографа при ближайшем рассмотрении оказались девушками.

Мы друг другу не мешали, тут все могли найти натуру по вкусу, однако я краем глаза за ними наблюдал и скоро пришёл к выводу, что это либо молодожёны, решившие провести свадебную фотосессию в столь доступном и в то же время уединённом месте, либо просто модели, участвующие в съёмках для журнала, календаря или открыток.

Осмотревшись, я понял, что нахожусь на искусственном островке с каменной косой, на которой росло несколько карликовых деревьев. Основное пространство занимало маленькое строение, больше похожее на храм, чем на когда-то жилой дом. Перед ним стояли невысокие серые ворота *тории*, которыми в Японии принято отмечать близость к *синтоистским* святилищам. Как я потом выяснил, эти самые ворота были одними из всего лишь трёх тории в Киото, сделанных из камня. Вообще тории повсюду, но сугубо деревянные и выкрашенные в оранжевый цвет. Подробнее мы поговорим о них дальше. Домик за воротами, действительно, оказался храмом, носящим в справочниках название Ицукусима. Он остался для меня небольшой загадкой, поскольку вообще-то храм Ицукусима находится на одноимённом острове в префектуре Хиросима. Более того, когда в поисковике вводишь английское словосочета-

ние *Itsukushima Shrine* и дописываешь *Kyoto*, то можешь оказаться на сайте, где описывается, будто этот храм находится где-то на севере Киото, в горах. Очень странно. Как бы то ни было, храм Ицукусима в Императорском парке возведён в память о некой леди Гион, которая была матерью знаменитого полководца Тайра-но Киёмори. О его легендарных деяниях любой сегодня может прочитать в «Повести о доме Тайра» (*Хэйкэ-моногатари*). Говорят, этот глава рода Тайра был настолько несправедлив, жесток и свиреп, что когда он умирал, его охватила такая лихорадка, что любой приближавшийся к нему сгорал дотла. По одной из версий, настоящим его отцом был император Сиракава.

Покинув островок, я поднялся на мост через пруд и застал там ещё одного фотографа с громадным телевиком на треноге. Он с интересом снимал группу на острове. Рядом крутилась взволнованная ассистентка. Мне осталось лишь сфотографировать всех действующих лиц разом.

Кроме замечательных сосен и чистого воздуха, прогуливаясь по дорожкам парка, вы можете обратить внимание на две вещи, пришедшие сюда не из прошлого, а из недалёкого будущего: общественные туалеты и фонари.

Японцы на гигиене и туалетах помешены, поэтому не стоит удивляться ни их количеству (буквально на каждом углу), ни качеству (всюду царит идеальная чистота и всегда наличествует всё необходимое), ни эдакой саморекламе. Например, хорошенький беленький домик, мимо которого я проходил, окликнул меня приятным посвистыванием.

Что касается фонарей, то они в Императорском парке совершенно самодостаточны. В том смысле, что это перед вами железный столб, на столбе – светильник, а над светильником – квадратная и чуть скошенная пластина из солнечных батарей. Просто и экономно.

Если продолжать двигаться вправо от пруда, вы обязательно окажетесь на опушке огромной поляны, где в тот день собралось немало любителей древней японской игры *йакю*, по-нашему *бейсбол*. Молодёжь разбилась на группки по пять-шесть человек, и кто-нибудь один самозабвенно бросался маленьким мячиком в партнёра с битой, а остальные при этом обоих подбадривали и пытались этот мячик поймать.

Бейсбол появился в Японии в далёком 1872 году. Этой игре японцев научил некто Хорас Уилсон, который состоял при дворе императора Мэйдзи в качестве советника по внешней политике. Уже через шесть лет была организована первая команда – Симбаси Атлетик Клаб, а в 1920 году в Японии стартовала профессиональная бейсбольная лига, которая так и называлась: *Пуро* (т.е. «про») *Йакю*. С 2005 года японская команда «Самурайские медведи» стала участницей американской «золотой» лиги. Японские бейсболисты дважды выигрывали мировые первенства. В 2006 году они расправились с кубинцами, а через три года – с южными корейцами.

Сегодня бейсбол в Японии опережает по популярности все прочие виды спортивных и боевых состязаний, включая сумо и футбол вместе взятые. Написав эту фразу, я на всякий случай порылся в джунглях интернета и выяснил, что первая десятка самых почитаемых видов спорта в Стране восходящего солнца выглядит так: бейсбол, футбол, баскетбол, гандбол, регби, сумо, профессиональная борьба[21], бокс, фигурное катание и, наконец, традиционные боевые искусства.

Не думаю, что мы с вами, уважаемый читатель, относимся к почитателям бейсбола (я и в лапту-то играл, кажется, один раз в жизни, когда мне было лет семь), так что не будем терять времени, наблюдая за японскими мячекидателями, отбивателями и ловителями и поспешим не торопясь дальше.

[21] Речь не о дзюдо, как вы могли подумать, а о том идиотизме, который пришёл опять-таки из Америки и заключается в сугубо постановочных боях в ринге на публику, когда все исходы поединков заранее предрешены и можно любоваться разве что гуттаперчевостью накаченных атлетов

Теперь я шуршал гравием строго на север по одной из двух центральных аллей, идущей мимо ограждённых бежевыми стенами территорий дворцов. Изредка мимо проезжали велосипедисты, хотя при входе мне показалось, что там стоит знак, запрещающий им въезд в парк. Вероятно, я обознался, поскольку японцы не относятся к тем вольнолюбивым народам, для которых законы не писаны, так что если бы знак был, велосипедистов бы не было.

Никаких специальных развлечений вас в Императорском парке не ждёт. Будьте готовы к тому, чтобы вам здесь предстоит размышлять и созерцать. Темы для размышлений выбирайте сами, а способствовать созерцанию помогут красивые деревянные врата во внутренние (закрытые) дворики и не менее красивые деревья.

Если вы последуете по моим стопам, то слева непременно обратите внимание на черный терем ворот с коричневой покатой крышей и тонкой позолотой. Это *Кэнсюн-мон*, названные так, насколько я понимаю, в честь матери одного из императоров[22]. Какой-то задумчивый пожилой японец стоял перед ними и пробовал на прочность деревянную ограду перед воротами. Думаю, напрасно, поскольку Кэнсюн-мон закрыты для прохода.

Ворота Кэнсюн-мон

[22] Уважаемые японисты, поправьте меня, если что не так.

Площадка перед воротами по особым случаям используется для ещё одной, на сей раз уже сугубо японской игры – *кемари*. Вы её знаете лишь в том случае, если ваши чада или вы сами являетесь поклонниками японских мультиков-анимешек типа *Swords of an Honorable Ruler*, *Soul Eater* или *Bleach*. В московских дворах прошлого века она называлась просто «чеканка» и заключалась в том, кто из соперников дольше сможет чеканить футбольным мяч, не позволяя ему упасть на землю. Японцы, которые в большинстве своём предпочитают «не побеждать, а участвовать», лишили свою кемари духа соперничества. Почтенные мужи, облачённые в крайне неудобные (хотя и красивые) церемониальные одежды периода Асука (538-710 годы н.э.), включающие широченные халаты и даже специальные шапочки-пилотки на подвязках, вовсе не выявляют, кто ловчее, а напротив, помогают, подыгрывают друг другу, подкидывая мяч ногами, коленями и даже локтями.

Напротив ворот Кэнсюн-мон вы обязательно должны увидеть поваленное дерево. То место, где оно когда-то стояло и откуда сейчас начинается поверженный и изъеденный временем ствол, напоминает холмик, обнесено специальной загородкой и снабжено табличкой. Увы, сугубо на японском языке.

Примечательно дерево тем, что из распростёртого на зелёной траве ствола в большом количестве тянутся к японскому небу её

многочисленные потомки, уже переросшие состояние веточек и кустиков и всё больше похожие на настоящие стволы. Боюсь ошибиться, но предполагаю, что это – японская вишня, то есть сакура. Если будете в тех местах не осенью, а в конце апреля, напишите мне[23], будет ли это перевоплощённое в потомстве дерево цвести знаменитыми розовыми цветками.

Понятие «раскидистое дерево» по-настоящему понимаешь именно в Японии. Это когда крона разрастается так, что начинает превосходить шириной свою высоту. Разумеется, подобную пышность приходится всячески холить и лелеять. Здесь к этому готовы. Некоторые сосны стоят прямо на дорожках, среди гравия. Никому даже в голову не приходит их спилить или обломать. Если растение старое и ветви большие и длинные, под них заботливо подставляют специальные деревянные подпорки. Я не мог отделаться от впечатления, что по Императорскому парку медленно прогуливаются огромные зелёные осьминоги с многочисленными тросточками.

У нас с вами таких тросточек нет, так что рекомендую найти свободную скамейку, что не составляет труда, и некоторое время посидеть, поразмышлять и собраться с силами перед дальнейшей дорогой.

[23] На адрес shatilof@yandex.ru

Всего входов в парк я насчитал по карте двенадцать. Нам с вами предстоит выйти из правого на северной оконечности. Здесь проходит улица Имадэгава.

Имадэгава-дори по словам самих японцев примечательна небывалым для остальных районов Киото обилием булочных (их тут не меньше 20), а также средоточием мелких швейных мастерских. В частности, несколько здешних мастерских и магазинчиков специализируются на мужских кимоно, всячески стараясь не позволить реке времени смыть из памяти народа эту национальную традицию. Обычно при слове «кимоно» мы представляем себе нарядно одетую девушку, семенящую по делам.

Мужская японская одежда тоже называется кимоно, правда, она не столь изящна и почти лишена украшений. По сути, мужское кимоно состоит из трёх частей на все случаи жизни. Если вы находитесь дома, то можете расслабиться в обычном длинном халате. Если вам нужно из дома выйти на улицу, поверх халата вы надеваете накидку – *хаори*. Если же предстоит официальная встреча, то вместе с хаори вы поверх халата надеваете юбку-брюки – *хакаму*.

Для того чтобы попасть в район мастерских и булочных, сверните из Императорского парка налево, на запад. Мы же сейчас двинемся с вами на восток, к реке, точнее, к слиянию двух рек – *Камо* и *Такано*, из которых получается одна – *Камо-гава*. На карте это место выглядит как латинская буква Y.

Не доходя реки, на последнем перекрёстке мы сворачиваем налево, поскольку именно там должен находиться первый из двух мостов. Город вокруг живёт уже обычной воскресной жизнью. Владельцы магазинчиков распахивают двери и протирают витрины. Здесь же под тентом в идеальной чистоте пожилая женщина прямо руками посыпает овощами и чем-то ещё большие аппетитные лепёшки, отчего возникает ощущение, что ты в Италии и это на самом деле пицца. Лепешки прямо тут же жарятся на противне, а сын женщины между тем обслуживает покупателей. У прилавка напротив – очередь. Там опять же продаётся какая-то шипящая и хрустящая еда. Японцы вообще любят очереди. Если очередь, значит, дают что-то стоящее. Девушка в красном пальтишке с куцым меховым воротничком отходит от прилавка, с интересом заглядывая в полученный целлофановый пакет.

Дальше нам с вами попадается вращающийся перед входом в магазин сине-красный пластиковый столбик. По нему вы всегда

можете безошибочно угадать, что за стеклянной дверью вовсе не магазин, а парикмахерская.

Здесь уместно будет заметить, что для японцев волосы всегда были вещью весьма существенной. Начнём с того, что их волосяной покров отличается от нашего не только тем, что гораздо жёстче и толще (так говорят, я не проверял), но и тем, что если европейские волосы имеют относительно поверхности головы наклон порядка 12 градусов, то у японцев он составляет аж 33.

Если вы посмотрите на гейш или борцов сумо, то наверняка обратите внимание на то, с какой тщательностью уложены их прически. Это отголоски того значения, какое в недавней истории придавалось причёскам в подчёркивании общественного статуса и материального достатка их владельца. Как и на Руси, в Японии считалось глупостью волосы стричь. В самом деле, зачем добровольно отказываться от того, что является средоточием твоей жизненной силы? Вы никогда не задумывались, как раньше у нас назывались пышные, здоровые волосы? Правильно, «космы». Правда, до нас это слово дошло, как и многое, уже в опороченном значении, т.е. плохие, спутанные волосы[24]. Зато вы наверняка слышите, какой в слове «космы» мощный корень – Космос. Интересно, что подобная связь прослеживается и в английском языке, где волосы '*hair*', что звучит одинаково со словом '*air*' (воздух). Кому-то это может показаться просто совпадением. Не стану настаивать. Просто намекну, что наши прадеды (и русские, и японские) понимали волосы как связь с вселенной, будь то космы, казацкие чубы (антенны, как мы бы сказали теперь) или борода (БОгатство РОДА, то есть связь с предками). Побриться наголо означало отказаться от этой связи. Не зря Пётр I начал свои разрушительные реформы известно с чего: обрезания бород под страхом отрубания голов.

Сегодняшние японцы стричься любят. К их (и вашим) услугам парикмахерские или салоны. Парикмахерские, по словам знатоков (к коим я себя ввиду отсутствия сколько-нибудь существенных косм и при некотором присутствии бороды не отношу), отличаются от салонов тем, что там трудится всегда один человек. Обычно он и есть владелец. Если заглянуть за стеклянную дверь, частенько можно увидеть всего одно кресло для клиента. Больше и не к чему. Парикмахерская расположена на первом этаже частного дома, а на

---

[24] Попробуйте напечатать слово «космы» в Ворде, и программа подчеркнёт его зеленым, а в подсказке напишет буквально следующее: «Слово с ярко выраженной экспрессивной (негативной, ироничной) окраской».

втором живёт её владелец, который «и швец и жнец». Дело-то явно семейное. Вот и клиентура за многие годы сложилась постоянная. Согласитесь, пусть и не сумасшедшие прибыли, зато удобно и надёжно.

Поскольку сам я давно уже стригусь машинкой дома, а за границей первый и последний раз посещал парикмахерскую в начале 90-х (в Дании, когда жил там несколько месяцев подряд), на сём мои знания о японских цирюльнях исчерпываются. Говорят, за ту же стрижку, за которую в Москве с вас сегодня сдерут долларов 200, в Японии с низким поклоном возьмут раза в четыре меньше. Будет время и желание, попробуйте сами. А лучше берегите волосы смолоду и не стригитесь (тем более, если вы женщина) и не брейтесь (если считаете себя мужчиной).

В таких вот размышлениях, навеянных вращениями красно-синих змеек, мы с вами наконец делаем последний поворот и оказываемся на мосту через основное русло Камо.

Слияние Камо и Такано – местная Стрелка Васильевского острова

Это не Темза и не Москва-река. Ширина тут едва ли дотягивает до ста метров, а течение хоть и проворное, но настолько мелководное, что видны каменистые скаты берегов и многочисленные искусственные порожки.

Название Камо-гава буквально означает «река дикой утки». И хотя один из японских императоров высказался в том духе, что, мол, на свете существуют три вещи, с которыми нельзя совладать – с боевыми монахами, игральными костями и водами Камо-гавы – судя по некоторым современным исследованиям, раньше её русло проходило в непосредственной близости от уже знакомой нам Хорикавы. Опасаясь наводнений в своей столице, кто-то из тогдашних правителей Киото отдал распоряжение сдвинуть реку на восток, что и было сделано.

Через мост мы с вами переходим на живописный треугольник суши, образованный слиянием Камо и Такано. Про себя я сразу же окрестил его «Стрелкой Васильевского острова», хотя на самом деле это место носит название Тадасю-гавара, то есть нечто вроде «Лесных берегов».

Лес, о котором идёт речь, здесь же, слева от нас. На его территории прячется среди вековых деревьев цель нашего прихода – святилище *Симогамо*.

А вот и в полном смысле слова красноречивый указатель на то, что мы на верном пути – ярко-оранжевые деревянные ворота *тории* с традиционной двойной верхней перекладиной. На будущее запомните эту маленькую подсказку: ворота тории и оранжевый цвет говорят о том, что вы находитесь в *синтоистском* храме.

Про синтоизм – исконную веру японцев – мы с вами ещё не раз поговорим на протяжении наших прогулок по Киото и Наре, а пока лишь набросаем некоторые общие штрихи, чтобы примерно представлять, где оказались.

Сами японцы шутят, что в Японии насчитывается 117 миллионов синтоистов, 90 миллионов буддистов, полтора миллиона христиан и 11 миллионов приверженцев прочих религий. В итоге получается цифра, в два раза превышающая всё население островов. И дело тут не в статистической погрешности. Дело в том, что вторая местная шутка по этому же поводу звучит примерно так: японец рождается по синтоистскому обычаю, а умирает – по буддийскому.

Как вы уже поняли, японцы исповедуют сразу несколько религий, хотя при этом в повседневной жизни, говорят, они менее религиозны, чем какой-либо другой народ мира. Не знаю, правда ли это или очередная шутка, потому что в каждом храме вы всегда увидите множество людей всех возрастов, которые усердно бросают мо-

нетки, звонят в колокола, хлопают в ладоши, покупают амулеты и окропляют себя водой из священных источников.

Современные путеводители по Японии непременно напишут по этому поводу что-нибудь типа того, что головы японцев полны предрассудков. Нельзя, как мы уже говорили, втыкать палочки для еды в саму еду, ибо это будет напоминать могилу. Нельзя спать головой на север, ибо так перед кремацией укладывают покойных. Нельзя жениться на женщине, рождённой в год Лошади, а в остальных случаях обязательно нужно сдавать анализы крови на совместимость будущих супругов. Чтобы вас всю жизнь не преследовали неудачи, вход в дом должен находиться с правильной стороны.

Если вы сейчас снисходительно улыбнулись, это ваше личное дело. Однако прислушаться и присмотреться к тому, что вас окружает в повседневности, стоит. Японцы, как и наши предки, славяне, присматривались к жизни давно, а потому вышеуказанные принципы, на мой взгляд, не блажь, а результат определённого опыта. Не просто же так мы замечаем, что одному нашему знакомому всю жизнь везёт, тогда как у другого всё валится из рук. Закономерности повсюду. Случайностей не бывает. Нужно только видеть не отдельные точки-события, а получающуюся в результате их соединения общую большую картину…

Как вы наверняка уже не раз обращали внимание, я нет-нет да и поставлю японское восприятие мира рядом с нашим, славянским. Действительно, наши с вами напрасно забытые (к счастью, не все и не всеми) предки, точнее, Предки не знали такой идеологической штуки, как религия. Им не нужны были протезы в виде церквей и попов, чтобы напрямую общаться со всем одушевлённым миром: камнями, деревьями, ручьями и т.д. Их жизнь окружали Боги-Предки вроде Сварога, Перуна, Макоши и многие-многие другие. В избах, кроме хозяев, всегда жили домовые, лесами заведовали лешие, источниками – водяные и т.п. Для особо любознательных замечу, что они и в наше время никуда не подевались, а преспокойно живут в своём соседнем измерении, видимые собакам и кошкам да маленьким детишкам, ещё не испорченным всякими гадкими прививками и отупляющими школами. Если у вас, будь то в городской квартире или в деревенском доме пропала какая-нибудь вещица, вы можете запросто проверить правоту моих слов. Вместо того чтобы рыскать повсюду и ничего не находить, подумайте о маленьком человечке, которому не хватает вашего хозяйского внимания и кото-

рый не прочь иногда похулиганить. Представьте его себе, а потом скажите причём не обязательно вслух:

- Домовой, домовой, поиграл и отдай!

Сначала мягко и ласково.

Если ничего не почувствуете, скажите то же самое более решительно.

Если и это не поможет, повторите просьбу почти с угрозой. При этом мысленно скажите, что если он вам поможет в поисках, вы дадите ему что-нибудь вкусненькое. Домовые, право, такие лакомки!

Что произойдёт в результате? Я сам не верил, что такая на первый взгляд чушь подействует, пока однажды (теперь уже дважды) ни попробовал. Младший сын привык засыпать с белым плюшевым тигрёнком, и в один прекрасный день тигрёнок у нас на даче пропал. Пора спать, а малыш ни в какую, мол, без тигрёнка не буду. Мои домочадцы обыскали весь двухэтажный дом. Тщетно. Тогда я плюнул и проделал вышеописанный обряд. И что бы вы думали? Когда я в третий раз прикрикнул на Кузю (у домовых ведь тоже должны быть свои имена), меня внезапно буквально потянуло в родительскую спальню, на кровать (всеми уже обшаренную), под одеяло и… чудо, тигрёнок прятался именно между его складками! Пришлось в Красном углу[25] ставить Кузе гостинцы. Обманывать домовых негоже. Раз обещал сладенького, будь любезен поставить блюдце с печеньками и конфеткой.

Японцы своих синтоистских духов называют одним словом – *ками*. Как и у нас на Руси, это и не духи, и не боги. Хотя кто-то может сказать, что ками – это и то и другое. Они в ответе за всё и за всех. Ками бывают и у дома, и у дерева, и у камня, и у ручья и у конкретного рода. Некоторые люди, если они достигли в этой жизни определённого духовного или харизматичного уровня, тоже могут в Посмертии стать ками. Например, тот же император.

Ками, разумеется, бывают добрыми и злыми. По сути, они живут в таком же мире, как и наш, только параллельном, называемом японцами словом *синкаи*. В «Записях о деяниях древности» (*Кодзики*), крупнейшем памятнике древнеяпонской литературы, о котором мы недавно с вами вспоминали в связи с императорами, приведён перечень из 300 различных классификаций ками. Ками имеют разные должностные обязанности: одни отвечают за ветер, другие за

[25] Дальний правый угол от входа

вход в жилище, третьи за дороги и т.п. Обязанности эти весьма конкретны, с ками можно всегда спросить, если что пошло не так, однако и люди при этом должны не забывать делать ками подношения. Кроме того, ками весьма мобильны, редко сидят на одном месте и предпочитают постоянно странствовать между возведёнными в их честь святилищами.

Кстати, то, что мы с вами называем святилищем, а те же англичане – многозначным *shrine*, в японской традиции место настолько разное по своей сущности, что и имён имеет немало: *гонген, гу, дзиндзя, дзингу, мори, мьёдзин, са, сайса, убусана и йасиро*. Официальное название святилища, к которому мы сейчас с вами приближаемся – *Камо-мьёя-дзиндзя*. Отличительной особенностью именно дзиндзя является наличие на его территории самого важного и сакрального здания – *хондэна* (или *сёдэна*). Именно в нём обитает «прописанный» в данном месте ками, символизируемый либо статуей, либо зеркалом.

Для простоты мы с вами будем впредь называть это место так, как его обозначают на планах и в путеводителях – Симогамо. Так вот, считается, что оно на сто с лишним лет старше самого Киото как столицы. Здешние ками, защищающие город от всего плохого, ассоциируются главным образом с грозой.

Пройдя через первые оранжевые тории, вы оказываетесь в эдаком «предбаннике». Первым делом ваш взгляд падает на открытый теремок с каменной «ванной», в которую по желобку, а в данном случае – по трубке, замаскированной под полую ветку растущего тут же дерева, постоянно стекает вода. Поперёк лежат несколько деревянных черпачков для прихожан. Место это существует при всех храмах, которые ещё попадутся нам на пути. Называется оно либо *тёдзуя*, либо *тэмидзуя* и служит для обряда очищения даже не столько души, сколько рук и рта перед обращением к духу ками.

Сам обряд японцы называют *тэмидзу*. Не здесь, но чуть подальше я даже нашёл специальную дощечку на английском языке и с иллюстрациями, рассказывающую, что и как нужно делать. Сперва нужно взять черпачок в правую руку и ополоснуть левую. Потом переложить его в левую и ополоснуть правую. Затем снова взять черпачок правой рукой и налить воды в левую ладонь. Теперь этой водой нужно прополоскать рот. Трогать черпачок губами нельзя. Наконец остатки воды из черпачка выливаются, а рукоятка, за которую вы его держали, ополаскивается и кладётся на прежнее место

(вверх дном, разумеется). Всё. Можете ступать дальше, бросать в жертвенники монетки, кланяться и хлопать в ладоши.

Первый на нашем пути храм тут же, среди домиков для подношений с красиво поросшими мхом крышами. Вот и зеркало, круглое, на резной деревянной подставке. Перед ним на блюдце камень, обсыпанный мелкими монетами прихожан. Нигде не написано, сколько миллионов лет этому зеркалу и какого года постройки. Они явно новые, но при этом вас ни на мгновение не оставляет приятное ощущение, что всё здесь *настоящее*. В Китае вы смотрите на «великую» стену и видите, что она «отремонтирована» лет тридцать-сорок назад, но гиды с жаром рассказывают, какая она на самом деле древняя, и вам становится тошно.

В Японии всё ровно наоборот. Все храмы вот они, можете их потрогать, убедиться в том, что потёртости оставлены на дереве временем и руками людей, некоторые на ваших глазах реставрируются, однако в итоге получается нечто настолько гармоничное, что буквально трогает за душу. К сожалению, это то, чего нельзя описать словами или передать через фотографию. Можно только испытать самому.

Правее от основного храма мы наталкиваемся на целую стену из узких деревянных полок, в которые бочком вставлены плоские, тоже деревянные мордашки, похожие на ракетки для настольного тенниса. Сами мордашки нарисованы теми, кто их здесь оставил – многочисленными просителями. Такие дощечки в Японии называются *эма* и служат они, как вы наверняка уже догадались, для передачи пожеланий ками данного храма. Обычно суть пожеланий сводится к помощи на экзамене, на работе, к пополнению в семье и прочим бытовым нуждам. Пустые дощечки продаются тут же, у меня за спиной, в киоске. Забегая вперёд, скажу, что нигде больше эма в форме лиц я не встречал. Обычно они представляют собой просто деревянные прямоугольники, на которых изначально что-нибудь изображено, а вы вписываете нужные иероглифы. Часто это «что-нибудь» оказывается лошадкой, поскольку, говорят, в старину существовала традиция одаривать храмы именно лошадьми.

Примечательно также, что здесь вы не услышите колокольной дребедени и не увидите ни одного каната, за которые обычно дёргают, чтобы привлечь внимание ками. Наблюдая за прихожанами, можно быстро подметить нехитрый алгоритм их действий. Бросаете монетку в жертвенник (обычно это большой деревянный ящик с прорезями), отвешиваете два коротких, но учтивых поклона (руки при этом по швам), два раза хлопаете в ладоши и снова поклон (руки по швам), один, зато продолжительный. Готово, можете постоять и поразмышлять, глядя внутрь храма, а можете устремляться по делам дальше. Теперь ваша участь в руках ками.

Я тоже не стал тратить время понапрасну. Обойдя очень выразительную избушку, стоявшую посреди площадки и зачем-то огороженную высокой изгородью из сухой травы, я вышел из «предбанника» и оказался на широкой дороге, уходящей вглубь леса.

Лес вокруг нас удивительный. По-настоящему древний. Хотя сам Киото не раз подвергался нападениям и страдал от пожаров, этот лес, говорят, никогда не горел. И никогда специально не засаживался и не «прихорашивался». Как рос сотни лет назад, так и растёт. Правда в стародавние времена он занимал площадь в почти 500 гектаров, из которых до нас дошло 12 с половиной, но зато дошли они в первозданном виде.

Название у леса подстать охватывающему вас здесь ощущению нереальности (или, наоборот, пронзительной реальности) – *Тадасу-но-мори*, что можно перевести как «Лес, где раскрывается ложь».

При ближайшем рассмотрении выясняется, что идти можно по двум параллельным дорогам. Словно для того, чтобы вы не забывали о реке Камо и животворной воде, между дорогами, среди камней и зелёных хохолков травы змеится ручей.

Некоторые деревья облачены в забавные бамбуковые «юбки», защищающие (не знаю, от чего именно) нижние метра два их стволов. Наиболее важные долгожители окружены низенькими деревянными заборчиками и опоясаны толстым канатом с кисточками и белыми бумажными «молниями». Это, как вы догадываетесь, священные деревья.

В подтверждение тому, что деревья в Японии (на самом деле, не только там, но там это особенно чувствуется) наделяются волшебной силой, давайте вспомним хотя бы парочку историй на эту тему.

Как-то раз принцесса Хинако захотела полакомиться каштанами, но когда ей их принесли, надкусила лишь один и выбросила. Выброшенный каштан пустил корни, вырос и стал плодоносить. И о чудо! На всех плодах был виден след от зубок принцессы. Хинако давно умерла, но память о ней продолжала жить в отвергнутом каштане.

В другой раз император Готоба в приступе раздражения прикрикнул на сосну, в ветвях которой громко выл ветер, и велел ей замолчать. С тех пор напуганная сосна замерла, и даже сильные ураганы больше не могли потревожить ни единой её иголки.

Когда смотришь на устремлённые к небу некогда могучие, а теперь сухие, полые внутри стволы, невольно хочется верить в то, что эти и многие другие легенды – истинная правда. Некоторые из этих деревьев ещё покрыты листвой, хотя непонятно, откуда у них берутся силы. Мне на глаза попалось дерево, которому чьи-то заботливые руки спилили ствол и толстые ветви на высоте примерно трёх метров, а все места спилов, как культи, осторожно прикрыли железными крышками. Вот и стоит теперь этот высоченный пень в парадном поясе каната и кольце деревянной ограды.

Тем временем впереди нас снова встречают оранжевые ворота тории.

С чем у вас ассоциируется оранжевый цвет? Полагаю, если вы обращаете внимание на политическую чепуху, то с «оранжевой революцией». Если вы поклонник футбола, то с формой сборной Голландии. Очень может быть, что в обоих случаях связь есть и указывает на цвет владельцев княжества Оранского (т.е. оранжевого), сказавших не последнее слово не только в истории Бельгии и Нидерландов, но и Англии, сделавшись её королями. На флаге Ирландии оранжевая полоса, считается, означает протестантизм, что опять-таки связано с орденом оранжистов. Если же посмотреть на флаги азиатских стран, то оранжевый цвет на них символизирует буддизм.

В Японии, как я уже упоминал, оранжевым цветом раскрашивают, напротив, синтоистские храмы. Мне приходилось слышать мнение самих японцев о том, что дело тут не только в символическом цвете Солнца, здоровья, тепла, любви и т.п., но и в том, что издревле оранжевая краска была очень дорогой. Так что большой деревянный комплекс храма, выкрашенный в оранжевый цвет, уже одним этим наводил на прихожан священный трепет.

Рядом с воротами при входе на территорию главного храмового комплекса стоит непонятного назначения деревянный помост, доверху заваленный обыкновенными булыжниками даже меньше того, что когда-то служил «оружием пролетариата». О том, чтобы в Японии кого-то ритуально побивали камнями, мне слышать не доводилось, а таблички рядом с ящиком чернели исключительно иероглиф-

фами, так что прошу знатоков отозваться и подсказать, зачем тут эта странная куча взялась[26]. Больше я таких нигде не видел. На склад строительного мусора она тоже была совершенно не похожа.

Есть правда у меня одна поэтическая догадка.

Канат с бумажными молниями, подобный тому, что украшал ствол дерева, обнимал здоровенный валун. Вероятно, тоже священный. Рядом с валуном на одной ножке стоял оранжевый фонарь-скворечник. Чуть поодаль на корточках ползали две огромные божьи коровки – маленькие девочки в одинаковых розовых курточках в горошек – и что-то старательно выискивали в гравии вместе с родителями.

Почему валун вдруг оказался священным? Может, он имеет какое-нибудь отношение к странным булыжникам?

Когда я вернулся в Москву и приступил к неспешному написанию этой книги, мне попались строки *Кимигайо* – японского гимна. Я упоминал его выше, когда говорил, что это самый древний из существующих гимнов в мире, написанный в седом XII веке. Так вот, там есть такие слова:

Пусть Твоё правление
Продолжается тысячу, восемь тысяч поколений,

---

[26] Адрес прежний: shatilof@yandex.ru

Пока галька
Не превратится в глыбы,
Поросшие мхом.

Вероятно, священный валун и есть воплощение «разросшейся» гальки, промежуточные звенья которой покоились в булыжной горке…

Территория храма огорожена стеной. Справа от стены в высоченных стеклянных витринах стоят белые бочонки, похожие на бумажные фонарики. Насколько я понимаю, в них когда-то содержалась рисовая водка *сакэ*, преподнесённая храму в дар.

Пройти за стену можно через бело-оранжевые ворота *ромон*, т.е. «башенные ворота». В саму башенку, похожую на основание пагоды, подняться нельзя. Она тут только для красоты. В отличие от подобных же двухэтажных ворот *нидзюмон*, на которые мы с вами ещё будем взбираться через несколько дней. Изначально ромон строились для буддийских храмов, но потом их переняли и синтоистские архитекторы. Япония, однако!

Поскольку людей было совсем немного, в глаза (и в объектив) попеременно стали попадать то важные мужчины в строгих тёмных костюмах, то среднего возраста женщины в традиционных кимоно. Судя по сумкам в руках и тех и других и по оживлённым разговорам это были не гейши с клиентами, а обычные сотрудники офисов, пришедшие сюда на какое-то корпоративное торжество. Во всяком случае, мне так показалось. О чём-то договорившись, они быстро исчезали, и только на деревянных приступочках перед тем или другим зданием комплекса оставались их ботинки, туфли и тапочки.

Самым загадочным предметом в Симогамо для меня стала рука. Сперва я решил, что вижу перед собой поваленный ствол дуба. Но ствол лежал не просто так, а на специальном открытом помосте под храмовой крышей и тоже был перехвачен канатом с молниями. Обойдя ствол, я обнаружил, что внутри он полый да ещё снабжён рамочной распоркой. Присмотревшись сбоку, я пришёл к выводу, что передо мной отрубленная ниже локтя деревянная рука, которая могла бы принадлежать Колоссу Родосскому или какому-нибудь деревянному трансформеру с него ростом. Никаких табличек с объяснениями не было вовсе. По виду рука была совершенно новенькой, недавно выструганной и скреплённой деревянными шарнирами. Она мирно покоилась на фиолетовом матрасе, а стоявший тут

же ящик для пожертвований (не говоря уж о канате) свидетельствовал о том, что передо мной нечто сугубо священное. Сколько я потом ни обшаривал интернет в поисках ответа, обрубленная рука осталась для меня ещё одной загадкой. На одном из снимков вместо неё лежал некий стилизованный шар пряжи, на других – вообще ничего. Очевидно, сделал я грустный вывод, это место используется в качестве своеобразного выставочного павильона со сменной экспозицией.

Загадочная рука деревянного трансформера?

Делая фотографии и снимая на видео, я обратил внимание, что в традиционных ярких кимоно здесь ходят не только взрослые, но и некоторые дети. Целые семьи позировали перед особенно живописными кустами, мостиками, ручейками и воротцами. Никаких праздников вроде бы в этот день Япония не отмечала, так что, по-видимому, причинами так одеться и прийти сюда всей семьёй были воскресенье и хорошая погода.

Следя за одним таким семейством, я обнаружил в зелёных зарослях оранжевую дугу моста. Обычно, когда говорят, «дуга моста», подразумевают мост с некой архитектурной деталью в виде дуги. Здесь же я имел дело именно с дугой. Мост был почти круглым. Такие мосты в Японии получили название *тайко баси*, то есть на-

поминающие формой традиционные барабаны тайко. Перед мостом (точнее, мостиком) ярко желтела клумба, а позади оранжевели очередные тории. Если ещё добавить к этому зелень кустов и серебристость ручья, можете себе представить захватившее моё воображение буйство красок.

Тайко баси и тории

Проход по мостику закрывала тоненькая верёвочка. С белыми бумажными молниями, разумеется. Обойдя кусты справа (не забудьте сфотографировать оранжевую подкову мостика вместе с ручейком), вы минуете тории и оказываетесь на выложенной гравием (хотя, зря я это уточняю, поскольку гравий тут повсюду) площадке, образующей нечто вроде пологого овражка, в центре которого лежит русло того самого ручейка метров трёх шириной. Вытекает он из под помоста с маленьким святилищем, которое здесь называется *Митараи-са*: маленькой деревянной будочкой с замшелой крышей и двумя белыми бумажными фонариками по краям. Идущие по помосту останавливаются и хлопают местному ками. Вода на сероватых камнях кажется зеленовато-жёлтой. Очень симпатичное место, чтобы сфотографироваться на спускающихся к ручью ступенях всей семьёй.

Прежде чем мы простимся с Симогамо, скажу о главном, о чём до сих пор умолчал. Если вы окажетесь в этих местах 15 мая, вас ждёт весьма красочное зрелище, которым сопровождается один из главных в Киото праздников – *Аой*. Тут будут и торжественные процессии облачённых в традиционные одежды потомственных хранителей воды, и скачки, и стрельба из лука. И всё ради того, чтобы порадовать духов реки и заручиться хорошим урожаем риса на последующий год. Этот обряд становится тем актуальнее, чем ниже опускается уровень в естественных колодцах. К счастью, Киото не настолько изранено цивилизацией, как Токио, однако и здесь промышленность берёт у природы своё, что не может не волновать людей понимающих. Вода по-прежнему чиста (в десятки раз лучше нормы), вот только с каждым годом её становится всё меньше…

***Глава VI**, в которой мы поговорим о студентах и буддизме Чистой Земли, исправим путаницу с храмами, приценимся к сувенирам, вспомним о некоторых последствиях выставок, рассмотрим японский меч и послушаем, как звучит автобус*

Моя обратная дорога снова прошла через лес Тадасу. При выходе я устроил себе импровизированный привал: выцыганил у автомата бутылочку ледяного бодрящего сока и закусил до сих пор не потерявшими аппетитности булочками с завтрака. Не тратить же время на поиски ресторана!

Перейдя узкое шоссе, смело ступайте дальше по прямой пешеходной улице между бежевыми стенами жилых одноэтажных домов. Узнать её очень легко: прямо посреди улочки расставили оранжевые ноги очередные тории. Ведёт же она точно на юг, в сторону уже знакомой нам «Стрелки Васильевского острова», то есть к слиянию двух рек – Камо и Такано.

Здесь меня встретили с независимым видом прогуливающиеся кошки и детский визг: на большой поляне между соснами играла детвора. За поляной слева стоят железные турникеты, пройдя через которые, вы и попадаете внутрь треугольника Y. Если бы со мной сейчас был велосипед, пришлось бы его перетаскивать на руках, подумал я.

Пройти, конечно, можно и мимо, но я рекомендую на «стрелку» Тадасю-гавара хотя бы на несколько минут заглянуть. Это, как принято нынче говорить, место для тусовки местной молодёжи. Ребята сидят компаниями или парочками на лавках или прямо на тёплых камнях и получают удовольствие. Молодые матери играют с кривоногими карапузами, попки которых травка так и притягивает. Представляю, как приятно и свежо бывает здесь летом.

Кроме мостов, с обеих сторон к треугольнику тянутся каменные дорожки прямо через воду. По большим плоским камням можно беспрепятственно ходить туда-сюда, не замочив ног. Некоторые из камней сделаны в форме черепах.

Я дошёл до самого острия треугольника, полюбовался пикирующими под мост чайками, послушал пение воды на порожках, сделал несколько бытовых фотозарисовок и вернулся обратно, что-

бы продолжить путь туда, откуда сюда приходит вся эта пёстрая молодёжь – к Киотскому университету.

Симогамо находится за зеленью впереди. Мы пришли сюда по левому мосту и теперь идём направо

Вообще этот северо-восточный район города знатоки соотносят с южными кварталами Парижа, где процветает богема, открыты художественные галереи и кучкуются студенты Сорбонны. Насчёт художественной жизни Киото сказать ничего не могу, но студентов, как мы уже видели на «стрелке», здесь предостаточно.

Перейдя Такано-гаву по мосту, идите, никуда не сворачивая, прямо. Сначала вы минуете станцию метро Дэматиянаги, потом углубитесь в обычный жилой район с непритязательными домиками, минуете расположенный по правую руку зелёный оазис храма, названия которого я не знаю, и вскоре окажетесь на той же самой улице Имадэгава, на которую мы с вами вышли после прогулки по Императорскому парку.

Здесь можно ненадолго заглянуть налево, на территорию маленького храма *Тион-дзи*. Корень «тион» в названии храма мы с вами встретим ещё через некоторое время, когда заглянем в большое дзэнское святилище Тион-ин, так что давайте сразу договоримся их не путать. Тиондзи маленький и уютный, его ещё называют *Хьяку-*

манбэн, и в быту он известен тем, что тут в 15-е число каждого месяца проводится блошиный рынок.

Про Тион-дзи в путеводителях если и упоминается, то весьма редко и скудно. На самом деле он стоит нашего с вами внимания даже в том случае, если вы не увлекаетесь дзэн-буддизмом и такое понятие как «Чистая Земля» вам ровным счётом ничего не говорит. Если же вы, напротив, увлекаетесь востоком, буддизмом в целом и его направлением дзэн в частности, то не могли не слышать о том, что иногда ещё называют трудно запоминающимся словом Амидаизм.

Интересно послушать о буддизме из уст местного священника

В двух словах речь идёт об Амитабхе, или Амита Будде, имя которого переводится с санскрита как «безграничный свет». Амита Будда когда-то был рядовым царём, но потом в лучших христианских традициях приобщился к буддизму, сделался монахом и назвал себя Дхармакара, т.е. «совершающий дхарму»[27]. Мало того, он решил завладеть Чистой Землёй, иначе говоря – Страной вечной радости, где к будущей жизни возродятся все, кто поверил в него и воззвал к его имени. Для этого он дал 48 обетов, пообещав не дос-

[27] В восточном понимании «дхарма» – весьма сложное понятие, подразумевающее законы правильной жизни, тогда как наши предки понимали её весьма просто, без надрыва, махания кадилами и заунывных пений: *жить по совести и в гармонии с природой*.

тигать высочайшего просветления, пока не поможет всем, кто оказался в его раю (который ещё принято называть «западным»).

В Японии поклонение Амиде началось с соизволения правящего двора в период Хэйан (794 – 1192 гг.). С началом периода Камакура, культ Амиды вышел из стен дворцов и достиг широких масс. Школы Буддизма Чистой Земли стали продвигать идею спасения рядового обывателя, причём ставили чистую веру выше всяких замысловатых обрядов и доктрин.

Вот тут-то на исторической сцене и появляются два дзэнских наставника, оказавших на японский буддизм особенно сильное влияние. Сперва *Хонэн Сёнин* (1133 – 1212 гг.) на основе китайской школы Цинту создаёт «веру Чистой Земли» – *Дзёдо-сю* (не путать со спортом дзюдо), а чуть позже его последователь *Синран* (1173 – 1263 гг.) её усовершенствует и называет «истинной верой Чистой Земли» – *Дзёдо-синсю* (не путать с Дзёдо-сю и дзюдо). Кстати, в Википедии по этому поводу царит лёгкая путаница.

Разница между школами заключается не только в том, что первая говорит о «вере», а вторая об «истинной вере». Хонэн в своём учении настаивал, что добраться до Западного рая можно через усердное повторение мантры *Намо Амида Буцу!* (Почтение Будде Амитабхе!). Синран же полагал, что механическое повторение сакральной формулы – ерунда по сравнению с верой и душевными устремлениями.

С обеими школами и их родоначальниками нам в прогулках по Киото предстоит ещё не раз встретиться, а пока замечу для любознательного читателя лишь следующее.

Храм Тион-дзи, в который мы сейчас зашли, был как раз тем местом, где некоторое время жил Хонэн и откуда ему удалось прогнать охватившую город болезнь. Что именно это была за болезнь, я не знаю, но говорят, что её распространение он остановил тем, что миллион раз прочитал молитву Нембуцу (сокращённо от Наму Амида Буцу). Ушло у него на это семь дней. С тех пор Тион-дзи и получил своё второе название – Хьякуманбэн, то есть «миллион повторений».

Если вам тоже захочется повторить подвиг товарища Хонэна, знайте: по десятичному принципу (*дзюнэн*) фразу «Наму Амида Буцу» нужно пропеть 8 раз подряд на одном дыхании, причём последний слог «цу» не произносится; 9-й раз вся фраза озвучивается полностью; при 10-м повторении «цу» едва слышен,

полностью; при 10-м повторении «цу» едва слышен, он почти съедается. И так 100 000 раз. Вот и получится миллион. Слабо?

В главном, дальнем от входа храме лысый монах в очках и золотистом переднике бодро читал лекцию группе из нескольких десятков пожилых японцев. При этом он то и дело тыкал пальцем в золотую статую застывшего на века Будды с круглым женским лицом и хитро посмеивался.

Говорят, здесь хранятся несколько важных исторических артефактов, в частности, деревянная статуя самого Хонэна, которая была сделана, когда монаху было 43 года. Не знаю, не видел.

На площадке между зданиями храмов обращают на себя внимание два красивых, явно не очень древних фонаря, возможно, бронзовых, покрытых зеленоватой краской, отчего издали кажется, будто они в благородной патине.

Ещё во дворе вы непременно увидите избушку, внутри которой висит довольно большой и определённо старый колокол. Самый большой колокол в Японии (74 тонны) находится не тут, в Тиондзи, а в Тион-ин, главном храмовом комплексе школы Дзёдо-сю, где у меня вскоре будет одно очень личное и весьма примечательное переживание. Оба названия в наших отечественных книгах по истории Японии часто путаются[28], так что будьте внимательны.

[28] См. например, «Японская мифология. Энциклопедия», Москва, 2004, стр. 96

Здешний колокол интересен своей типичностью и удобством для рассмотрения. В отличие от европейских колоколов, утончающихся от краёв к верхушке, японские колокола по всей площади имеют одинаковую толщину. Язык в них тоже отсутствует. Поэтому в них нельзя звонить. В них можно только бить здоровенным бревном, подвешенным на верёвках сбоку. Удар приходится в специально отмеченный затейливым цветком кружок. Считается, что цветок – это лотос, хотя форма его, на мой взгляд, стилизована до неузнаваемости.

Ну, что, как вы считаете, хватит на сегодня колоколов, храмов, синтоизма и буддизма? Не пора ли нашему возбуждению первооткрывателей уступить место незаметно надвигающейся усталости и построить дальнейшим маршрут так, чтобы постепенно вернуться в гостиницу? Тем более что поведу я вас дальше по-прежнему окружным путём.

Помните, я сравнивал этот район Киото с южным берегом парижской Сены? Так вот, вернувшись из дзэнской старины на Имадэгаву, мы прямо напротив замечаем сугубо современные прямоугольные здания из коричневого кирпича. Это и есть Университет Киото, второй по разным классификациям университет Японии (из 726), второй по значимости в Азии и 26-й в мировом табели о рангах[29]. К слову, моя альма матер – МГУ – стоит на 79-м месте, правда, больше российских ВУЗов в первой сотне нет вовсе.

Одним из критериев рейтинга служит количество нобелевских лауреатов. Так вот, из стен киотского университета их вышло аж целых восемь. Конечно, после того, как самую престижную в мире премию стали давать по чисто политическим соображениям направо и налево (типа «засланца» Горбачёва, желчной матери Терезы или считавшегося до недавнего времени коммунистическим террористом Нельсона Манделы, а также целой кучи других одиозных фигур), не знаю, как вы, а лично я перестал относиться к ней с прежним пиететом. Однако среди киотских лауреатов, кажется, «миротворцев» нет, а есть исключительно учёные: физики, химики и медики. Просто им не хватило мужества, как в 1964 году французскому писателю Жан-Поль Сартру, от неё отказаться.

Киотский университет официально называется *Киото Дайгаку* или сокращённо – *Киодай*. Годом его основания считается 1869, хотя вообще-то находился он тогда в Осаке и назывался Химической

[29] На 2013 год

школой. Университетом же он стал по имперскому приказу в 1897 году, уже перебравшись на территорию Киото.

Если прогуляться здесь по той же Имадэгаве, то можно набрести на симпатичные богемные кафе, где любят проводить время студенты и преподаватели. Они создавались по понятному нам европейскому образцу: с обычными столиками (т.е. вам точно не придётся сидеть на полу), с обилием пива, иногда даже с живой музыкой. Открыли их много лет назад сами студенты, которые до сих пор разделяют интересы молодёжи, так что тут можно и посидеть с учебником за чашечкой кофе, зная, что никто тебя не попросит освободить место, и послушать по вечерам выступления самодеятельных писателей и поэтов, одним словом, окунуться в творческую благодать. Разумеется, для получения полного представления о происходящем вам придётся выучить японский.

При всём при этом, как считают сами японцы, система их образования, мягко говоря, отнюдь не стимулирует творческое воображение. Как и всюду в мире, она теперь сводится к необходимости за определённое время засунуть в мозг определённый набор «знаний» и разрозненных фактов. Поэтому выскакивают из неё, как блины из печки, главным образом узкие специалисты в математике и технике.

Цветы жизни на улицах Киото

Выделяться не принято. Только не говорите, что это исключительное свойство азиатских сообществ, будь то Япония, Китай, Корея или Индия.

У меня когда-то была ассистентка-индуска, которая с грустью рассказывала, что дома приходится прятать от пытливых взглядов соседей даже такие заурядные сегодня у нас вещи, как импортный телевизор (на дворе тогда уже стоял XXI век). Могли нажаловаться кому-нибудь или в лучшем случае просто обидеться.

В пору СССР, если кто помнит, мы тоже жили вполне усреднённо и считали это нормой.

Русские родители у кого дети учились или учатся на западе, будь то Европа или США, наверное, сталкивались с тем, что если их чада показывали отменные результаты в школе или ВУЗе (что в царстве тамошней дебилизации носителям нашего генофонда пока совсем не трудно), откуда ни возьмись появлялись восторженные дяди и тёти, которые предлагали продолжать учёбу или работу в каких-нибудь престижных заведениях. Думаете, чтобы поднимать дышащую на ладан местную экономику? Отнюдь. Чтобы не дать им проявить себя в том обществе как сильные индивидуальности. Одарённых детей там спешат взять «под колпак». Посмотрите на тех, кому, наоборот, дают «порулить» такими глобальными проектами, как «Майкрософт», «Гугл», «Фейсбук», «Эппл» и многими другими. Если внимательно почитать придуманные об этих даунятах[30] официальные легенды, поражает (хотя нет, уже не поражает) общая для них деталь: лупоглазые мальчики плохо учились в школе и отставали в институтах. А вы что хотели, возразят поборники «науки и прогресса» и приведут свой любимый пример – Эйнштейна, который тоже не мог толком освоить обычную школьную программу. Говорят, слишком гениальным был. Очень сомневаюсь, судя по тому, что сегодня становится известно о его мифической «учёности». Не хочу быть пророком, но помяните моё слово: если вы будете читать эту книгу году эдак в 2030, никто уже даже не вспомнит всех этих Гейтсов, Джобсов, Бринов, Цукербергов, Дуровых и иже с ними, поскольку ребята давно отойдут от дел (некоторые случайно умрут или попадут в аварию), получат причитающиеся им за труды пожизненные пенсии и исчезнут в волнах нового искусственного медиашума. А «их» проекты будут жить той жиз-

[30] Они все как один упиваются своей глупостью, рассказывая о том, как плохо учились

нью, которую и планировали для них остающиеся в глубокой тени настоящие хозяева.

Но я отвлёкся…

Главная проблема японских школ называется *идзим*. Это примерно то, что мы в своё время любили делать на переменах со всякими пухлыми мальчиками, которые отказывались давать списывать или по любому пустяку ябедничали учителям. Нам казалось, что огревая их портфелем по голове или обзывая разными обидными прозвищами, мы таким образом их перевоспитываем. Кстати, «воспитание» работало довольно неплохо. Важно было не увлечься самим процессом. Тогда уже доставалось нам – от учителей и родителей.

В Японии, говорят, идзиму (а как вы уже поняли, я имею в виду форменные издевательства) неугодных учеников подвергают не только одноклассники, но и учителя. Некоторые бедняги даже отказываются из-за этого ходить в школу, а кое-кто подумывает о самоубийстве. Если вы смотрели какие-нибудь японские ужастики или анимэшки, то темы насилия над японскими школьниками, чем-нибудь отличающимися от остальных, вам наверняка попадались.

В обществе похожести схожи и устремления. В Японии все (как считают сами же японцы) хотят попасть в престижный ВУЗ. Например, в тот университет, мимо которого мы с вами идём. Но чтобы в него попасть, нужно отучиться в хорошем колледже. Чтобы попасть в хороший колледж, нужно закончить хорошую среднюю школу. Которая практически недоступна без хорошей начальной школы. В которую попадают не с улицы, а из хорошего детского сада…

Параллельно всему этому существует так называемая вспомогательная школа – *дзюку*, в задачу которой входит одно: натаскивать детей на сдачу экзаменов. Дзюки эти, разумеется, частные и весьма дорогие. Правда, их там хоть чему-то учат, так что обычную школьную программу (что для дебилов) тамошние дети обгоняют быстро, а на уроках в обычной школе (которую никто для них не отменял, поскольку дзюку, повторяю, считается школой всего лишь вспомогательной) либо делают домашнюю работу (для дзюку), либо спят от истощения сил.

Если вы, несмотря на финансовые усилия ваших родителей и круглосуточную учёбу, умудрились в университет не поступить, дзюку становится для вас вторым домом. Теперь вы обречены хо-

дить на ежедневные курсы для абитуриентов по гроб жизни, либо пока ни поступите.

И это, как ни странно, того стоит. Поскольку когда японец поступает в университет, ужас предыдущих лет для него разом заканчивается. Экзамены превращаются в сущую формальность. В буквальном смысле, поскольку здесь над содержанием превалирует форма. Как и в хвалёных Оксфордах и Кембриджах. О чём я уже писал и в своих книгах, и на сайте[31]. Ваши мысли никому не нужны. Зато всем нужно, чтобы вы знали и помнили то, что вам говорят.

В итоге компромисс получается обоюдный. Студентов как следует не спрашивают, а те в свою очередь как следует не учатся. Для молодых японцев студенчество – это время, когда можно заняться собой, бегать на тусовки, заниматься спортом, создавать семью и исподтишка подрабатывать.

О том, что ждёт сегодняшних студентов, когда они окончат университет и пойдут работать в японские фирмы, мы поговорим как-нибудь попозже, а пока давайте сосредоточимся и не пропустим поворот налево, на уже знакомую нам по утренней прогулке до Императорского парка улицу Марутамати.

Дело в том, что ещё по первому приезду в Киото я помнил, что здесь поблизости находится если не замечательный, то весьма удобный, а главное – большой магазин японских сувениров. Причём предназначенный специально для иностранных туристов. Даже называется он в путеводителях и на картах по-американски[32] – *Kyoto Handicraft Center*.

Не подумайте, будто я собираюсь делать ему рекламу и призываю вас закрывать глаза, проходя мимо сувенирных лавчонок во множестве других мест города. Но если вы не большой любитель хождения по магазинам и при этом чувствуете, что родным и друзьям что-то из путешествия привезти всё-таки нужно, просто имейте в виду, что в Киото есть место, где можно купить всякой всячины, потратить максимально мало времени и получить хорошие скидки. Причём на месте, не связываясь с дурацким *Tax Free*. А теперь поподробнее.

Магазин сувениров переехал. Это я понял по надписи на дверях чёрной стеклянной башенки в 4 этажа, куда захаживал с женой за десять лет до этого. Тогда мы шли с противоположной стороны

---

[31] См. «Солнечный Альбион» и http://best-repetitor.jimdo.com

[32] Обратите внимание на написание слова «центр»

улицы и были довольно усталыми морально и физически после осмотра самых-самых важных достопримечательностей, включая Серебряный павильон и Тропу философа. Помнится, на верхнем этаже магазина, под самой крышей нас приютил замечательный ресторан, по местным меркам, вероятно, столовая, но зато с большим выбором съедобных блюд, которые можно было самостоятельно подхватывать, проезжая мимо с подносом, и прекрасным видом на город. Правда, тогда шёл дождь, однако и он не портил общего настроения.

Сегодня дождя явно не намечалось, а вот магазин пропал. Вскоре я его обнаружил. Просто он переехал на два дома дальше от перекрёстка.

Имейте в виду, если я ещё об этом упоминал, что обычные японские магазины нужно обходить не по горизонтали, а по вертикали. То есть, они с виду маленькие и узенькие, но зато имеют несколько этажей, между которыми можно передвигаться по лестнице или на лифте. Это я к тому, чтобы вы, войдя с улицы, вдруг не решили, что экспозиция первого этажа – это всё. Осмотритесь, найдите лестницу или лифт – и вперёд, точнее, вверх!

Kyoto Handicraft Center являет собой типичный образчик подобного магазина. На первом этаже вас встретят многочисленные книги и альбомы, посвященные Киото и Японии в целом. От путеводителей, кулинарных книг и самоучителей по новомодным боевым искусствам до наборов цветной бумаги для оригами с учебниками по их складыванию. Здесь же открытки, сувениры, наборы для игры в го и ещё много всякой всячины.

Рекомендую при входе взять брошюрку, где все 3 (да, теперь их стало 3) этажа довольно подробно расписаны. Сам я сразу же обратился к продавщице, которая, разумеется, прекрасно говорила по-английски. Через минуту мне уже стало ясно, что я правильно сделал, что зашёл заранее. Потому что для вкушения всех прелестей покупок со скидками здесь необходим загранпаспорт. Я же по привычке никаких документов с собой не ношу, так что если бы дотянул с приходом сюда до последнего вечера, пришлось бы мчаться обратно в гостиницу.

Осмотревшись на первом этаже и прикинув, что куплю в следующий раз, я поднялся на лифте до конца и прогулялся по безлюдному залу, где на продажу были выставлены: полотенца, кухонные принадлежности, постельное бельё, благовонья, косметика,

традиционная еда и напитки, включая различные виды сакэ, часы и всевозможные сумочки.

Спустившись этажом ниже по лестнице, я приценился к зонтикам, поделкам из всякого дерева, железной, глиняной и фарфоровой посуде, многочисленным видам кимоно для всех полов, возрастов и сезонов года, пробежал усталым взглядом по прилавкам с ювелирными украшениями и довольно долго бродил между стендами с сувенирными катанами, вакидзаси и прочим холодным оружием, считая многочисленные нули на ценниках под полноростовыми самурайскими доспехами с рогатыми шлемами.

В прошлый раз, когда я вот так же жадно рассматривал их, понимая, что не привезти из Японии что-нибудь эдакое будет грешно, честная продавщица показала мне в окошко на угол соседнего дома и сказала, что если меня интересует не сувенирное оружие, которым лучше не махать во избежание поломки, а более или менее настоящее, то лучше мне заглянуть именно туда. Потому что большое современное здание, утопающее в зелени напротив – это местный *будокан*, т.е. центральный клуб боевых искусств.

Сегодня его посещение тоже было в моих планах.

Покидая магазин в приподнятом настроении, я на всякий случай уточнил, что работает он без выходных и обедов (разумеется) с 10:00 до 18:00.

Прозанимавшись довольно много лет боевыми искусствами и даже написав и издав книжку о работе с катаной (о наглая юность!), я не мог не заглянуть в будокан. Тем более что в первое моё посещение у меня на это не было времени.

Если вы посмотрите на карту Киото, то сразу обнаружите, что виденное мною из окна магазина современное здание расположено

на территории, отмеченной зелёным прямоугольником и названной Хэйан-дзингу. Действительно, будокан занимает северо-западный уголок большого парка, в котором можно погулять и осмотреть красивые оранжевые храмы с раскидистыми крышами на стройных колоннах. Не стану вас от этого отговаривать. Просто расскажу в двух словах, как этот храмовый комплекс тут появился.

В 1895 году киотчане решили отметить 1100 годовщину своего города как столицы. В этот же год здесь проводилась большая промышленная выставка, долженствовавшая явить миру достижения японского народа в содружестве с западными державами. Было решено в рамках выставки построить макет оригинального императорского дворца. Вот только купить достаточно земли на исходном месте не удалось и пришлось втискивать дворец на территорию непосредственно выставки, здесь, в парке Окадзаки. Архитектор Ито Тюта с задачей справился, правда, Хэйан-дзингу получился размером 5/8 от настоящего, т.е. почти в два раза скромнее. Когда отгремели фанфары, и выставка закончилась, здание разбирать не стали, а превратили в храм памяти императора Канму, который, как вы помните, и сделал из Хэйан-кё столицу – Киото. После второй мировой Хэйан-дзингу стал для жителей символом возрождения их города. Однако в 1976 году храмовые постройки – девять зданий, включая хондэн – благополучно сгорели. Через несколько лет они были восстановлены на пожертвования.

Так что ходите, гуляйте, но знайте, что перед вами симпатичный новодел.

Что до меня, то я свернул в ворота парка и оказался на площадке между новым и старым залами. В прямом смысле слова.

Из современного двухэтажного, похожего на наш рядовой спортклуб, доносился приглушенный гул барабанов, из подъезда то и дело выходили подростки в белых кимоно, здесь же на внешней лестнице, уводившей на второй этаж, сидели в ожидании своих чад родители. Я походил вокруг, даже зашёл внутрь, однако скоро обнаружил, что дальше коридора, перед которым выстроились шеренги детской и взрослой обуви, не пройду, поскольку двери в зал заперты – под отчаянный бой барабанов там явно проходила какая-то репетиция. В прошлый раз продавец в магазине экипировки рассказывал мне, что накануне здесь проводился чемпионат по *кендо*.

Старый зал по соседству, напротив, был гостеприимно открыт, но в нём никого не было. Я прямо с улицы мог в своё удовольствие

рассматривать гладкие деревянные полы, лишь по краям застеленные циновками татами (видимо, для зрителей), привязанные к деревянным козлам обычные шины для отработки ударов бамбуковыми мечами и повёрнутый ко мне спиной манекен в полном кендошном обмундировании.

Старый зал Будокана в Киото

Кстати, об экипировке.

Сразу напротив ворот в будокан вы увидите узенький домик с выложенным мелким рыжим кирпичом фасадом. Справа на второй этаж уходят зелёные ступеньки. Слева в специальной стойке сгрудились бокены – деревянные тренировочные мечи. Именно здесь я в своё время купил настоящий японский *иай-то*.

Вообще японский меч, как вы наверняка слышали, обычно называется *катана*. *Катана* в свою очередь подразделяется на два вида – *дай-то* (длинный меч) и *вакидзаси* или *со-то*, короткий меч, входивший в «комплект» вооружения самурая. *Иай-то* (или *моги-то*, то есть «копия») – это не заточенный вариант меча, используемый, как видно уже из названия, в занятиях *иайдзюцу*. Иногда можно услышать также термин *тю-то* (средний меч), под которым подразумевается меч средней длины, предназначенный для детей. Еще одно распространенное название меча как вида оружия – *кен*.

Оно входит в состав таких широко известных терминов как упомянутое *кендо* (спортивное фехтование на бамбуковых палках) и *кендзюцу* (искусство владения мечом).

Иайдзюцу, для занятий которым нужен иай-то, есть искусство победить (точнее, не проиграть) в схватке одним-единственным выхватыванием меча из ножен. Если совсем незатейливо, то это умение распознать злонамеренья противника и моментально, не тратя ни доли секунды на сомнения, рассечь его точным взмахом меча.

История (а может быть и легенда) свидетельствует, что в 1549 году в деревеньке Хаясидзаки близ Окусу Дэва (ныне город Мураяма в префектуре Ямагата), находившейся под властью правящего клана Минамото, в семье самурая родился некто Хаясидзаки Дзинсукэ Минамото но Сигенобу[33]. Источники обычно называют его просто Хаясидзаки Дзинсукэ или Хаясидзаки Сигенобу[34]. После смерти отца, убитого на дуэли, юный Хаясидзаки решает во что бы то ни стало отомстить за него обидчику, могучему воину и непобедимому мастеру меча по имени Хатиносукэ. Когда через несколько лет, прошедших для юноши в ежедневных тренировках, они наконец встретились, Хаясидзаки с ужасом обнаружил, что попрежнему не готов к поединку – ни морально, ни физически. Тогда он удалился в местный синтоистский храм – Хаясидзаки-дзиндзя (по другой версии – в горы). Дни и ночи, проводимые в медитации и оттачивании мастерства, не приносили желаемых результатов: даже забываясь коротким сном, Хаясидзаки видел себя проигрывающим заветный поединок. Оставался единственный приемлемый для юного самурая выход: *сэпукку* (иначе говоря, харакири). Смирившись со своей участью, Хаясидзаки решил, что совершит обряд утром. Ночью к нему явился дух покровителя воинов Фудо Миё. Божество открыло юноше секрет победы: если нельзя убить противника, когда у того в руках меч, нужно успеть зарубить его раньше, чем он выхватит оружие из ножен. Сначала нужно победить сознанием и лишь затем – мечом. Говорят, что Хаясидзаки провел сто дней в постоянных молитвах и оттачивании искусства молниеносного выхватывания меча с последующим рубящим ударом, того самого, которое сегодня мы зовем *иайдзюцу*. Все это вре-

[33] По другими источникам, цитирующим книгу профессора Ямада Дзирокити из университета Сока «Живая традиция боевых искусств», он родился в провинции Сагами (ныне Канагава)

[34] «Сигенобу» (то есть «призрак, иллюзия») было, вероятно его прозвищем

мя его противниками были порхавшие вокруг бабочки. Поверив в себя, Хаясидзаки наконец-то отважился бросить вызов Хатиносукэ. Тот, увидев перед собой спокойно сидящего в *сэйдза*[35] юношу, от неожиданности забыл старую заповедь: «Усмотри даже в самом слабом противнике десяток опытных воинов». На это Хаясидзаки и рассчитывал. Не успел Хатиносукэ обнажить оружие, как юноша отсек ему правую руку и поразил в горло. Честь отца была отомщена, а заодно родился стиль «одного удара», известный как Хаясидзаки-рю. Хотя сам он, как утверждается в одной из повествующих о нем рукописей периода Эдо, «Будзюцу Тайхаку Сэйдэн», называл свою систему *баттодзюцу* («батто» можно перевести буквально как «бьющий меч» с дополнительным значением «ударить мечом сейчас же»), а свой стиль – Дзюнпаку Дэн. Иногда его школу еще называют Синмэй Мусо-рю (то есть «ниспосланный свыше, неповторимый стиль). Существуют и другие названия: Син Мусо-рю, Сигэнобу-рю и т.д. Однако в каких бы нюансах ни расходились многочисленные источники, важно, что все они едины в отведении Хаясидзаки роли отца-основателя *иайдзюцу*.

С целью самоутверждения Хаясидзаки, гласит далее легенда, предпринял путешествие по некоторым провинциям, вероятно, в поисках приключений. В этом образе он подобен многим мастерам более близких нам эпох[36]. Как водится, у него появилось немало последователей и учеников. Году в 1616, в возрасте 73 лет Хаясидзаки совершил второе странствие, а затем исчез. Никто больше о нем никогда не слышал. Зато его неординарная личность оказала огромное влияние на последующие поколения воинов и стимулировала возникновение свыше 200 (а по некоторым свидетельствам, порядка 450) школ, специализировавшихся на технике выхватывания меча.

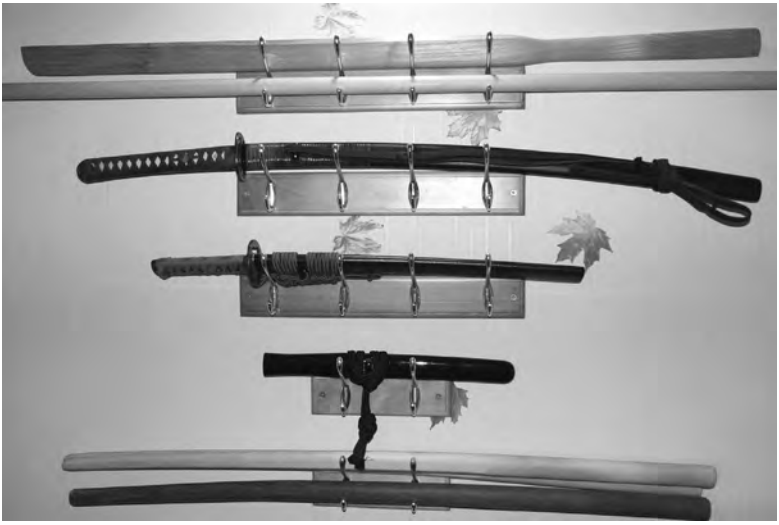
О том, что любой острый предмет, будь то в руках новичка или мастера, представляет собой опасность, говорить не приходится. Тем более это относится к японскому мечу, лезвие которого остро, как бритва. В лучшем случае может пострадать мебель или потолок, в худшем – зрители или вы сами. А потому никогда не машите мечом, не предназначенным для практики *иайдзюцу*. Никогда!

---

[35] Традиционная японская поза, сидя на коленях.

[36] Таких, к примеру, как Сокакэ Такэда, основатель Дайто-рю Айкидзюдзюцу и учитель Морихэя Уэсибы, родоначальника современного *айкидо*.

Особо следует упомянуть всевозможные испанские и китайские «выставочные мечи», которые можно за бесценок купить чуть ли не в любом сувенирном магазине. Большинство этих «самурайских» мечей не более чем сувениры. Никто не даст вам гарантии, что рукоятка подобной поделки не отлетит при первом же взмахе. О попытке разрубить что-либо таким мечом лучше даже не думать. Особенной слабостью отличаются два места: в точке соединения лезвия и хвостовика (*накаго*) и в районе предохранительного крепежного отверстия (*мэкугиана*). Рукояти сувенирных мечей оборачиваются чаще всего кожей ската – разумеется, ее рельефным подобием из пластика, а хвостовики входят в рукоятки не на всю длину. Если взять меч горизонтально и покачать из стороны в сторону, можно отчетливо почувствовать, как хвостовик ходит под ладонью ходуном, распирая пластик. Еще чуть-чуть, и рукоятка развалится, а лезвие вывалится. А ведь даже не заточенный сувенирный меч, вылетевший при взмахе острием вперед, без труда пронзит взрослого человека…



Мои боевые друзья

Что касается цены, то простенький *иай-то* можно купить долларов за 250. Меч потяжелее и посерьезнее обойдется вам от 500 до 2 000. Хорошо сохранившийся и сделанный механическим спосо-

бом *гунто* времен второй мировой может стоить от 500 долларов и выше. Сегодня все чаще встречаются неяпонские (обычно китайские) поделки пригодные для рассечения и занятий *иайдзюцу*. Стоят они от 800 долларов, однако качество не гарантировано. Имейте в виду, что *хамон*[37] на их лезвиях может быть сделан кислотным травлением, а вовсе не являться качеством, присущим стали. На безопасности это не сказывается, однако царапины и полировка сведут «хамон» на нет. Кроме того, обработка кислотой делает железо более подверженным ржавчине, если с мечом неправильно обращаться. Современные японские мечи для занятий иайдзюцу, в которых вместо стали используется сплав цинка с алюминием и которые не подлежат заточке (но зато их можно беспрепятственно вывозить через таможню, о чём я расскажу в своё время) стоят у нас от 2 000 долларов. Я же тот свой первый (и пока последний) иай-то покупал со скидкой за 700.

Зайдя в знакомый магазинчик, я убедился в том, что ничего, включая цены, там почти не изменилось. Не было, правда, старичка, который в прошлый раз меня трепетно обслуживал. Думаю, ему уже тогда было под 90. А вот жена-старушка была на месте. Ей теперь помогал не то сын, не то внук.

В магазине уже были покупатели, так что мой визит не привлёк такого внимания, как когда мы впервые появились тут с женой. Признаюсь, я заглянул сюда не столько из любопытства, сколько для очистки совести. За углом, на Марутамати я успел заметить гораздо более импозантный магазин, на фасаде которого по-английски было написано «Японский меч», а в окнах второго этажа гордо восседали самурайские доспехи. Там явно могло быть что-то стоящее. Тем более что выбор вакидзаси, к которым я присматривался, чтобы купить достойную пару моему иай-то, оказался весьма невелик.

Интуиция меня не подвела.

Новый магазин на первый взгляд не поражал широтой ассортимента, но здесь было именно то, что я хотел увидеть. Да и не стоит ждать от места, специализирующегося на мечах, доспехах и одежде сходства с торговым центром. На всякий случай замечу, что если вам захочется самостоятельно прицениться к его ассортименту, можете посетить сайт *tozandoshop.com*, где находится его интернет-подразделение.

---

[37] Красивая волнистая линия заточки, которой отличаются японские лезвия

Первым делом я разулся. Потому что решил заглянуть на второй этаж, где выставлялись на продажу «настоящие» катаны, то есть те, которые при желании и некоторой сноровке могут разрубить, точнее, разрезать человека пополам. Цены с пятью нулями в йенах красноречиво свидетельствовали о том, что здесь ждут покупателей, которые готовы расстаться с 6-8 тысячами долларов. Причём не за меч в ножнах, а за лезвие для этого меча. Лезвие – это и есть меч. Всё остальное – лишь его обрамление, да, необходимое, но вполне заменяемое и «тюнингуемое» (да простит меня русский язык, а заодно и английский, поскольку тюнинг западный нашему тюнингу рознь: мы подразумеваем под ним зачастую полную переделку и перекраску автомобиля, тогда как у них это всего лишь настройка существующего оборудования).

Поскольку мечи я люблю, но не настолько, чтобы отдавать за них почти все свои сбережения на эту поездку, я с независимым видом спустился обратно, обулся и прошёлся между прилавками. Вакидзаси здесь присутствовали в большем ассортименте, нежели в предыдущем магазине. Некоторые мне понравились. У молоденькой продавщицы в чёрном кимоно я узнал, что они, разумеется, не настоящие, но сделаны в Японии, неподалёку от Киото.

Когда вы берёте иай-то в руки, вас в первый момент не могут не смутить ножны. Уж слишком они гладкие и лакированные. Не бойтесь, это не пластмасса. Можете уточнить у продавца, и он (она) вам подтвердит, что это «*уд*», в смысле «*wood*», в смысле «*дерево*». И белая пупырчатая прокладка на ручке под оплёткой тоже не пластик, а акулья кожа. Образец висит тут же, можете пощупать.

В результате я увидел даже больше, чем хотел. Потому что заприметил лежащий в витрине ярко красный тан-то, со снятыми ножнами. Тан-то – это, в общем-то, обычный нож, который входил в джентльменский набор самураев, а также использовался в качестве оружия самообороны их жёнами[38]. Правда, пользовались им не как походным ножом, а исключительно с серьёзными намерениями: добить раненого врага или отрезать ему голову, чтобы показать потом хозяину и получить повышение по службе.

Не понравился мне тан-то лишь двумя вещами: гламурным красным цветом и витиеватыми иероглифами на лезвии. На мой взгляд, оружие, даже тренировочное, должно внешне быть максимально простым. Продавщица призналась, что иероглифы составляют немалую долю указанной цены – 50 000 йен, т.е. чуть больше 500 долларов. Тогда я попросил её перевести их значение. Она поразмыслила и сказала, что один означает «луну», а второй «ветер». В них явно заключался ещё какой-то смысл, однако познания девушки в английском не позволили ей ничего добавить. А может быть, сами иероглифы были написаны слишком витиевато даже для рядового японца.

Имейте в виду, что вам могут дать скидку, однако Tax Free как такового здесь нет. Более того, цены на развешенные вдоль стены катаны и вакидзаси уже предлагались с 20% дискаунтом, что, вероятно, было просто обычным маркетинговым ходом. Потому что с этих цен они уже скидки не делали. Сказав очередное «аригато», я покинул магазин, справедливо решив несколько ночей переспать с мыслями об увиденном, прежде чем решиться на ту или иную покупку. При возможности я так делаю всегда, хотя по природе своей я покупатель весьма импульсивный и покупаю обычно то, что первым привлекает моё внимание.

На улице уже начинало медленно смеркаться.

Теперь путь мой лежал по Марутамати обратно на запад, к дому.

Поглощённый размышлениями об увиденном за сегодняшний день, я не сразу заметил, что меня обгоняет музыкальная шкатулка. Ею оказался обычный рейсовый автобус. Просто я в этот момент поравнялся с его очередной остановкой. И стал невольным свидетелем того, как автобус, наигрывая какую-то весёленькую мелодию, остановился, мелодично распахнул двери, поприветствовал входя-

[38] В женском варианте, говорят, он обычно назывался *кай-кен* (кинжал)

щих и выходящих (на самом деле не было ни тех, ни других) нежнейшим детским голоском, на который способны только японки, мягко закрыл двери, и, продолжая что-то напевать, тронулся дальше. Я восхищённо улыбнулся ему вслед. Приятно, когда тебе делают приятно. Причём просто так.

Переходя речку Камо по мосту, я остановился и несколько минут любовался её осенними красотами через объективы фото- и видеокамер. По обоим берегам, выложенным мелким гравием и утрамбованным песком, прогуливались киотцы: кто на велосипедах, кто с собакой на поводке, кто взявшись за руки, кто в компании телефона. На фоне серо-синего предгрозового (для наших широт, но, как выяснилось, не для японских) неба ярко желтела, зеленела и алела пышная листва деревьев, залитых лучами заходящего за невысокие дома солнца. Мне было с ним по пути.

Оказавшись, наконец, в гостинице, я забрал на ресепшн вернувшийся ко мне из Пекина чемодан (в целости и сохранности), полчаса полежал на кровати, воздев ноги к потолку, как учил меня в детстве отец, на скорую руку перекусил тем, что оставалось в холодильнике после вчерашней трапезы, и отправился знакомиться с ночным городом.

***Глава VII**, в которой я расскажу об искусстве бонсай, кое-что куплю, прогуляюсь по Понтотё и ещё раз затрону тему гейш*

Целью прогулки по ночному Киото я назначил себе переулок *Понтотё*, который все путеводители дружно рекомендуют посещать именно в тёмное время суток. По пути я намеревался, как и накануне заглядывать во всем понравившиеся мне магазины, чтобы максимально соединить приятное с полезным. Не согласными со мной оказались только ноги, которые продолжали монотонно гудеть и требовать положить их в горизонтальное положение до утра, когда на помощь подоспеет велосипед.

Кстати, наличие велосипеда с завтрашнего утра мне на ресепшн тоже охотно подтвердили.

Уставший, но по-прежнему в приподнятом настроении, я свернул с моей Оикэ и отправился на юг по одной из центральных улиц города – *Карасума-дори*, той самой, которой вчера (неужели только вчера!) меня от вокзала везло такси, и по которой мы за десять лет до этого любили прогуливаться с Алиной.

Нынешняя Карасума производит впечатление модницы, притягивающей к себе всё самое современное и дорогое. При беглом взгляде вы не увидите на ней ни тени того старого Киото, который в других районах нет-нет, да и выглянет между стеклянными стенами офисов и торговых центров. Ничего удивительного: за свои без малого 1 200 лет улица не могла не претерпеть разительных изменений.

Я шёл по левой стороне в потоке (условно выражаясь, поскольку даже сейчас, в вечерний «час-пик», по сравнению с Москвой людей было немного) возвращавшихся с работы «белых воротничков», аккуратных девушек и настырных велосипедистов всех мастей.

Первую спонтанную остановку я сделал почти сразу же, стоило моему взгляду упасть на выставленные снаружи цветочного магазина карликовые деревца – *бонсай*.

Так получилось, что перед поездкой я решил, что должен привезти из Японии себе в подарок две вещи (не считая впечатлений и фотографий): вакидзаси и бонсай. Кроме того, один настоящий

японский бонсай я обещал при случае купить друзьям, которые увлекаются разведением цветов.

При всей красоте и экзотичности звучания, слово «бонсай» переводится весьма банально: «растение (*сай*) на подносе (*бон*)». Пришло это искусство издевательства над деревьями в Японию, как водится, из Китая, где оно называется *пендзинь*. В соседнем Вьетнаме оно существует под именем *хон нон бо*.

Как вы, должно быть, слышали, выведение бонсай сводится к тому, чтобы не дать побегу развиваться в нормальных условиях. В древности, когда считалось, что маленькая женская ножка есть признак красоты, китайских девочек в аристократических семьях обували в специальные деревянные колодки, чтобы не дать ступне разрастаться. Тот же принцип заложен и в бонсай. Если корням тесно в плоском горшке то и ствол в потолок не упрётся. А если ещё ветки подрезать, так вообще здорово. Сам я живодёром был только в очень раннем возрасте, так что решил, что мучить деревья ножницами и проволокой не стану, а лучше привезу на родину что-нибудь уже готовое и привыкшее к неволе.

Деревца, стоявшие на полках при входе в магазин, мне не понравились. Не такими я их представлял. Когда мы с женой гуляли по парку при Императорском дворце в Токио, нас крайне заинтересовали выставленные напоказ бонсай, которым было (судя по табличкам) по 600 с лишним лет. Вот это, скажу я вам, были действительно произведения восточного искусства! Одним взглядом охватить весь ствол сосны или клёна от верхушки до корней, полюбоваться сохранёнными пропорциями миниатюрных листочков или иголок, коры, веток дорогого стоит. Здесь же передо мной были неказистые ростки, в которых будущие взрослые формы даже не угадывались.

Я даже зашёл внутрь и уточнил у продавца, правильно ли я понял, что это и есть бонсай. Да, это именно он. Всего два вида. Как упаковываем? Да никак. А если мне на самолёте везти? Может, коробочки какие-нибудь есть? Нет.

Вот и весь хвалёный японский ненавязчивый сервис.

Таким образом меня постигло первое за почти два дня разочарование. Правда, я никогда не унываю и знаю, что либо в итоге получится так, как хочется, либо как лучше.

Не прошёл я и ста шагов по Карасума-дори, как снова свернул в попутный магазин. На сей раз ювелирный. Поскольку жемчужные серьги висели надо мной Дамокловым мечом.

Японка в приталенном костюмчике и японец чуть ли не в смокинге несколько минут усердно потакали прихотям большого бородатого дяди в кепке и выцветшей джинсовке, то есть меня, охотно выворачивая свои жемчужные закрома и консультируя по каждому вопросу. Увы, результат остался прежним: неровный жемчуг в Киото являл собой нежданный дефицит. Зато, когда я уходил, пообещав вернуться, оба вышли за околицу, то есть за порог магазина и долго ещё кланялись мне вслед, огибаемые прохожими.

Карасума довела меня до Сидзё-дори, где я, если помните, накануне обследовал большие универмаги и даже купил сумки-платки фуросики. Однако торговая Сидзё-дори весьма длинная, я же вчера прошёл от силы половину, свернув в рыночные ряды. Сегодня у меня было время и желание замкнуть начатую прогулку, и потому я первым делом зашёл в громадный «Даймару».

Даже сейчас, когда я мысленно возвращаюсь в тот вечер, меня невесть откуда охватывает буквально физическое ощущение целого букета ароматов, который сопровождает вас, пока вы взмываете на эскалаторах или бродите по всем девяти этажам этого дворца покупок.

На самом деле «Даймару» это не один магазин, а целая сеть, открытая в нескольких городах Японии. До начала нулевых годов магазины сети присутствовали в Таиланде, Австралии, Сингапуре и Гонконге, однако за нерентабельностью были по очереди закрыты. Тот, в котором я оказался, открылся в далёком 1912 году. Вообще же по легенде первый магазин с этим названием появился в городе Нагоя аж в 1728 году.

Как и большинство магазинов Японии «Даймару» работает с 10:00 до 20:00, так что планируйте своё время соответствующим образом. Также имейте в виду, что если вы иностранец и совершили в нём покупок на общую сумму 10 501 йену (т.е. порядка 110 долларов), вам полагается вычет налога. Для этого нужно опять-таки иметь при себе паспорт и чек, датированный текущим днём. В чеке не учитываются покупки типа продуктов, сигарет и косметики. О том, как эта забавная система работает, я расскажу вам ближе к отъезду из Киото, когда сам испытаю её на себе и своём паспорте.

Здесь меня ждал приятный сюрприз. Я нашёл жемчужные серьги. Правда, это были не совсем серьги, но клипсы. Зато жемчужинки в них были самые что ни на есть неровные. То есть натуральные. Правда, стоили они смехотворно дёшево: что-то вроде 70 долларов за пару. И это в одном из самых престижных магазинов города, в ювелирном отделе, с кучей поклонов и гирляндами улыбок со стороны продавцов. До сих пор не до конца понимаю, как это вышло. Девушка, обслуживавшая меня, с трепетом взяла мои деньги, извинилась и попросила подождать, пока она сбегает к кассе и всё за меня оформит. Я охотно согласился. А пока ждал её возвращения, подумал о том, что жемчужные клипсы – это лучше, чем ничего, но явно недостаточно. Буду искать серёжки дальше, но не активно, как сейчас, а просто наблюдательно. Авось что попадётся…

Прогулявшись в неторопливом потоке прохожих на восток и дойдя под золотой лентой козырьков почти до самой реки, точнее, до моста через нее, я свернул в предпоследний переулок слева и оказался в хвалёном на все лады Понтотё.

Приходить сюда рекомендуется вечером, когда переулок залит светом разноцветных фонариков и витрин. Наравне с Гионом Понтотё считается районом *ханамати*. Непонятно выразился? Ханамати переводится как «улица цветов». Так в Японии принято называть кварталы, где расположены *окия* – дома гейш. Про последних я уже

говорил раньше, так что сейчас лишь добавлю, что ничего общего с пыльной Пляс Пигаль в Париже или проулками вокруг Старой Церкви в Амстердаме ханамати не имеют. Наверняка проституция в Японии тоже есть, куда же без неё, однако нигде в Киото вы не увидите ни зазывал, ни тоскующих девиц в мини-юбках, ни даже просто пьяного человека. Я не видел. Хотя смотрел внимательно.

За обе свои поездки я лишь однажды в Токио на какой-то улочке, параллельной фешенебельной Гинзе, прошёл с женой мимо стайки весёлых девушек в неподходящих вечерних платьях. Девушки обратили на себя моё внимание высоким ростом, славянской внешностью и русским языком.

По поводу характера услуг, которые оказывают своим клиентам японские гейши, до сих пор существует множество споров, предрассудков и недопонимания. Да, трудовые будни гейш посвящены развлечению клиентов. Но развлечения эти, насколько я могу судить по тому, что читал и видел, сводятся к писклявым песнопениям, заунывным стихотворным речитативам, улиточным танцам, пронзительной игре на музыкальных инструментах и полусонным чайным церемониям. Чем заунывнее и тоскливее, тем, разумеется, выше мастерство исполнительницы и тем дороже оно стоит. И никаких сексуальных утех.

Хотя нет, одна всё-таки была. В 1959 году её официально отменили. Она называлась *мидзуаге* («поднимание воды») и заключалась в том, что спонсор юной гейши (*данна*) или кто-нибудь из богатых клиентов лишал её девственности, причём за весьма крупную сумму. Больше она в связь с ними не вступала. По сути, это был обряд посвящения начинающей майко во взрослую жизнь. Он также сопровождался срезанием узелка волос на макушке девушки. Впредь, до окончания карьеры, гейша обязана была оставаться незамужней.

Так вот, в Понтотё вы гейш вряд ли встретите. Говорят, они сидят в своих окия и ждут клиентов. Если в 20-е годы прошлого века в Японии насчитывалось порядка 80 000 гейш, то сегодня их по разным данным не более 2 000, причём большинство их сосредоточено в курортном городке Атами. Некоторых, похожих на гейш девушек в традиционном убранстве, мы с вами ещё будем иметь удовольствие лицезреть, однако предупреждаю, что большинство из них – это обычные японки, такие же туристки, как и мы с вами, решившие пофотографироваться на фоне достопримечательностей в

ярких кимоно. Я слышал, что в некоторых случаях они за это получают скидку на входные билеты.

Своим названием Понтотё обязан не то английскому, где вы встретите слово *point* («место» или «точка»), не то и вовсе португальскому с его *ponto* в том же значении или *ponte* (мост). Японское же окончание *mё*, если вы не забыли наш разговор о местной системе адресов, означает «город», «квартал» или «улица».

Улочка узенькая. Если вы окажетесь здесь вдвоём и возьметесь за руки, то без труда сможете дотронуться одновременно до домиков слева и справа. Вероятно, среди них, пока я шёл, действительно были упомянутые окия, однако, если честно, я замечал исключительно витрины маленьких ресторанчиков, коих здесь множество.

Светящиеся вывески над головой все сплошь в иероглифах, так что я наверняка прошёл мимо чего-нибудь интересного.

Рестораны здесь считаются дорогими (обычно пишут «изысканными»), однако с июня по сентябрь те, что противоположной стороной выходят на набережную Камо-гавы, возводят деревянные помосты *юка*, где, говорят, можно не только вкусно поесть на прохладном ветерке, но и ощутить атмосферу старого Киото.

Лично я почему-то особо интересной для себя атмосферы на Понтотё не почувствовал. Мне по-прежнему гораздо более привет-

ливой и симпатичной вспоминалась параллельная Понтотё улочка Киямати-дори с каналом посередине, та, где я вчера видел радугу.

Не спеша пройти Понтотё можно минут за десять. На севере она заканчивается пересечением с перпендикулярной улицей – Сандзё-дори. Не доходя перекрёстка, обратите внимание на домики справа. Среди них затесался театр Кабурендзё. В нём с 1870 года гейши практикуются в своих многочисленных искусствах. За 25-50 долларов любой желающий может туда зайти и к ним приобщиться. К искусствам, разумеется. Признаюсь, я свой редкий шанс упустил, поскольку мой мозг традиционная японская музыка и пение ранят.

Примечательно, что, говорят, именно откуда-то отсюда пошло искусство, известное во всём мире как *кабуки*. Статуя его родоначальницы, бывшей майко по имени Окуни, с мечом и веером, сегодня стоит напротив Понтотё, по другую сторону моста через Камо. Про неё мы ещё вспомним, когда я буду проезжать мимо на велосипеде.

Ещё про Понтотё японцы любят рассказывать в связи со случившимся там в 1978 году пожаром, в котором даже погибла одна гейша. Когда пожар потушили (или он потух сам, что тоже не редкость), в том месте, где пламя остановилось, была найдена керамическая фигурка *тануки* – енотовидной собаки (не путать с енотом или барсуком, как это часто делается в книгах о Японии западных авторов).

Тануки в японском фольклоре символизируют хитрых и весёлых проказников, которые любят подшутить над людьми. Они даже хитрее лис, у которых «семь обличий», тогда как у тануки их восемь (может, поэтому их и путают с другими подобными животными). В свете вышесказанного становится понятно, почему сегодня фигурку забавного тануки можно увидеть стоящей перед входом в местные питейные заведения.

Так вот, обитательницы Понтотё решили, что керамический тануки пожертвовал жизнью, чтобы спасти их от пожара. В его честь они соорудили маленькое святилище, похожее на оранжевый теремок с окошком и сплошь облепленное стикерами с иероглифами-пожеланиями.

Вконец усталый, я добрёл до гостиницы уже ближе к полуночи. Магазинчики в рыночных проулках закрывались у меня на глазах. Продолжали обслуживать проголодавшихся полуночников только закусочные. Из-за угла меня с головы до ног обдало барабанной

дробью: двое мальчишек отчаянно лупили палками в пластиковые бочонки, не отрываясь от экрана, задававшего им определённый ритм. Я даже не сразу сообразил, что это всего лишь компьютерная игра. Били они как заведённые, очень слаженно и ритмично, а когда игра закончилась, бросились на радостях обнимать друг друга. Похоже, их выигрыш заключался лишь в положительных эмоциях и всплеске адреналина.

По телевизору в тот вечер показывали соревнования по боулингу. Соревновались только девушки. Очень сосредоточенные и неулыбчивые. Зато одетые как школьницы младших классов, в юбочки, кофточки и с бантиками в характерных причёсках. Шары они катали, надо сказать, весьма умело, так что стоило одной кегле остаться не сбитой, как зрители разражались криками досады, поскольку такая промашка могла дорого обойтись их избраннице.

Кто победил, я не знаю, потому что усталая голова сама отключила мозг и закрыла глаза…

Зато натруженные ноги включили всё обратно буквально часа через четыре. Точное время я узнавать не стал, но провалялся без сна в кромешной тьме довольно долго, до самого завтрака.

***Глава VIII**, в которой я наконец-то сяду на велосипед и восхищусь Золотым павильоном*

Если вы решили взять в Японии велосипед на прокат, пусть даже бесплатно, знайте: эта роскошь может вам дорого обойтись.

Когда я утром первым делом заглянул в ресепшн и справился насчёт обещанного двухколёсного друга, услужливый юноша первым делом дал мне прочитать и подписать листок бумаги, в котором значилось, что:

- если я потеряю ключ от замка, с меня возьмут 1 000 йен;
- если неправильно припаркуюсь, и велосипед увезут – 3 000;
- если велосипед украдут – 10 000

За последний пункт я почему-то не слишком беспокоился, а вот ко второму я был, признаться, не готов. Что значит «неправильно припаркуюсь»? Накануне мне казалось, что велосипеды по всему Киото стоят, где попало. Ладно, пока подпишем, как есть, а по ходу дела выясним…

Прокатные велосипеды стояли во дворике. Нужно было выйти из гостиницы на улицу, обойти дом слева, зайти в узенький тупичок, куда открывались двери кухни, и вот они, мои дорогие, вместе с хозяйскими мотоциклами и мопедами.

Выданный мне ключ от замка на заднем колесе подходил только к одному велосипеду, который и закреплялся за мной на всё время моего жития в Киото. Первое впечатление помню как сейчас: подстава. Мало того, что даже при максимально поднятом седле я доставал до земли согнутыми ногами, так ещё перед рулём крепилась дурацкая хозяйственная корзинка. Девчачий драндулет какой-то. Как же я был неправ!

Позавтракав и прихватив рюкзачок с аппаратурой, я вернулся к велосипеду и некоторое время возился с замком, пока не понял главный принцип: пока замок (точнее, примитивная заглушка на заднем колесе) открыт, ключ остаётся в нём. Вынуть его можно лишь из закрытого замка. Логично.

Скептически посматривая на женскую раму моего Росинанта и предвкушая, как непросто мне будет крутить педали не полностью распрямляющимися ногами (на своих домашних велосипедах я обычно вытягиваю седло так, чтобы едва доставать до педалей), я

вырулил на Оикэ и пустился для начала по своим собственным вчерашним стопам, то есть в сторону замка Нидзё.

Если вы не любите или вдруг не умеете кататься на велосипеде, вам не понять чувств человека, скользящего мимо прохожих, домов и деревьев с видом аборигена. Когда вы идёте пешком, вы можете быть кем угодно, но когда под вами велосипед, вы уже одной ногой (ну, пусть не ногой, но педалью) оказываетесь в разряде местных. Хоть вы не японец, но уже не турист. Я очень люблю сравнивать впечатления от одних и тех же мест, по которым сперва (хотя, не суть важно, в каком именно порядке) проходишь пешком, потом проезжаешь на велосипеде и, наконец, на автомобиле. Как одна и та же оперная ария, передаваемая и воспринимаемая по-другому всякий раз, когда её исполняет, скажем, Франко Корелли, Лучано Паваротти и, наконец, никем не превзойдённый Марио Дель Монако.

Предыдущий абзац мог вызывать у вас снисходительную улыбку. Подумаешь, на велосипед сел! К чему все эти радостные визги да ещё упоминание великих? Каюсь, наивничаю, но поверьте, исключительно по причине той детской восторженности, которая почему-то охватывает меня всякий раз, когда подо мной послушный велосипед, бодрящий ветер – в лицо, а впереди – неизведанность.

На самом деле, разумеется, я снова кокетничаю, поскольку «неизведанность» в данном случае – лишь фигура речи. Я прекрасно знал, куда направляюсь. Даже когда в юности колесил по будто специально созданной для велосипедов Дании, один, без карты, я всегда представлял себе конечную точку своего маршрута. Просто ощущение езды «куда глаза глядят» придаёт дополнительную остроту двухколёсному восторгу.

Низкорослость моего нынешнего транспортного средства смущала меня лишь первые минуты. Довольно скоро я убедил себя в том, что в ней тоже есть свои прелести. Быть ближе к земле в чужом городе иногда полезно, поскольку тем самым ты минимизируешь риск оказаться в неудобной ситуации. В той же Дании я и сталкивался с другими велосипедистами на узких трассах, и сбивал бегунов на роликах на пешеходной Стрёэз (обычно название этого копенгагенского Арбата пишется у нас как Стрёгет, что совершенно не соответствует звучанию), и падал через руль под колёса машин (к счастью, неторопливых) и даже однажды почти протаранил бок пассажирского автобуса. Сейчас же я был чуть выше немного-

численных в это ранее утро пешеходов, а то и дело тормозившие моё продвижение светофоры не вынуждали меня, как в Москве, выгадывать расстояние до них или балансировать почти на месте, лишь бы не останавливаться. Просто выставил ногу и сиди себе, отдыхай в ожидании зелёного огонька и весёлого чириканья.

Кстати, за первый же день велопробега я убедился в том, что далеко не все японцы настолько законопослушны, чтобы стоять и ждать разрешающего сигнала, если очевидно, что никакой угрозы ни справа, ни слева нет. Да, многие трепетно замирают даже перед улочкой в три шага шириной, но некоторые смело идут или едут дальше. Начинал я как первые, однако к вечеру уже уверенно чувствовал себя в манере вторых.

Типичная картина в Киото

Вторым приятным открытием для меня стала железная корзинка перед рулём. Несмотря на утреннюю прохладу, мне скоро сделалось жарко, и я сначала положил в неё ветровку, отчего сразу стало хорошо, а потом и рюкзак. Мой Росинант не роптал, а я подумал, насколько дальновидна была жена, когда высказывала пожелание иметь на своём деревенском велосипеде такое же хозяйственное приспособление. Конечно, где-нибудь в Испании или Италии класть ценные вещи, вроде камер, пусть даже впереди себя я бы

никому не посоветовал, но Япония – дело другое, так что настоятельно рекомендую вам брать в прокат именно такие велосипеды-кенгуру.

Прислушиваясь к себе и присматриваясь к своему новому другу, я незаметно докатил до поворота на Хорикава-дори. Сегодня замок меня уже не интересовал. Зато по-особенному манила дорожка вдоль речки. Ехать, виляя между деревьями и вдыхая вполне чистый воздух, когда вокруг тебя снуют машины и живёт своей жизнью большой город, чувство весьма приятное и буквами не передаваемое.

А вот и вчерашний зал потинко. Здесь речушка ныряла под Имадэгава-дори (вчера, если помните, мы свернули направо, в сторону Императорского парка), и я без сожаления продолжил свой путь по левой стороне ставшей обычным проспектом Хорикавы.

О чём обычно не думаешь, пока не сядешь на велосипед? Правильно, о перепадах высот. Или о встречном ветре. В той же Дании, где сплошная равнина, кроме небольшого участка на острове Фюн, как нигде чувствуешь ветер. В одну сторону он тебя почти останавливает, зато в другую позволяет почти не крутить педали. Я, конечно, утрирую, не пугайтесь, но за те многие сотни километров, которые я намотал по дорогам этой крошечной страны (протянувшейся с западного Эсбьерга до Копенгагена на востоке всего на 300 км), мне не раз приходилось колесить по совершенно ровной местности, буквально стиснув зубы и собрав в кулак волю.

Сейчас, в Киото, ветер меня не беспокоил. Я ехал по Хорикава-дори строго на север, время от времени притормаживая и доставая из корзинки карту города. Потому что мне предстояло найти правильный поворот направо. Можно было, конечно, просто доехать до пересечения Хорикавы и Китаодзи (что бы я, вероятно, сделал сегодня, лишь бы покататься подольше), но в то утро передо мной стояли совершенно определённые цели, а я, к несчастью, бываю человеком целеустремлённым. Поэтому я решил посрезать углы.

До сих пор я держал вас в неведении относительно тех достопримечательностей, с которыми нам нынче предстоит познакомиться. Две из четырёх я успел посмотреть в прошлый раз, а именно: Золотой павильон и Сад камней. По прямой до самой северной точки моего маршрута, Золотого павильона, было примерно (масштаб на моей замечательной карте почему-то отсутствовал) в 10 раз дальше, чем от гостиницы до замка Нидзё. Но это по прямой.

После Золотого павильона я собирался зарулить в расположенный неподалёку (примерно 2 расстояния от гостиницы до замка) Сад камней, затем примерно ещё через столько же посетить храмовый комплекс Ниннадзи, и, наконец, плутая по лабиринту кривых улочек (ровная сетка улиц древней столицы на западе обрывалась), добраться к обеду (желательно) до кино-парка, где, судя по документальным фильмам, очень интересно и где до сих пор японцы снимают свои боевики о самураях и ниндзя. Оттуда ещё порядка 12 «расстояний», и я дома. В итоге должно было получиться что-то вроде 20 километров, едва ли больше. Что по сути своей сущий пустяк, если учесть, что в Дании по выходным дням я любил после завтрака прокатиться от Копенгагена до Хельсингёра, где стоит замок Гамлета, и обратно, чтобы примерно за 4 часа езды успеть опять-таки к обеду. При этом дорога в один конец составляет там порядка 45 километров.

Итак, я свернул. Судя по карте, на одну из улочек, по которой можно было дворами добраться до Золотого павильона почти по прямой. Я выбрал её, отсчитывая повороты от последнего перекрёстка по карте. Как я потом сообразил, карта, увы, показывала далеко не все повороты, а лишь наиболее крупные. И потому там, где я видел две улочки, в действительности их был добрый десяток. Имейте это в виду.

Без карты в Киото можно заблудиться. С картой иногда тоже…

То, что я заехал в тупик, слава богам, я понял довольно скоро. Был понедельник, наверное, девятый час. По сравнению со вчерашним днём народу было больше, однако здешние дворики, мимо которых я проезжал со включённым в режиме видео фотоаппаратом на груди, ещё спали, так что дорогу спросить было не у кого.

Поплутав несколько минут и решив выбираться в том направлении, откуда время от времени выныривали легковушки, я вскоре оказался на свободе: передо мной был очередной проспект, пешеходный переход и пышнотелая японка среднего возраста в форме полицейской. Не уточняя, знает ли дама английский, я улыбнулся ей и незатейливо поинтересовался:

- Сумимасэн, Рёандзи?

Первым делом моя собеседница решительными знаками велела мне убрать переднее колесо велосипеда с проезжей части. Затем лицо её потеплело, она задумалась и в итоге стала что-то объяснять, указывая рукой значительно левее того места, где я предполагал найти Золотой павильон. Пока она объясняла, я понял свою ошибку и поправился:

- Сумимасэн… Кинкакудзи?

Ну, путаюсь я в этих двух названиях! Зато с тех пор я твёрдо запомнил, что Рёандзи – это Сад камней. И вы тоже запомните. На всякий случай.

Теперь полицейская, уже радостно и приветливо, подтвердила, что я на верном пути. Кивнув ей на прощанье, я переехал пешеходный переход, и прямо перед собой увидел улицу, упирающуюся метров через двести в лесные заросли. В прошлый раз Золотой павильон так меня поразил, что я совершенно не запомнил окружавшего его антуража, поэтому сейчас у меня возникло ощущение, что я тут впервые.

Пожилой охранник при входе в лес заметил моё радостное приближение и протестующе поднял руку.

- Паркинг? – уточнил я.

- Он самый, – вероятно ответил японец и показал мне куда-то за спину.

Я оглянулся и увидел почти пустую стоянку с квадратным указателем «Р». Оставалось только сказать бдительному стражу «аригато» и заковылять обратно треножить моего двухколёсного друга. На будущее я решил, что впредь стану строго соблюдать правило парковки лишь в надлежащих местах. Носиться потом по отстой-

никам Киото в поисках конфискованного транспорта и ещё платить за него деньги мне совершенно не улыбалось. Правда, позднее я заметил, что под седлом у меня прикреплена бирка, в которой указывалось, какой гостинице и по какому адресу этот железный конь принадлежит. Так что, очевидно, конфискат слуги закона доставили бы именно туда. Не знаю. Проверить эту догадку мне так и не довелось…

Кинкакудзи, он же Золотой павильон, тот редкий случай, когда я солидарен с мнением большинства. Ибо павильон этот по праву считается *самым известным зданием на территории Японии*. А для меня, увидавшим его на цветной фотографии в семилетнем возрасте, и подавно: олицетворением Страны восходящего солнца.

Вкратце история его возникновения, гибели и возрождения такова.

Официально территория Кинкакудзи носит название Рокуондзи, то есть «Храм в оленьем саду». Изначально здесь стояла вилла зажиточного чиновника Саёндзи Кинцунэ. Она называлась Китаяма-дай и так приглянулась тогдашнему 3-му сёгуну периода Муромати из рода Асикага, что он, Ёсимицу, её у товарища Саёндзи выкупил. Во всяком случае, так говорят. Было это в далёком 1397 году. Ёсимицу шел тогда всего лишь третий десяток, однако он уже успел оставить свой пост (но отнюдь не власть) и решил переквалифицироваться в монахи. Вилла, построенная новым владельцем, получила название Китаяма-дэн.

Считалось, что окружающий Золотой павильон сад с озером являют собой Чистую Землю Будды в нашем бренном мире. Функционировала вилла также и как зал для официальных приёмов. Сюда, например, приезжал император Гокомацу, отец широко известного в узких кругах учителя дзэн, Иккю[39].

В период Муромати в Японии процветала торговля с Китаем. Львиная доля выручки шла, разумеется, в карманы сёгуната, так что Ёсимицу мог позволить себе украшать дома самым что ни на есть настоящим золотом. Вместе с богатством из Китая в Японию импортировалось изобразительное искусство. В результате Золотой павильон стал центром культуры, которую так и назвали – Китаяма (т.е. Северная гора).

Перед смертью дальновидный Ёсимицу завещал превратить своё поместье в дзэнский храмовый комплекс, что и было сделано.

---

[39] Иккю Содзюн был внебрачным сыном императора.

Более того, упомянутое выше официальное название Рокуондзи, как выясняется, обязано своим появлением не оленям, а тому обстоятельству, что в посмертии Ёсимицу был наречён Рокуон-ин-дэн.

Во время последовавшей вскоре за этим Онинской (гражданской) войны[40] все строения на территории сада, за исключением Золотого павильона, были сожжены. Однако, как водится, от судьбы не уйдёшь. И вот в 1950 году молодой псих и по совместительству монах-новобранец Хаяси Ёкэн взял да и поджёг эту многовековую красоту. Вероятно, не хотел, чтобы другие её видели. Затем он взбежал на расположенный за павильоном холм Даймондзи и попытался покончить жизнь самоубийством. К сожалению, не успел, его поймали, судили и даже было посадили на 7 лет, но в итоге раньше времени выпустили с двумя диагнозами: мания преследования и шизофрения. Примерно через год он всё-таки умер… от туберкулёза.

Так Золотой павильон выглядел после пожара

В это же самое время другой японец, взявший псевдоним Мисима Юкио[41], тоже склонный к суициду, описал деяния монаха в

[40] 1467-1477 гг.
[41] На самом деле Кимитакэ Хираока

повести «Золотой храм», которая, говорят, сделалась самым читаемым произведением японской литературы в мире.

Пока Мисима восхищался шизофреником, его трудолюбивые сограждане восстанавливали храм. Та красота, которой полны многочисленные фотографии и открытки, радует глаз посетителей с 1955 года. Есть мнение, что реставраторы даже перестарались, и что оригинал не был настолько уж золотым. Ещё через тридцать лет были «восстановлены» интерьеры и даже деревянная статуя Ёсимицу.

Золотым павильон был создан вовсе не для того, чтобы, как можно подумать, пускать пыль в глаза. На самом деле золото в японской традиции призвано очищать и смягчать мысли о неизбежной смерти. На мой взгляд, это единственное творение человеческих рук, которое золото почему-то совсем не портит.

Пройдя лесом по единственной здесь дорожке, я оказался на площадке перед деревянными воротами. О, ужас! Вся площадка была до отказа заполнена жаждущим войти внутрь народом. Причём не только форменными школьниками, каких вчера было немало в Нидзё, но и иностранными туристами. Ещё бы, всё-таки Золотой павильон, Мисима, харакири, шизофрения…

Я довольно быстро сориентировался и решил повернуть неудобство в свою пользу. С независимым видом миновав задние ряды народных масс, я заприметил озирающегося по сторонам отца семейства с двумя взрослыми чадами. Подойдя к нему, я по-приятельски поздоровался и поинтересовался, в чём дело. Выяснилось, разумеется, что во всём виновато моё стремление побыстрее покинуть гостиницу. Сад ещё не открылся. Открывался он ровно в 9:00. Я сверился с телефоном. Оставалось каких-то пять минут. Зато я уже был почти в голове очереди и никуда уходить не собирался. Кто знает, может, мы с этим папашей давнишние друзья. Это я к тому, что никому из окружающих даже не пришло в голову на меня поворчать.

Когда ворота гостеприимно распахнулись, толпа стала медленно и учтиво всасываться внутрь. А там, внутри, стало понятно, что переживать, действительно, не стоило. Людской поток распадался на две неровные части. Бо̀льшая шла группами, нигде не задерживаясь, а мы, индивидуалы, на минуту притормаживали возле касс, расставались с 5 долларами (400 йен), получали здоровенные бу-

мажки с иероглифами и печатями, заменявшими билеты, и шли за всеми дальше.

Если хотите увидеть то, что увидел я, выйдя на узенькую площадку перед прудом, отгороженную бамбуковым заборчиком, посетите на досуге мой японский сайт *kyoto-nara-osaka.jimdo.com* и посмотрите, как это рукотворное чудо выглядит в цвете. Вот где можно простоять не один час, изучая не только сочетание цветов и оттенков, обычно не сочетаемых в жизни (синевы пруда, зелени сада и золота павильона), но и превосходно выстроенную композицию, правую часть которой занимает трёхэтажная золотая пагода, центр – каменный островок с двумя деревцами на синем зеркале водной глади, а фоном служит зелень окружающего леса, серость далёких гор и голубизна неба.

Обычно местные стражи порядка подталкивают посетителей на правую часть площадки, но вид оттуда куда менее впечатляющий (на мой вкус, разумеется) нежели если не обратить внимания на их жесты и сразу после входа подойти вплотную к ограждению. Тем более что тогда широта открывающейся перед вами картины позволяет оставлять за кадром весь восторженный народ. Поэтому фотографии отсюда выглядят столь умиротворяющими и лишён-

ными лишних деталей, хотя пока вы их делаете, вокруг вас творится настоящий туристический бедлам.

Абзацем выше я сказал о «зеркальной глади» пруда. Именно так воспринимали его и сотни лет назад, отчего пруд был назван Кёко-ти, то есть Зеркальный. На нём десять островков. Самый большой символизирует Японию. Островки, говорят, были сложены из камней, подаренных сёгуну влиятельными самураями из провинций. Как на квадратном метре камней вырастают полноценные деревья, знают только японцы, но смотрится это поразительно красиво. На моём любимом островке, ближайшем к обзорной площадке, их уместилось аж два сразу. Интересно, что на фотографии 1885 года вместо них стоит одно большое. Всё течёт, всё изменяется…

Вдоволь насмотревшись и нафотографировавшись, можно двигаться за людским потоком дальше, то есть вдоль правого берега пруда, мимо павильона.

Как я упомянул, он состоит из трёх этажей, причём две верхних отделаны чистым золотом. Фактически это своеобразный мавзолей, иначе говоря, *саридэн*, в котором хранится прах Будды (какого из них, честно говоря, не знаю).

С чисто архитектурной точки зрения Золотой павильон интересен втройне. Первый этаж сделан в стиле *синдэн*, то есть обычного жилого дома периода Хэйан. Для построек XI века были характер-

ны открытые веранды и использование дерева в сочетании со штукатуркой. Называется первый этаж Покоями Вод Дхармы.

Второй этаж выполнен в самурайском стиле *букэ*, свойственном жилищам военной аристократии. Раздвигаемые двери и зарешеченные окошки призваны символизировать скоротечность и непостоянство бытия. Здесь расположен Зал Будды и святилище богини сострадания Канон. Название этого этажа можно приблизительно перевести как Башня Звучных Волн.

Наконец, третий этаж является образцом стиля *дзэнсю-буцудэн*, в котором возводились типичные дзэнские храмы ещё на территории Китая. Этаж называется Крайний Свод и наводит в хорошем смысле слова на философскую тему.

Поскольку если мы с вами вспомним большинство европейских соборов (особенно итальянских) и дворцов, то заметим одну закономерность: каким бы изысканным и богатым ни был их интерьер, снаружи они производят довольно скромное впечатление. Здесь же мы имеем дело с принципом всей нашей с вами жизни, хотя многие о нём, увы, не догадываются: что внутри, то и снаружи. Иными словами, те мысли и чувства, которые мы несём в себе и проецируем на окружающий нас мир, таким этот мир вокруг нас и становится. Меняется наша вибрация, меняется и ответная. Органически приняв бодрый настрой, мы идём по жизни гораздо легче и успешнее, нежели те, кто во всём видят серое, страшное и плохое. Кто-то может счесть эту мысль чистой теорией, однако я надеюсь, что среди вас есть те, кто пользуется ею на практике и уже знает, что это не только слова.

Золотые стены павильона на третьем этаже говорят нам о том, что и внутри него такая же яркая красота.

Павильон венчает отнюдь не петух, как может показаться со стороны, а бронзовый феникс, вероятно, в память об уже однажды погубившем его пожаре.

Таким вот иносказательным образом стилевого смешения Золотой павильон открывает знающему глазу суть бытия в смешении природы (1-й этаж), бренности (2-ой), веры (3-й) и воскресения (феникс).

Обойти павильон вокруг невозможно: он фактически стоит на воде, а на первый этаж с верандой давно уже никого не пускают. Зато, пройдя мимо него, вы обнаруживаете с другой стороны нечто вроде маленькой пристани (*цури-доно*) со старенькой лодкой. В

первый мой визит лодка была на месте. Сейчас пристань почему-то пустовала.

Комплекс Кинкакудзи создан в японском стиле *кайю-сики-тэйэн*, что означает «круговой сад». В прошлый раз мы с женой, помнится, полностью обошли пруд и поспешили дальше. Сегодня я никуда не торопился, да и проход по берегу был перекрыт: всех гостей Кинкакудзи приглашали идти дальше вверх по склону холма Даймондзи, расположенного прямо позади павильона. Там я сперва поснимал симпатичный водопадик.

Вода сильным потоком, хотя и с небольшой высоты падает на вертикально стоящий чёрный камень. Если вы думаете, что так просто получилось, вы не правы. Подобные водопады можно увидеть и в других садах, поскольку они символичны, как и всё в этой стране. Отгадка скрывается в названии – *Рюмон-но-таки*, Скала карпа. Как вы, должно быть, слышали, карп олицетворяет в японской традиции мужскую силу и непоколебимое упорство. По древней легенде карп, взобравшийся вверх по водопаду, превратился в дракона. На его образе строится, в частности, идеология многих боевых искусств.

Дальше трогательные старушки в синих брючных костюмах в белый горошек и в панамках на голове собирают в кучки павшую листву. Едва ли они будут её потом так же идиотски сжигать, как это в последние годы стало модно делать у нас. Растениям нужно удобрение, а что может быть лучше, чем их собственные пожухлые листья?

А вот и целое семейство маленьких каменных истуканов с рельефным изображением Будды на каждом. Посреди – каменная

чаша. В неё проходящие мимо школьники пытаются метров с трёх угодить монеткой. Вероятно, новый обряд «на счастье». О том, что он новый, можно судить по целлофану, на котором все эти камни стоят. А по тому, что целлофан завален мелочью, можно сделать вывод, что придумавший его товарищ в накладе не остался.

Ещё несколько шагов по тропе, и вы видите слева ещё один маленький пруд – *Анмин-таку* – с островком посередине. Внимание сразу привлекает установленная в центре островка полутораметровая каменная пагода, больше похожая на игрушку, которую дарят годовалым детишкам, чтобы они развивали цепкость рук и нанизывали толстые кольца на палочку. У пагоды этой, как и у всего здесь, тоже есть имя – *Хакуя-дзука*, т.е. Холм Белой змеи, в память о той рептилии, что по преданию стерегла покой семьи Саёндзи, первых владельцев этого поместья, и заодно отвечала за бесперебойность водоснабжения.

Если теперь оглянуться назад, можно увидеть, что уже мы стоим на высоте золотого феникса, а сам павильон за склоном, к которому, увы, не подойти из-за пусть и условной, но загородки. А как бы было интересно сфотографировать всё то, что мы видели в начале, сверху! Отсюда, наверное, полоумный Хаяси Ёкэн взирал на бушующее внизу пламя.

Как-то неожиданно оказалось, что я всё осмотрел, а впереди лишь надоедливые киоски с сувенирами и несмолкающий гомон школьников. Хорошо, но как-то мало, подумал я и смело двинулся вниз, вдоль стены, к тому месту, где покупал билет. Привратник сделал вид, что узнал меня, и пропустил. Я ещё некоторое время постоял на обзорной площадке, поискал новые ракурсы для снимков, сподобился попросить японку, говорившую по-американски, запечатлеть меня со спины на фоне всей этой неземной роскоши и в некоторой эмоциональной подавленности после увиденного отправился назад, к скучающему велосипеду.

***Глава IX**, в которой мы с вами заглянем в знаменитый Сад камней и разгадаем некоторые его тайны*

Прикупив у автомата на парковке очередную ледяную бутылочку, я первым делом посидел на скамейке и сверился с картой. Дорога к Саду камней была определённо та, что начиналась вон там за углом, и шла она замечательным образом под уклон. Какой же я молодец, что решил начать именно с Золотого павильона, а не наоборот! Сейчас бы ещё взбирался где-нибудь в гору, причём пешком, поскольку в сорок с лишним лет на низеньком велосипеде да ещё без скоростей это единственный способ преодолевать малейшие холмы.

Лишний раз убедившись в том, что Сад камней по-японски называется Рёандзи на случай, если вдруг придётся кому-нибудь задать соответствующий вопрос, я сунул недопитую бутылку в корзинку и покатил под гору.

Вы заметили, что я пока ни разу не упомянул о том, удобно или нет ездить на велосипеде при левостороннем движении? Не сделал я этого потому, что даже не почувствовал разницы. Это всё равно, что испытывать неудобство от того, что в южном полушарии вода в раковине закручивается против часовой стрелки, тогда как у нас, в северном, по часовой. Кроме того, в отличие от машины велосипед может проехать в Киото везде, включая тротуары, так что границы оказываются весьма размытыми.

Как бы то ни было, путь до Рёандзи прошел без происшествий и занял от силы минут десять. При этом вспоминать о педалях мне пришлось всего несколько раз. Красота!

Вообще-то слово «Рёандзи» означает вовсе не «Сад камней», а «Храм умиротворённого дракона». Его история, так же как и истории большинства построек в Киото, связана с разрушениями и пожарами, а потому даёт немало поводов для сомнений и споров.

Считается, что в XI веке здесь находилось поместье, принадлежавшее клану Фудзивара. В брошюрке, которую я получил вместе с билетом, говорится, правда, что изначально его хозяевами было семейство Токудайдзи, однако сейчас, записывая эти строки, я нашёл упоминание этой фамилии лишь в связи с Токудайдзи Хогэном Дзёи, чьё имя переводится как «Дзёи, верховный священник храма

Токудайдзи». Похоже, он был просто в услужении у Фудзивара, владевшими и храмом, и поместьем. Упомянутый храм до наших дней не дошёл, зато дошёл великолепный пруд, который мы с вами увидим на обратном пути. Пруд, появившийся здесь ещё до того, как Япония узнала о существовании дзэн-буддизма!

Дух дзэн появился здесь с переходом поместья в 1450 году во владение ещё одного влиятельного самурая, Хосокава Кацумото.

Хосокава занимал высокий пост *канрэй*, то есть был заместителем самого сёгуна. Что совсем не нравилось его тестю, Ямана Сёдзэну. Кроме того, Хосокава водил дружбу с братом правящего сёгуна Асикаги Ёсимаса – Ёсими и считал, что тот должен стать его преемником. Ямана же воспользовался случаем, когда у Ёсимасы родился сын, и стал всячески проповедовать идею, что именно малыш должен быть наследником отца, а вовсе не брат. В 1467 году дело дошло до вооружённого противостояния, причём, по словам историков, на стороне Хосокавы и Яманы было без малого по 80 000 человек. Опасаясь войны, сёгун прикрикнул на обоих и объявил, что первый из них, кто отважится нарушить мирную жизнь Киото, будет считаться бунтовщиком со всеми вытекающими из этого последствиями. Несколько месяцев эта угроза действовала, однако постепенно напряжение выросло настолько, что Хосокава не выдержал и откровенно напал на поместье одного из генералов Яманы. В результате началась форменная резня, на улицах появились трупы, а многие дома подверглись разграблению солдатами и мародёрами. По мере того, как сторонники противоборствующих лагерей занимали один за другим кварталы Киото, армии получили названия Западная (Ямана) и Восточная (Хосокава). Хотя Хосокава напал первым, он убедил сёгуна в своей невинности, свалив всё на Яману. Мало того, сёгун даже назначил Хосокаву генералом своего войска, отправленного на усмирение Яманы. В итоге война продолжалась целый год и закончилась, как часто бывает, ничем. Враги предпочли зализывать раны и сражаться дальше политически, а не катанами. В 1469 году сёгун назначил приемником своего сына. Хосокава уже не возражал. Он и Ямана спокойно умерли четыре года спустя.

Между тем в результате гражданской войны храм на территории Рёандзи был разрушен. В 1488 сын Хосокавы его восстановил. С этого момента среди историков начинается полемика, к счастью, не такая кровопролитная, как вышеописанная Онинская война. До

сих пор доподлинно неизвестно, кто является автором и строителем Сада камней. Одни считают, что сад появился ещё при Хосокаве-отце, другие – что при Хосокаве-сыне. Кто-то говорит, что сад разбил знаменитый мастер пейзажной живописи по имени Сёами. Другие вообще утверждают, что сад создавали не профессиональные садовники, а обычные монахи. Возможно, ответ в комбинации и тех и других. Но при этом время создания сада гуляет по временной шкале с середины XV века по конец XVII. Дело в том, что первое письменное его описание датируется 1680-ми годами. Весьма примечательно, что в нём говорится о 9 больших камнях, выложенных в форме «тигрят, переходящих реку». Поскольку сегодня сад знаменит 15 камнями, это описание явно имеет в виду нечто иное. Словно для того, чтобы привести весь этот спор к общему знаменателю, в 1779 году храм охватил пожар, и здание рухнуло прямо на сад. И только через 20 лет Акисато Рито, занимавшийся восстановительными работами, опубликовал фотографию своих трудов, на которой Сад камней предстаёт в том самом виде, в каком мы скоро его с вами увидим. Один из камней до сих пор хранит на боку следы того пожара. На нём же выбиты два имени, которые сегодня считаются именами неприкасаемых каменщиков – *каварамоно*.

Интересно, что путь к храму с Садом камней показался мне сегодня совершенно незнакомым, хотя на зрительную память я не жалуюсь. Заблудиться тут, правда, нельзя, поскольку в нужных местах стоят указатели-стрелки да ещё по-английски.

Народу практически не было. Видимо, сказывалось соседство Золотого павильона. Правда, чтобы насладиться самим садом и помедитировать в уединении умные путеводители призывают нас с вами приходить сюда к открытию, то есть к 8:00.

Почти не обратив внимания на деревянные магазинчики с сувенирами, я поднялся по каменным ступенькам между стриженых кустов, свернул направо и оказался перед зданием храма, внутри которого и располагался Сад.

Разувшись и оставив обувь при входе, я ступил на деревянную террасу или веранду, вытянутую вдоль белого прямоугольника, выложенного мелким гравием с островками травы, на которой и покоятся темные валуны разных размеров и форм. Площадь прямоугольника 25 на 10 метров. По трём оставшимся сторонам его огораживает невысокая глинобитная стена с узкой покатой крышей.

Как я уже упоминал, камней насчитывается 15. Они составляют 5 групп. В одной группе 5 камней, в двух – по 3 и ещё в двух – по 2. Белый гравий (кто-то может назвать эти камушки галькой) монахи разравнивают специальными граблями каждый день.

Если вы, как я, сидите на досках террасы, то не видите всей открывающейся перед вами композиции. Попробуйте посчитать сами и скоро убедитесь, что вашему зрению доступно только 14 камней. Пересядьте в другое место и снова посчитайте. Результат будет тот же. Говорят, что увидеть одновременно все 15 камней может только просветлённый…

Открою вам свою маленькую тайну. Если вы, оставаясь на террасе, встанете на ноги и отойдёте к дальнему от входа в сад углу храма, то все 15 камней окажутся у вас как на ладони. Нас, как говорится, не обманешь. Мы с рождения такие просветлённые, не правда ли?

Раньше, когда за глиняной стеной, окружающей сад, не росли так густо деревья, говорят, композицию красиво дополняли далёкие горы.

О том, что именно символизируют камни, известно так же мало, как и о том, кто их сюда положил. Вы вольны думать, что это острова, или тигры, переходящие реку, или верхушки гор над облаками. Можете попробовать разгадать тайну сада через геометрию или

нумерологию. Самые умные из видевших сад философов считают, что он не символизирует и не значит Ничего.

В прошлый приезд на ступенях террасы меня фотографировала Алина. Я вообще-то не из тех, кто любит запечатлять себя на фоне всего и вся, однако в некоторых местах мне хочется впоследствии увидеть свой бородатый профиль. Особенно, когда посещение этих достопамятных мест разделяет добрый десяток лет. За неимением рядом жены, я вручил свой фотоаппарат пожилому японцу, сидевшему по соседству в компании весёлых сверстников, и он с благодарностью за оказанное ему доверие пару раз меня обессмертил.

Сад камней по версии 2004 года

Оставаясь в носках, вы можете обойти храм (точнее, бывшую резиденцию настоятеля) вокруг. По пути обязательно обратите внимание на домик для чайных церемоний и на круглую каменную раковину для омовения. Она здесь называется *цукубаи*, что буквально переводится как «кланяться» или «раболепствовать», поскольку из неё нельзя умыться, не склонившись почти к самой земле. Вода из бамбуковой трубки падает в середину выдолбленного в камне квадрата, по сторонам которого вырезаны четыре иероглифа.

Если камень перед вашим приходом не почистят, вы их можете и не различить из-за быстро нарастающего мха. В иероглифах также скрывается загадка. Выглядят они так: 五, 隹, 止, 矢. Но чтобы понять зашифрованный смысл, надо читать их так, как если бы находящийся в середине квадрат был их составной частью, то есть 吾, 唯, 足, 知. Тогда вы получите вполне внятное предложение: *Варэ тада тару сиру*, что буквально означает: *Я знаю только то, что достаточно*. Мы с вами люди начитанные, а потому можем перевести это как «Знай меру». Раньше, говорят, тут не было даже черпачка, что вынуждало омывающихся смиренно склоняться к самой воде.

По мнению брошюрки, этот цукубаи был преподнесён в дар храму крупным феодалом XVII века Мицукуни Мито. Он прославился тем, что сделал компиляцию истории Японии, которая известна под названием «Даи-ниппон-си».

Главная часть осмотра завершилась, однако настоятельно рекомендую посещение Рёандзи Садом камней не ограничивать. Вы ведь ещё не видели древнего пруда.

Раньше в пруду обитали утки, известные у нас как мандаринки. Отсюда повелось простонародное название – *Осидоридэра*, или Храм мандаринок.

Неторопливая прогулка вокруг пруда отнимет у вас минут десять, однако если вы настроены на правильную волну и позволяете мыслям течь свободно, это будут одни из самых приятных десяти минут вашей жизни. Пруд обрамлён деревьями, которые покажут вам, что значит настоящий зелёный цвет, вернее, всё бесконечное многообразие его оттенков. Водная гладь местами густо затянута кувшинками. Причудливо смотрятся подпорки под наиболее старыми ветвями, напоминающие палочки для еды, воткнутые в воду. Если же вы, как и я, вооружены камерой, то к концу прогулки пополните свою коллекцию замечательным разнообразием природных композиций.

И всё это чудо вместе с Садом камней обойдётся вам в каких-то 500 йен.

***Глава X**, в которой я проведу вас по храму Ниннадзи, мы посмотрим, где снимают японские фильмы о самураях, и порассуждаем об игрушках*

В далёком 886 году н.э. тогдашний император Коко распорядился построить в Киото храм, который бы стал благословением нации и послужил делу распространения буддийского учения секты Сингон. До исполнения своей мечты старик не дожил, однако дело его продолжил и с успехом завершил через два года император Уда. Храм он назвал по имени периода правления своего предшественника – Нинна[42].

Удалившись на покой, Уда сделался первым *мондзэки*, настоятелем храма аристократического происхождения. С тех пор пошла традиция, чтобы Ниннадзи возглавлял принц из императорской фамилии. Традиция эта просуществовала вплоть до реформации Мэйдзи. Нигде об этом не читал, но смею предположить, что тут не обошлось без инициативы сёгуната желавшего, чтобы номинально царствующие особы оставались при синекуре и не вмешивались в настоящие дела.

В 1467 году вспыхнувшая Онинская война, которой мы касались в прошлой главе, разрушила практически все храмовые постройки. Лишь спустя 150 лет старший сын императора Го-Ёдзэи обратился за помощью к сёгуну Токугава Иэмицу. В итоге восстановить храм удалось, перенеся сюда старые здания из императорского дворца, который как раз в это время перестраивался. Именно эти постройки мы с вами и можем увидеть сегодня.

В брошюрке, прилагаемой к билету, так и говорится, что перед нами бывший Старый императорский дворец Омуро (*Омуро Госё*), служивший пристанищем для уходивших от дел императоров.

Первое здание, которое попалось на моём пути, когда я припарковался и шёл дальше пешком, показалось мне кассой. Собственно, оно таковой и было, правда билеты продавались двух видов: один – непосредственно в императорский дворец, ворота в которые уже виднелись чуть дальше по курсу (500 йен), а второй – в это же самое здание, которое на поверку оказалось *Рэйхо-кан*ом, то есть

---

[42] В выдаваемой вместе с билетом брошюрке говорится, что Нинна – это название периода правления самого Уды.

маленьким музеем, где собраны различные древние артефакты: скульптуры (включая чудом сохранившееся оригинальное изображение Будды, установленное на территории храма почти 1200 лет назад), рисунки, керамика, образцы классической каллиграфии и манускрипты (тоже 500 йен).

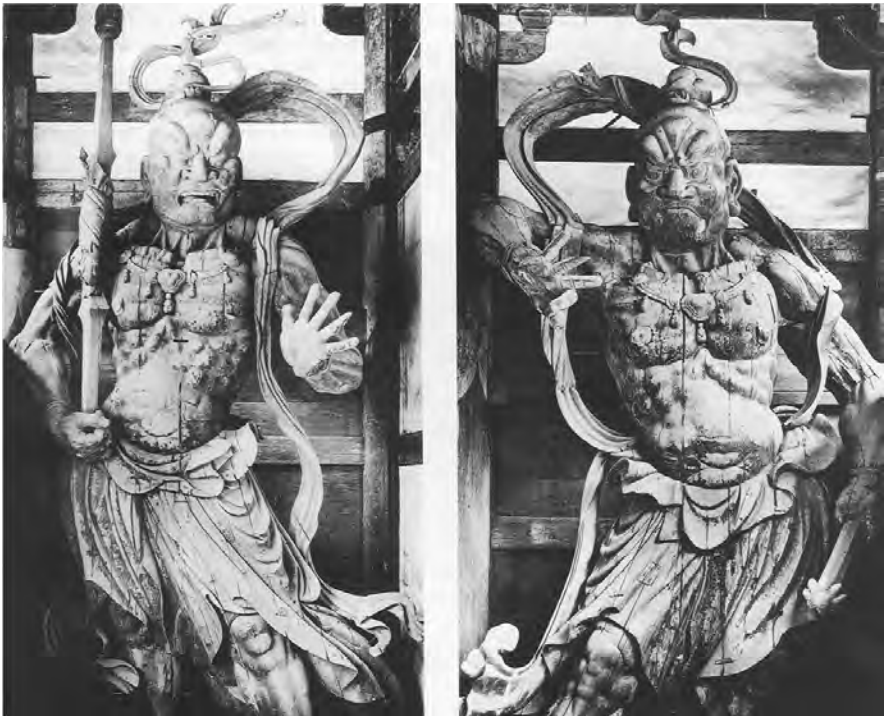
Всё очень старое и дорогое японскому народу, хотя, признаться, лично я особого трепета не испытал, а если и испытал, то даже меньше, чем когда рассматривал в Милане страницы из дневников Леонардо Недовинченного. Вероятно, моё восприятие покоробило то обстоятельство, что внутри музея было запрещено снимать. Не знаю, может я и неправ, но когда мне запрещают что-либо снимать, я невольно начинаю думать, что это делают лишь затем, чтобы придать этому лишний вес. Ну, почему, скажите на милость, в нашем дурацком, но красивом московском метро снимать можно, что угодно, а если вы попробуете достать камеру или фотоаппарат в римской никудышней подземке, к вам сразу же бросится местный милиционер и протестующе замашет руками и закричит?

Если же вы всё-таки хотите наведаться в Рэйхо-кан, имейте в виду, что сделать это можно только два раза в году: в апреле-мае и октябре-ноябре. По сути, это и есть лучшее время для посещения Японии в качестве туриста. Хотя будь на то моя воля, я бы с удовольствием прожил в Киото ровно год, чтобы иметь возможность фотографировать одни и те же места в разном естественном убранстве. Считается, что тот же Золотой павильон под снегом – это вообще отдельная тема…

Императорский дворец, куда мы заходим по первому билету и опять же в носках, представляет собой лабиринт деревянных галерей, опутывающих просторные и как всегда пустынные помещения с циновками. Галереи ведут нас по замысловатому кругу через очередной парк замечательной красоты. Слева и справа открываются виды-открытки, однако даже среди них особенно выделяется сад Хокутэй, сосредоточенный вокруг пруда в обрамлении камней, поросшего разноцветными деревьями холма и с обязательным каменным мостиком, словно безмолвно предлагающим покинуть по нему мир Яви и войти в Навь.

Насытившись гармонией и красками, можно идти дальше, то есть обратно, к ботинкам. Обуваться опять же приходится в какой-нибудь неудобной позе, но я надеюсь, что это нас с вами уже больше не смущает.

Выйдя из императорских покоев, обратите внимание сначала на огромные тяжёлые двухкрышные ворота справа. Они называются *Ниомон*. Нио – это обычно два разъярённых стража с фигурами бодибилдеров, которые выполняют функции телохранителей или стражей. Японцы величают их ещё *конгорисики*, *сицуконго-син* или *суконго-син*. Вообще-то по буддийской традиции они являются парной эманацией бодхисатвы *Ваджрапани* (Громовержца). Их гнев и сила призваны красноречиво подтверждать ту истину, что добро должно быть с кулаками.



Это не совсем те ребята, но фигуры вполне характерные

Тот богатырь, что стоит справа, зовётся *Миссяку Конго* (или *Агъё*). Узнать его легко по раскрытому рту и оскаленным зубам. Таким образом он прогоняет злых демонов. Причём замечено, что в этом положении губы произносят звук «а» (отсюда Агъё), то есть первую графему санскритской азбуки деванагари. Кроме того, в руке у него «громометатель», характерный для древних культур не

только Азии, но и Ближнего Востока, а также Египта и Греции. Современные исследователи сходятся на том, что в те стародавние времена это могло быть мощным лучевым или ядерным оружием.

Стоящий слева богатырь носит имя *Нанаэн Конго* (или *Унгъё*). Рот он держит закрытым, вероятно, пряча в нём добрых духов. В таком положении он может произнести разве что звук… правильно, «ун», который является… ну конечно, последней графемой в деванагари. Традиция изображает его либо безоружным, либо с грозным мечом.

Как вы уже поняли, перед нами символическое изображение Альфы и Омеги, начала и конца, рождения и смерти. Если же ребята произнесут свои звуки по очереди, то получится «аум»[43], то есть Абсолют.

Ворота Ниомон уводят с территории храма, поэтому нам туда пока не надо. Лучше свернём налево и поднимемся по ступеням к красным воротам *Тюмон*, за которыми расположена непосредственно храмовая часть комплекса. В нишах, за своеобразными заборчиками, вы также можете рассмотреть четырёх Нио-богатырей.

Храмовая территория показалась мне довольно небольшой. Здесь стоит обратить внимание на три вещи, являющиеся характерными для буддийских святилищ Японии.

Во-первых, это деревянный и белостенный Кондо, считающийся национальным достоянием. Под «кондо» подразумевается алтарный храм. Помните, в начале прогулки мы заглянули в музей. Так вот, там хранится буддийская триада – Амида Сандзон, наиболее популярная в период Камакура. Раньше она стояла именно в Кондо. Который сам тоже был изначально – в 1613 году – установлен на территории императорского дворца в качестве зала для приёмов, но во время ремонта Ниннадзи перебрался сюда.

Во-вторых, вам непременно понравится необычная красная башенка на чёрном постаменте. Она напоминает красивый прямоугольный мухомор. По виду её предназначение угадать довольно сложно, однако я выяснил, что это всего-навсего колокольня, получившая название Сёро. Особенно хорошо колокольня смотрится через листву: зелёную в непосредственной близости и ярко-красную – чуть поодаль.

---

[43] Люди, побывавшие в Посмертии, т.е. пережившие клиническую смерть, с восторгом рассказывают, что именно звук *аум* сопровождал их воспарение в верхние миры.

Наконец, в-третьих, отовсюду можно увидеть 36-метровую пятиярусную пагоду, как ни странно, не имеющую собственного названия. Она примечательна тем, что все ярусы имеют одинаковый размер. Говорят, это характерно для архитектурного стиля периода Эдо. Подобных пагод по Киото расставлено ещё пять штук, и мы их обязательно увидим. Пять ярусов, как считается, символизируют пять природных стихий, усиливающих друг друга: землю, металл, воду, дерево и огонь. Или ступени на пути к просветлению. Что же касается причины, по которой углы крыши (и не только на пагодах) загнуты кверху, то объяснений тут, как оно обычно бывает, несколько. Одни считают, что злые духи предпочитают прямые направления. Поэтому, скатившись по загнутой крыше, они улетают обратно на небо и оставляют людей в покое. Другие, наоборот, полагают, что загнутость крыш привлекает таких сущностей, как драконы, которые любят проказничать и кататься по откосам. Чтобы они не падали на огороды, хитрые китайцы и придумали углы крыш загибать, превращая в эдакие трамплины. По принципам фэншуй, прямые линии создают негативную энергию, тогда как покатые ярусы пагод, напротив, гармонизируют энергию позитивную.

Больше всего туристов поражают в пагодах их шпили-антенны. Задолго до появления мобильной связи архитекторы венчали эти постройки длинной металлической спицей, одновременно являющейся сердечником для ровного ряда таких же металлических колец. Как правило, эти антенны выглядят золотыми, а золото, и это уже не секрет, является проводником определенных энергий и служит для связи с не столь уж полезными для людей сущностями.

Если хотите, проведите безобидный эксперимент. Снимите с себя все золотые побрякушки, включая натель-

ные крестики и обручальные кольца, и некоторое время поживите без них. Уверен, вы почувствуете разницу в восприятии окружающего мира. Но это так, к слову…

Как бы то ни было, но неподалёку от пагоды находится, быть может, самая важная достопримечательность Ниннадзи, которую октябрьская погода, увы, не позволит нам раскрыть в полной мере. Я имею в виду сакуру. Она тут так и называется – сакура Омуро. Примечательная она по двум причинам. Прежде всего, здешняя сакура зацветает позже всех остальных. Поэтому ближе к концу апреля, то есть в период её цветения, чтобы им полюбоваться, сюда нужно покупать отдельные билеты. Во-вторых, сакура Омуро отличается низкорослостью. Действительно, что такое два метра для вишнёвого дерева! Долгое время причина столь странного поведения деревьев оставалась загадкой, однако недавние исследования показали, что виной тому, вероятно, здешняя глинистая почва, бедная углеродом и азотом. Из 500 вишнёвых деревьев, растущих в Ниннадзё, на сакуру Омуро приходится порядка 200. Особенно их любят дети, потому что под тяжестью цветов ветви склоняются к самой земле, и малыши могут их рассматривать в своё удовольствие, вблизи и совершенно самостоятельно.

Что ж, думаю, пора колесить дальше.

Поскольку я с утра не присел и успел проголодаться, самое время было не воспользоваться на дорожку тенистой верандой при выходе, где уже разместилась на лавочках целая компания пожилых японцев. Все чинно ели из пакетов и сумочек домашние гостинцы, беседовали и посмеивались. Грешно было не последовать их здоровому примеру. Не искать же ресторан ради второго завтрака! К тому же, веранда была заставлена всевозможными вендорными автоматами, прохладительное содержимое которых всегда оказывает на туриста столь притягательное воздействие.

Судя по карте, в точности которой у меня сегодня был повод несколько разувериться, чтобы добраться до следующего пункта моего сегодняшнего маршрута, нужно было ехать от Ниннадзи строго вниз, на юг, до пересечения с полотном железной дороги. Задача была не из сложных. Кроме того, я надеялся, что железная дорога проходит по земле, и я никак не проеду мимо.

Поначалу всё шло хорошо, даже очень. Я снова ехал, почти не прикладывая усилий, под горочку, и размышлял о том, как здорово сработала моя туристическая интуиция.

Поросшие лесами склоны гор и парки, облюбованные храмами, остались позади. Теперь вокруг меня снова жил своей будничной жизнью обыкновенный Киото, малолюдный, малоэтажный, чистенький, но отнюдь не открыточный. Обычные дома обычных людей. Лишённый тошнотворных запахов других азиатских городов вроде Шанхая или Бангкока, продуваемый свежим ветерком, и при этом вовсе не такой футуристический и «японский», как может подумать читатель, слышавший и читавший о Японии лишь восторженные отзывы.

А вот и железнодорожная станция. Слева остался маленький парчок с храмом *Хоконго-ин*, в который уже не хотелось заглядывать, чтобы не захлебнуться дзэнскими впечатлениями.

Кино-парк должен был находиться где-то справа, если следовать вдоль рельс. Но это по карте. А в действительности, стоило мне свернуть в том направлении, как я оказался в лабиринте улочек, картой не предусмотренных. Сейчас-то я знаю, что мог бы проявить настойчивость и к нужному мне месту вырулить с другой стороны, однако в тот день, так удачно начавшийся, уж больно не хотелось попадать впросак. Поэтому я плюнул, развернулся и нырнул под железнодорожный мост, чтобы продолжить спуск на юг и по пути искать обещанный съезд направо. Карту я теперь не убирал в сумку, и она тряслась поверх рюкзака в корзине.

Полагаясь на чутьё, я выбрал второй поворот и сразу же притормозил возле прищуренного дядечки, чтобы уточнить дорогу. При этом я чётко назвал пункт моего назначения – *Тоэй Студио Парк*. Собственно, мне хотелось лишь удостовериться в том, что я еду в правильном направлении. По карте мне нужна была прямая улица, а та, на которой мы стояли, этому критерию вполне соответствовала. Не тут-то было. К нам подошли приятели моего собеседника, похожие на работяг из московских спальных районов. Они стали крутить в руках мою карту, совещаться и кивать. Наконец, один, самый молодой, решительно с моими собственными выводами согласился, и я покатил дальше.

А дальше я оказался на просторном перекрестке, которого тут вообще быть не должно было. Бросив взгляд вправо, я на некотором удалении от себя увидел бок выделяющегося своими размерами и ничем иным непримечательного здания. Не то полицейский, не то дорожный работник охотно кивнул в этом же направлении, когда я поинтересовался, не там ли Тоэй Студио Парк. Наконец-то!

Вообще-то по-японски полное название этой относительно недавней киотской достопримечательности – *Тоэй Удзумаса Эйгамура*, что ещё переводится на английский как *Movie Land*, вероятно, чтобы быть созвучной американскому Диснейленду.

По сути Тоэй и есть парк аттракционов, причём, вполне активно действующий. Всевозможные справочники уверяют, что там до сих пор снимают сцены для фильмов о самураях. Разумеется, мне захотелось увидеть это своими глазами.

«Тоэй» происходит от сокращённого названия крупной японской корпорации, занимающейся с 1938 года производством и прокатом фильмов и мультиков – *Токио Эйга Хайкю*.

Главной достопримечательностью парка является сам парк, то есть несколько полноценных улиц, застроенных домиками в стиле эпохи Мэйдзи. Среди них посетители могут обнаружить всевозможные дома с привидениями, дома-лабиринты, дома ниндзя, 3D-кинотеатр, прокат традиционных костюмов и многое другое, включая, разумеется, сувенирные лавки. Стоит вход в это удовольствие, как я вскоре обнаружил в кассе, без малого 2 200 йен (порядка 25 долларов). Причём только вход. Потому что за каждый аттракцион нужно было платить дополнительно.

Ему это интересно

Как ни странно, похоже, что задумывался этот парк японцами для японцев. Иностранцев тут явно не ждут. За очень небольшим исключением всё если и сопровождается пояснительными надписями, то иероглифическими. Например, если вы последуете за мной и подниметесь по эскалатору на второй этаж главного корпуса (единственного здесь современного здания), то попадёте в музей, посвящённый истории создания мультфильмов Тоэй. Кроме забавных декораций и экранов, на которых эти мультфильмы показываются (громко и пискляво), вы обнаружите бессчётное количество облачённых в яркие костюмы и маски кукольных персонажей из будущего, причём в человеческий рост. Их тут, вероятно, не одна сотня. И в ногах у каждого стоит табличка с объяснением, кто это. Увы, для её прочтения нужно, дамы и господа, учить японский. А ещё бы хорошо посмотреть сами мультфильмы. Хотя бы один. Поскольку на мой скептический взгляд они все, мягко говоря, похожи.

Школьницы изображают сценку из какой-то очень известной (им) сказки

Хотя среди посетителей доминируют школьники, многие из которых пришли сюда целыми классами, вы можете заметить и вполне взрослых людей. Некоторые, например, подолгу стоят и с интересом изучают вытянувшуюся во всю стену временную шкалу, на-

глядно демонстрирующую развитие тех или иных сериалов студии. С датами, описаниями и портретами персонажей. Настоящие генеалогические деревья.

Дальнейшая прогулка по территории парка окончательно убедила меня в том, что приходить сюда без детей в общем-то не имеет смысла. Не каждому взрослому будет интересен кукольный дракон, выглядывающий из маленького прудика и выпускающий из ноздрей дым сквозь брызги фонтанов. Но крохотные япончата в восторге. Ещё больший восторг у них вызывает довольно продолжительное представление, разыгрываемое на склоне искусственной горы протяжённостью метров 50. Сначала под громкую какофонию приходят в движение скалы и деревья, изображая землетрясение. Потом сверху в сторону зрителей устремляется поток воды, неторопливо и неумолимо скатывающийся по порогам. Наконец, оживает камень на самой вершине с воротцами тории на голой макушке. Он поднимается всё выше и выше и оказывается… головой улыбающегося толстяка. Который, вероятно, побеждает этот разгул стихии, поскольку вскоре после появления головы землетрясение прекращается, а вода иссякает.

Деревенская чета

О вкусах, как мы знаем, не спорят, а потому я никоим образом не хочу портить вам впечатление своим отношением к японскому драматическому искусству. Есть ведь люди, которым нравятся китайские боевики, есть поклонники театров *кабуки* и *но*, есть даже такие, кто верит в существование легендарных ниндзя и их смертоносное искусство.

Что касается последнего, то на мой сугубо субъективный взгляд, сознательно охватывающий период с середины 70-х годов по настоящее время, японцы узнали о ниндзя после выхода на экраны американского мультипликационного сериала об одноимённых черепашках. Интересно, что даже в фундаментальном труде западных исследователей, озаглавленном в моём переводе «История воинов ниндзя», описываются преимущественно дворцовые интриги и военные действия с очень незначительным вкраплением упоминаний о разведчиках и заказных убийствах. Слово «ниндзя» в тексте не встречается вовсе, а эквивалентное ему «синоби» – несколько раз. Похоже, моё разочарование передалось и издателям, заказывавшим перевод, потому что хоть гонорар я и получил, книга, насколько мне известно, так и не увидела свет. Правда, я мог, конечно, отвратительно её перевести, но что-то мне подсказывает, что причина не в этом.

Никаких коварных ниндзя и их противников, самураев с мечами, я в парке не встретил. Ходило, правда, несколько красиво ряженых, но они лишь зарабатывали деньги, фотографируясь с доверчивой детворой.

Кстати, насчёт фотографии. Готовясь к поездке, я выяснил, что в парке находится фото-студия, где за небольшую мзду можно сфотографироваться в костюме средневекового японца или японки. Студию я вскоре нашёл в лабиринте переулков и узнал, что мзда составляет «всего» 3 000 йен. Зато не нужно раздеваться (только разуться и снять носки), а фотография будет готова через пять минут. Я вздохнул и согласился. Больше из интереса перед процессом, нежели перед конечным результатом, поскольку получаюсь я обычно не слишком хорошо. Особенно в историческом антураже, когда приходится снимать не только носки, но и очки. А здесь очки пришлось снимать неукоснительно, поскольку бросившиеся колдовать вокруг меня сотрудники напялили мне на голову нечто вроде парика на очень жёсткой пластмассовой основе. Парик стискивал виски и сидел как заправская каска с чёрными волосами. Чтобы

хоть как-то оправдать свои мученья, я попросил одного из фотографов щёлкнуть меня заодно на мой собственный фотоаппарат. Он добродушно согласился и даже ничего за это не попросил. Меня обули в деревянные сандалеты и поставили в выразительную позу на ярко-зелёном фоне. Впоследствии зелёный фон заменили на компьютере фотографией японского сада.

К чести студии нужно сказать, что то, в каком виде вы хотите себя запечатлеть, полностью зависит о вас. Перед съёмкой вам показывают большой каталог, где вы можете сами выбрать костюм, антураж и цену. Цены, правда, отличаются не настолько сильно, чтобы отталкиваться при выборе вашего будущего образа от них.

Побродив ещё немного по улочкам «средневекового» города, не обнаружив никаких признаков обещанного съёмочного процесса и порядком устав, я заглянул во второе и последнее современное здание, где располагался большой магазин сувениров, рассчитанный опять же на любителей и знатоков японского кинематографа, а также несколько пустовавших ресторанов.

Вообще-то в пустые рестораны ходить не рекомендуется, но здешние выглядели весьма привлекательно. Вероятно, я просто попал в не самое обеденное время.

Процедура выбора свелась к разглядыванию пластмассовых блюд на витрине и заказу большого бокала моего любимого «Кирина», светлого пива. Оно очень пригодилось, поскольку поданная лапша с сыром и каким-то невзрачным мясцом, которое в Японии считается чуть ли не деликатесом, оказалась на мой вкус островатой.

Ну, кажется, всё, подумал я. Запланированная на сегодня программа осмотра достопримечательностей выполнена, причём с наименьшей потерей времени и сил. Осталось красиво вернуться в гостиницу, прийти в себя и снова отправиться в путь. Ибо сегодня я собирался не просто побродить по вечерним магазинам, а с весьма конкретным прицелом – на детские игрушки.

Если у вас нет такой необходимости или если вы нечасто выезжаете заграницу, вам мои сомнения будут непонятны. На самом деле в поисках игрушек будь то в Европе или даже в Китае, откуда они централизованно распространяются по всему миру, вы неминуемо столкнётесь с двумя сложностями. Во-первых, нигде игрушки не продаются так повсеместно, как у нас. Загляните в большие супермаркеты в Милане или в Пекине, и вас постигнет нежданное разочарование: если отдел игрушек и значится на плане, то в действительности он будет представлять себе крохотный закуток с ассортиментом московского газетного киоска. Я не шучу. Во-вторых, выбор игрушек, увы, если и есть, то совершенно такой же, как у нас. Вероятно, это уже должно было стать в порядке вещей, и просто я никак не привыкну к тому, что Москва и Россия в этом вопросе давно догнала и перегнала Запад и Восток. Чем это объяснить, не знаю, разве что мы больше балуем своих чад. В советские годы редкая поездка родителей заграницу оборачивалась томительным ожиданием подарков, которые всегда оказывались потрясающими, будь то набор пластмассовых индейцев или гоночные машинки с открывающимися дверцами и капотом. Теперь этим никого не удивишь.

В Китае в своё время выход был найден случайно. Проехав полстраны и оказавшись практически за её пределами, мы с женой обнаружили в Гонконге огромный американский магазин *Toys R Us* (*Мы и есть игрушки*), где за немалые деньги удалось закупиться тем, что появилось у нас в продаже лет через пять-шесть. Игрушки все были, разумеется, китайские, но сделанные по заказу и для американцев, а потому весьма качественные. Ещё раньше, в Токио, мы тоже не слишком по этому поводу переживали, поскольку в японской столице всевозможных магазинчиков китайских игрушек оказалось предостаточно, а качества они были исключительно японского, то есть яркие, прочные и необычные.

Крупные торговые центры в Киото меня по этому поводу до сих пор не радовали. В поисках жемчуга я обращал внимание и на

детские отделы, но они были, не побоюсь этого слова, какими-то убогими. Одним словом, дорогой домой я мечтал о том, чтобы найти сегодня какой-нибудь специализированный магазин игрушек. Ну не может его в Киото не быть! И на помощь я решил призвать тех, в чьи обязанности она входит по умолчанию: сотрудников ресепшн.

***Глава XI**, в которой фигурируют настоящий меч и настоящие игрушки. Мы прогуляемся по двум храмам, объединённым нелицеприятной историей и заглянем в сад с цаплями*

Почти не плутая и держа курс на юго-восток, я довольно скоро вырулил на широкий проспект, который, судя по карте, вёл прямиком к моей Оикэ-доре.

Замечательно ехать, куда глаза глядят, но ещё лучше, когда знаешь, что едешь правильно!

Солнышко припекало, ветерок обдувал, машин, велосипедов и пешеходов было мало, так что можно было с наслаждением предаваться динамичной медитации и жить не будущими радостями, а текущим мгновением. К чему нас призывают умные философы и логика прожитых лет.

От Студио Парка до гостиницы было ничуть не меньше, чем от гостиницы до Золотого Павильона, однако меня всю дорогу не покидало ощущение, будто я еду под уклон. Усталость была, но, что называется, общая, даже больше моральная, от увиденного, нежели физическая.

А вот уже и знакомые белые стены замка Нидзё. Я специально слегка свернул и проехал мимо них, чтобы сделать несколько снимков с нового ракурса.

При переезде через Хорикава-дори моё внимание привлекла витрина магазинчика на углу. В ней красовались антикварные ножи, вакидзаси и катаны. Я спешился, припарковал велосипед на видном месте и решительно толкнул деревянную дверь.

Внутри магазинчика сидела пожилая женщина, которая приветливо мне кивнула и не стала мешать разглядывать во всех отношениях богатый ассортимент.

Постепенно мы разговорились. Продавщица подтвердила мои догадки о том, что здесь представлены не только и не столько тренировочные мечи, сколько настоящие и действительно старинные. Мой особый интерес вызвал вакидзаси, скромно лежавший в витрине. При всей внешней аутентичности, цена его была вполне преодолимая – 100 000 йен, то есть немногим более тысячи долларов, что для подобной вещи, согласитесь, не так уж и дорого, если вспомнить виденное мною накануне.

Когда женщина достала вакидзаси и, держа его двумя специальными тряпочками, положила передо мной на единственный здесь столик, я прямо спросил, почему он такой… недорогой. Она так же без обиняков ответила, что оружие старое и имеет некоторые внешние изъяны. Смею предположить, что если бы этих так называемых «изъянов» не было, вакидзаси не смотрелся бы антиквариатом.

Видя, что я загорелся и намереваюсь совершить покупку, продавщица у меня на глазах за минуту разобрала вакидзаси: взяла вертикально за рукоятку, стукнула концом о ладонь, легко выковыряла единственную деревянную заклёпку *мэкуги*, сняла гарду и вуаля – передо мной лежат все три составные части: лезвие *тосин*, гарда *цуба* и рукоятка *цука*. Всё просто, незатейливо и очень здорово, как и должно, наверное, быть.

Я спросил, сколько этому произведению может быть лет. Моя собеседница уверенно ответила, что порядка двухсот. Не поверить ей, глядя на благородную сталь с почти незаметным налётом патины, было нельзя. Я сказал, что хочу.

И тут в процессе диалога выяснилось непредвиденное обстоятельство, положившее конец моей и без того короткой мечте.

- Вы турист?

- В некотором роде. У меня есть паспорт, если нужно.

- Туристам не выдаём покупки на руки, а отправляем по почте. Вы где хотите его получить.

- В России.

- В России? Ой, вы знаете, а в Россию мы отправить боюсь что не сможем.

- То есть? Почему?

- Между нашими странами нет соответствующих соглашений.

Ну да, подумал я, ведь фактически из-за разногласия насчёт Курил мы формально находимся с Японией чуть ли не в состоянии войны. Бред полный!

Расстроенная не меньше моего продавщица попросила меня подождать и вызвала по телефону владельца магазина. Импозантный японец в костюме посмотрел в мои честные глаза и посокрушался, но воз нерешенных на правительственном уровне вопросов оказался для него бременем неподъёмным.

- Если вы обратитесь в посольство, и они дадут вам разрешение, думаю, мы сможем что-нибудь придумать. А так, увы, сумимасэн, - прозвучал его окончательный вердикт.

Я поблагодарил за совет, вздохнул и пошёл седлать своего железного скакуна. Ситуация была до боли понятной. Тренировочные мечи вывози сколько хочешь, а вот с антиквариатом всё строго. Стоит ли говорить, что ни в какое посольство я обращаться не стал. Просто счёл, что, видать, не судьба. А напрасно.

По прошествию времени я теперь имею все основания дать вам следующий совет.

Принцип «деньги сегодня, а товар по почте», озвучь его продавец в любой другой стране, кроме Японии, мог бы означать обычный обман. Думаю, если бы я жил не в России, я бы этот вакидзаси когда-нибудь всё-таки получил. Правда, за доставку пришлось бы раскошелиться отдельно.

Сам я повторных заходов на эту тему не делал, но если вы окажетесь в подобной ситуации или если вам в Японии продадут антикварный меч и отдадут покупку на руки, не отчаивайтесь и ничего не бойтесь. Главное, чтобы он уместился в ваш чемодан. Забегая вперёд, скажу, что в моём чемодане при вылете из Осаки лежали тренировочные вакидзаси и танто. Если бы кто решил просветить его рентгеном, он бы увидел знакомые контуры и, может быть, попросил бы предъявить соответствующие документы, которые, имейте в виду, в любом случае магазин обязан вам выдать при покупке. Мой чемодан оказался ненужным никому. В осакском аэропорту не было ничего даже отдалённо напоминающего металлодетекторы. Я просто подкатил чемодан к стойке регистрации, водрузил его на ленту, пошутил насчёт того, что не хочу повторения его потери в Пекине, и чемодан благополучно уехал вместе с обоими клинками. Потом я так же спокойно снял его с ленты уже в Москве. Короче, подвожу итог: если вам вздумалось обзавестись антикварным оружием в Японии, стойте на своём и заверяйте продавцов, что все проблемы с перевозкой вы берёте на себя. Их это не касается.

Через несколько дней у нас с вами ещё будет возможность добродушно посмеяться над здешними правилами торговли, но это уже другая история.

Мои предположения подтвердились. На мой прямой вопрос «Где в Киото можно найти специализированный магазин игру-

шек?» девушки на ресепшн недолго посовещались и указали на карте один из квадратиков, которыми отмечались крупные здания.

- Это торговый центр «Аэон», - пояснила одна из них. – В нём находится большой отдел *Toys R Us*.

Дальнейших объяснений мне не понадобилось. Уж если там я не найду ничего интересного для своих мальчишек, значит, в японском обществе что-то действительно произошло.

Потому что для японских родителей их дети – «ниспосланное с небес сокровище». Которое нужно холить и лелеять. Как можно больше и дольше. Говорят, в транспорте постоянно звучат объявления, призывающие пассажиров уступать места детям. Даже в двадцать лет, когда молодой японец официально считается взрослым, он отнюдь не стремится покинуть отчий дом. Напрашивается сравнение с доперестроечной Россией, хотя я подозреваю, что тогда многих вынуждала жить в семье невозможность обрести собственный кров. Японские дети оставляют родителей лишь когда находят спутника жизни. При этом старший сын, как правило, даже в этом случае остаётся с ними. И это ваше личное дело считать молодых японцев избалованными и инфантильными. Для японского общества детская беззаботность в порядке вещей.

Центр «Аэон» расположен сразу за железнодорожным вокзалом, на перекрестье Абуранокодзи-дори и Хатидзё-дори. Прекрасным ориентиром может служить высоченная пагода храма Тодзи через дорогу напротив. Состоит центр из двух корпусов: Сакура-кан и Каэдэ-кан. Между ними – просторная парковка для велосипедов.

Если вы хотите просто походить по самым разным магазинам, вам в Сакура-кан. При входе не забудьте прихватить план всех пяти этажей. Магазины здесь открыты до 21:00, рестораны – до 22:00, ну а кинотеатр *T-Joy*, мультиплекс с 12 экранами и рассчитанный на 2 200 зрителей, – до 24:00.

Toys R Us занимает большую часть первого этажа Каэдэ-кана. Скажу сразу, что в Гонконге он раза в три больше, но и здесь я для своих «небесных сокровищ» кое-что занятное прикупил и тем самым снял с плеч часть груза непременных подарков. Разумеется, это не отменяло необходимости обращать внимание на игрушки впредь, однако изначальную остроту она после того вечера приятно утратила.

После горячей ванны с баночкой ледяного «Кирина» ночь впервые с момента приезда прошла в толковых снах и закончилась напевом будильника. С акклиматизацией было покончено.

Разве что макушка слегка побаливала, поскольку накануне я пренебрёг кепкой и, как выяснилось к вечеру, слегка подгорел на октябрьском солнце. Не так, как некогда в Таиланде или Израиле, но ощутимо. Сегодня я спасительную кепку, купленную напротив домика «Шекспира»[44] в Стратфорде-на-Эйвоне, в дорогу предусмотрительно прихватил, однако погода не преминула сыграть со мной шутку, и всё небо с утра было затянуто молочной дымкой.

По Хорикава-дори я беззаботно колесил строго на юг, невольно повторяя свою вчерашнюю ночную прогулку до центра «Аэон». Но, как известно, ночью все кошки серы, так что при утреннем освещении проспект смотрелся по-новому.

В мои сегодняшние планы входило посещение четырёх храмов, причём два из них находились в горной части Киото, на востоке, куда можно было попасть, миновав знаменитый своей историей район Гион, что на другом берегу речки Камо. Концы обещали быть весьма приличными, однако я уже успел свыкнуться со своим двухколёсным другом и знал, что он меня не подведёт и позволит завершить выбранный маршрут до темноты.

Итак, не доезжая центрального вокзала и белого веретена обзорной башни Киото-тава, я поравнялся с белой стеной храмового комплекса Ниси Хонгандзи и собрался зарулить в гостеприимно распахнутые деревянные ворота, точнее, врата, если отталкиваться от их размера, однако вовремя заметил фанерный щит, на котором был изображён перечёркнутый велосипед. Найти парковку оказалось делом несложным. Правда, пришлось вернуться назад, к перекрестку, откуда начиналась храмовая стена, свернуть налево за угол, проехать ещё метров сто и среагировать на приглашающие жесты сторожа просторной территории, где ещё спали оставленные хозяевами автобусы, автомобили, мотоциклы и велосипеды.

Прежде чем мы войдём с вами в храм Ниси Хонгандзи, давайте ещё раз вспомним несколько страниц японской истории, причём одну из них мы уже переворачивали, когда накануне посещали маленький Тион-дзи неподалёку от университета. Помните, речь тогда зашла о секте Дзёдо и «вере Чистой Земли»? Я ещё упомянул

---

[44] О том, почему имя «Шекспир» я с некоторых пор предпочитаю писать в кавычках, читайте в моей книге «Солнечный Альбион».

двух основателей: *Хонэна Сёнина*, который, собственно, и создал эту веру (*Дзёдо-сю*), и его последователя, *Синрана*, который её усовершенствовал и назвал «истинной верой Чистой Земли» (*Дзёдо-синсю*). В справочниках по буддизму они оба носят второе имя Сёнин, поэтому во избежание путаницы я впредь буду их называть просто – Хонэн и Синран.

Так вот, Синран родился в 1173 году в местечке Хино, что на юго-востоке от Киото, и уже в 9 лет стал послушником в храме Сёрэн. Последующие 20 лет он учился в Энрякудзи на горе Хиэй, где созрел окончательно и отправился на поиски Хонэна, чтобы под его руководством предаться изучению Первоначального Обета, то есть мантры *Намо Амида Буцу*, через постоянное повторение которой последователи Хонэна шли к просветлению.

Видимо, одной мантрой дело не ограничивалось, поскольку тогдашний император своим эдиктом запретил это учение, и 35-летний Синран отправился в ссылку. Когда в 1211 году его всё-таки помиловали, он с женой решил перебраться в провинцию Канто и популяризовать Нембуцу там. На закате жизни Синран вернулся в Киото, чтобы завершить свой основополагающий труд *Къёгъёсинсё* – «Истинное учение, практика и исполнение пути Чистой Земли». Здесь он и умер в 1263 году 90-летним старцем.

Какусинни, его дочь, вместе с преданными учениками построила в Киото мавзолей, который и стал основой для последующего храмового комплекса Хонгандзи. Или Хонгвандзи, как пишут его название поклонники архаики. Поначалу, правда, прах покойного находился в местечке Отани на восточных склонах гор, окружающих Киото, и был отмечен скромным каменным обелиском, однако по настоянию последователей дела отца Какусинни перенесла его в своё поместье Ёсимицу, чуть севернее. Скоро овдовев, Какусинни стала единовластной владелицей Ёсимицу и с чистой совестью в 1277 году передала его секте. А также с условием, что руководить здесь по-прежнему будут потомки Синрана, ближайшим из которых оказался её сын Какуэ, который и стал первым смотрителем мавзолея. Его сын, Какуньё, сделался первым настоятелем храма Хонгандзи, в который его стараниями превратился мавзолей и название которого как раз и означает «Храм Первоначального Обета». В 1336 году, когда император Го-Дайго расправлялся с сёгунатом Асикаги, мавзолей в Отани, увы, сгорел. Восстанавливая его, Какуньё отказался от изначальной шестиугольной

формы часовни и построил обычный прямоугольный храм. Со временем комплекс приобрёл современную двухкорпусную форму, то есть стал состоять из *Гоэйдо* (Зала Основателя) и *Амидадо* (Зала Амита Будды).

Когда восьмым по счёту настоятелем храма стал Рэнньё по прозвищу Реставратор, ему удалось весьма успешно распространить учение по соседним провинциям и настолько упрочить положение секты, что это вызвало зависть священников храма Тэндай, располагавшегося на уже упомянутой ранее горе Хиэй. Мирные (пока богатые) буддисты сколотили армию из монахов, трижды нападали на более успешных соседей из Хонгандзи, поджигали храмовые постройки и в итоге заставили Рэнньё спасаться бегством. Как говорится, было бы счастье да несчастье помогло. На новом месте учение Чистой Земли в исполнении красноречивого Рэнньё привлекло ещё больше последователей. Вокруг Хонгандзи даже разгорелась борьба за влияние между соседствующими даймё. Рэнньё от греха подальше решил перебазироваться в Осаку, где в возрасте 82 лет основал храм Исияма Хонгандзи на берегу Осакского залива, в идеальном месте с точки зрения маркетинга, поскольку мимо шёл непрерывный поток судов. Осака тогда был деревенькой, но благодаря храму разросся и превратился в то, что мы с вами видели после прилёта и ещё, надеюсь, увидим перед вылетом.

Последующее за этим столетие мы с вами уже знаем как время гражданских войн между феодалами. Хонгандзи то и дело оказывался в эпицентре событий. К середине XVI века самым влиятельным из феодалов стал Ода Набунага, для которого Хонгандзи долго оставался камнем преткновения на пути к полной власти над Японией. Так и не справившись военными средствами с храмом Исияма, он в 1580 году призвал на помощь императора Огимати, и тот своей властью распорядился осакский филиал Хонгандзи распустить. Я до сих пор описывал эти события довольно подробно ещё и потому, что знаменитый замок в Осаке и есть то место, где некогда обитали последователи Синрана. А уж его мы обязательно увидим в последний день нашего путешествия.

Когда через два года Нобунага был убит, его сменил Тоётоми Хидэёси, взявший на себя роль объединителя Японии. При этом он оказался ещё и поклонником «веры Чистой Земли», а потому с барского плеча одарил секту тем самым земельным наделом, рядом с которым я сейчас стоял почти посреди Киото. Происходило это при

11-ом настоятеле храма по имени Кенньё. В 1592 году Кенньё умер, а пост перешёл к его старшему сыну, Къёньё. Когда открыли завещание, выяснилось, что сам Кенньё прочил в свои приемники другого сына, Дзюнньё. Хидэёси удовлетворил последнюю волю покойного, переназначив настоятеля. Однако через десять лет на сей раз приемник Хидэёси, Токугава Иэясу своей волей выделил обиженному Къёньё небольшой участок земли чуть восточнее Хонгандзи, где вскоре был построен храм. Отсюда и его название – Хигаси Хонгандзи (Восточный храм). Я же сейчас готовился войти, если вы помните, в Ниси Хонгандзи (Западный храм). Разумеется, Иэясу разделил храм и его последователей не из большой любви к старшему брату, а сугубо из меркантильных соображений: чтобы снизить влияние секты на тогдашнее общество. Стоит сказать, что на сегодняшний день секта владеет 10 000 храмов по стране и ещё 200 за её пределами.

Гоэйдо (Зала Основателя) и Амидадо (Зала Амита Будды), конечно, впечатляют своими размерами. Не зря Гоэйдо относят к самым большим деревянным строениям в Японии. Они даже имеют одноимённые врата со стороны Хорикава-дори.

Если хотите приобщиться к буддизму и послушать, как монахи распевают Нембуцу, нужно приходить сюда к 6 часам утра. Сейчас Амидадо был уже закрыт, зато в Гоэйдо народ то и дело поднимался по ступенькам. Приблизившись, я обнаружил, что здесь система разувания действует иначе, нежели в других храмах. В ящике перед входом лежали белые целлофановые пакеты. Чтобы не осквернить память основателя секты, вы должны снять обувь, убрать её в пакет и дальше до самого выхода носить с собой, прохаживаясь по идеально гладким, положенным ещё в 1638 году доскам пола.

А может быть, и нет. Я не знаю, как именно японцы реставрируют свои древние святыни. Некоторые храмовые постройки, как мы увидим с вами в дальнейшем, просто закрываются от внешних взглядов лесами, а те в свою очередь затягиваются непрозрачными тканями, превращая реставрируемые здания в огромные белые кубы. Изнутри доносится разве что стук молотков. Так что если полы в Гоэйдо перекладывались, то последний раз это происходило в 2009 году. Если нет, то им почти 400 лет. По тому, насколько сильно стёрлась бурая краска и как эти доски отполированы босыми ногами и носками прихожан, думаю, возраст у них довольно почтенный. В конце концов, это вам не Китай, где за время советской вла-

сти всё посносили, а теперь спешно строят с нуля, выдавая доверчивым туристам за седую древность.

Собственно, кроме полов, столбов, ламп под высоченным потолком и ширм, внутри Гоэйдо рассматривать нечего. Вся алтарная часть огорожена заборчиком, а через открытые ставни видно то же, что и повсюду в подобных местах: инкрустированные комоды со свечками и зеркалом. Перед алтарём, поджав под себя ноги, медитировал пожилой японец с белым пакетом. Рядом замерла его босая жена. С белым пакетом. Белые пакеты тихо шуршали из разных углов просторной залы. Мне они напомнили о том, что пора снова обуваться и идти дальше.

Ворота Карамон

Только опять же, не забудьте, что если даже ничего поначалу не привлекло вашего внимания, не спешите уходить. Ваше терпение обязательно будет вознаграждено. В случае с Ниси Хонгандзи рекомендую обогнуть Гоэйдо по гравиевой дорожке слева, вдоль внешней стены. Таким образом, вы скоро окажетесь перед поразительными во всех отношениях чёрными воротами, которые называются тут тоже Карамон, как и в замке Нидзё. Иероглиф «кара» по-японски означает Китай. Именно поэтому изначально боевое искусство каратэ переводилось как «китайская рука» и лишь позд-

нее, сохранив звучание, но не написание, превратилось в «пустую руку».

Карамон храма Ниси настолько хороши, что по праву вошли в перечни Национальных Сокровищ Японии и Мирового Культурного Наследия ЮНЕСКО. Их постройка относится к периоду Момояма (1573–1614). По сути, это сплошное трёхмерное деревянное панно, где на чёрном фоне причудливо сочетаются золотые, бирюзовые и оранжевые краски, украшающие резные изображения драконов, львов и бесконечных растений. В боковых проёмах можно, приглядевшись, заметить изображения старца, подходящего к синим струям водопада. Ворота тоже огорожены заборчиком и закрыты на вечный запор. Будет очень жалко, если какому-нибудь очередному шизофренику захочется войти в историю, предав их огню.

Раскидистое?

Вернувшись на просторную площадку перед обоими храмами, я обнаружил очередное выдающееся дерево из разряда «действительно раскидистых». При высоте метров десять крона его занимала площадь не меньше волейбольной площадки. И снова каждая ветка была бережно подпёрта деревянным костылём, отчего результат напоминал гигантского зелёного осьминога. К сожалению, я нигде так и не смог найти информации о том, когда это дерево

было здесь посажено и кем. Даже в специальном информационном бюро, расположенном здесь же, между воротами, в застеклённом павильоне.

Когда я вошёл, какая-то интеллигентного вида японка в очках как раз наливала себе чай из современного чайника с кнопкой. Заметив, что я её снимаю, она не только не растерялась, но и по-японски предложила мне чашечку, вернее, пиалушку. На моё «аригато» она расцвела и с поклоном поставила передо мной золотистый напиток. При этом она оказалась вовсе не служащей бюро, а такой же как и я посетительницей. Просто ей захотелось сделать бородатому незнакомцу приятное. Очевидно, по жизни она была настоящей японской женщиной, воспитанной в лучших традициях этой страны, потому что когда я чай выпил и хотел поставить пиалушку на место, она снова подоспела, взяла её у меня и тщательно вымыла под краном вместе со своей, прежде чем вернуть на поднос. За всем этим с улыбкой наблюдал с лавочки ей пожилой муж. Так что не бойтесь делать приятное людям, даже посторонним.

Вернувшись на парковку и снова оседлав велосипед, я пересёк Хорикава-дори и углубился в дворики. Стоит ли говорить, что мне хотелось сравнить второй, более молодой Хонгандзи с первым.

Вход в Хигаси Хонгандзи находится на уже знакомом нам проспекте Карасума. Идеально прямой линией протянувшийся с севера на юг, он только этом месте делает плавный изгиб в сторону от

храма. Объясняется это тем, что оживлённая магистраль в какой-то момент стала причинять ущерб храмовым постройкам, и прагматичные японцы решили отвести транспортный поток чуть дальше от стен святыни, засадив образовавшееся пространство деревьями.

Помнится, когда в первый раз мы с женой прогуливались по Карасума-дори от вокзала до центра, наше внимание постоянно притягивали огромные деревянные ворота этого комплекса, а потом, когда я с ностальгией вспоминал Киото, они были третьим, что приходило мне на память. После Золотого павильона и Сада камней. Ворота покрыты двухуровневой крышей, имеют 31 метр в ширину и 27 метров в высоту. Кто-то даже подсчитал, что крыша ворот покрыта 59 387 черепицами. Увы, на сей раз Хигаси Хонгандзи был сплошь в лесах, то есть, как я уже пояснял, превращён в огромные белые кубы из прочной ткани. Кроме ворот эта участь постигла и роскошный Главный зал (он же Гоэйдо, он же Зал основателя), который считается самой большой деревянной постройкой… в мире.

Хигаси Хонгандзи вообще не слишком повезло. На протяжении всего XX века его в буквальном смысле раздирали внутренние противоречия владевшей им секты Дзёдо-синсю. Ещё в 1947 году некоторые последователи выделились в группу, назвавшую себя «обществом настоящих людей» (*синдзинса*). Как мы с вами уже видели в истории этого буддийского течения, в нём принята тяга ко всему «истинному» и «настоящему», причём тяга эта весьма воинственная. Окончательный разрыв внутри паствы Хигаси Хонгандзи произошёл в связи с празднованием 700-летия товарища Синрана в 1969 году. Было образовано так называемое движение *Добокай*, которое проповедовало возвращение к вере в традициях Махаяны[45], а одним из основных камней преткновения стал вопрос, достижима ли Чистая Земля только после смерти или ещё при жизни. В результате Добокай расколол Хигаси на четыре группы враждебно настроенных по отношению друг к другу последователей. Зачем и кем это было сделано, несложно догадаться по результатам. Как мы видели на предыдущих примерах и в нашей собственной истории, руководящим принципом захватчиков остаётся беспроигрышный подход «разделяй и властвуй». В итоге псевдо-религиозных распрей Хигаси Хонгандзи перестала принадлежать секте. Теперь недвижимостью здесь владеет буддийское течение *Отани-ха*. Оно

[45] Разницу между Махаяной (Большой колесницей) и Хинаяной (Малой колесницей) я понимаю как разницу между желанием нести просветление всему сущему (Махаяна) или только себе любимому (Хинаяна).

даже сменило название комплекса на Мавзолей Синсю. Параллельно порядка 200 миллионов долларов пожертвований были присвоены некой «некоммерческой» организацией, которая не имела отношения ни к каким храмам вообще. В 2012 году суд постановил, что указанная сумма должна быть возвращена, однако было ли это сделано, до сих пор неизвестно…

Если у вас будет время, можете проехать дальше на восток по улочке, начинающейся прямо напротив ворот, и тогда за 500 йен вы окажетесь в замечательном пейзажном саду *Сёсэй-эн* (или *Кикокутэи*), который тоже принадлежит Хигаси Хонгандзи и в котором прямо посреди Киото обитают утки и цапли. Считается, что в 1641 году Токугава Иэмицу подарил этот участок земли храму для обустройства здесь резиденции главного настоятеля. Как бы то ни было, пожары 1858 и 1864 годов уничтожили старинные постройки, так что нынешние стоят здесь с 1868 года. Сами японцы считают, что вид сада портят обступившие его со всех сторон бетонные коробки современных зданий.

Нам же пора ненадолго распрощаться с правобережным Киото и посмотреть, что происходит по другую сторону Камо-гавы.

***Глава XII**, в которой мы увидим 1 032 статуи под одной крышей, а также узнаем, сколько можно выпустить стрел за сутки и как выглядит японское кладбище*

Каменный мост с пятью пролётами, по которому я с ветерком перенёсся через речку Камо, называется *Ситидзё-охаси* и является здесь самым старым из сохранившихся, будучи построенным в 1913 году. Улица, проходящая по нему, тоже носит название Ситидзё. Именно она должна была привести меня к ещё одной заслуживающей отдельного описания достопримечательности Киото – храмовому комплексу *Сандзюсангэндо*.

Вообще-то официальное название у него гораздо короче – *Рэнгэо-ин*, что переводится примерно как «Зал лотосового повелителя», однако японцы предпочитают величать его «Залом тридцати трёх пролётов между колоннами» (Сандзюсангэндо). С чем это связано, мы с вами в этой главе как раз и будем неспешно разбираться.

Миновав три перекрёстка после моста, я поравнялся со стеной справа, за которой безошибочно угадывался большой сад. Чтобы в него попасть, нужно было свернуть на следующем перекрёстке, найти парковку для велосипеда и заплатить 600 йен за билет. Кстати, почти весь этот путь я проделал с гордым видом пешком, поскольку прямо от реки начинался довольно крутой подъём, и педали моего низкорослого велодруга буквально отказывались крутиться.

Основан Сандзюсангэндо был в 1164 году по распоряжению тогдашнего императора Го-Сиракава[46], который, как говорят, хотел привести Японию к миру через распространение буддийской веры, а оказался косвенной причиной разрастания военщины. Хотел как лучше, а получилось как… ну, вы сами знаете. Го-Сиракава попытался бороться с засильем клана Фудзивара и наделить большей властью самураев. В итоге фактическим правителем страны стал Киёмори из рода Тайра, который, собственно, и занялся строительством храма Сандзюсангэндо. Позднее Го-Сиракава позволил Ёритомо из рода Минамото основать в местечке Камакура сёгунат, что,

[46] В английской традиции его называют «бывшим» или «поздним» императором, однако, наверное, точнее перевести его имя-титул как Сиракава II.

как мы с вами помним, на целых 700 лет превратило должность императора в чисто формальную функцию.

Император Го-Сирикава прожил с женой на территории храма почти два десятка лет.

Думаю, вы не удивитесь, если я скажу, что не прошло и ста лет, как храмовый комплекс сгорел. Похоже, древние японцы либо в своём буддийском рвении забывали поклоняться Огню, либо, наоборот, своими синтоистскими похлопываниями слишком в этом усердствовали. Одним словом, Сандзюсангэндо пришлось перестраивать, но в 1266 году был восстановлен лишь главный зал со всеми 1032 статуями, которые мы с вами совсем скоро увидим. Потому что главным образом сюда приходят именно за этим.

Если вы занимаетесь боевыми искусствами, то наверняка слышали или читали о легендарном меченосце Миямото Мусаси. В таком случае вам небезынтересно будет узнать, что как раз под стенами Сандзюсангэндо в 1604 году произошла его дуэль с представителем ненавистной ему школы Ёсиока по имени Дэнситиро.

Число 33 (по-японски *сандзюсан*) в названии и символике главного храма происходит от веры в то, что Бодхисатва Каннон спасает человечество, принимая 33 различных обличия. В длинном главном зале Сандзюсангэндо изображений Каннон немного-немало – 1 001. Таким образом получается, что в этом и только в этом месте можно одновременно взывать к милосердию 33 033 Каннон.

Путеводитель готовил меня к предстоящему зрелищу буквально следующими выражениями:

Сандзюсангэндо вызывает у посетителей едва ли не галлюцинации <…> Зрелище производит эффект магический, но жутковатый.[47]

Людей было довольно много. Таблички настойчиво предупреждали о необходимости воздерживаться от фотографирования.

Войдя внутрь храма, вы попадаете в напряжённый полумрак. Перед вами бесконечный и прямой, как струна, коридор, ограниченный едва приоткрытыми окошками слева и мощными деревянными столбами справа. Над головой – состарившиеся за столетия балки перекрытий. По правую руку вдоль всего коридора застыло в

[47] «Япония», Дорлинг Киндерсли

неподвижных позах многорукое позолоченное войско, на которое впредь и будет обращено наше внимание.

Первый ряд между столбами занимают 28 божественных стражей в человеческий рост. В их задачу входит охрана Каннон и тех, кто в неё верит. Они во многом напоминают богатырей Нио, которых мы с вами видели в воротах, только более тонкой работы и ещё динамичнее. Фигуры вырезаны из дерева с дотошностью восковых кукол в музее Мадам Тюссо. Они олицетворяют красоту, мудрость, силу и т.п., а выражения лиц меняются от умиротворённого у небесной Шри-дэви, до беззвучно орущего Вирапаксы. Кстати, все стражи сопровождены табличками, из которых становится ясно, что японским здесь является язык выражения, тогда как суть и названия пришли из древней Индии. У одного пять глаз, у другого три лица, третий похож на птицу, четвертый – худой нищий, пятый – бывший крокодил из реки Ганг и так далее. Все стражи тёмно-серые, в пыли, с выделенными позолотой фрагментами.

Наиболее сильное впечатление производят две фигуры, начинающие и замыкающие первую шеренгу. Это боги Грома и Ветра. Они помещены на пьедесталы в форме облаков. Считается, что в древности люди чтили их особо, поскольку от ветра и дождя зависело богатство урожая. На плечах Ваю (бога Ветра) раздутый мешок, складки на котором почти не уступают мраморным складкам тканей в исполнении Кановы. Вокруг Варуны (бога Грома) восемь маленьких барабанов, в которые он лупит маленькими палочками.

Основное пространство позади стражей занимают собственно образы Каннон. В отличие от первых, они почти неотличимы между собой. Все круглолицые, многорукие, с опущенными припухшими веками и обязательным нимбом вокруг головы. Из нимбов на семь сторон торчат парные спицы. И хотя я их не считал, но по той массе золота, которая стекает на вас из тьмы десятью мерцающими рядами, легко можно сделать заключение, что их там действительно тысяча. Вырезаны статуи полутораметрового роста из японского кипариса. Из них 124 сохранились с XII века, когда храм был основан, а 876 были воссозданы веком позже при ремонте. Правда, попадалась мне информация и о том, что при пожаре 1249 года удалось спасти лишь 156. Не знаю, да и не важно, поскольку сегодня они выглядят одинаково антикварными. В их создании принимали участие все *бусси*, то есть резчики по дереву, того времени. Поскольку пьедесталы многих статуй подписаны, история донесла до нас имена Коэна, Рюэна, Сёэна, Эена, Инкея, Инсё, Инги и Гёкая. После пожара они трудились под началом самого известного из мастеров, Танкэя, резцу которого здесь принадлежит главная скульптура – сидящей в позе лотоса богине милосердия Каннон.

Сидит она ровно посередине своего войска и официально называется *Дзю-итимэн-Сэндзю-Каннон*, то есть «Каннон с 11 ликами и 1000 руками». На самом деле рук у нее, как и у остальных воплощений, «всего» 40, но по преданию каждая из рук спасает 25 миров, что в итоге даёт нам искомую тысячу. Когда Танкэй вырезал эту трёхметровую статую, ему было без малого 82 года. Кстати, техника японской резьбы по дереву называлась *ёсэги* и заключалась в том, что сперва фигура складывалась, как из кубиков, из деревянных блоков, частично полых. Затем из них вырезались все необходимые детали. Таким образом, мастера избегали возможного растрескивания и даже раскалывания, если бы их произведения имели своей основой единый кусок дерева. На финальной стадии статуи красились, лакировались и облеплялись позолотой.

Местные знатоки рекомендуют приходить в зал сразу после открытия[48], в погожий день, когда солнце ещё только встаёт, и его прямые лучи отражаются от золотых кумиров и озаряют всё вокруг волшебным свечением.

После медленной прогулки по коридору, вы наконец сворачиваете направо и выходите в освещённое помещение сувенирной

[48] То есть в 8:00 каждый день или в 9:00 с ноября по март.

лавки. Поскольку у меня от посещения храма осталось много вопросов и ни одной собственной фотографии, я счёл необходимым прикупить тоненький альбомчик, чтобы потом полистать на досуге.

Оказавшись на улице, опять же не спешите уходить. Обогните храм слева и убедитесь в том, что путеводители не обманывают: перед вами самое длинное деревянное здание в мире. Его длина составляет 120 метров.

Обратите внимание на ярко-оранжевое пятно деревянных ворот слева. Они тут, говорят, относительно недавно, но смотрятся импозантно, особенно на фоне стоящего за территорией храма современного жилого дома из бетона. Рядом с воротами разбит маленький пруд с разноцветными карпами, островком и водопадиком. За низкорослыми деревцами, окружающими пруд, просматривается оранжевая галерея. Обязательно зайдите в неё, чтобы оказаться в длинном коридоре из деревянных ворот и сделать несколько необычных для воображения европейца снимков.

Пока мы идём с вами дальше по шуршащему гравию мимо долгой стены Сандзюсангэндо, я расскажу вам о соревновании, которое проводится здесь во второе воскресенье января по случаю Праздника Ивы (*Янаги-но-Окадзи*). Само соревнование называется Фестивалем Великой Цели (*О-мато Тайкай*), хотя на самом деле цель весьма невелика – всего от 50 до 100 см в диаметре, а попасть

в неё нужно примерно с 60 метров. Причём из лука. Причём участвуют в соревновании девушки. Причём те, для которых это ещё и праздник вступления в пору совершеннолетия. Я сам частенько балуюсь стрельбой из лука у себя в деревне, а потому знаю, что такое всаживать одну за другой восемь или десять стрел в метровую цель шагов с 35 (отойти дальше не позволяют кусты). Сомневаюсь, что смогу повторить этот результат с расстояния в два раза больше. Между тем, на праздник со всей Японии съезжается ежегодно порядка 2 000 участниц. Могу себе представить, какое это красивое зрелище, поскольку все девушки, судя по фотографиям, облачены в разноцветные рубашки и хакамы (юбки-брюки).

Самое длинное деревянное здание в мире

У Фестиваля Великой Цели есть и предтеча – показательное соревнование в пускании стрел, *Тосия*. Считается, что началось оно в 1604 году, когда самурай Асаока Тэйбэй вышел на западную веранду Сандзюсангэндо и выпустил подряд 53 стрелы вдоль здания. Если вам кажется, что выстрелить из лука на 120 метров не такая уж и сложная задача, спешу вас разочаровать. Да, конечно, когда я решил проверить себя на дальность, вышел в поле и со всей дури запустил стрелу градусов под 45 относительно земли, она моментально превратилась в точку и улетела метров на триста. А теперь

представьте, что вы стоите на узкой веранде, тянущейся вдоль стены, а над вами, метрах в 10 над головой сплошной деревянный козырёк крыши. Стрелу приходится пускать почти параллельно земле с силой, позволяющей ей преодолеть 120 метров практически по траектории пули.

Задумка Тайбэя так понравилась его собратьям по оружию, что с тех пор в Сандзюсангэндо соревнования между лучниками стали проводиться регулярно. Стреляли обычно с южного конца веранды в сторону северной, где был закреплён специальный занавес с орнаментом в виде цели. Победители определялись по нескольким категориям. Первая называлась Хяку-и (Сто выстрелов), и победителем в ней становился тот, кто больше раз попадёт в цель из ста возможных. Её марафонская разновидность называлась Сэн-и (Тысяча выстрелов) с тем же принципом определения чемпиона. Рассказывают, что в 1827 году Кокура Гисити попал в цель 995. Правда, стрелял он с середины веранды. Ведь Кокуре было всего 11 лет…

Третья дисциплина называлась Хиякадзу (Количество стрел в день). В ней принимали участие исключительно мальчики, вступающие, как нынешние девушки, в пору взрослости. Побеждал тот, кто за 12 часов выпустит в цель больше стрел. В анналах за 1774 год сохранилось имя 13-летнего Масааки Норо, который успел сделать 11 715 выстрелов, причём довольно точных.

Наконец, последняя дисциплина с говорящим названием «Очень много стрел» (Оякадзу) заключалась в той же самой задаче, что и предыдущая, только время увеличивалось двукратно – до суток. За 24 часа, оказывается, количество выпущенных взрослым лучником стрел не сильно превосходит результат 12-часового стрелопускания. Так в историю вошёл некто Васа Дайхатиро, который выстрелил 13 053 раза, из которых попал 8 133. Нетрудно посчитать, что он выпускал по 544 стрелы в час или 9 – в минуту. Кажется, ничего особенного, однако не забудьте, что если захотите этот рекорд повторить, вам с такой скоростью предстоит, не прерываясь на еду и т.п., стрелять (прицельно) ровно 24 часа подряд…

В качестве приза чемпионы получали сертификаты, которые вешались тут же в храме и сообщали их имена, возраст, количество выпущенных стрел и дату состязания. Тосия просуществовал 255 лет и был отменён в 1867 году.

Надеюсь, я не слишком утомил вас числами. Если что, можете посидеть тут где-нибудь в тихом уголке и просто посозерцать. Мне же пора в путь.

Поднявшись пешком ещё выше в гору до пересечения с перпендикулярной улицей Хигасиодзи, я наконец позволил себе взобраться в седло и с беззаботным видом покатил налево, в сторону последней на сегодняшний день достопримечательности – *Киёмидзудэра*, храма Чистой Воды.

По Хигасиодзи-дори я доехал до очередного широкого перекрёстка с оживлённой эстакадой. На карте в этом месте растекалось слева направо зелёное пятно зелени, прочерченное бежевой тропинкой. В дальнем конце был нарисован нужный мне храм. В реальности же я видел перед собой вымощенную камнем широкую дорожку, начинающуюся прямо от перекрёстка мостиком через пруд и уходящую ступеньками вверх по склону к очередным деревянным воротам. Идти туда вместе с велосипедом было бы глупо. Сориентировавшись, я нырнул под эстакаду, отыскал там полупустую парковку и на ближайшие несколько часов снова превратился в обычного пешехода.

Некоторое время я постоял на мосту, любуясь прудом с пожухлыми кувшинками и такими же как я вольными кошками, прохаживавшимися по зарослям.

Не доходя ворот, слева я заметил памятник лысому монаху. Через его каменные пальцы были пропущена зелёная змейка настоящих чёток. Монах стоял за кустами, скрывавшими его пьедестал, но даже если вы рассмотрите в листве надпись, она окажется выполненной исключительно иероглифами. Чужакам не престало знать, что это не просто лысый монах, а тот самый Синран, о котором мы не раз уже говори-

ли в связи с «истинной верой Чистой Земли». Дело в том, что мы с вами вступаем на территорию Мавзолея Ниси-Отани, да-да, того самого местечка Отани, где изначально был похоронен прах основателя Дзёдо-синсю.

Пройдя под главными воротами *Сомон* с сине-зелено-золотой табличкой, выполненной 20-м патриархом Коньё Сёнином, вы оказываетесь на просторном дворе, по периметру которого выстроены теперь уже вполне узнаваемые храмы. Вот главный зал – Хондо – посвящённый Будде Амита. Впереди, на противоположной стороне двора – Мэйтёдо, построенный в 1661 году к 400-летию Синрана. В нём проводятся службы и там же, говорят, хранятся его останки, то есть прах, разумеется, потому что японцы люди умные и своих покойных кремируют, помогая тем самым воплотиться в тонких мирах[49]. В нашей славянской традиции этот обряд назывался кродированием, то есть «возвращением к Роду». Справа от вас находится зал посвящённый павшим во второй мировой. Позади него – два необычных по архитектуре современных здания, Мюрёдзюдо I и II, Часовни Бесконечной жизни, где в более чем 20 000 алтарях покоится прах последователей секты со всего мира.

Часовня Бесконечной жизни

[49] По данным 2007 года были кремированы 99,81 % умерших в Японии.

Признаться честно, в тот момент я ничего этого не знал и просто прогуливался по двору, наблюдая за многочисленными группами цивильно одетых пожилых японцев и японок, которые деловито ходили от храма к храму и зажигали благовонья. Мне не давала покоя мысль о том, что отсюда нужно как-то выбираться и идти дальше, к Киёмидзудэра. На самом деле ларчик открывался довольно просто. Когда поднимитесь на площадку, посмотрите налево и увидите неприметный проход в стене, окружающей Мавзолей. Это и есть нужный вам выход. Сразу после него сворачивайте по узкой дорожке направо и идите дальше, в гору. Только сначала приготовьтесь морально к тому, что большая часть дороги проходит по весьма необычному месту – *Торибэяма*, а точнее – японскому кладбищу.

Как легко можно догадаться, кладбища в Японии и России отличаются фундаментально. Если у нас на них хоть и кажется тесновато, тем не менее, каждая могила отделена оградой, занимая место «с запасом». Японцы даже такой роскоши не могут себе позволить. Как и здоровенных мраморных надгробий со скульптурами, не говоря уж о семейных домах-склепах. Поэтому о том, что вы попали на кладбище, можно судить по частоколу прямоугольных каменных пирамидок-монументов, скромным букетикам цветов и вертикально стоящим длинным деревянным дощечкам (на которые, если вы помните, не должны быть похожи палочки для еды, отчего их никогда не оставляют воткнутыми в чашку с рисом и т.п.). Надписи на монументах и дощечках сделаны красивыми иероглифами, среди которых вы не угадаете столь привычных нам дат жизни покойного. Сведущие люди утверждают, что дата иногда наносится, но она чаще всего обозначает день установки самого монумента, а также может сопровождаться именем того, кто это сделал. То есть, оплатил. Потому что достойные похороны – удовольствие в Японии не из дешёвых, а если брать мировые масштабы, чуть ли не самое дорогое. Кто-то подсчитал, что в среднем одни похороны обходятся японской семье в 25 000 долларов. Во-первых, как мы уже поняли, сказывается нехватка свободной земли. Во-вторых, завышенные цены в похоронных бюро, поскольку скупиться на мертвых повсюду считается так же нехорошо, как на детей. Наконец, японцы в подобных вопросах проявляют нерешительность и не сравнивают расценки, стесняясь показать, что ищут в таком грустном деле выгоду. Думаю, со временем эта щедрость канет в лету. Уже сейчас

можно заметить, что некоторые столбцы иероглифов на монументах выкрашены красной краской. Знаете, что это? Имена ныне здравствующих супругов, чей прах после смерти положат тут же. Тогда красную краску сотрут. Зато нанести два имени за раз дешевле, чем по очереди. Красная краска легко стирается. Часто имена мёртвых пишутся на замеченных нами дощечках – *сотоба.*

Помешанные на визитных карточках японцы иногда предусматривают специальное для них отделение даже на могиле. Делается это для того, чтобы ухаживающие за ней родственники знали, кто побывал здесь и выразил свои соболезнования.

Жизнь и смерть в Японии соседствуют

Раз уж мы заговорили на эту тонкую тему, а окружающая обстановка тому способствует, давайте коснёмся японских похоронных традиций в целом. Другого такого повода у нас, надеюсь, не будет.

Если рождается японец по синтоистскому обряду, то в Посмертие уходит по буддийскому. Губы покойного смачивают водой. Домашний алтарь запирают и накрывают белой бумагой, чтобы уберечь усопшего от нечистых духов. Рядом с кроватью ставится столик с цветами и благовониями. Чтобы отогнать злых духов, на грудь покойного иногда кладут нож. Ответственным за организа-

цию похорон по обычаю считается старший сын. Именно он связывается с храмом и определяет дату церемонии, чтобы она не попала на «нежелательный» день. Если ошибиться днём, это может повлечь за собой ещё чью-либо смерть. Эти дни так и называются – *томобики*: томо (друг) и бики (тянуть).

Тело омывают, все отверстия затыкают хлопком или марлей. Женщин переодевают в кимоно. Мужчин чаще хоронят в костюме. На лицо наносят макияж. Потом тело кладут на сухой лед в гроб, туда же помещают белое кимоно, сандалии и шесть монет, для того, чтобы пересечь реку Сандзу. Кроме того, в гроб кладут вещи, которые покойный любил при жизни, будь то конфеты или сигареты. Гроб устанавливают на алтарь так, чтобы голова смотрела на север или на запад (ведь именно там расположен заветный Западный Рай). Посетители приходят на похороны, как мы, в чёрном. Гости могут принести в знак соболезнования деньги в особом конверте, украшенном серебряным и чёрным цветами. Сумма, в зависимости от взаимоотношений с умершим и его благосостояния, может варьироваться от 3 000 до 30 000 йен. Каждый член семьи трижды воскуривает ладан перед покойным. Гости делают то же самое, но поодаль. Как только священник заканчивает чтение молитв, отпевание считается законченным. Перед уходом каждому гостю вручается подарок, стоимость которого соответствует половине или четверти тех денег, которые он вложил в конверт.

Похороны проводятся через день после отпевания и весьма на них похожи. Разница в том, что во время церемонии похорон покойному присваивается новое буддийское имя – *каймё*. Теперь если кто-нибудь всуе упомянет его прижизненное имя, душа умершего не вернётся на при-

зыв. Примечательно, что длина имени зависит от продолжительности его жизни и добропорядочности, однако сегодня всё чаще – от размера пожертвований, сделанных семьей храму. Цена имени может доходить до миллиона йен, что вызывает определённое недоумение в обществе, причём известно, что некоторые храмы умудряются разными способами оказывать на семьи давление. Интересно также отметить, что записываются выбранные имена старинной системой кандзи, которой обычно имена не пишутся, так что в итоге за свои деньги вы получаете несколько китайских иероглифов, смысл которых вам далеко не всегда понятен.

В конце церемонии гости обкладывают голову и плечи покойного цветами. Гроб заколачивают гвоздями, причём поручается это дело ближайшему из родственников, а вместо молотка ему дают камень. Наконец, гроб заталкивают в катафалк и везут в крематорий. Каждый из участников похорон получает на прощанье пакетик с солью. Придя домой, он должен перед входом посыпать её себе на плечи, а часть растоптать на земле. Таким образом, он как бы очищается от скверны.

В крематории гроб ставится на специальный лоток, и родственники следят, как служащий задвигает всё это в пылающую печь. Этот момент меня всегда особенно заботил. Потому что то, как кремация происходит у нас (а я, увы, присутствовал на нескольких), наводит меня на невесёлую мысль о том, что после того, как с покойным простились и гроб скрылся за дверцей «печи», с другой стороны дюжие рабочие вынимают труп из новенького гроба, который возвращается довольному продавцу для повторной продажи, а покойный, ну не знаю, наверное, кое-как сжигается. Потому что прах

вы получите не сразу, а через несколько дней, так что вам остается только свято верить в то, что это ваш родственник.

В Японии точно посчитали, что взрослый человек сгорает полностью за полтора часа[50]. Всё это время семья покойного находится в соседней с печью зале и терпеливо ждёт. Когда родственников приглашают обратно, на вновь появившимся лотке лежит только пепел от гроба да фрагменты костей. Их присутствующие осторожно вынимают большими палочками и складывают в урну, которую потом забирают домой. Иногда они при этом берутся одновременно за одну кость, иногда передают кости друг другу. Вот откуда у японцев запрет на передачу еды палочками и держание чего-либо палочками вдвоём. Начинают с костей ног и заканчивают костями черепа. Самой важной они почему-то считают подъязычную кость.

По буддийской традиции душа усопшего скитается между мирами в течение 49 дней (женская – всего 35) и через каждые 7 дней подвергается испытаниям. Поэтому поминки проводятся на 7-й, 14-й, 21-й, 28-й и 35-й день. Последние четыре сегодня частенько пропускают, а если поминают, то сугубо в семейном кругу. Всё это время семья не имеет морального права участвовать ни в каких развлечениях.

Остаётся добавить, что японский похоронный бизнес явно ждут перемены. При немногим более одного миллиона покойников в год в стране насчитывается порядка 45 000 похоронных бюро, которые пытаются удерживать цены на уровне, описанном выше. Однако уже появляются неяпонские фирмы, которые предлагают погребальные услуги раз в десять дешевле. Некоторые шустрые гостиницы, почувствовавшие спад свадеб, сегодня рекламируют проведение похорон. Возникла даже служба, называемая «могильные апартаменты», когда за 400 000 йен можно купить нечто вроде банковской ячейки, куда ставится урна с прахом, а дверцей служит сенсорный экран, на который выводятся цифровые фотографии, сообщения, фамильное древо и т.д. В Токио, говорят, построили девятиэтажное здание, в котором этажи с 3 по 8 отданы под кладбище. Экономия земли, знаете ли…

То обстоятельство, что живые в Японии, простите за тавтологию, прекрасно уживаются с мёртвыми, видно по тому, что клад-

---

[50] И после этого пусть нам кто-нибудь расскажет, как национал-социалисты сжигали в печах тысячи трупов в день. Если бы они действительно сожгли столько, сколько им приписывает не знакомая с математикой история, печи Освенцима и других лагерей горели бы, вероятно, до сих пор.

бище, через которое я шёл, мирно соседствовало с обычными жилыми домами, выходящими окнами на каменный лес стел.

Асфальтированная дорожка ведёт нас в гору. Не спешите и зайдите в храмовый дворик за невысокими бетонными воротами слева. Пройдя мимо двух добродушно оскаленных львов, вы окажетесь на безлюдной террасе, откуда открывается замечательный вид на лежащий под горой Киото. Помешать вашему уединению могут разве что бесшумно прогуливающиеся то здесь, то там кошки. Лысый священник в коричневом халате медитирует стоя, так что до вас ему никакого дела нет.

Покинув придорожный храм, ступайте дальше вдоль причудливо испачканной белой стены на фундаменте из здоровенных булыжников, но при этом обращайте внимание на то, что скоро откроется вашему взору справа, в огромном провале. Зрелище это напомнило мне перуанскую Мачу-Пикчу, где я пока ещё не побывал. Тысячи почти одинаковых каменных стел, словно покинутый город, заполонили собой всю низину и склон горы. Поразительное ощущение! Интересно прислушаться к себе и попытаться понять, о чём вы в этот момент думаете.

Наконец, кладбище Торибэяма остаётся за спиной, а мы с вами по крутой лестнице выходим на площадку, где скрещиваются несколько асфальтированных дорожек и где стоит беседка с вездесущими вендорными автоматами и лавками для уставших путников. Одна дорожка змеится сюда снизу, из города, другая уводит куда-то вверх, а третья плавно изгибается в сторону парящей над зелеными кустами высокой оранжевой башни с раскидистой крышей. Я понимаю, что мне, вероятно, именно туда, к долгожданному Храму Чистой Воды.

***Глава XIII**, в которой мы совершим прогулку по Киёмидзудэра, узнаем, почему японцы ставят памятники кроликам, и выпьем из чудотворного источника*

Однажды монаху по имени Энтин приснился сон. Тысячерукая Каннон велела ему поселиться в горах провинции Ямасиро вблизи водопада Отова. Энтин не мог ослушаться бодхисатву. Долгое время бродил он по горе Отова, пока неожиданно в глубине заповедного леса не обнаружил место, окутанное туманом. Как будто пояс из белых облаков навис над горным источником, затерянным в непроходимых зарослях на склоне горы. Здесь Энтин встретил буддийского отшельника – горного мудреца по имени Гёэй. Гёэй дал Энтину кусок дерева, в котором обитал дух Каннон Босацу – богини милосердия. Энтин, сам того не зная, превратился в японского папу Карло и вырезал из этого куска дерева изображение Каннон. Он поместил деревянную скульптуру в бамбуковую хижину, которая и считается предшественницей храма, а свое название он получил от прозрачности вод, струящихся по склону. Три хрустальные струи являются одной из достопримечательностей храма Киёмидзу и, по преданию, обладают чудотворной силой.

Шёл 780 год н.э. Как-то раз Энтин повстречал в окрестностях водопада сёгуна Саканоуэ-но Тамурамаро, который изволил там охотиться. Разговорившись с сёгуном, монах узнал, что жена последнего тяжело больна, и вызвался вылечить её силой молитвы. Разумеется, когда женщина поправилась, радостный муж сделался большим поклонником Тысячерукой Каннон. В честь неё в 798 году сёгун вместе с Энтином построил на горе Отова большой храм, который стал главным зданием монастыря.

Другую легенду можно прочитать в «Записях об учреждении Киёмидзу-дэра», составленных в начале IX века. Оказывается, в 780 году сегун Саканоуэ подстрелил в горах оленя для своей беременной жены. Не успел он как следует порадоваться добыче, как ему явился вездесущий монах Энтин и объяснил, что убийство живого существа – тяжкий грех. Сёгун вернулся домой, рассказал об этом приключении жене, и та сильно расстроилась. Да так, что решила покаяться в собственных грехах и не придумала ничего лучше, как снести свою усадьбу и построить на её месте буддистский храм, в котором решила поклоняться бодхисатве

храм, в котором решила поклоняться бодхисатве Каннон. Сам сёгун должен был как раз отправиться в северный поход. По настоянию жены он попросил Энтина замолвить за него словечко перед богами и даровать ему победу. Которая не заставила себя долго ждать. В качестве благодарности сёгун перестроил свою резиденцию с храмом в монастырь, а всемогущему монаху помог стать одним из лекторов при дворе тогдашнего императора.

В итоге датами основания Киёмидзудэра считаются то 778, то 780, то 798 год. Историки расходятся во взглядах на определение понятия «монастырь»: то ли это просто монашеское поселение, то ли поселение с непременным храмом.

Как бы то ни было, изначально Киёмидзудэра был частным монастырем рода Саканоуэ, говорят, выходцев с материка. В 805 году, по приказу императора Камму, обитель стала собственностью Императорского дома и государства. Ещё через пять лет монастырь получил особый статус места проведения официальных буддистских молебнов о здравии Императора и его семьи. В том же году он впервые стал именоваться «Киёмидзудэра» (Храм Чистой Воды).

В конце X века Киёмидзудэра перешёл в ведение одного из крупнейших буддистских монастырей Японии – Кофукудзи, центра секты Хоссо в городе Нара, первой японской столицы к югу от Киото. Мы с вами по нему ещё прогуляемся, когда отправимся в Нару, а пока достаточно сказать, что Кофукудзи враждовал с монастырем Энрякудзи секты Тэндай, расположенным на востоке Киото. Миролюбивые в теории буддийские монахи, как мы уже не раз отмечали, не чурались вооружённой борьбы за мир, а поскольку Киёмидзудэра находился неподалёку от Энрякудзи, то неоднократно подвергался погромам. Наибольшие разрушения храмовый комплекс потерпел в 1165 году, когда целая армия монахов из Энрякудзи ворвалась в Киёмидзудэра и сожгла большую часть построек. Ещё через 24 года вся монастырская гора была превращена в пепелище отрядом синтоистских священников из киотского святилища Гион.

Между тем преданность японцев этому месту с его чудотворным источником чистой горной воды оставалась нерушимой на протяжении столетий. Так в «Новых и старых повестях», написание которых относится к XII веку, входят десять произведений, в которых рассказывается о чудесах Киёмидзудэра. Центральное из них

посвящено бедной девушке, которая благодаря молитвам Тысячерукой Каннон получила богатство, счастье и хорошего мужа.

Те здания, которые мы увидим здесь сегодня, построены по воле сёгуна Токугавы Иэмицу в 1633 году. Причём, как говорят, без единого гвоздя.

Групповая фотография по-японски

И первое на нашем пути – та самая оранжевая башенка, к которой я сейчас подхожу и замечаю, что вся лестница под ней заставлена улыбающимися людьми. Не успел я сделать первый снимок этого впечатляющего зрелища, как черноволосая толпа распалась. Оказывается, это студенты позировали для группового фото. Ну, что ж, место достойное – ворота Ниомон. Где-то в их толстых опорах прячутся уже знакомые нам яростные богатыри, но снаружи их не видно: ниши прикрыты зелёными ставнями. Второе название этих ворот – Дэва, по имени буддийских нечеловеческих существ, которые обычно считаются детьми богов, а в японском синтоизме их, кажется, приравняли к ками.

За воротами две каменные лестницы помогают путникам подняться мимо колокольни к ещё одним, Западным, воротам. Позади них расположена внушительных размеров трехъярусная пагода.

Дополнительный колорит привносят молодые пары, облачённые в традиционные кимоно. Они фотографируют друг друга, кто-то фотографируется с ними, одним словом, всем хорошо и весело.

Так незаметно я подошёл к кассе. Билет красивый, большой, стоит 300 йен. За что берут деньги? Сейчас увидим.

Сначала обычное умывание в каменной раковине, охраняемой железным драконом. Подставление черпачков под струю воды из пасти дракона, смачивание рук, полоскание рта, короче, всё то, что мы с вами не раз уже видели. После этого мой путь лежит к одной из основных достопримечательностей Киёмидзудэра – просторной веранде, вознесённой высоко над провалом, с которой открывается один из лучших видов на Киото.

А вы сегодня уже умывались?

Но сначала моё внимание привлёк нескончаемый лязг металла. При входе на веранду возвышался здоровенный деревянный ящик. На нем стояли отлитые, наверное, из чугуна босоножки. Тут же в дыру в крышке вставлена высокая железная свая с ручками, а рядом – железное копьё с кольцами у острия. Эти кольца и производили больше всего шума. Потому что почти все проходившие мимо японцы считали своим долгом сперва поднять босоножки, потом покряхтеть, пытаясь хоть чуть-чуть приподнять сваю (что при мне

не получилось ни у кого) и наконец торжествующе позвенеть кольцами на более лёгком копье.

Ну вот я и вышел на веранду. Дух захватывает от окружающего её зелёного простора. Впереди оранжевой статуэткой на фоне пышной зелени сказочно смотрится пагода Коясу. Она словно специально забралась на крутой склон горы, чтобы попозировать очарованным туристам. Ею отмечен дочерний монастырь Тайсандзи, предназначенный для молитв за удачные роды.

Если подойти к самому краю, где от пропасти вас отделяют деревянные перила, справа, буквально как на ладони – на зелёной ладони леса – покоится залитый солнцем город с особенно выразительной отсюда белой иглой Киото-тава.

Кстати, насчёт пропасти. В японском языке, говорят, есть выражение «сигануть с веранды Киёмидзудэра», что примерно соответствует нашему «броситься в омут головой». Пошло оно от довольно глупой традиции периода Эдо, когда считалось, что если загадать желание и спрыгнуть отсюда в пропасть (на самом деле высота здесь, как пишут справочники, 13 метров, то есть с 4-5 этажный дом), то оно обязательно исполнится. При условии, разумеется, что ты не разобьёшься. Уж не знаю, как и на что прыгали в то время японцы, но сохранились сведения, что из 234 спрыгнувших 85,4% выжили. Сегодня прыгать строго запрещается, да и внизу,

под верандой вовсе не кусты, а обычная асфальтированная дорожка, на которой стояли маленькие школьники, махая нам снизу-вверх ладошками и смеясь.

С веранды очень удобно рассматривать вторую главную достопримечательность Киёмидзудэра – три ручья водопада Отова. Перед вами, точнее, под вами каменная беседка, в которую по ступенькам поднимается нескончаемая вереница страждущих. С крыши беседки стекают в маленький бассейн у подножья три тонкие струйки. Маленькие японцы пытаются дотянуться до них ковшиками на длинных ручках. Особенно трогательно наблюдать за школьницами, ковшики которых падающие струи сбивают в сторону, и я могу лишь догадываться, сколько воды они умудряются донести до рта. Считается, что ручьи даруют испившему из них либо любовь, либо богатство, либо долголетие. Правда, никто наверняка не знает, какой именно. А пить можно только из одного, ибо при смешении вод чудодейственная сила пропадает.

В три ручья

Здесь же на веранде вы можете выбрать наиболее подходящие для ваших нужд талисманы: красивые тряпичные мешочки с зашитыми в них дощечками. В среднем цены колеблются вокруг 500 йен. Я не удержался и накупил талисманов на весь наш семейный квар-

тет. Подробностей сообщать не буду, чтобы не сглазить. Скажу только, что талисман, гарантирующий финансовое благополучие на 150 йен дешевле талисманов, приносящих здоровье или долголетие.

Когда вам надоест прохаживаться по веранде, которая когда-то служила сценой для ритуальных танцев, ступайте дальше, и вы окажетесь на новом перепутье. Можно свернуть под каменные ворота налево и пойти вверх по крутым ступенькам, можно спуститься по отвесной лестнице направо к трём ручьям, а можно пойти прямо, где сейчас ведутся ремонтные работы. Я решил попробовать всё по очереди.

Ступенчатая дорожка приводит вас в разноцветную мешанину из новых киосков и почти неотличимых от них храмовых святилищ. А это кто такие? Вас приветствует памятник, запечатлевший мужчину в косоворотке и стоящего на задних лапах зайца с метёлкой. Если вы про них ничего не слышали, то вот вам поучительная история.

Согласно уже знакомой нам древнейшей японской летописи «Кодзики», перед нами юный синтоистский бог (ками) по имени Окунинуси, то есть, Хозяин Великой Страны. Когда он был ещё совсем молод, носил простое имя Онамудзи и жил в провинции Идзумо, его восемьдесят братьев решили дружно посвататься к принцессе Яками из соседней Инабы. На берегу моря они наткнулись на умирающего не то зайца, не то кролика. У бедняги была выдрана вся шерсть. Кролик рассказал братьям, что жил на острове Оки и однажды решил добраться до большой земли. Для выполнения задуманного, он поспорил с крокодилом (если быть совсем точным, то это был *ваки*, то есть мифическое существо, схожее с акулой), у

кого больше родственников. Когда другие крокодилы стали подплывать, кролик сказал, чтобы они выстроились на воде в хвост друг другу, а он будет по ним прыгать и считать. Таким хитроумным образом он почти добрался до суши, когда последний из крокодилов сообразил, что их обманули, и жестоко покусал кролика.

Братья решили в свою очередь подшутить над кроликом и предложили ему для снятия боли окунуться в солёную морскую воду и подсушиться на солнце. Разумеется, кролику от этих процедур стало только хуже. Тут подошёл Онамудзи, который отстал, потому что тащил поклажу за своими братьями. Увидев бедного кролика, он велел ему искупаться в устье пресной реки, а потом нарвать рогоза и кататься по нему, пока не восстановится волосяной покров. Исцелившись, кролик предсказал, что принцесса выберет в мужья именно Онамудзи.

Дальше следует долгая череда приключений. Раздосадованные братья дважды убивали Онамудзи, а их мать его воскрешала. В итоге, став Окунинуси, он переженился на целом гареме богинь и фактически создал ту страну, которую богиня солнца Аматэрасу впоследствии взяла под свою опёку и которая стала Японией.

Фигурки толстенького Окунинуси с мешком за плечами наводняют полки соседних киосков, правда, судя по отсутствию ценников, я понял, что это скорее святилища, чем магазины. Самый симпатичный из них, деревянный, с большим стеклянным шаром в ладонях, привлекает особое внимание проходящих мимо туристов, которые считают необходимым погладить этот шар рукой. Люди полны желаний…

Здесь же на площадке вы непременно увидите молодых людей, осторожно идущих с закрытыми глазами и часто подбадриваемые весёлыми выкриками друзей. На самом деле они ходят не просто так, а между двумя большими камнями, которых разделяет метров десять-пятнадцать (в справочниках пишут, что шесть, однако расстояние явно больше). По существующему поверью, если пройти таким образом от одного камня до другого, не открывая глаз, скоро вам встретится ваша любовь. Испытуемому можно помогать советами, но тогда и в жизни он сможет найти свою вторую половинку лишь при участии кого-нибудь постороннего. Выбор, как говорится, за вами.

Почему-то большинство посетителей составляли китайцы. В отличие от чинных японцев они галдели и наигранно веселились. При средней зарплате порядка 3 000 долларов в год[51] немногие китайцы могут позволить себе выезжать за границу, да ещё в Японию. Видимо, эти просто радовались, что дорвались.

Спустившись обратно к перекрёстку, я пошёл было прямо, мимо ремонтируемых зданий, но быстро сообразил, что кроме ещё одной панорамы Киото не увижу там больше ничего, вернулся и отправился осваивать источник Отова.

Очередь была длинная, но шла быстро. Поднявшись на терраску перед выходом на балкончик под водопадами, я обнаружил, что использованные черпачки вкладываются чашками в специальные железные дверцы, за которыми горит зеленоватый свет, и понял, что это специальная дезинфекционная печка. Вооружившись первым попавшимся, я смело ступил на балкончик и сразу отошёл к

[51] Источники в интернете называют более высокие цифры, английские журналисты BBC – ещё более низкие, а сам я помню рассказ нашей гидши-китаянки, говорившей, что средний пекинец получает в месяц порядка 200 долларов.

дальней струйке, чтобы никому не мешать. Поскольку мой план от традиционного японского брызгания и смачивания рта отличался русской фундаментальностью. Я без труда дотянулся до воды, но не стал подставлять чашку полностью, а дал ей наполниться по краю. При этом я ещё снимал происходящее на камеру. Которую выключил лишь тогда, когда чашка оказалась в пределах досягаемости другой руки. Как вы уже, наверное, поняли, я напился родниковой водицы прямо из неё. Ничего особенного: холодная, чистая, безвкусная.

Прибавив себе любви, богатства или долголетия, я вернул черпачок на место и неторопливо направился к выходу. Моё знакомство с Храмом Чистой Воды подходило к концу.

К велосипеду я решил идти прежней дорогой, чтобы ненароком не заплутать в горных проулках.

Небо над Киото затянуло тучками, через которые пробивались косые лучи солнца и падали на серые камни кладбища.

Одинокое дерево на холме напоминало не сдутый одуванчик.

***Глава XIV**, короткая, в которой я забываю о расстояниях, катаясь вдоль реки, рассуждаю об архитектуре, блуждаю по вокзалу, ужинаю и вспоминаю Герберта Уэллса*

Верный велосипед терпеливо ждал под аркой моста. Обрадованный моим возвращением, он понёс меня с ветерком по улице Годзё к одноимённому мосту через Камо-гаву.

Хотя нынешний мост построен в 1959 году, японцы чтят это место, поскольку именно тут произошла первая встреча между монахом-богатырём Бэнкэем и его будущим господином Минамото Ёсицунэ. Бэнкэй жил в XII веке и был мастером боя *нагинатой* – двухметровой жердью с тридцатисантиметровым лезвием на конце. Придя во время своих странствий на мост Годзё, он стал разоружать всякого проходившего мимо меченосца и таким нехитрым образом собрал 999 мечей. Победить его смог только Ёсицунэ, которому он с тех пор служил верой и правдой, о чём повествуют не столько исторические хроники, сколько многочисленные фольклорные произведения.

На мост я заезжать не стал, а поехал вверх по течению реки.

При всей внешней непритязательности, есть в Камо-гаве и её берегах нечто непреодолимо притягательное на подсознательном уровне. У меня даже возникло странное ощущение, будто я еду на велосипеде вдоль венецианского Гранд Канала, что, разумеется, физически невозможно да и несопоставимо даже теоретически. А вот поди ж ты…

С восточной стороны вдоль реки можно ехать по двум уровням, непосредственно рядом с водой или метров на пять-шесть выше, на уровне автомобилей, от которых вы оказываетесь отгороженными цветущими кустами. Всё это прекрасно продувается ветерком с северных гор, так что ещё один вывод, который можно сделать во время подобной прогулки – города обязательно нужно строить по принципам фэншуй.

До «Стрелки Васильевского острова» я добрался непростительно быстро, хотя никуда не спешил. Там постоял на мосту, понаблюдал за отдыхающими, подумал о вечном и решил возвра-

щаться тем же левым берегом, только уже рядом с водой. Это оказалось ещё более приятно и расслабляюще.

Трудно поверить, что это окраина большого города

Осень уже вступала в свои права. Нависавшие надо мной кроны деревьев прощались с зелеными красками и словно вбирали в себя лучи садившегося справа, за домами на другом берегу солнца, становясь жёлтыми, золотыми и оранжевыми. На искрящейся ряби реки то тут, то там вырисовывались стройные силуэты длинноногих цапель, в небе парили одинокие коршуны. А вот уток, в честь которых названа Камо-гава, почему-то не было видно. Видимо, здешний мир настолько переменчив, что разные путники в разное время оказываются свидетелями разной жизни. Интересно, чем Камо-гава запомнится вам…

Окружавшая меня реальность наводила на мысли не только об относительности времени (существование которого некоторые сегодняшние мыслители даже отрицают вовсе), но и об относительности расстояний. В тот день я ехал вдоль реки, что называется, до упора, пока дорожка не оборвалась где-то на уровне Центрального вокзала. То есть я фактически пересёк по берегу весь Киото с севера на юг, проехал под 12 мостами, и при этом не только не устал, но продолжал испытывать ощущение лёгкого «двигательного» голода

– мне хотелось ехать ещё и ещё. Когда же я потом на досуге сверился с картой, то к своему удивлению выяснил, что за один такой проезд я преодолел расстояние, превышающее мой позавчерашний велопробег от гостиницы до Золотого Павильона. Физически я сейчас этого даже не почувствовал. Развернулся и проехал в обратном направлении до нужного мне моста Оикэ ещё почти столько же.

Передохнув полчасика в гостинице и перекусив на скорую руку, я уже спустился было вниз, чтобы продолжить запланированное на вечер катание по магазинам вокруг центрального вокзала, однако за стеклянными дверями с удивлением и огорчением обнаружил первый за всё это время дождь. Пришлось возвращаться в номер за зонтиком и на время забыть о велосипеде.

По Карасуме мы с вами не раз уже гуляли, поэтому описание дороги до центрального вокзала опущу. Скажу только, что дождь перестал минут через десять и больше не беспокоил меня вплоть до моего отъезда из Японии.

Стеклянные кубы вокзала взмывают на 70 метров в высоту и тянутся почти на полкилометра в длину. Стоит ли говорить, что это одно из самых больших зданий в стране. Говорят, оно уступает размерами вокзалу в Нагоя, но я там не был и не берусь судить.

15 этажей вокзала занимают торговые центры, гостиница, кинотеатр и даже несколько правительственных учреждений. Прибавьте к этому платформы для пригородных поездов, станцию метро и отдельный перрон для быстроходных *синкансэнов* (о них поговорим обязательно, но позже), и вы получите примерное представление о том муравейнике, в котором я оказался на закате дня.

Первый вокзал открылся в Киото в начале 1877 года по распоряжению императора Мэйдзи и поначалу принимал поезда из Кобэ. Токийская линия открылась через 12 лет. В 1914 году вокзал перестроили, разбив на месте старого здания просторную площадь, которая покрывалась кортежами в дни, когда император Сёва изволил путешествовать между Киото и Токио. Сам вокзал тоже считался просторным до тех пор, пока в 1934 году здесь ни собралась многотысячная толпа провожающих в армию молодых моряков. В давке тогда погибло 77 человек. В 1950 году вокзал сгорел дотла и через два года был отстроен заново.

Нынешний футуристический облик был подарен вокзалу в 1997 году токийским архитектором Хироси Хара по случаю 1200-й годовщины города. Проект был встречен общественностью, разуме-

ется, в штыки. Киото – это история, а тут гости бывшей столицы с порога оказывались в каком-то стеклянном аквариуме. В итоге, как это обычно бывает, народ пошумел, но ничего не смог сделать. Масоны они и есть масоны. На моей памяти только принцу Чарльзу удалось отстоять Национальную галерею, которой хотели приделать правое крыло в виде железной пожарной станции с водонапорной башней. Правда, позднее авторы того проекта всё равно были произведены его мамашей в рыцари и получили приставку «сэр» к своим неблагозвучным именам…

Вокзал вчера и сегодня

Центральный вокзал интересовал меня сегодня ещё и потому, что я собирался в ближайшие дни дважды им воспользоваться: для поездки в первую японскую столицу Нару и для возращения в Осаку. Когда-то я тут неплохо ориентировался и в Нару жену свозил без особых приключений. Однако стоило мне в потоке пассажиров зайти в здание вокзала, весь мой оптимистический настрой куда-то делся. Люди уверенными толпами шли в разные стороны, играла музыка, зазывно переливались огни в витринах, в громкоговорителях пищали японки, сообщая, вероятно, об отходящих и приходящих поездах, мельтешили иероглифы на табло отправления и прибытия, смеялись и плакали дети, одним словом, сразу захотелось на всё плюнуть и вернуться в спокойную ночь.

Я не узнавал ничего. В прошлый раз мы с женой умудрялись миновать весь этот бедлам, проходя каким-то образом под землёй. Но как именно мы это делали? Указателей вокруг множество, да только все по-японски…

Я решил начать с конца, то есть сверху. Свернул направо на уходящий в тёмное небо эскалатор и не сразу понял, что поторопился. Вдоль всего эскалатора тянулась широченная лестница. Мозговитые японцы превратили её в… экран. Если стоять у подножья и смотреть вверх, то края ступенек образуют светодиодное панно, на котором под музыку происходит не просто смена картинок, а настоящее динамичное действо, красивое и необычное. Поскольку все, как и я, предпочитали пользоваться эскалаторами, «экран» никто даже не топтал. Конечно, именно сегодня вечером я позволил себе расслабиться и не прихватил с собой ни фото, ни видео! Не на телефон же снимать…

Добравшись на эскалаторе до упора и преодолев последний пролёт пешком, я оказался на обзорной площадке, то есть на крыше вокзала. Днём, наверное, тут интересно, но ночью темно и как-то даже безлюдно. По всему периметру стоят тонированные стёкла, мешающие осматривать округу.

Несолоно хлебавши поехал вниз и решил заглянуть в магазинчик по левую руку. Оказалось, что все десять последующих этажей повторяют один и тот же дизайн: ты входишь в двери, обходишь несколько бутиков по подковообразному коридору и выходишь к эскалатору на том же этаже, но с противоположной стороны. Жутко интересно! Притом, что покупать, кроме обычного переценённого барахла, нечего. Ни жемчуга, ни игрушек. К тому же от всеобщей

суеты и меркантильной атмосферы стала наваливаться усталость. Захотелось где-нибудь сесть и как следует поужинать.

Первый этаж и уже знакомые толпы подрастеряли свои пугающие качества. Правда, я по дороге потерял эскалатор, так что даже не сразу сообразил, в какую сторону идти, чтобы выбраться на северную площадь, откуда я заходил (вход есть и с юга, более тихий и спокойный, но мне туда было совсем ни к чему). Заодно подметил, что цокольный этаж вокзала занимает торговый центр под названием *The Cube*. Нет, спасибо, хватит на сегодня!

Никаких симпатичных ресторанов, кроме каких-то закусочных, как назло, не попадалось. Я вышел на улицу и только сейчас заметил, что народ с площади утекает в некие подобия подземных переходов, отмеченные надписями *Porta*. Последовав дурному примеру, я оказался… в подземном торговом центре. Думаю, нет ничего хуже, чем оказаться в бесконечном магазине, когда у тебя нет настроения, ноют ноги, а голова требует воткнуть в неё чего-нибудь съедобное.

Опущу мои привокзальные скитания, тем более что на поверку они оказались довольно короткими. Чутьё не подвело. Имейте в виду простую истину: если хотите перекусить в Японии и перекусить достойно, заходите в любой ближайший супермаркет и поднимайтесь на последний этаж. В моём случае таким оазисом оказался «Ёдобаши Камера», точнее, здание с изящным арочным основанием на всё той же Карасума-дори, вход в который освещала вышеупомянутая надпись. Вообще-то сюда лучше приходить, если у вас есть потребность купить какую-нибудь японскую технику, но можно просто подойти к лифтам и воспарить, кажется, на седьмой этаж, чтобы с чинным видом прогуляться там по коридору между самыми разными аппетитными несъедобными блюдами на витринах и остановить на чём-нибудь свой выбор.

Мой замер на чистеньком ресторанчике под названием «*Udon-café Ashikari*». Специально оставляю здесь его английское название, чтобы вы при желании могли сами отыскать это место в интернете и полюбопытствовать. Ничего особенного, но вполне съедобно, удобно и без лишних пафосных задержек.

Официантка положила передо мной меню с исчерпывающими фотографиями предлагаемых лапшичных яств и показала на вделанную в стол между солонкой и перечницей большую кнопку, которую следовало нажимать, когда я «созрею». Единственное, что

она сделала без вызова, так это принесла бокал воды со льдом, а потом то и дело подходила, предлагая долить.

Посетителей было немного, и все они, как водится, кучковались группками. Чувство локтя, знаете ли.

Пролистав меню, я понял, что заказывать лучше не по частям, а порционно, то есть выбрать среди больших подносов, на которых размещалось сразу много чего. В итоге, когда мой заказ переместился с фотографии на стол, я обнаружил в нём крохотную пиалушку с салатом, суп с макаронами и плавающей в ней какой-то съедобной губкой, большую лохань риса и что-то скользко-макаронное с ветчиной, поверх чего лежал симпатичный желток. Всё это питательное удовольствие стоило 850 йен. Интересно, что можно купить в московском «японском» ресторане на 9 долларов?

Голод прошёл, моё скептическое отношение к местной кухне не переменилось, однако я чувствовал, что нужно лишний раз подсластить жизнь, и заказал большой бокал с мороженым, который потянул на 700 йен. Лучше бы я этого не делал. Ощущение было таким, будто я одновременно ем мороженое, картошку, селёдку и шоколад. Не верите? Приезжайте и попробуйте сами.

Расплатившись и не оставив ни йены чаевых (не ставить же милую официантку в крайне неловкое положение, поскольку иначе ей пришлось бы бегать по всем этажам и искать меня, чтобы вернуть «лишнее»), я спустился на первый этаж, где ещё при входе заметил большой отдел сувениров. Здесь было всё, начиная от необычных брелков[52], умевших превращаться из фэнтезийного железного меча в не менее фэнтезийный топор, и заканчивая разными красивыми веерами и роскошными подносами с объёмными изображениями японских достопримечательностей и настоящей позолотой. Но больше всего меня поразили маленькие пузырьки, в которых застыли разноцветные морские коньки, всякие рыбёшки и лягушата. Необычность заключалась в том, что цветом были выделены их крохотные косточки. А видел я их потому, что всё остальное тельце оказывалось совершенно прозрачным. Эти фантастические скелетики плавали в некой густой жидкости. Достаточно было одного взгляда и прикосновения к пузырькам, чтобы понять, что передо мной вовсе не пластмассовые поделки, а некогда совершенно обычные живые организмы, которых пытливый японский ум

[52] Простите, добрый мой читатель, но написать правильное с грамматической точки зрения «брелоков» у меня рука не поднимается, поскольку вслух так никто не говорит.

превратил в современных героев Герберта Уэллса. Остроты впечатления прибавлял направленный свет, заливавший весь импровизированный прилавок. Если вам стало любопытно, можете сходить на сайт http://aquatainment.jp и посмотреть, как это выглядит, однако, увы, английской версии у него пока нет, поэтому подробностей того, как японцам удалось сделать органические ткани прозрачными, а кости – цветными, я не знаю. Думаю, что это и есть тайный рецепт учёных, владение которым позволяет им устанавливать цены на столь необыкновенные экспонаты порядка 100 долларов за пузырёк. Один мумифицированный лягушонок отправился со мной в Москву, но я им лишь любуюсь и не подвергаю лишним анализам. Всему своё время.

***Глава XV**, в которой мы наведаемся в храм Кэнниндзи, поговорим о тиграх и землянике, полюбуемся потолком и захотим жить в отнюдь не предназначенном для этого месте*

Кэнниндзи считается самым древним храмом дзэн-буддизма в Киото.

Его история неразрывно связана с именем ещё одного активного просветителя, Эйсая (или Ёсай), который известен тем, что в конце XII века вывез из Китая две вещи: принципы дзэн-школы *риндзай* и зелёный чай с церемонией его распития. Про зелёный чай и чай вообще мы уже говорили, а вот два слова насчёт риндзай я позволю себе здесь сказать, а зачем – вы довольно скоро узнаете. Просто если следовать по течению жизни и наблюдать за происходящим со стороны, не замедляя и не ускоряя хода событий, становится видно, как они складываются в законченную картину.

Если же следовать учению, которое в Китае называлось Линьцзи-цзун, а в Японии получило название риндзай, то оно тоже ведёт к просветлению, но исповедует методы, несколько отличные от тех, которые мы видели, например, в «вере Чистой Земли». Во-первых, просветление в риндзай (иначе говоря, *сатори*) может быть мгновенным. Во-вторых, к нему ведут не только столь любимые в буддизме практики медитаций (причём в данном случае не сидячей, а в движении), но и сложная система *коанов*, то есть притч и загадок, смысл и разрешение которых зачастую находятся вовсе не в привычной нам логической плоскости. Скажем, что вы ответите на вопрос «Каким было твоё лицо до того, как родились твои родители?». Или каков на ваш взгляд правильный ответ на задачку типа: на окружности есть одно место, где линия прямая, а не кривая. Где это место? Или представьте, что вы висите над пропастью, уцепившись зубами в ветку дерева, ваши руки связаны. Кто-то задаёт вам вопрос, от ответа на который зависит ваша жизнь. Вам нельзя молчать, но если вы откроете рот, то упадёте в пропасть. Что вам делать? Я уж не говорю про знаменитый коан о том, как звучит хлопок одной ладони…

Можно, конечно, ломать голову и выдавать на-гора самые парадоксальные ответы (от похлопывания себя одной ладонью по животу, до удара в челюсть спрашивающего вас учителя), но мне по-

чему-то кажется, что хитрые дзэнские проповедники на самом деле просто наглядно показывали глупым ученикам, что все обычные люди пытаются найти глубокий смысл в заведомо бессмысленных вопросах.

Кроме медитаций и коанов, риндзай призывает своих последователей заниматься боевыми искусствами. За счёт них вы изменяете собственное сознание и перестаёте бояться смерти. Полагаю, к одной и тоже же вершине можно прийти разными тропами, однако именно риндзай оказался прекрасным подручным средством для набиравшего в то время вес класса самураев, став практически частью его обязательного образования, что пришлось на период правления сёгуната Токугавы и составило основу кодекса *бусидо* – пути воина.

Во многом с учением дзэн трудно не согласиться. Если вы посмотрите на свою жизнь, посмотрите несколько отвлечённо, со стороны, когда катаетесь с семьёй на речном трамвайчике или жарите шашлыки на даче, то есть когда вам есть досуг отойти от рутинной суеты, вы наверняка согласитесь со мной, что всё ваше нынешнее бытие состоит из сплошных воспоминаний или ожиданий. Оказавшись между ними, в безвременье, мы потом дружно вздыхаем о том, как незаметно проходит жизнь. Так оно и понятно, граждане! Мы ведь не живём настоящим, мы его не замечаем, мы постоянно находимся в процессе перемещения из пункта А в пункт Б, будь то очередная пятница или новый год. Между ними для нас либо ничего не происходит, либо всё происходящее кажется нам настолько однообразным, что на него не хочется обращать внимания. Но ведь при таком отношении к жизни оказывается, что вожделенная пятница и новый год проходят так же быстро и бесследно, как и дни, приближавшие нас к ним. Понимаете, о чём я?

В этой связи вспомнилась притча, которую рассказал своим ученикам Будда. Один путник пересекал поле, на котором жил тигр. Тигр заметил его и устремился в погоню. Путник бросился наутёк. Подбежав к обрыву, он стал карабкаться по склону, уцепился за корень дикой лозы и повис на нем. Тигр скалил клыки сверху. Путник с ужасом посмотрел вниз и увидел, как ниже по склону другой тигр поджидает его, чтобы съесть. Только лоза удерживала несчастного. Откуда ни возьмись появились две мышки, одна белая, другая черная, и стали понемногу подгрызать лозу. Тут бедняга заметил возле

себя ароматную землянику. Цепляясь одной рукой за лозу, другой он стал рвать землянику. Какая же она была сладкая!

Вообще же последователей риндзай призывают брать пример с зеркала. Поскольку зеркало обладает четырьмя мудростями. Первая мудрость называется «Мудростью Великого Зеркала». Зеркало делает зеркалом его способность отражать, без него оно не зеркало. Если бы в зеркале изначально заключалось какое-нибудь изображение, оно бы не было зеркалом. Далее, зеркало не искажает восприятия какого-либо объекта. Это вторая мудрость называется «Мудростью Беспристрастия». Зеркало отражает доброе и злое, большое и малое, красивое и уродливое, священное и обыденное. Самому зеркалу при этом всё равно. Третья мудрость – «Мудрость Правильного Познания». Зеркало всегда отражает форму предмета таковой, какова она есть. Урод в зеркале остаётся уродом, красавица – красавицей. Наконец, четвёртая мудрость – «Мудрость, Завершающая Всё, что Должно Быть Исполнено». Если представить себе, что от зеркала убраны абсолютно все предметы, оно станет пустым. Зеркало не способно «запоминать» и отражать объекты «по памяти». Иначе говоря, возвращение зеркала к пустоте – это необходимость для перехода к отражению следующего предмета.

Товарищ Эйсай ездил в Китай дважды. В Японии он постигал мудрости на упоминавшейся мною горе Хиэй в традициях школы Тэндай (школы Лотосовой Сутры). На континенте ей соответствовало учение Тяньтай-цзун. Первая поездка была проделана с целью обмена опытом, а вот вторая оказалась судьбоносной. Вообще-то считается, что Эйсай хотел добраться до Индии. Осуществить это ему помешала неспокойная обстановка в регионе. Зато он познакомился с учением Дзэн, проникся им и, судя по всему, оказался нужным человеком в нужном месте. Вместе с новыми мыслями в Японию он привёз зелёный чай и непростой, но тем более привлекательный способ его приготовления. Полагаю, знакомые китайцы должны были положить ему определённый процент от своих продаж.

Вернувшись в Японию в 1191 году, Эйсай рьяно взялся за пропаганду своих новых идей. При этом он попытался заручиться поддержкой как влиятельной школы Тэндай, так и императорского двора. Не получилось. Буддизм буддизмом, а борьбу за умы прихожан никто не отменял. Тэндай, Сингон и секта Чистой Земли выступили против него единым фронтом. В 1199 году Эйсай был вы-

нужден ретироваться из Киото и искать пристанище в Камакуре, где сёгун и его боевитые друзья приняли новую философию гораздо более радушно. Будете в Камакуре, зайдите там в Дзюфукудзи – первый из построенных на территории Японии дзэнских храмов. Строил его Эйсай с разрешения вдовы сёгуна Ёритомо. Умер Эйсай в возрасте 74 лет в Киото, и был похоронен в храме, который построил в 1202 году – Кэнниндзи.

Добраться до него очень просто. Доезжаете до торговой улицы Сидзё-дори (где большие универмаги), пересекаете Камо-гаву по одноименному мосту в сторону района Гион и сворачиваете направо на втором перекрёстке. Ориентиром для вас должно служить чёрно-красное деревянное здание, в котором расположен знаменитый на всю Японию чайный дом (*отяя*) *Итирики*. Попасть туда, чтобы пообщаться с гейшами, можно исключительно по приглашению, а цены за вечер чаепития доходят до 8 000 с лишним долларов. Короткое путешествие по улочке Ханами-кодзи, и вы оказываетесь у северных ворот в Кэнниндзи.

В саду Кэнниндзи

Перед входом в храм довольно просторная парковка. Вокруг всё в зелени, так что снова возникает ощущение, будто ты где-то в пригородах.

На территории вас встречает большое белое здание с покатой крышей и бурыми деревянными балками. Разумеется, не стоит обольщаться и думать, будто эти стены возводил сам Эйсай. Нынешние постройки относятся к XVI – XVIII векам, поскольку всё, что было тут раньше, разумеется, благополучно сгорело.

Внутри вы оказываетесь в предбаннике, где по-английски вас встречает лишь одна надпись – *Please take off shoes* (Снимайте обувь, однако). Полки вокруг почти пусты, из чего вы делаете приятный вывод о том, что толп посетителей не ожидается. Зато для разувающихся не предусмотрено даже табуретки.

Тут же расположено окошко кассы, где мне продали красивый, чёрный с золотом билет. Билет сохранился, но на нём почему-то не проставлена цена, так что я не помню, чего мне это стоило. Думаю, что-то в пределах 500 йен.

В Кэнниндзи официально разрешается снимать, что не могло меня не порадовать.

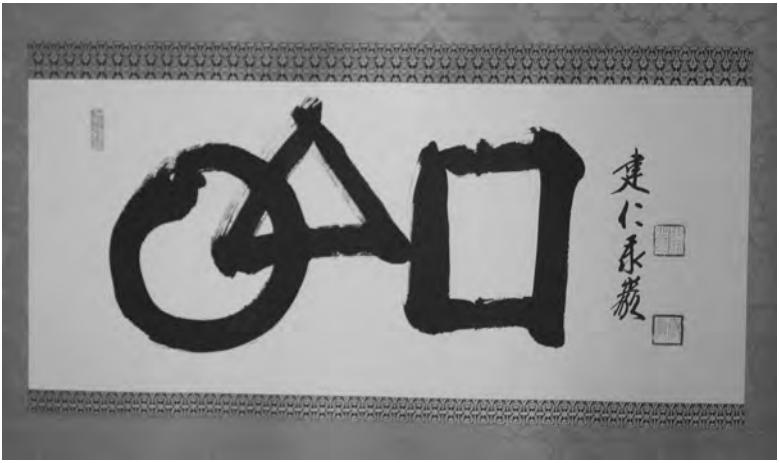
В первом же зале вас встречает главная достопримечательность нынешнего храма, украшающая, собственно, и билет, – двойная золотая ширма, на которой изображены несущиеся куда-то *Фудзин* и *Райдзин*, уже знакомые нам боги Ветра и Грозы. Произведение это принадлежит кисти знаменитого художника XVII века Таварая Сатацу, который прославился тем, что разработал новую технику подачи цвета и линии, а также технологию живописи под названием *тарасикоми*, при которой одна из красок наносится поверх другой, пока та ещё влажная. Говорят, ему же принадлежит открытие техники одноцветной живописи, когда тушь заменяет краску.

Беда только в том, что перед вами хорошая копия. Оригинал ширмы находится неподалёку отсюда, в Национальном музее Киото.

Пройдя через пустой зал со стульями и экраном, на котором показывают фильм о том, как пожилой японец в картузе расписывает потолок (запомним это на будущее), мы выходим в живописный (а других в Японии не бывает) садик с несколькими камнями посередине прямоугольной полянки с редкими клёнами. Хоть мы и в носках, опасаться нечего, поскольку весь сад можно (и нужно, чтобы до конца насладиться его переменчивым характером) обойти по деревянным полам галереи, не спускаясь на землю. Называется он Тёонтэй, то есть «сад звуков прилива и отлива». Каменная композиция в центре – Сан-дзон-сэки – символически являет собой

позиция в центре – Сан-дзон-сэки – символически являет собой Будду и двух сидящих по бокам дзэнских монахов.

Дальше можно обогнуть второе здание – *ходзё*, где размещались жилые комнаты настоятеля и приёмная, и увидеть второй садик, который будет особенно интересен любителям приставки Xbox. Почему? Да потому что основан он на знаменитой каллиграфической композиции монаха и художника XIX века со странным именем Гибон[53], которая выглядит так:



И никакого объяснения, кроме подписи автора. Сама каллиграфия, кстати, висит на стене тут же. Считается, что автор хотел таким образом показать, мол, все вещи во вселенной состоят из этих трёх форм. Поэтому ввиду отсутствия оригинального японского называния на другие языки композиция эта переводится как «Вселенная».

В натуре этот символ представлен квадратным колодцем, накрытым бамбуковой крышкой, одиноким деревцем в ровном круге травы посреди белого гравия и скошенной частью пола галереи с краю. Без подсказки не догадаешься, но когда знаешь, смотрится довольно занятно.

Мне же больше всего понравился садик, где центром композиции служило карликовое дерево, ствол которого рос из кочки и почти стелился горизонтально, но в какой-то момент выпрямлялся, так что лиственная крона смотрела вверх. Его созерцание лишний

[53] Сэнгай Гибон (1750-1837)

раз укрепило во мне желание раздобыть настоящий японский бонсай.

Сад с деревом, которое растёт горизонтально

Наиболее типичный для дзэнских храмов сад «сухого пейзажа» вы увидите, когда обойдёте ходзё до конца. Здесь перед вами откроется целое поле белого гравия, местами прерываемое островками зелёного мха и неподвижными булыжниками. Гравий в таких местах традиционно разравнивается специальными граблями, отчего всё поле представляет собой череду плавных линий.

Необычно смотрятся расписанные усатыми драконами чёрно-белые раздвижные ширмы ходзё, бежевые татами перед которыми обложены зелёными подушечками, будто здесь с минуты на минуту ждут гостей.

К скрытому за кустами чайному домику можно пройти по плоским камням, словно архипелагом островков тянущимся через море зелёного мха.

Когда я уже думал, что прогулка закончилась, оказалось, что это далеко не так. Следуя примеру японцев, я с трудом нанизал на ноги миниатюрные ярко-красные тапки и вышел за калитку, напротив которой была точно такая же, откуда дорожка шла к высокому двухъярусному бело-коричневому храму. Впоследствии я выяснил,

что называется он здесь Хатто или Зал Дхармы. Возвели его в 1765 году. Внутри вас встречает вишнёвого цвета деревянный помост, на котором красуются Будда Шакьямуни и двое его ближайших учеников, Махакасьяпа и Ананда. Но привлекают внимание в зале вовсе не они, а натяжной потолок, словно навеянный волшебными японскими мультфильмами. Помните художника, которого мы видели на экране в пустом зале в начале прогулки? Его звали Коидзуми Дзунсаку. В 2002 году он закончил работу над этим потолком в спортзале обычной школы на острове Хоккайдо, потратив на неё два года своей подходившей к концу жизни[54]. Полотно заняло надлежащее ему место в 800-летний юбилей храма. Запечатлены на нём весьма выразительные драконы-близнецы, извивающиеся среди облаков. Драконы довольно добродушные и явно забывшие утром побриться, отчего их усатые морды сплошь заросли щетиной. Как и средневековый автор драконов на раздвижных ширмах, Коидзуми максимально упростил цветовое решение, отчего рисунок на потолке воспринимается не столько живописным, сколько графическим, что, на мой взгляд, воздействует сильнее, как чёрно-белая фотография.

Ну вот, теперь, кажется, действительно всё. Почти при выходе меня поджидала старушка за прилавком, оборудованным для дегустации чая. Денег она за это не брала, а предлагала налить любой из доброй дюжины сортов в маленькую белую пиалушку. Чаи были подписаны и по-английски, так что я, не долго думая, выбрал тот, что назывался «золотым».

[54] Коидзуми умер в 2012 году.

- Вэри-вэри хоттэ, - предупредила меня старушка, наливая кипяток на самое донце. - Осеня, осеня гаряся.

На дне пиалушки лежали мелкие чаинки, а на поверхности плавало несколько лепестков настоящей позолоты. Так мне, во всяком случае, показалось. На вкус, увы, золотой чай оказался обычным куриным бульоном, что меня ничуть не удивило. Покупать его домой я почему-то не стал.

Самое сильное впечатление от посещения Кэнниндзи меня поджидало при выходе, когда я надумал заглянуть на дорожку в местный туалет. Идеально чистый пол был выстлан деревом. Перед каждым, пардон, писсуаром стояла пара деревянных тапочек. Пахло чем-то райским. Одним словом, тут хотелось жить.

***Глава XVI**, в которой я осматриваю с седла велосипеда Гион, посещаю храм Ясака и парк Маруяма, после чего окончательно теряю представление о времени в храме Тион-ин. Вообще она получилась очень длинной и глупой, так что можете её пропустить*

Покинув храм Кэнниндзи, мы с велосипедом снова оказались в самой гуще того исторического района Киото, который носит гордое название Гион и который успел к этому времени окончательно проснуться.

Сколько ни искал я в разных справочниках, что же именно означает слово «Гион», так никаких объяснений и не нашёл.

Вообще же считается, что Гион для Киото, это то же самое, что Елисейские поля – для Парижа, Таймс-сквер – для Нью-Йорка или Букингемский дворец – для Лондона. По какой такой причине? – спросите вы. Не знаю наверняка, но могу предположить, что по форме и содержанию. Форма Гиона заключена в традиционных японских жилищах, называемых здесь *матия*, а содержание – в скрытых за их деревянными фасадами всевозможных чайных домиках и обителях гейш.

В Гионе тоже должен быть порядок

Если вы ещё не забыли нашу с вами вечернюю прогулку по улочке Понтотё, скажу, что сейчас вокруг меня было примерно то же самое, только сама улица (в данном случае Ханами-кодзи) была гораздо шире, а при свете дня почти неотличимые друг от друга двухэтажные строения выглядели невозмутимо безразличными, как будто вы оказались посреди вымершей деревни. Хотя, нет. Вымершей выглядели деревянные кварталы на территории Студио Парка, тогда как здесь навстречу моему велосипеду шло немало праздно прогуливающихся прохожих.

История Гиона началась в те стародавние времена, когда здесь открылись первые лавочки для паломников, приходивших в Киото со всей Японии, чтобы посетить те самые храмы, которые мы с вами осматриваем последние два дня и по которым ещё прогуляемся сегодня и завтра. За паломниками в этот район стали приходить в поисках развлечений самые разные люди, так что в итоге мы здесь имеем полный джентльменский набор современного японца: вино, женщин и караоке. При этом все путеводители дружно подчёркивают тот факт, что Гион никогда не был и не будет «кварталом красных фонарей». Мол, исторически эта незавидная доля закрепилась в Киото за районом Симабара, куда ещё во времена сёгуната Токугавы согнали за высокие стены проституток обоих полов, а снаружи их незавидное ремесло официально запретили. Не знаю наверняка, так ли это, однако в столике моего гостиничного номера лежало несколько прекрасно изданных глянцевых брошюрок, рекламирующих сугубо плотские развлечения (кстати, с весьма пристойными картинками, не чета тем, что можно видеть в гостиницах старушки-Европы, особенно восточной) и указывающих адреса квартир в подозрительной близости именно от Гиона.

Деревянные домики, которые остались стоять с той поры, заслуживают особого внимания. В Токио вы таких уже не встретите. Как я сказал, называются они «матия», что в переводе на наш россиянский означает «таун-хаусы». Характерной их чертой являются узкие фасады. Получились они такими потому, что раньше налог с домовладельцев брался именно за ширину той части, которая выходила на улицу. Так что типичный матия снаружи кажется 5-6 метровым теремком. Зато глубину застройки никто не ограничивал, поэтому она может составлять и 20 метров, и больше. Обычно матия разделяется на три неравные части. С улицы вы попадаете в предбанник, который традиционно служил магазинчиком или при-

ёмной для посетителей. Если вас допустят за последующие раздвижные ширмы, то вы окажетесь в жилой части, куда пускают лишь избранных гостей и где обитают сами хозяева. Заканчивается жилая часть маленьким двориком-садом. Бывает ещё полуторный или второй этаж. Редко – третий.

Хотя матия – это столь любимая японцами часть их истории, подобные строения вытесняются новыми домами и уходят в прошлое. Виной тому дороговизна их нынешнего содержания, определённые неудобства, а также постоянная опасность пожара или разрушения при землетрясении. Во всяком случае, современные японцы предпочитают в них не селиться, чего нельзя сказать об охочих до экзотики иностранцев, которые, пусть и не в больших количествах, приезжают в тот же Киото, чтобы остаться тут навсегда. Правда, они тоже скоро понимают, что напрасно погнались за стариной: зимой в матия слишком холодно, а летом слишком жарко. Не помогают даже снимаемые внутри дома перегородки, что способствует циркуляции воздуха. Сегодня в Киото на частные деньги существуют фонды, которые борются за сохранность матия, причём довольно успешно. Так никто не позволит снести матия без разрешения мэра. Заслуживающие того матия реставрируются. Владельцам матия на поддержание их жилищ выделяют специальные стипендии. Одним словом, можно уверенно сказать, что когда вы надумаете посетить Гион, заканчивающаяся под колёсами моего велосипеда улочка Ханами-кодзи встретит вас во всей своей деревянной красе.

А мне пора сворачивать направо, на Сидзё-дори, и ехать в сторону отлично видного отсюда ориентира – ярко-оранжевых (или даже алых) двухэтажных ворот храма Ясака. Для интересующихся не могу не заметить, что именно этот отрезок Сидзё-дори, то есть от реки до ворот Ясаки, сплошь застроен магазинами, где продаётся всё, что связано с кимоно.

Ворота стоят на противоположной стороне Т-образного и весьма оживлённого перекрёстка. Вообще это место чем-то неуловимым напомнило мне наш московский Кузнецкий мост. Я к тому, что просто так тут нигде велосипед не бросишь. Присмотревшись, я заметил справа от ворот спасительный указатель с непонятными иероглифами, но красноречивой изогнутой стрелкой. Переехав на ту сторону, я спешился, прошёл по тротуару мимо парочки домов и обнаружил слева ступеньки во внутренний дворик. Это и была

обещанная парковка для машин и велосипедов. Если вы стоите спиной к воротам, то она окажется слева от вас, а до лесенки будет метров сто, не больше.

Обременённый теперь только съёмочной техникой, я вернулся к воротам. Становилось жарко, так что свою лёгкую ветровку я повязал вокруг бёдер, оставшись в короткой майке. Ноябрь всё-таки…

Что нужно знать о храме Ясака? Ну, во-первых, раньше он назывался святилищем Гион. Во-вторых, что для японцев это излюбленное место встречи Нового года. Разумеется, стекаются они сюда не пошуметь или повзрывать китайские петарды назло соседям и прохожим, а чтобы тихо помолиться за здоровье и процветанье родных и близких. В-третьих, через ворота и территорию храма ведёт дорожка в парк Маруяма, где в начале апреля японцы привыкли любоваться цветением сакуры. Наконец, в-четвёртых, отсюда происходит самый популярный не только в Киото, но в Японии праздник – *Гион Мацури*.

Ворота Ясака

А теперь по порядку.

Ясака-дзиндзя относится к синтоистским храмам. Появился он здесь, говорят, ещё в далёком 656 году, и все последующие столе-

тия эпохи Хэйан был обласкан вниманием имперского двора. Настолько, что в 994 году указом императора Итидзё Ясака был включён в число 21 храма, куда направлялись специальные гонцы, чтобы поведать местным *ками* о главных событиях, происходящих в стране. Ну и, вероятно, заодно попросить заступничества.

Оно особенно пригодилось в 869 году, когда в Киото началась эпидемия чумы и всеобщего мора. Было решено, что виновником происходящего является недоброе божество из храма Ясака, которое звали Годзо Тэнно, то есть Быкоголовый Небесный Повелитель. Сообразительный император Сэйва велел взывать к милости ками моря и ветра Сусаноо-но-микото, который проживал по тому же адресу. Перед храмом были установлены 66 стилизованных алебард[55] по количеству провинций Японии, и всё это пошло по городу дружной процессией, включавшей переносные святилища из Ясаки. Вероятно, столь действенное средство на какое-то время помогло, потому что процессия стала повторяться всякий раз, когда эпидемия возвращалась, так что в 970 году было принято решение проводить столь своеобразный крёстный ход на регулярной основе. Скромно умолчим о догадке насчёт того, что императорской козне за подобный патронат немало перепадало от людских подношений. Откаты придумали не в России и совсем не русские.

Сегодня праздник Гион Мацури занимает практически весь месяц июль. Главному событию отведено 17-е число. В этот день более 30 здоровенных деревянных повозок на колёсах вручную протаскиваются по улицам Киото под одобрительные возгласы толпы. Повозки эти доходят до 25 метров в высоту и весить могут без малого 12 тонн. Особое веселье начинается на поворотах улиц, поскольку для выполнения этого манёвра участникам приходится не только повозки тянуть и толкать, но и подкладывать под двухметровые колёса скользкие листья бамбука, потому что вбок они не поворачиваются. На одной из повозок восседает среди взрослых мужчин вундеркинд, иначе говоря, волшебный ребёнок, который считается божественным посланцем и которого особым образом выбирают из семей торговцев. Сначала его несколько недель подвергают очистительным церемониям, лишают общества каких бы то ни было женщин, а с 13 по 17 июля бедняга не имеет права наступать на землю. Зато именно он сигнализирует о начале процессии разрубанием священного каната. Правда, насколько я видел в

[55] Если вы вдруг не знаете, алебарда – это копьё с топором вместо острия.

фильмах, малыш только удерживает меч, а взмахивает им стоящий у него за спиной неприметный дядька.

По иронии судьбы нынешний Гион Мацури не имеет ничего общего с Гионом. Улицы, по которым таскают повозки, пролегают в современной части города, неподалёку от моей гостиницы и ниже, то есть по Сидзё-дори, Каварамати-дори и Оикэ-дори. Но отвечает за его проведения администрация храма Ясака. Зрительские места перед хмурым муниципалитетом (помните, мы говорили о нём в самом начале знакомства с Киото) стоят 3 100 йен да ещё и заказывать их нужно загодя. Хотя, говорят, при желании можно найти точки обзора ничуть не хуже и задаром.

Вернёмся, однако, в Ясаку. Пройдя через алые ворота, вы сначала оказываетесь на просторной площади, по краям которой расположены святилища, где можно, ну конечно, похлопать в ладоши, подёгать за канаты и противно погреметь круглыми медными вёдрами, играющими здесь роль колокольчиков. Посередине площади стоит могучая деревянная беседка, увешанная несколькими рядами бумажных фонариков. Это местная сцена, а на фонариках написаны имена спонсоров различных проводимых здесь мероприятий.

Вот и весь храм. Можно идти дальше, под высокие оранжевые тории, за которыми раскинулся парк Маруяма. Хотя до апреля и цветения вишни, то есть сакуры, оставалось ещё полгода, народу

тут было предостаточно. Молодёжь галдела, старики невозмутимо сидели на лавочках, в пруду неторопливо красовались разноцветные карпы, а лёгкий ветерок играл зелёными локонами плакучих ив. Что до вишни, то главная из них – *сидарэдзакура* – тоже плакучая, огорожена в центре небольшой площади. Говорят, что в апреле её по ночам специально подсвечивают.

В парке Маруяма

Мой путь лежал прямо, к храму *Тион-ин* (у нас его обычно пишут как Тионъин, однако твёрдый знак в японских словах мне что-то не очень нравится). Вам бы я при наличии свободного времени посоветовал свернуть из парка вправо, чтобы прогуляться по живописному райончику Хигасияма (Восточные горы), где можно насладиться продолжением Гиона, а при желании – дойти до вчерашнего храма Чистой Воды с тройным источником.

Чтобы понять, что такое Тион-ин и где лежат его истоки, нам с вами нужно перенестись в седьмой день четвёртого лунного месяца 1133 года, который пришёлся на закат эпохи Хэйан. В этот день у смотрителя поместья Кумэ Нандзё Инаока, что в провинции Мимасака (нынешняя Окаяма) родился первый сын. При рождении мальчику дали имя Сэйсимару. Когда Сэйсимару было девять, дом отца

подвергся ночному нападению, во время которого глава семейства был смертельно ранен и на смертном одре завещал сыну:

- Если ты отомстишь за ненависть ненавистью, ненависти не будет конца. Так устроен человеческий мир. Вместо этого открой своё сердце, переступи через ненависть и иди буддийским путём, который принесёт спасение всем людям.

Послушавшись отца, Сэйсимару поступил учеником в храм Бодайдзи, а через четыре года поднялся на гору Хиэй, побрился наголо и получил буддийские наставления. Так он стал послушником секты Тэндай. Поначалу он принял имя Энмъё-бо Дзэнко, однако в возрасте восемнадцати лет сменил его на Хонэн-бо Гэнку и сделался учеником Дзиген-бо Эйку из Куродани. Он так прилежно слушался своего учителя, что тот назвал его Хонэн-бо Мудрейший. Впоследствии Хонэн стал искать буддийского просветления в уединении.

Вы уже поняли, что речь я веду о том самом Хонэне, личность которого мы упомянули, когда говорили об истоках секты веры Чистой Земли. Настало время рассказать об этой личности чуть подробнее.

То было время постоянных раздоров, когда разные фракции сражались за политическую власть. Природа реагировала на дисгармонию в обществе по-своему, испытывая людей голодом и болезнями, не говоря уж о постоянных землетрясениях. Как водится, люди не видели этих связей и пребывали в состоянии, мягко говоря, отчаяния. Тогда же буддизм стал религией аристократов и потерял свою силу над напуганным народом. «Просветление» теперь виделось в уходе в себя через толкование манускриптов с академической точки зрения и аскетизм во всём. Связь с простым людом автоматически утрачивалась.

У Хонэна такой подход вызывал сомнения. Он обратился ко всему своду буддийских писаний и отыскал в нём изначальную клятву Амиды, обет, который тот дал, вставая на путь буддизма. Идея заключалась, как мы уже говорили раньше, в распевании нембуцу *Наму Амида Буцу* (Я ищу спасения в Амиде) от всего, что называется, сердца. Осознав правильность своего выбора, Хонэн в 1175 году, в возрасте 43 лет, основал секту Дзёдо-сю, спустился с гор и поселился в хижине в местечке Ёсимицу. Забегая вперёд, скажу, что теперь на этом месте стоит одна из главных храмовых

построек Тион-ина – огромный зал Миэйдо, который мы, увы, не увидим из-за обступивших его строительных лесов.

Хонэн принимал всех, кто верил ему, а надо сказать, что его новое учение пришлось по сердцу многим, включая даже некоторых представителей аристократии, к коим относился Кудзо Канэдзанэ, тогдашний регент. Параллельно начался процесс, который очень хорошо иллюстрирует современное состояние, например, в развитии японских боевых искусств вроде айкидо, не говоря уж о таких чудовищных подлогах, как христианство. Я имею в виду, что по мере распространения учения Хонэна, повсюду стали появляться множество лгунов, выдававших себя за его учеников и переиначивавших оригинальные идеи в силу своего понимания и личного интереса.

Старым буддийским сектам успехи Хонэна тоже не давали покоя. А потому уж не знаю, по собственной ли дурости или по наущению, но двое из его ближайших учеников, Дзюрэн и Анраку стали причиной страшного скандала. Когда в 1206 году ушедший на покой император Го-Тоба уехал совершать паломничество в Кумано, они сначала провели во дворце обычную службу Чистой Земли, а потом расслабились и последующую ночь провели в покоях императорских наложниц. Во всяком случае, так было доложено императору. Который по возвращении велел срубить наглецам головы, а взявшего на себя ответственность Хонэна отправил в изгнание на остров Сикоку. Был ли скандал подстроен противниками Хонэна, неизвестно, но что-то мне подсказывает, что это вполне вероятно.

Вернуться в столицу ему разрешили лишь через пять лет, в 1211 году. Любимая хижина в Ёсимицу успела без присмотра обветшать, и Хонэн решил перебраться в Отани, где сегодня расположен храм Сэйсидо (также на территории Тион-ина, см. выше). Здесь, уже будучи больным стариком, он по просьбе одного из своих верных учеников, Гэнти, излагает на бумаге принципы Нембуцу. Суть принципов сводилась к фразе: «Не делай вид, что мудр, просто целенаправленно пой Нембуцу».

Умер Хонэн в двадцать пятый день первого месяца 1212 года в возрасте восьмидесяти лет.

Ученики построили могилу рядом с тем местом, где медитировал их учитель, однако через пятнадцать лет её благополучно разрушили монахи-воины с горы Хиэй. Тогда ученики решили кремировать его останки. Упомянутый выше Гэнти реставрировал могилу,

куда и поместили урну с прахом. Тот же Гэнти этим благодеянием не ограничился. Он отстроил Буцудэн (Зал Будды), Миэйдо и главные ворота – Санмон, а весь получившийся комплекс назвал Тион-ин Отани-дэра. Хонэн стал его посмертным хозяином. Считается, что название Тион-ин происходит от слова «тионко», которым обозначалась особая служба в честь почившего основателя.

На этом, правда, история не заканчивается.

Главным храмом Дзёдо Тион-ин становится лишь в конце эры Муромати, а расширению до нынешних размеров подвергается в период правления клана Токугава, то есть примерно триста лет спустя. Начиная с Токугавы Иэясу, первого сёгуна этого великого рода, его потомки находили в учении Дзёдо ответы на свои вопросы, а когда мать Иэясу умерла, её отпевали именно в Тион-ин. Чтобы мать в Посмертии точно оказалась в Нирване, Иэясу и начал вкладываться в благоустройство комплекса. И хотя впоследствии многие здания разрушались пожарами, всегда находились люди, которые на протяжении восьми столетий их бережно восстанавливали, чем сохранили дух Хонэна и продлили благодать до наших дней.

Весь план комплекса, расположенного на нескольких уровнях вдоль склона горы, вы можете внимательно рассмотреть на большой деревянной доске, выставленной при выходе из парка Маруяма. Можете его не фотографировать и не запоминать наизусть, потому что чуть дальше вы его получите в виде удобной брошюрки. Только не отставайте от меня, чтобы не заблудиться. Потому что я уже с нетерпением устремляюсь к проступающим из-за зелени огромным воротам Санмон.

Ворота эти были воздвигнуты (иначе и не скажешь) при втором сёгуне, Токугаве Хидэтада, в 1621 году. Бурая деревянная громада поднимается на высоту 24 метра, имеет в длину (или ширину, как хотите) 50 метров и считается одними из самых больших существующих деревянных ворот в Японии.

В отличие от тех ворот, что мы с вами увидим завтра, на эти просто так подниматься не разрешают, даже за плату. А посмотреть, говорят, есть на что. В одной зале надвратной башни сидит Будда Шакьямуни в окружении своих шестнадцати учеников. Потолок и стены расписаны золотом и изображают небесных дев и летающих драконов.

Где-то там же расположено одно из «7 чудес Тион-ин»: два деревянных гроба Гоби Кинуэмона и его жены, которые по распоряжению сёгуна, собственно, и отвечали за строительство ворот. Обоих можно увидеть и сегодня: в виде деревянных раскрашенных статуэток, которые они сами же и сделали, после чего на одном дыхании построили ворота, а потом покончили жизнь самоубийством, символизируя тем самым, вероятно, что отдали работе всю свою энергию.

Пройдя мимо Санмон, обратите внимание на маленький домик справа. Не только потому, что в нём можно подкрепить силы из вендерного автомата или справить нужду, но и потому, что здесь находится окошко кассы. Вход на территорию комплекса бесплатный, однако я рекомендую вам без печали расстаться с тремя сотнями йен и получить билет на посещение находящийся здесь же, за забором, дзэнский сад Юдзэнэн.

Собственно, это два садика в одном. Один с прудом посередине, другой – «сухой». Оба были разбиты здесь недавно, в 1954 году, в честь 300-летнего юбилея Миядзаки Юдзэна, который придумал особый стиль окраски шёлка, названный впоследствии его именем. Позеленевшую от патины статую сидящего в медитирующей позе Юдзэна можно увидеть на стыке садов. Посреди прудика на каменной восьмигранной стеле установлена маленькая статуя Будды в традиционном нимбе. Лично на меня особое впечатление произвели здоровые замшелые камни почти прямоугольной формы, лежащие, как в мягких постелях, прямо посреди коротко стриженных зелёных кустов.

Посетителей в саду было совсем не много. Почему-то моё внимание привлекла сидевшая на скамейке пара европейцев. Он был явно старше её, но при этом она явно видела в нём не отца, а возлюбленного. Иностранцев в Японии видно издалека, поэтому свой интерес я отнёс именно к этому обстоятельству.

После посещения сада меня ждало лёгкое разочарование. Поднявшись по лестнице на просторную площадь, я обнаружил, что центр комплекса, здание Миэйдо, закрыта от взглядов посетителей бурыми тканями, под которыми шла реставрация. Впоследствии я выяснил, что закончиться она должна в 2019 году. Так что если для вас это уже пройденная дата, смело поезжайте в Киото, ищите Тион-ин и исследуйте Миэйдо, благо он того стоит.

Получил он своё название от слова «миэй», что означает «священный образ». В данном случае, как вы понимаете, речь идёт об образе основателя секты – Хонэна. По периметру здание занимает площадь 35 на 45 метров и заключает в себе зал для главных молитвенных церемоний.

Атмосфера здесь царила сегодня будничная, человек, похожий на полицейского, с грустным видом исполнял роль регулировщика для подъезжающих неизвестно какими путями строительных машин, люди буднично проходили мимо, и я решил присоединиться к тем, кто сел передохнуть в тени веранды, уставленной опять же вендорными автоматами.

Обычно я избегаю пить что бы то ни было из жестяных банок. Не знаю, что заставило меня изменить своей привычке, но в этот раз я почему-то отдал предпочтение белой жестянке с зелёным ри-

сунком. В руке она чувствовалась ледяной, а на вкус – восхитительно утоляющей жажду. Присмотревшись к надписям и рисункам, я понял, что в ней находится странное для нас сочетание виноградного сока с алоэ. Причём алоэ было самое настоящее, выныривающее из банки в рот мелкими сладенькими кусочками.

Передохнув, я сверился с планом местности, полученным вместе с билетом в сад Юдзэнэн, и решил, что умнее будет воспользоваться правилом правой руки. Ну, знаете, есть такие правила левой или правой руки, которыми следует пользоваться, когда попадаешь в незнакомое место, например, в лабиринт. Если не метаться по тоннелям и бессистемно не сворачивать то в один коридор, то в другой, а последовательно держаться одной-единственной стены (левой или правой), в результате вы либо обойдёте все, либо, если отчаялись, всегда сможете повернуть и возвратиться к началу.

Первой на моём пути достопримечательностью оказалась колокольня Дайсоро. К ней, имейте в виду, нужно подниматься по довольно длинной лестнице (справа по ходу). Стоит оно того или нет, судите сами.

На маленькой площадке, возле которой лестница заканчивается и дальше которой прохода нет, внутри деревянной беседки, больше похожей на могучего восьминогого слона, висит серо-зелёный колокол. При высоте 3,3 метра и диаметре 2,7 метра весит он 70 тонн. Отлили его в 1636 году. По легенде, сколько ни старались мастера, они не могли сделать достаточно прочную для него цепь. Однажды на службу в Тион-ин пришли двое кузнецов, Мурамаса и Масамунэ. Прознав о трудностях с колоколом, они объединили свои усилия и в итоге выковали нужную цепь. Только тогда колокол удалось впервые повесить.

Пользуются царь-колоколом дважды в год: в день поминовения Хонэна (в апреле) и в канун нового года, когда команда из 16 помощников и одного начальника-звонаря бьют в него 108 раз[56]. Голос колокола над зимним Киото считается одним из самых поэтических здешних звуков.

Чтобы пройти дальше, нужно опять спускаться по той же лестнице, сворачивать направо (вы ещё не забыли про правило правой руки) и снова идти вдоль коричневых лесов, вернее, ткани, их обтягивающей. Кстати, записывая сейчас эти строки, я внимательно

---

[56] Священное число во многих религиях. Достаточно сказать, что роспись с драконами-близнецами, которую вы видели на потолке Зала Дхармы в храме Кэнниндзи, занимает площадь, равную 108 татами.

присмотрелся к плану (с японскими подписями, но с доходчивыми иллюстрациями) и обнаружил, что отмеченная на нём площадь реконструкции Миэйдо чуть ли не в четыре раза больше самого здания. Зачем они так поступили, не знаю, но строителям виднее. Между прочим, иностранцы, живущие в Японии, отмечают, с каким потрясающим коэффициентом полезного действия трудятся местные строители. Предполагаю, что не только они.

А дальше – это значит опять по лестнице. Только уже по другой, весьма длинной и крутой, зажатой между двумя белыми глинобитными стенами. Подозреваю, что именно на ней снималась сцена из фильма «Последний самурай», когда Том Круз с двумя своими американскими спутниками поднимается во дворец императора на первую аудиенцию. Могу, конечно, ошибиться, но доподлинно известно, что некоторые сцены снимались именно в Тион-ине. Хотя на 99% Японию в фильме представляла Новая Зеландия.

У подножья лестницы стоит бронзовый монах в довольно пышном одеянии, с широченными раздувающимися рукавами, в стоптанных сандалиях и с умиротворённым покоем на почти спящем лице. Из сложенных на груди ладоней свисают чётки. Не считал, но уверен, что в них ровно 108 горошин. Надписи, как я уже упоминал, всюду сделаны иероглифами, так что можно лишь

справедливо догадываться, что это не кто иной как Хонэн, тем более что впереди (точнее, наверху) нас с вами ждёт его мавзолей. Интересно, что на пьедестале под монахом почти незаметная односложная надпись большим шрифтом, а вот чтобы узнать подробности, нужно зайти ему за спину: с тыла на пьедестале написано гораздо больше.

Преодолев подъём, я снова оказался на площадке. Слева стоял большой бело-коричневый терем, а впереди была – ещё одна лестница, правда, судя по плану, последняя на сегодня. Она вела метров на десять в высоту, к двум одинаковым деревянным беседкам, утопающим в разноцветных кустах. Мавзолей (Гобьё) безошибочно чувствовался именно там.

Предприняв решающий марш-бросок, я вышел к первой беседке и обнаружил, что она перекрывает подступы ко второй. Здесь на идеальной глади пола молча сидели на коленках две женщины-прихожанки в похожих синих кофточках и лежали ровными рядами на подушечках большие деревянные колотушки, напоминающие гири с выдолбленными внутренностями и узкой прорезью внизу. Заметив меня, женщины вышли из лёгкого оцепененья и взглядом пригласили присоединиться к ним. Я скромно отказался.

Отсюда открывался неплохой вид на лежащий в долине Киото, и я сделал несколько снимков, а потом бочком-бочком спустился вниз[57], прислушиваясь к своим ощущениям.

Должен признаться, что большую часть из того, что вы только что прочитали, сам я узнал гораздо позже, уже по приезде в Москву и приступив к написанию этой книги. В этом нет и не должно быть ничего странного и необычного. Нельзя знать всё. Хотя бы потому, что если подготовиться «на все 100», поездка может оказаться разочарованием или просто утратить остроту новизны. Поэтому я

[57] Простите за мой англицизм, поскольку спуститься можно только вниз, но уж больно глубоко за годы репетиторства во мне прижились всякие английские наречные частички типа *up*, *down, onto* и т.п.

обычно к ней, разумеется, готовлюсь, но лишь настолько, чтобы понимать, где я оказываюсь и чего нельзя не посмотреть, а уж что до деталей, то их, на мой взгляд, гораздо интереснее разбирать и исследовать задним числом, когда можешь живо сопоставлять информацию с увиденным, а не воображаемым.

Перед мавзолеем

Поэтому дальнейшими моими действиями руководил не расчет, а столь любимая мною интуиция, точнее, ощущение, что почему-то поступаешь правильно. Ну, спрашивается, зачем в тот день, уставший от восхождения и впечатлений, я не пошёл дальше по плану, прочерченному в брошюрке, а задержался на площадке под мавзолеем и тем на долгие годы определил свою дальнейшую судьбу?

Что за ересь я несу? А вот послушайте, как иногда бывает…

На голубой железной лавочке сидела юная упитанная японка в дурацкой круглой шляпке, в очках и с косичками, погружённая в чтение чего-то, что лежало у неё на коленях. Рядом стоял черный рюкзачок в красно-белый горошек из карточных мастей.

Не знаю, может быть, именно её отстранённый вид произвёл на меня столь умиротворяющее впечатление, однако я обнаружил, что иду мимо неё к замеченному ранее бело-коричневому зданию, но не вхожу внутрь, а обхожу справа, где навес крыши чуть ли не упи-

рается в склон горы с вознесённым над ним мавзолеем, и замечаю впереди ещё две такие же железные скамейки. Узкий проход между горой и храмом продувается лёгким ветерком, всюду царит блаженная тень, и я понимаю, что сейчас должен здесь сесть и передохнуть. Причём совершенно неважно, уйдёт у меня на это десять минут или несколько часов…

Существует идиотский вопрос, который задают всем и все, кому ни лень. Скажите, что такое счастье? Как вы понимаете счастье? Вы когда-нибудь были счастливы? Не знаю, как вы, а я на подобный интерес затрудняюсь ответить что-либо внятное. Это примерно так же безысходно, как пытаться определить Любовь. Она ведь всегда разная. Вы не замечали? Те чувства, которые мы испытываем к понравившейся нам девушке, к жене, к дурашливому щенку, к родителям, к собственным детям – они все подпадают под вышеуказанное определение, но согласитесь: все они совершенно разной природы и затрагивают в нас разные душевные струны. Вероятно, то же происходит и с чувством, называемым Счастьем. Кто-то обретает его на вершине Гималаев, кто-то в полёте на параплане, кто-то под свадебным венцом, кто-то в возне на дачном участке, кто-то в смехе выздоровевшего ребёнка, кто-то в долгожданном поцелуе – вы сами лучше знаете. Я же знаю, что абсолютно осязаемым ощущение счастья стало для меня тогда, когда я сел на лавку, привалился спиной к деревянной стене, вытянул ноги, шурша серой галькой, запрокинулся и стал бездумно вглядываться в синеву высокого неба, протянувшегося узкой полоской между склоном горы и козырьком крыши.

Слева от меня находился второй вход в тот же храм. Там сидели двое пожилых смотрителей и беззвучно о чём-то переговаривались.

Дальше был виден проход, за которым проглядывали маленькие каменные стелы, свидетельствовавшие о том, что там расположено очередное кладбище.

Иногда со стороны кладбища раздавался шорох гальки, и мимо меня проходил молодой японец с огромным тюком только что срезанной травы за спиной. На ногах у него были кожаные сапожки с раздвоенными пальцами, как у киношных ниндзя.

В сторону кладбища прошла стайка школьниц.

Я всё сидел, скользя взглядом по склону и небу и внутренне улыбаясь.

Школьницы с радостным повизгиванием пробежали обратно.

Ничто из происходящего вокруг не выводило меня из состояния покоя и настоящего блаженства.

В один из тех долгих моментов, когда вокруг никого не было, я встал, поставил фотоаппарат на соседнюю скамейку и сфотографировал себя на память. После чего продолжил праздно сидеть, пропитываясь нечаянными ощущениями.

А потом пришло объяснение.

Чей-то голос внутри меня отчётливо и спокойно так заметил:

- Сегодня половина твоей жизни.

Как бы внезапно это ни прозвучало, я сразу же поверил, что так оно и есть.

Не скажу, что откровение огорчило меня. Когда-то давно я сам отвёл себе 95 лет жизни, а тут мне сообщили, что я проживу 93. Разница невелика, зато свежие данные получены из достоверного источника, находящегося не в моей остывающей после горячего японского солнца голове, а явно где-то вовне. Кроме того, если это ровно середина жизни, нетрудно подсчитать, сколько дней я прожил до этого, из суммы вычесть один, прибавить результат к текущей дате и получить точный день своего следующего перехода в Посмертие. Что я и сделал на досуге, когда добрался до компьютера, так что в моём лице вы теперь можете видеть одного из доволь-

но редких людей, которые наверняка знают, когда именно их не станет. И не со слов гадалки, не в связи с какими-то побочными явлениями («смерть обретёшь от коня своего», «избегай светловолосого человека», «помрёшь от водки» и т.д.), а совершенно чётко, внятно и, если так можно выразиться, из первоисточника.

Первым делом я позвонил домой.

Голос оставшейся там во избежании страшной лучевой болезни жены звучал бодро, так что я весело поделился с ней новостью и, похоже, не удивил. Женщинам, как вы наверняка слышали, по жизни положено интуичить. Моя Алина, например, когда нашему первенцу исполнилось около года, заговорила о том, что ощущает в квартире присутствие постороннего существа. Причём уточнила, что, судя по всему, женского. Не улыбайтесь, речь вовсе не о том, о чём вы подумали. В подтверждении её слов через несколько дней после того разговора сын стоял как-то вечером на пошатывающихся ножках и долго смотрел за дверь, в пустую комнату. Потом поднял пальчик, показывая мне на что-то, и пролопотал:

- Тётя.

Примерно в те же несколько недель произошёл ещё более из ряда вон выходящий случай. Я сидел в кресле посреди гостиной и смотрел телевизор (когда-то я это делал, во что сейчас даже поверить трудно), сын доел из пластмассовой баночки йогурт и не нашёл ничего лучшего, как запустить ею в расслабленного папу. Я точно слышал лёгкий удар о кресло, спохватился, что остатки йогурта могут его попачкать, пошарил вокруг, но ничего не нашёл. Не нашёл я баночку и тогда, когда встал и заглянул во все щели, под подлокотники, под кресло, за соседний холодильник. Баночка не нашлась даже тогда, когда через несколько лет мы переезжали в другую квартиру и забирали всю мебель.

Уверен, что многим из вас тоже есть что рассказать на тему иррационального и необъяснимого, о чём мы в суете часто просто забываем и что наш надсмотрщик-мозг с максимально задействованным левым полушарием и почти отсечённым правым считает недостойным нам сообщать. Ведь вы же понимаете, что наши глаза видят, а уши слышат далеко не всё, что происходит вокруг нас. Кошки с собаками – те видят и слышат, отчего часто реагируют неадекватно на окружающее, маленькие дети, не оторванные от информационного поля всякими УЗИ и прививками, тоже некоторое

время улавливают, но в целом мы с вами, если уж совсем на прямоту, слепы.

Потому что на самом деле видим мы не глазами, а слышим не ушами. Да, вибрации энергии проходят через глаза и уши, но интерпретирует их в картины и звуки тот самый фильтр, который мы называем мозгом. По сути же это подобие компьютерного процессора, который можно перепрограммировать и таким образом менять нашу с вами реальность. Гипнотизёры справляются с этим довольно легко. Иначе как объяснить, что люди на сеансах десятки минут сидят в ледяной ванне, в которую при «нормальном» состоянии отваживаются опустить руку лишь на несколько секунд, обжигаясь холодом. Или обретают возможность видеть через твёрдые предметы. Или, наоборот, видят в помещении всех, кроме того человека, на которого указал гипнотизер, будь то хоть родная дочь испытуемого, стоящая тут же, перед ним. Мир, друзья мои, не такой, каким мы его себе (или нам его) нарисовали. Что происходит за пределами ультрафиолетового и инфракрасного спектра вибраций, мы, увы, не знаем, сколько бы кто ни спорил и ни доказывал обратное.

Вам наверняка приходилось слышать о «тёмном веществе», которым, оказывается, полна наша вселенная. Причём этот термин в последние годы взяли на вооружение так называемые учёные, которые пишут официальные учебники и выступают на серьёзных конференциях. Необходимость в его введении, как я понимаю, возникла из-за невозможности объяснить многие основополагающие явления глобального масштаба. Этого самого вещества во вселенной порядка 95%. Ещё где-то 4,5% приходится на обычное несветящееся вещество (земли, астероиды и т.п.). Остальные 0,5% вселенской энергии заняты обычным светящимся веществом (звезды, солнца[58] и т.п.). Так вот, электромагнитный спектр, в котором мы живём, занимает смехотворные 0,005%[59]. А мы, как я уже заметил, воспринимаем лишь крохотную часть этой части. И при этом утверждаем, что чего-то «не может быть, потому что не может быть никогда».

Призываю вас не к праведному спору (поскольку никогда не ставлю перед собой задачу кого-нибудь убедить или, того хуже, пе-

---

[58] То есть, звёзды с планетными системами, вроде нашего Ярилы.

[59] Только не бросайтесь сразу к калькулятору и не возмущайтесь, что в сумме получается больше 100%. Вопрос тут, как вы должны понимать, не в точных цифрах, а в пропорциях.

реубедить), а лишь к спокойным раздумьям. Если вы внутренне сможете согласиться с вышеизложенными доводами и перестанете считать своё нынешнее состояние «сна наяву» единственной и нерушимой реальностью, я предложу вам подумать дальше и осознать (понять и осознать – вещи совершенно разные), что тот мир, который мы наблюдаем и о котором узнаём из доступных источников, будь то учебники, книги, интернет или, не дай бог, телевидение, в действительности устроен совершенно не так, как нам дружно представляется. И касается это буквально всех сторон жизни. К примеру, когда я пишу эти строки, где-то за окнами обывательский мир раскололся вокруг вопроса Украины, Крыма, правительств, врагов России, предателей и т.п. Внешне взрослые и умные люди на полном серьёзе спорят о том, что шито белыми нитками, а потому будет очень скоро забыто, как забыты злые розыгрыши банков, лишавшие людей под чистую вкладов, как забывается буквально всё, что вообще-то происходит с нами для того, чтобы остаться если не воспоминанием, то столь нужным опытом. Нет, не понимают! По-прежнему идут в банки, открывают там счета, берут ссуды, теряют здоровье, квартиры, время и жизнь на никчёмных *раб*отах, сбиваются с толку, всего боятся, ничего не замечают и в итоге вместо следов в этом мире оставляют после себя лишь цифири статистики: родился тогда-то, умер тогда-то. При этом если я сейчас скажу, что правы те, кто говорят «Моя хата с краю», большинство меня слышащих зацыкает и загундосит, потому что нас всех учили, что это неправильная позиция.

А если на минуточку помолчать, подумать и решить, кто сказал, что неправильная? Представьте, что вам говорят, мол, Афганистан – наш друг, мы должны ему помогать, хватай ружьё, побежали дружно. А никто не берёт и не бежит. Давай, бей морду за Украину! Защищай Белый дом! Голосуй, а то проиграешь! А никто не бьёт, не защищает и не голосует. Причём ни с одной, ни с другой стороны. Вместо этого все спокойно трудятся на благо не эфемерной идеи свыше, будь то Родина, или народ, или «правительство» или «демократия», а исключительно ради своей собственной семьи, в которой растут здоровые дети, чтобы старикам-родителям на склоне лет даже в голову не пришло думать о какой-то подачке, называемой пенсией, которой никогда раньше в России и не было, кроме как у людей служилых, то бишь военных. Но кому-то (сделаем вид, что не догадываемся) выгодно, чтобы «Моя хата с краю» счи-

талась гадким проявлением эгоизма. Хотя в мировую историю вошёл Махатма Ганди, пропагандировавший именно такое отношение к английским колонистам, что называлось «политикой неповиновенья», в результате которой пусть лишь формально, но империя распалась.

Или другой глупый пример. Откуда мы взяли, что земля состоит из ядра, магмы и коры? Извините, но глубже 12 с хвостиком километров никто в неё не проникал, а когда эта отметка была на Кольском полуострове достигнута, из дырки донеслись какие-то такие нехорошие звуки, что лавочку быстро прикрыли (под предлогом обрыва буровой колонны) и больше так «глубоко» в кору не тыкались. Так вот, знаем мы про ядро и прочее из учебников. А откуда там взялись эти красивые трёхмерные картинки разрезанного шарика? Да был в Америке один вроде бы учёный, который сделал такое предположение. Пока никто почему-то не опроверг, вот и пошла его теория в умы подрастающего поколения[60].

А предельно простой и понятный круговорот воды в природе? Помните: вода-пар-тучи-осадки-вода. Но только почему-то над океанами в тёплых странах, где вода должна особенно охотно испаряться и собираться в тучи, этих самых туч почти нет. Чистое небо там. Не были, не замечали? Тогда взгляните на фотографии, сделанные с пляжей. А тучи в большом количестве ходят по небосклону над континентами, да ещё в таких холодных широтах, где про испарение как-то и говорить не хочется. В чём дело? Для начала попробуйте найти таблицу товарища Менделеева. Только не ту, которую сегодня печатают опять же в учебниках, а ту, которую Дмитрий Иванович изобразил собственноручно и которая была опубликована, скажем, в 1906 году. Если нынешняя начинается с ряда 1 и группы 1, то та начиналась с ряда 0 и группы 0, а в ячейке 0-0 стоял некий Ньютоний, наилегчайший из газов, который во все времена вплоть до появления специальной теории относительности и создания квантово-механической модели атома называли словом «эфир». И ведь что интересно. Считается, что Менделеев чуть ли не сам понял свою «ошибку», что никакого эфира нет и быть не может (а как же «тёмное вещество»?), однако попробуйте назвать хоть одно реальное, не теоретическое достижение науки и техники, осно-

[60] Хотя бы ради интереса почитайте на эту тему тот же Интернет. Вы удивитесь, если задумаетесь, что скрывается под фразами типа: «вся информация получена косвенными геофизическими или геохимическими методами», «предположил», «высчитал», «основываясь на гипотезе» и т.п.

ванное на теории относительности или на квантовой механике, и вам придётся очень надолго задуматься. Зато эфир по-прежнему окружает нас повсюду: «Мы в прямом эфире», «Он запретил эфир этой передачи», «Дайте-ка мне эфирное масло». А известные лишь в очень узких кругах учёные, русские, которые изучают и знают природу «несуществующего» эфира, сегодня за очень большие деньги нарасхват в погибающей от непогоды и дефицита стратегического сырья Америке. Потому что когда Курчатову не хватало плутония для производства столь необходимой для паритета сил атомной бомбы, эти же самые специалисты в спешном порядке отыскивали пласты его залегания… по местам формирования облаков. Потому что именно эфиры собираются в облака, а вовсе не мизерные водные испарения.

Такой же дурдом творится с теорией климата в целом. То есть, тех изменений, которые недавно ещё называли «глобальным потеплением». Пока не ударили морозы. Перестроились. Теперь это просто «глобальные климатические изменения». А в чём причина-то, эй, господа хорошие? Или вы нас так до гроба непонятками пугать будете? А причина, оказывается, всего лишь в том, что замерами температуры официальная наука занялась где-то в XVII-XVIII веках. Помните старых фламандских мастеров живописи, на полотнах которых люди катаются по замёрзшим каналам на коньках? Правильно, потому что тогда стоял период, который нынче можно назвать «малым обледенением». А потому если плясать в замерах от той холодной печки, то получается, что мы живём во время более тёплое, что само по себе неплохо (если этим, конечно, не пугать). Зато если заглянуть чуть дальше этого «малого обледенения», где-нибудь век в X, то быстро выяснится: было тогда настолько тепло, что викинги, в частности, на полном серьёзе назвали нынешнюю обледеневшую Гренландию «Зелёной землёй» (*Greenland*). Выходит, всё повторяется со вполне просчитываемой периодичностью, причём периодичность эта зависит вовсе не от «страшных» выбросов современной цивилизации (процент которых составляет в совокупности то же, что испарения воды в формировании облаков), а всего-навсего (кто бы мог подумать!) от излучений Солнца. Помните, как не так давно астрономы с удивлением и радостью констатировали, что на его поверхности полностью рассосались тёмные пятна? И после этого сразу заговорили о потеплении. Вывод напрашивается сам: когда лет через 500 пятна вернутся, народ в Ев-

ропе (если она к тому времени ещё сохранится) начнёт основательно подмерзать.

И наша нефть их не спасёт. Про неё я тут даже говорить не хочу. Потому что вы все прекрасно знаете знаменитую страшилку, оплачиваемую нефтяными фирмами: нефти скоро не останется, а потому она уже сегодня такая дорогая. Это, мягко говоря, неверно. Потому что нефть есть субстанция органическая и при этом довольно быстро возобновляемая. Звучит примерно так же, как рассуждение о том, что нынешние 7 миллиардов населения земли – это такое полчище, которое никогда себя не прокормит, а потому надо делать карьеру, а не детей, не жениться и не выходить замуж, а уж если жениться, то на мужчине, а если замуж, что за женщину. Меня же как-то угораздило почитать отчёты учёных, которых никогда не пустят на официальную трибуну, потому что приведённые в этих отчётах факты говорили о том, что на земле совершенно спокойно может уместиться не 7, не 70, а порядка 260 миллиардов людей. Разумеется, если их не убивать прививками, ГМО-шными продуктами и нездоровыми выхлопами заводов, автомобилей и самолётов и позволить выращивать и употреблять становящиеся диковинкой органические продукты, равно как и природную энергию того же эфира и электромагнитных полей, разработки в области которой доносятся до нас как нечто нереальное, жутко затратное и в итоге, разумеется, неэффективное.

Как я уже сказал, мне совершенно всё равно, что вы по этому поводу думаете, мои добрые, умные и понятливые читатели. Я не спорю и не отстаиваю свою точку зрения. Если же паче чаяния эти строки читают школьники, ещё только вступающие на минное поле науки в частности и жизни в целом, то им я могу посоветовать тот же способ, который предложил собственным сыновьям. Конечно, не стоит делать глупости против ветра и спорить с учителями. Но если в учебниках, за «знание» которых вам ставят оценки и могут этими оценками испохабить ваше будущее, сказано, что скорость света равна 300 000 км/с[61], что славяне были язычниками, жили в лесах, а жён сжигали на кострах вместе с покойными мужьями, что земля совершенно определённо состоит из ядра и всего остального, что круговорот воды в природе происходит именно так, а не иначе, и что растения, оказывается, вырабатывают углерод (не смейтесь,

[61] Забывая подчеркнуть, что это его «средняя» скорость, т.к. на самом деле в зависимости от многих обстоятельств она может варьироваться в пределах 200-400 тысяч км/с.

моему пятикласснику снизили оценку за то, что он этого не «знал»), то ваши действия, дорогие дети, должны быть весьма просты и невинны: отвечая в классе на вопросы о том, что белое – это чёрное, а чёрное, несомненно, белое, просто не забывайте начать с фразы типа «как сказано в учебнике таком-то» или хотя бы «считается, что…», «говорят, что…». Главное, чтобы выдаваемые за оценку сведения были не вашим собственным бредом, а имели вполне определённого автора.

Поверьте, я совсем не тот человек, которого нужно убеждать в том, что Гитлер никакого отношения не имеет к Соломону Ротшильду, что наш уважаемый президент (фамилию впишите сами, поскольку она, по сути, не имеет значения) на свой собственный страх и риск управляет страной[62], что «исконно русское» пьянство, курение и отмечание нового года в день обрезания Иисуса не имеют никакого отношения к Петру I, что слово «демократия» не переводится с греческого как «власть рабовладельцев»[63], что безграмотный ростовщик по фамилии Шекспир написал свои бессмертные творения, что человек уже был на Луне и скоро полетит на Марс, не обращая ни малейшего внимания на радиационный пояс Ван Аллена, что знаменитый Стоунхендж не перестраивался в 1950-х годах[64], что Китайская стена видна из космоса и была построена в великой китайской древности[65], что «этрусское не читается»[66], что никаких призраков не существует, а живём мы всего лишь раз.

Просто я тихонько кладу на камушек свои вышеперечисленные соображения, зажигаю рядом свечку сомнения и предлагаю любому путнику посидеть и просто подумать со здоровым скепсисом обо всём том, что мы с вами так или иначе об этой жизни знаем. Откуда знаем? Что именно знаем? А если знаем, то как понимаем[67]?

---

[62] Кстати, не уверен, что то место, где родился и живёшь можно называть «страной», то есть местом, где странствуешь, которую минуешь, где всё кажется тебе странным, то есть чужим.

[63] Поскольку «власть народа» – это вообще-то «охлократия».

[64] Чему немало подтверждений в виде обычных фотографий, которые при желании можно легко найти в интернете.

[65] А отнюдь не «восстановлена» за железным занавесом товарища Мао.

[66] Если только этрусские надписи рассматривает человек, знающий старорусский.

[67] В качестве примера рассуждения можно взять строение атома, из которого состоит всё, что нас окружает – от газа, до камня. Сам атом состоит из ядра и электрона. Но если размеры ядра сопоставить с размером нашего Солнца, а электрона – с размером Земли, то расстояние между ними будет ещё больше, нежели расстояние между теми же Землёй и Солнцем. Вопрос: как из таких «расстояний» могут состоять твёрдые предметы типа камня? Если только не принимать во внимание то, что узнаём мы об их «твёрдости» не напрямую, а через фильтр-мозг. В компьютерных играх никаких предметов вообще не существует, но программа выводит их на экран, и мы в облике своего персонажа можем бегать по лестницам, ездить в автомо-

Потому что из всего вышеперечисленного лично для меня (последнее подчёркиваю, поскольку под свои знамёна не зову никого) картина нашего с вами существования за последнее время сложилась в совершенно понятный рисунок. В двух словах описать его можно так.

Единственной настоящей реальностью для человека оказывается та его сущность, которую кто-то называет искрой божьей, кто-то живатмой, кто-то ещё как-нибудь. По сути, это водитель в автомобиле. С тротуара мы видим «мэрсы» и «джипы» (наши биокомпьютерные тела), но забываем о том, что в каждом из них сидит ещё и водитель. Эта живатма не есть ни наш дух, ни тем более душа. Она есть наше Я, которое никуда не девается ни до, ни после смерти автомобиля. А поскольку существует она во всех возможных измерениях и существует одновременно, то мы не раз на своём веку испытываем странное ощущение дежавю – просто потому, что она пережила эту ситуацию в одной из параллельных реальностей. Именно через неё мы существуем в мире Нави, то есть в наших снах, точнее в некоторых из них, поскольку не все сны связаны с Навью. В данный конкретный автомобиль (или скафандр, если хотите), называемый Кириллом или ещё как-нибудь, она села лишь на время и с одной-единственной целью – ради получения опыта, то есть развития. Причём весь последующий её маршрут заранее определён свыше с таким расчётом, чтобы опыт был получен максимально полезный (не путать с приятным). Живатме в силу её нынешнего развития дана лишь возможность рулить, то есть выбирать из многообразия поворотов тот, который она считает правильным. Поэтому верно говорится, что важен не поступок, а наше отношение к нему. Те, кто обладают интуицией или даром предвидения, ясновидения, кто попадает не в автомобиль, а в трамвай и подпитывается информацией-энергией сверху, от «проводов», производят впечатление людей, знающих всё наперёд. Если не бояться этого, а пользоваться тем, что ещё в нас уцелело с тех времён, когда нас ещё не отрезали от вселенских «проводов» внедрением языка и главенством мозга (над сердцем), мы все в той или иной степени обладаем этим даром и на тонком уровне знаем, куда и как идём. Важно только подчиняться в выборе поступков, какими бы важными или мелкими они ни были, не надуманным законам, а тому, что

билях и плавать под водой, но при этом упираться в стены и заборы, которые являются таковыми лишь по воле создателей, эти игры писавших.

наравне с телом, душой и духом составляет наше свастическое единоначалие – совестью. В отличие от законов, совесть дана нам свыше. Правда, не всем. Не будем уточнять, но думаю, вы сами не раз встречали существ (тварей, т.е. сотворённых), внешне неотличимых от нас, но с явным отсутствием совести. По секрету скажу, что нет у них и духа (ибо «блаженны нищие духом»). Их-то и создал из тлена земного тот помощник богов, который появляется, скажем, во второй главе Бытия. Чтобы мы с вами не дремали. О том, как к ним был послан один длинноволосый (или лысый) товарищ, дабы познакомить их с совестью и духом и дабы «стали они, как дети малые», за что те его повесили (или распяли), я уже писал выше. Да и не я один.

Очень многие из нас верят в то, что всё, что делается, делается к лучшему. И правильно. Плохого опыта (как и плохой рекламы для циников) не бывает. По мере движения по жизни мы (я) приходим к выводу, что пейзаж за окнами и качество шоссе под колёсами зависят не столько от марки нашего автомобиля и даже не от мэра того города, который мы минуем, а от нас самих. При этом многое на пути как будто работает против нас. Другие машины норовят нас подрезать. Люди на дорогах то и дело выплёскивают в нашу сторону помои. Невидимая рука раньше времени гасит фонари и торопит темноту. Приходится лавировать между выбоинами и колдобинами. И тут важно понять (осознать), что наша задача – не обращать на это ни малейшего внимания. Мы ведь движемся, нам тепло и уютно, мотор, работающий на бесконечном топливе, уверенно ворчит, колёса крутятся, перспектива проглядывает, хоть и неявно, прошлое живо в памяти, но его уже нет, реально лишь то, что здесь и сейчас, и никакие мэры, вёдра, фонари и колдобины не лишат нас радости бытия. И тут происходит самое главное. Если мы достаточно настойчивы в своём непоколебимом оптимизме, если не бросаем в отчаянии руль, если не обращаем внимания на потуги людей с помоями, то постепенно, не сразу, но обязательно наступает момент, когда мы чувствуем, что мир вокруг нашей машины меняется и меняется в желаемую нами сторону. Цветов пока ещё под колёса не бросают, фонари предупредительно не зажигают, однако процесс пошёл, лёд тронулся, препятствий становится всё меньше. Сейчас вы читаете чёрные слова на белом фоне. Причём уверен, что у вас есть ощущение, что где-то вы всё это уже видели, кто-то вам нечто подобное уже говорил. Разумеется, прописные истины тем и не-

приметны, что они у нас под самым носом. Но ведь мы же устроены так, что готовы объездить полмира в поисках чего-то интересного, зато едва ли заглянем в соседний с нашим домом не менее занимательный музей. Просто потому, что он вон там, через дорогу, никуда не денется. Пора приучать себя замечать очевидное. Как бы нас от этого ни отучали.

Итак, я позвонил домой и в двух словах поведал о своих перспективах на ближайшие 46 лет. Что было воспринято с невидимой из Японии улыбкой и добродушным пониманием. Главное, что за мою отлучку на меня, похоже, не серчали, а к Киото не ревновали. Во всяком случае, явно.

Импровизированное *dolce far niente*[68] продолжалось ещё некоторое время, пока от моих раздумий меня не отвлекла слегка запыхавшаяся американская чета среднего возраста. Шедшая впереди женщина, завидев мою неподвижную позу, приободрилась и поинтересовалась:

- Простите, может ли такое быть, что вы говорите по-английски?

- До некоторой степени, - вежливо, хотя и без особой охоты отозвался я.

- Какое счастье! А то мы тут с мужем слегка заплутали и хотим отсюда выбраться. Вы похожи на здешнего. Не подскажете, если мы пойдём туда (она указала в сторону кладбища), там будет проход?

- Наверняка не знаю. Но, судя по тому, что за последние сто лет все, кто шёл туда, рано или поздно возвращались обратно, можно сделать вывод, что прохода там, увы, нет.

Американка оценила мой искромётный юмор и повелела мужу разворачиваться.

Тут мимо лавочки прошла та самая дама, которую я заметил в саду Юдзэнэн в обществе пожилого спутника. Сам он оказался тут же, причём, когда американка отошла, робко приблизился и с приятным британским акцентом вкрадчиво осведомился, не смогу ли я уделить ему две минуты своего драгоценного времени, на что получил мои искренние уверения в готовности это для него сделать.

---

[68] «Сладкое ничего не делание», как говорят понимающие в этом толк итальянцы.

Они, как оказалось, тоже искали выход с территории Тион-ин, чтобы попасть в расположенный чуть выше по склону храм Сёрэн-ин. Я охотно проявил чудеса дедукции и напомнил моему собеседнику, что когда он покупал билеты в Юдзэнэн, ему наверняка была дана вот такая же брошюрка с довольно точным планом местности. Джентльмен треснул себя по лбу и извинился за недостаток смекалки[69]. После чего сам слегка удивил меня, признавшись, что тоже немного знает русский, который использует в общении со своей спутницей. Видать, он всё-таки был достаточно внимателен, чтобы заметить при нашем разговоре лежащий у меня на коленях русскоязычный путеводитель «Дорлинг Киндерсли». Добавлю лишь, что внешне мой собеседник производил впечатление английского пастора в чёрной мантии и белом воротничке не самой первой свежести. Мы вежливо раскланялись. Русская дама безучастно ушла первой, не дожидаясь конца нашей учтивой беседы.

Бог любит троицу. А посему я совершенно не обратил внимания на молодую пару, тоже проигнорировавшую меня, потому что их интересом завладел ястребок, летавший высоко над мавзолеем, и юноша стал его в упоении фотографировать. При этом разговаривали они по-русски. Ни до, ни после этого я никого из сограждан за всю поездку по Японии не встречал.

Прежде чем мы с вами двинемся дальше, я теперь имею полное право пояснить, где же всё-таки на меня снизошло откровение, к которому японцы идут

[69] *Keenness of wit* по-английски.

путём монотонного чтения бесконечных сутр, задавания неразрешимых вопросов-коанов и всем тем, что рано или поздно приводит лишь некоторых из них к долгожданному просветлению – сатори.

За моей спиной всё это время находился упоминавшийся в связи с завещанием Хонэна храм Сэйсидо. Здесь изначально ютилась его келья для медитаций, и здесь он последний раз в жизни произнёс столь любимую им Нембуцу. Сегодня это старейшее на территории комплекса здание, построенное в 1530 году. В то время главной реликвией храма был образ самого Хонэна, однако, когда «реконструировали» храм Миэйдо, образ перебазировали в него, а на освободившееся место поставили бодхисатву Сэйси (которого в Индии называют коротким именем Махастамапрапта), поскольку именно этот бодхисатва считался изначальной формой Хонэна. Поэтому Сэйсидо известен ещё и как Хондзидо, то есть Зал Изначальной Формы. Над входом в него висит табличка, написанная самим императором Го-Нара и читающаяся как «Тионкьё-ин», откуда, говорят, и пошло общее название комплекса.

Вставал я с лавочки под монотонные и частые удары деревом о дерево. Звуки доносились сверху, от мавзолея. Разумеется, после пережитого и переосмысленного, я не поленился вновь подняться по лесенке и полюбопытствовать, что является их источником. Вместо двух женщин я обнаружил в первой беседке пожилого человечка в белой рубашке, с виду мирянина, который сидел на коленях и стучал палочкой по деревянной гирьке. При этом он что-то гнусаво тянул, но слов различить было невозможно.

Вероятно, настало время молебна, потому что когда я спустился обратно на средний уровень и обошёл Миэйдо с другой стороны, из-за тонких стен примыкавших к стройке храмов стала долетать грудная распевка монахов. Один из входов оказался открытым, я поспешил разуться и зашёл внутрь. Судя по плану, я находился в храме Хонэн-сёнин Мидо, построенном в 1635 году и предназначенном для тренировок послушников. В связи с реконструкцией Миэйдо сюда из последнего на это время были перенесены некоторые реликвии, включая образ основателя. Снимать внутри строго запрещалось.

В больших залах на татами сидели многочисленные прихожане. Вдоль стен рядами стояли бордовые тапочки для нежелающих ходить в носках. На специальных подставках лежали огромные чётки с горошинами размером с шар для боулинга.

Никому не мешая и не вызывая ничьих косых взглядов, я походил кругом и оказался в небольшом коридоре, где были выставлены на всеобщее обозрение два из семи чудес Тион-ина. В данном случае это были две кедровые двери-ширмы.

На одной художник изобразил кошку с котёнком. Уникальность кошки заключается в том, что откуда бы вы на неё ни смотрели, взгляд её близко посаженных глазок всегда устремлён точно на вас. Смысла тут содержится целых три. Человек должен постоянно смотреть вперёд. Таким образом, кошка оберегает своего детёныша, а человек – своего ребёнка. Наконец, в этом же заключается сочувствие Будды в жизни самого человека.

На другой был изображён куст белой хризантемы, а высоко над ней – четыре парящих в воздухе воробья. Чудо же заключается в том, что изначально было ещё несколько воробьёв, но художник настолько реалистично их запечатлел, что в один прекрасный день они взяли и улетели, оставив лишь слабо различимые следы краски.

Здесь же висела английская надпись, рассказывающая об остальных местных чудесах. Так, в частности, выяснилось, что сидящие в главных воротах муж с женой, их строители, покончили жизнь самоубийством не от потери последних сил, а из-за банального обвинения в растрате. Эх, вот бы древним японцам да в наши олимпийские Сочи!

Что ещё из чудес здесь можно будет увидеть и услышать, когда закончится строительство? Ну, например, 550 метров внутренних галерей, соединяющих Миэйдо с другими храмами, застланы соловьиными полами наподобие тех, которыми мы с вами скрипели в замке Нидзё. Чем осторожнее по ним идёшь, тем громче они пищат. Причём и скрип у них особый. Японцы различают в нём звуки «хо

кикэ йо», что означает «слушайте учения Будды» и служит живым укором тем, кто этой заповеди не соблюдает.

Под карнизом на юго-восточной части Миэйдо был найден засунутый между балками зонтик. По одной легенде его оставил там плотник Хидари Дзингоро. По другой – белый лис в качестве признательности за то, что строители не стали разорять его жильё. В любом случае зонтик решили не трогать, потому что он связан с водой и может служить талисманом от возможных пожаров.

В другом месте под потолочными балками запрятана целая двухметровая и тридцатикилограммовая лопата для возделывания рисовых полей. Говорят, она там с 1614 года. В японском языке «лопата» и «спасать» звучать одинаково – *сукуу*, так что данный экспонат также символизирует спасение человека через буддизм.

Наконец, последнее из семи чудес называется Огуречным камнем. Он лежит где-то на территории (я не нашёл да и не слишком рьяно искал) и знаменит тем, что на него когда-то опустился ками из соседнего храма Ясака, из-за чего на следующую ночь из камня стали расти огурцы. Считается, что камень этот был тут ещё до постройки Тион-ина.

Надеюсь, я не слишком измучил вас этой неожиданно длинной главой. Быть может, кому-то она покажется интересной, а кому-то даже полезной. Давайте теперь искать нашу оставленную при входе обувь и не спеша возвращаться уже знакомой дорогой через парк к оставленному в Гионе велосипеду. Путешествие по Киото продолжается.

***Глава XVII**, в которой мы поговорим об истоках театра кабуки, посетим Нандзэн-дзи и его жемчужину – Тэндзюан, и задумаемся о связи японских лесов и смертности*

Вечер того дня, в который передо мной приоткрылась завеса грядущего, прошёл весьма буднично. Сначала я долго колесил вдоль Камо-гавы, делясь беспричинным наслаждением с теми, кто в этот час решил посетить столь мирный и приветливый уголок города, будь то цапли, собаки на поводках, праздно сидящие и лежащие на лавочках студенты с книгами, терпеливые рыбаки или нетерпеливые дети в колясках. Как обычно в этом месте мне то и дело приходилось напоминать себе о том, что на дворе двадцать первый век (по молодому христианскому календарю, разумеется), а вокруг меня страна, ушедшая, по мнению многих, ещё дальше. Здесь все эти представления можно было смело скомкать и выбросить в корзину, поскольку на берегах Камо-гавы они не имеют ровным счётом никакого значения. И только мой фотоаппарат, снабжённый сегодня довольно мощным телевиком, невозмутимо делал своё дело.

Минуя в очередной раз мост Сидзё, я обратил внимание на стоящий тут же на берегу памятник женщине с мечом. Меч лежал у неё на плече, слегка придерживаемый левой рукой. В правой она держала раскрытый веер и вообще осанку имела гордую и независимую, что подчёркивалось складками почти мужского кимоно и традиционно уложенной причёской. Всё

это было бронзовым и зеленело благородной патиной.

Помните, мы с вами недавно гуляли по ночной улочке Понтотё и говорили о гейшах и театре кабуки. Так вот, перед нами сейчас именно та, кто считается родоначальницей этого искусства, и о ком я обещал вам рассказать особо.

Звали нашу героиню Окуни и с самого детства она жила при храме Идзумо, где вкалывал кузнецом её отец. Красота и природная грация помогли ей стать майко. Храмы, как и советские учреждения, любили устраивать субботники: монахов и прости… извините, гетер, то есть гейш и майко отправляли на заработки для общака. Окуни получила разнарядку в Киото, где ей предписывалось танцевать и петь песни.

Особенно удавался ей танец *нембуцу одори*, которым прославлялся Будда Амида и который стал особенно популярен в пору расцвета философии Чистой Земли. Правда, Окуни, говорят, умудрялась добавлять в танец похоти и эротизма, что не могло не нравиться зрителям. Тематика прочих её выступлений по большей части также касалась любви и любовных свиданий, особенно между проститутками и их клиентами. Юмор ниже пояса ценился всюду и во все времена. Поглазеть на диво собирались большие толпы народу. Благо местом для своих представлений Окуни избрала пустынные берега Камо-гавы. Популярность её стала столь высока, что когда храм послал ей уведомление, мол, командировка закончилась и пора возвращаться, она сделала вид, будто это её не касается, однако продолжала исполнительно высылать раздосадованным монахам проценты со сборов.

Шёл 1603 год. Окуни оказалась не только искусной эстрадной звездой, но и предприимчивой личностью. Из всевозможных женских отбросов тогдашнего дна она постепенно собрала для своих постановок целую труппу. Которая за понятную эксцентрику и социальный вызов обществу стала называться в народе словом «кабуки». Говорят, этимология его уходит корнями к глаголу *кабуку*, то есть «клониться в определённом направлении». Поначалу разыгрываемые представления были лишены какого-либо сюжета, носили характер какофонии, зато отличались громкостью и красочностью нарядов, что радовало если не слух, то глаз.

К радости зрителей актрисам труппы приходилось играть как женские, так и мужские роли. Сама Окуни предпочитала выступать в амплуа самураев или христианских (!) священников.

Удачное начинание было быстро подхвачено наблюдательными представительницами самой древней профессии, и скоро в Киото развелось немало сугубо женских коллективов, которые теперь назывались не иначе как *оннакабуки* (от японского слова «онна» - «женщина») или *Окуни кабуки* (по имени основательницы жанра).

Спонсором Окуни выступил некий Нагоя Сансабуро, который не только помогал деньгами, но и направлял советами. Считается, что именно благодаря ему в представлениях кабуки постепенно стало проступать драматическое начало. Этот процесс продолжился и после кончины прозорливого папика. Со временем молва об Окуни и её искусстве кабуки обошла всю Японию.

В 1610 году Окуни ушла со сцены. Куда – неизвестно. Годами её смерти называют и 1613, и 1640, и даже 1658. Что касается самих представлений, то с приходом нового сёгуна, Токугавы Иэмицу, и новой морали женщин с подмостков прогнали. Их место заняли юноши, однако стало только хуже, поскольку свято место пусто не бывает, и актёров тоже потянуло на панель. В итоге было решено, что играть в кабуки должны умудрённые летами старцы. Эта вынужденная традиция сохраняется вплоть до нашего времени.

Памятника Окуни удостоилась в 2002 году к 400-летнему юбилею кабуки. Если проследить за её взглядом, то на противоположной стороне Сидзё-дори можно увидеть впечатляющий фасад с острой крышей. Это местный театр кабуки – *Минами-дза*. Он старше токийского и осакского. Основанный в самом начале эпохи Эдо, он не раз перестраивался и сегодняшний импозантный вид приобрёл в 1929 году. Говорят, в нём сохранились все те сценические приспособления, которые были придуманы ещё в пору становления японского театрального искусства, как то крутящаяся сцена, люки с подъёмниками и подиум. Видимо, португальские моряки в портовых борделях подсказали, да простят меня отечественные театралы…

По возвращении в гостиницу, я собрался с мыслями и решил, что хочу сходить в кино. Отдохнуть от всего, включая велосипед, и именно сходить. Поэтому ареал поисков чего-нибудь достойного свёлся ко всё тому же рыночному переплетению улиц под другую сторону Оикэ.

Надо ли говорить, что в итоге меня ждало разочарование, правда, совершенно не горькое, поскольку с появлением возможности скачивать в интернете любые фильмы в любом разрешении, с лю-

бым звуком и смотреть их в любое удобное время на большом экране в мягких наушниках, передающих каждый шорох, надобность в посещении кинотеатров у меня сама собой отпала. Нет, не спорю, любители посидеть в несвежем зале и послушать, как рядом что-то жуют, наверное, никогда не переведутся, но лично для меня это так же несопоставимо, как сравнивать поход на бокс или футбол с наблюдением за происходящим на ринге или на поле глазами телекамер. Физических и материальных затрат меньше, а впечатлений гораздо больше. Так что, думаю, главного разочарования я в тот вечер всё-таки избежал, потому что ни в один из пары-тройки кинотеатров дальше фойе не зашёл. С красочных афиш на меня повсюду смотрели коллажи из западных фильмов. Моя же душа лежала к чему-нибудь, чего не увидишь «нигде, кроме». В своё время в Гонконге я тоже в кино не ходил, однако тамошняя реклама зазывала главным образом на местные, азиатские фильмы-катастрофы и боевики. В Японии же, похоже, настолько уверовали в то, что рай находится где-то к западу, что свои собственные творения всё больше игнорируют и жадно приобщаются к заморским. Надеюсь, я снова неправ, но мне в тот вечер именно так показалось.

Чтобы не уходить домой с пустыми руками, я заглянул в весело украшенный магазинчик, где рисовали и продавали карикатуры всевозможных стилей и жанров. Стоимость зависела от размеров и

цветности. Улыбчивая широколицая девушка неплохо говорила по-английски и оказалась и швецом, и жнецом и на дуде игрецом. Нарисовав за пятнадцать минут и за двадцать долларов мою бородатую физиономию, она обслужила меня на кассе, надёжно упаковала драгоценный лист, вывела меня за околицу (в поток идущих по ночной улице прохожих), поклонилась и с громкими благодарностями вручила свёрток. Зато я теперь знаю, как пишется японскими иероглифами моё имя.

На завтра мои планы были прозрачно ясными. Мне оставалось провести в Киото три дня. Исходя из этого, я решил распределить их следующим образом. В первый день поклониться Серебряному павильону и прогуляться Тропой философа, чтобы заодно окунуться в приятную теплоту ностальгических воспоминаний. Второй день провести вообще вне Киото: прокатиться в Нару. Наконец, третий день посвятить собиранию разрозненных впечатлений от того, что так или иначе осталось не увиденным в древней столице.

Ночь прошла без приключений, наступившее утро обещало очередной погожий денёк, я расторопно позавтракал и вывел из конюшни моего круглоногого мустанга.

Перекатившись через Камо-гаву по мосту Оикэ, я свернул налево, а потом на первом же повороте направо и выехал на спокойную и тихую в столь ранний час Ниомон-дори. В путешествии по

ней на восток нас скоро начинает сопровождать живописный канал, чьи утопающие в деревьях берега осень украсила золотыми и алыми красками. Подстать им только красно-чёрная дуга моста, поравнявшись с которым мы видим невдалеке слева огромные оранжевые тории. Если пройти под ними и продолжить путь строго на север, мы скоро окажемся возле того самого будокана, где я недавно рассматривал катаны и приценивался к сувенирам. Но вообще-то здесь расположен Муниципальный музей Киото. В котором я не имел ни малейшего желания тратить время.

После моста на другой стороне канала я заметил за высокой решёткой забора не менее высокую шею жирафа. К Муниципальному музею примыкает местный зоопарк. Не знаю, что я не люблю больше – зоопарки или цирки. Причём с детства. Вероятно потому, что оставляющие меня равнодушным животные, оказавшись в застенках, не вызывают ничего, кроме жалости и отвращения к жестоким детям, ради которых эти аттракционы главным образом и затеваются.

От грустных мыслей меня отвлекло квадратное озерцо с десятиструйным фонтаном, бившим прямо из-под воды. Здесь канал делал очередной поворот под прямым углом и предлагал поворачивать направо. Если бы не служившие фоном зелёные горы, озерцо, фонтан и объятые пламенеющими вьюнками белые павильончики неуловимо напоминали некоторые из видов ВДНХ (она же ВВЦ).

Это впечатление ещё больше упрочила появившаяся из-за кустов статуя. Непропорционально рукастый безликий рабочий с заткнутым за пояс молотком с усилием толкал перед собой пустой воздух. И рабочий и постамент в виде застывшей волны были пронзительно золотыми. Уже возвратясь в Москву, я выяснил, что творение это так и называется – *Къёдай-на Кагаяки*, что означает нечто вроде «Ослепительного гиганта». Таким образом неизвестный (мне) современный скульптор символически изобразил трудолюбие японских работяг, пробивших для родного Киото прямо через горы канал от далёкого озера Бива. Помните, я в начале этой книги упоминал про акведук? Скоро мы его с вами должны увидеть. А пока запаситесь терпением, потому что на пути нас ожидает первая остановка – храм Нандзэн-дзи.

Для разбега давайте уточним один момент, связанный с дзэнскими храмами Японии. Как вы помните, дзэн пришёл сюда из Китая. И из Китая же он принёс с собой весьма интересную и стойкую систему взаимопомощи (чуть было не написал «крышевания»), которая исторически носит в обеих странах название «Система пяти гор и десяти храмов»[70]. Название это обычно упрощается до «Системы пяти гор» (*Годзан* по-японски, а по-русски практически «Пятигорская система» какая-то получается), причём под «горами» собственно монастыри или храмы как раз и подразумеваются. Десять японских храмов были разделены поровну между Киото и Камакура, где тогда находилась ставка сёгуна, который и был больше остальных заинтересован в поддержании своей власти над страной

[70] Вообще считается, что в Китай она сама попала из Индии.

за счёт идеологии, проводниками которой, как вы догадались, эти монастыри и служили. Любая иерархия закладывает в свою основу принцип пирамиды. Так что ниже системы Годзан находилась система из десяти храмов попроще – *Дзиссецу*. Под ними располагалось нерегулируемое количество совсем обычных храмов – *Сёдзан*. Государство (сёгунат) их поддерживало (спонсировало), а они отвечали тем, что помогали продвигать в массы новые законы и призывали соблюдать старые. Фактически они были своеобразными министерствами и резидентурами на местах, сообщая наверх обо всех проявлениях неповиновения и т.п. Так вот, храм Нандзэн-дзи ни в Годзан, ни в Дзиссецу, ни в Сёдзан не входил. Он стоял выше.

Первым это живописное место у поросшего соснами подножья восточных гор облюбовал 90-й император Камэяма, который в 1264 году[71] построил здесь эдакую виллу для отдыха. Не прошло и двадцати лет, как ушедшему на покой императору стал досаждать некий беспокойный призрак. Возмущённый таким неуважением со стороны потусторонних сил, император обратился за помощью в расположенный на юго-востоке Киото храм Тофуку-дзи. Третий главный служитель храма с длинным именем Дайминкокуси[72] согласился призрака прогнать. Причём сделал он это без помощи чтения сутр, а просто приняв позу для сидячей медитации *дзадзэн*. На императора это произвело такое сильное впечатление, что он решил стать его учеником. И даже сменил своё мирское имя на скромное Хо-о, то есть Великий священник. После чего отдал распоряжение и виллу переоборудовать в дзэнский храм. Сам Дайминкокуси до этого знаменательного события не дожил. Сапожники и в Японии часто оказываются без сапог.

Время и пожары не пожалели Нандзэн-дзи. В эпоху Муромати он горел трижды: в 1394, 1448 и 1467 годы. Только с наступлением эпохи Момояма (1570-1600) здания были отстроены и в таком виде дошли до наших дней.

Память о Дайминкокуси, считающимся почётным основателем Нандзэн-дзи, всё же не сгинула и теперь живёт в одном из самых замечательных храмов не только этого комплекса, но и, на мой субъективный взгляд, всего Киото – *Тэндзюан*[73].

---

[71] В чём японцы не уверены, поскольку мне приходилось видеть и дату – 1267 год.
[72] Полное его имя было Дайминкокуси Муканфумон, так что иногда его просто называют Фумон.
[73] В моём фильме «Гармония и контрасты Японии» ему посвящена главка «Просто сад…».

Признаться, до приезда сюда я даже не подозревал о его существовании. В путеводителе мимоходом перечислялось несколько «малых храмов» из двенадцати, принадлежащих Нандзэн-дзи. Про Тэндзюан говорилось, что он «имеет изысканный сухой и небольшой пейзажный сады». Что заставило меня свернуть с тихой дорожки, которой я ехал по тому, что мы бы в Москве назвали парком, уже не помню. На фотографии, сделанной на том месте, запечатлена наклонившаяся над шоссе сосна. Слева – лаконичный указатель на японском со стрелкой.

Началось всё по обычному сценарию: разувание, поход в носках по идеально чистым и гладким доскам, невзрачный садик, засыпанный серой галькой с зелёными островками травы и карликовых деревьев. Фотографий сделал мало, видео почти не включал. Думал, всё, ничего особенного, пора двигаться дальше, к основному храму. Тут вижу, люди некоторые продевают ноги в маленькие красные тапочки-шлёпки и тихонько, бочком спускаются с веранды на выложенную плоскими камнями дорожку, уходящую куда-то вправо, за кусты. Интуиция в очередной раз подсказала, что от меня не убудет, если я последую их примеру.

Кстати, людей оказалось на удивление мало. Стоило мне сделать несколько шагов по направлению к деревянным воротцам с распахнутыми створками, как они все куда-то пропали. Или я просто перестал их замечать, поглощённый созерцанием того, что постепенно стало отрываться моему зачарованному взору.

Камни под тапочками имели то природную неровную форму, то чётко прямоугольную. В одном месте они даже лежали параллельно двумя полутораметровыми полосками со следами пилы и естественного скола одновременно. Уже одно это создавало впечатление вхождения во что-то загадочное.

Впереди появился первый прудик. Слева журчал срывающийся с каменной горки водопадик. Чуть сбоку от него, посреди водной глади стоял маленький «скворечник» с замшелой крышей. Из-под «скворечника» выплыл ленивый карп цвета японского (или английского, или польского, или датского) флага и ушёл на изумрудную глубину.

Через пруд можно было пройти по веренице из серых камней (разумеется, плоских, чтобы ненароком не соскользнуть в воду), держась за бамбуковые поручни. При всей необычности перехода под ноги смотреть не хотелось, поскольку каждый шаг представлял окружающий пейзаж в новом ракурсе и свете. Отсутствие людей и любых других помех только усиливало восторг фотографа.

Зато прогулка по следующему мостку требовала постоянной концентрации внимания. Четыре плотно подогнанных доски обрывались метра через три ничем. Чтобы идти дальше, нужно было перейти вправо на такие же четыре доски. Пройдя несколько шагов –

снова переступить влево. Вероятно, столь странный зигзаг над водой служил сразу нескольким целям. Во-первых, по такому мосту хорошо убегать от злых духов, поскольку, как известно японцам, они умеют передвигаться лишь по прямой линии. Во-вторых, концентрация внимания да ещё в таком месте как нельзя лучше способствовала дзэнской практике вырабатывания осознания «здесь и сейчас».

Особенно очаровал меня больший из двух прудов с ещё одним замшелым деревянным «скворечником» в воде и пузатым каменным фонарём в разноцветии кустов у самого берега. Да простит меня читатель, но в таких местах даже самое красноречивое слово бледнеет перед простым и всё же непередаваемым ощущением радости. Просто потому, что такие уголки на земле ещё есть.

Вероятно, нечто подобное имеют в виду чувственные японцы, называя охватывающее их чувство прекрасной грусти словами *ваби-саби*, которые в грубой форме можно перевести на наш с вами язык как «скромная простота». Ибо то, что неярко и неброско – наполнено внутренней силой, а то, что смотрится архаично – неподдельно и подлинно. Чтобы оценить это по достоинству, думаю, нужно принять сердцем три незатейливые истины: ничто не вечно, ничто не закончено и ничто не совершенно. Если вы дочитали до этого предложения, надеюсь, вы со мной согласны.

Лишь обойдя пруд с фонарём и «скворечником» почти полностью, я заметил в воде большой голубой таз. Тазом управлял лысый японец, который стоял среди кувшинок в специальном непромокаемом комбинезоне и неторопливо что-то вычищал с илистого дна. Он-то и вернул меня к действительности.

Покинув нечаянную прелесть Тэндзюан, я очень скоро оказался перед входом на территорию главного храма – Нандзэн-дзи. Пройти мимо невозможно, поскольку вас во всей своей 22-метровой красе встречают громадные деревянные ворота, которые здесь тоже носят называние Санмон. Существует, правда, и местное прозвище – *Тэнка Рюмон*, то есть «Величайшие драконовые ворота на земле», если следовать переводу на английский самих японцев. Первоначальные ворота, конечно же, сгорели, но в 1628 году один из тогдашних влиятельных даймё по имени Тодо Такатора повелевает восстановить их в память обо всех воинах, погибших в так называемую «Летнюю кампанию» по взятию крепости Осаки тринадцатью годами ранее.

Под сенью ворот Санмон

Через Санмон на территорию комплекса можно пройти бесплатно, а вот для того, чтобы подняться на сами ворота придётся заплатить 500 йен и опять-таки разуться. Преодолев крутую дере-

вянную лестницу, вы выходите на галерею, которая тянется по всему периметру, и откуда вы можете увидеть не только выступающие из-за макушек деревьев островерхие крыши храмов, но и бросить восхищённый взгляд на притихший вдали Киото.

Как ни вспомнить тут полулегендарного персонажа японской литературы по имени *Исикава Гоэмон*, который прославился в качестве местного Робина Гуда, то есть преступника и вора для богачей и щедрого спасителя для бедноты. Особенно знаменит он своей смертью, будучи сваренным заживо вместе со своим сыном за то, что предпринял попытку убить Тоётоми Хидэёси, покончившего в своё время с гражданской войной и объединившего страну. Гоэмона сделали героем нескольких спектаклей кабуки. В самом знаменитом, «*Санмон Госан но Кири*»[74], зрители видят его сидящим именно здесь, на крыше Санмон, курящим огромную серебряную трубку и в восторге восклицающим:

- Весенний вид достоин тысячи золотых, как говорят, однако это слишком, слишком мало! Вид с высоты ворот Санмон достоин тысяч десяти!

Впоследствии он узнаёт, что его отец, китаец по имени Со Сокэй, был убит по приказу Масибы Хисаёси (как в традиции кабуки

[74] «Храмовые врата и деревянный гребень»

принято звать исторического Тоётоми Хидэёси), и решается на месть.

На самом деле ворота, по которым мы с вами сейчас медленно прохаживаемся, любуясь действительно замечательными видами, были построены после его смерти. Но ведь не станем же мы винить Дюма-старшего за то, что он отправил своих мушкетёров к герцогу Букингемскому в одноимённый дворец, которого тогда в Лондоне ещё не было…

Из-под ворот начинается мощёная камнем дорога к храму Хатто или Залу Дхармы. Который для посещения закрыт.

Первый раз вижу, чтобы на татами стоял европейский стол и стулья. Но атмосфера в этой комнате более чем располагающая к интересной беседе

Зато можно зайти в расположенный за ним центральный храм Ходзё и, если вам не жалко очередных 500 йен, полюбоваться сухими садами[75] и расписными раздвижными дверями *фусума*[76]. Хотя ничего нового по сравнению с тем, где мы уже с вами побывали, вы тут не увидите, думаю, что зайти стоит. На вкус и цвет, как гово-

[75] Один из них был создан знаменитым Кобори Энсу, о котором мы говорили, когда осматривали сад в замке Нидзё. Здешний сад выложен в стиле *карэсансуи* (сад без воды). Считается, что шесть больших и малых камней изображают тигров, пересекающих реку, откуда и местное название сада – *Тораноко-ватаси-но-нива*. Правда, мне приходилось читать и о том, что только два камня – это тигрица и тигрёнок, а остальные камни и растения изображают заветную райскую страну – Шангрила.

[76] Среди них широко известный узкому кругу любителей японской живописи *Мидзуноми-но-Тора* (Тигр, пьющий воду) кисти Тануи Кано.

Протяжённость акведука 93, высота – 12, а ширина – 4 метра. Считается, что за секунду по нему протекает 2 тонны воды, однако когда я поднялся по склону холма наверх и взглянул на вялое перемещение по воде сухих листьев, мне показалось, что тонны следует считать не по секундам, а по минутам. В лучшем случае.

Дорога звала дальше, вверх, в простреливаемый солнцем сумрак леса, хотя лишь немногие туристы внимали этому зову, а не спускались обратно. Времени у меня было вдоволь (сколько именно, я принципиально не знал, а выискивать в рюкзаке телефон не хотелось), так что я пошел, куда глаза глядят, чтобы впоследствии иметь возможность честно сказать: да, я гулял по японским лесам.

Сначала на моём пути повстречался безымянный храм за глинобитным забором. Внутри несколько невзрачных домиков и камней с вырезанными прямо в них ликами Будды, что в Японии не редкость. Некоторые камни оставались самими собой, и немногочисленные посетители подбадривали их, забрасывая монетками, как мы с вами уже видели, например, при осмотре сада при Золотом павильоне.

Пройдя через гостеприимно распахнутую калитку, я вышел на прежнюю дорожку, которая продолжала уходить вверх. Заблудиться здесь не представлялось возможным, хотя бы потому, что вымощена она была ровными камушками и вела явно к чему-то столь же

рится. Может быть, именно здесь на вас снизойдёт ваше собственное откровение.

Я же ничего выдающегося, кроме ворот, в Нандзэн-дзи не нашёл, прогулялся по тенистому парку и, если честно, подумывал уже о том, чтобы отправиться на поиски заветной Тропы философа, когда включилась интуиция путешественника, и меня потянуло направо от храмов, в сторону того, что я поначалу принял за какую-то стройку. Потому что за листвой отчётливо проступала рыжая кирпичная стена.

Я поспешил подойти ближе и обнаружил знакомые по Италии контуры акведука. Здесь он называется *Суирокаку*. Выглядит он ничуть не моложе акведуков римских, которые считаются постройками седой древности, хотя ему чуть больше ста лет. Поначалу, когда в эпоху Мэйдзи японское правительство встало на путь индустриализации и заимствования европейских технологий, строительство акведука да ещё в таком месте было встречено общественностью в штыки (в катаны), однако правительству, как водится, было на народ наплевать, причина постройки виделась самой что ни на есть гуманной – подводка дополнительной воды из озера Бива, так что акведук был возведён, а народ пошумел и перестал. Более того, сегодня большинство приходящих в Нандзэн-дзи делают это именно затем, чтобы полюбоваться кирпичной кладкой. Которая раздражала современников своей яркостью, когда акведук только-только строился, а теперь успокаивает многочисленные взоры плесенью и замшелостью. Ваби-саби, одним словом.

рукотворному. Склон был не настолько крут, чтобы отказаться от подъёма, но и не настолько полог, чтобы не отсечь сомневающихся в своих силах. Судя по царившему вокруг безлюдью, последних оказалось большинство.

Чему я был несказанно рад. Слева надо мной нависал нехоженый склон, поросший соснами, хотя, если разобраться, наверное, кипарисами. Справа тянулся довольно глубокий овраг. Уже позднее я прочитал об этих местах, что подобные дикие леса в сегодняшней Японии (тем более в нескольких шагах от большого города) весьма редки, поскольку практичные жители предпочитают засаживать их с корыстными целями получения древесины, что, как вы понимаете, не совпадает с задумками природы.

Одним словом, вспомнив события предыдущего дня и наложив на них эту нежданную прогулку, я мог бы с полным правом воскликнуть словами, приписываемыми Данте:

- *Nel mezzo del cammin di nostra vita mi ritrovai per una selva oscura*[77]…

На пути попался источник с ковшиком, которым я не преминул воспользоваться, причём способом, противным всякому уважающему себя синтоисту: я из него выпил. Особого вкуса не почувствовал, однако холод придал бодрости.

[77] *Земной свой путь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу*… Так начинается его «Божественная комедия». Правда, если присмотреться, Данте говорит не о своей конкретно, а об обобщённой «нашей» (*nostra*) жизни.

Заканчивалась дорожка метров через пятьсот каменным вольером, в котором стояла прямоугольная беседка с прямоугольной крышей и квадратный домик-скворечник на большом булыжнике. До сих пор не знаю, что это было. Возможно, чьё-то захоронение, хотя не уверен.

Дальше шёл каменный мостик с красными железными перилами. После него путь разветвлялся. Меня привлекли ступеньки слева, ведущие к подножью тонкого, но звонкого водопада. Рядом с которым на высоте метров десяти виднелся вход в пещеру. Взобравшись к ней, я обнаружил, что это не пещера, а просто ниша для складирования даров не то духу водопада, не то духу горы.

Оставался последний неизведанный путь. Я снова спустился к мостику и пошёл прямо, на сей раз по естественной тропинке, уводившей вверх по склону, можно сказать, в чащу.

Никакой чащи, конечно, не было. А был всё тот же не тронутый человеком лес, с оврагом, разросшимся до опасных высот, и деревьями, падающими от старости друг на друга.

Лесное святилище

Вообще в Японии отношение людей к лесам особое. Про отдельные деревья мы уже говорили. Вы помните, какие стволы мы с вами видели в Императорском парке или в святилище Камо. При

этом деревянных конструкций мы встречали на нашем пути предостаточно. Когда мой отец вернулся из Японии в 1973 году, он рассказывал, что самым дорогим подарком для японца оказывается предмет из льна или дерева, потому что и то и другое там в большом дефиците. Мои собственные две поездки эту точку зрения не подтвердили. Насчёт льна не знаю, его синтетика вытесняет повсеместно, а вот деревянных вещей в Японии предостаточно. Одни только палочки для еды чего стоят. Я имею в виду, чего они стоят местным лесам…

В древности японцы уничтожали свои лесные угодья активно, но по делу. Без дерева жить не получалось. Нужно было из чего-то строить дома и чем-то их отапливать. Веку к XVII они спохватились, осознав ограниченность и невосполнимость этого сырья, и стали о лесах заботиться, то есть собственноручно засаживать. Поэтому, как я уже сказал выше, природных, исконных лесов на островах осталось не так уж много. И об одном из них мне сейчас вспоминалось особенно пронзительно.

Называется тот лес Аокигахара и расположен он далеко отсюда, у северо-западного подножья знаменитой горы Фудзи. Он возник на площади 35 км² в конце 800 годов нашей эры, когда Фудзи показала себя как настоящий вулкан. Лава застыла и оказалась странным образом плодородной почвой. Сегодня Аокигахара изобилует поросшими мхом валунами и гротами. Особо не погуляешь – можно и заблудиться, и ногу сломать. Вероятно, в силу своего происхождения Аокигахара почти полностью лишён живности. При этом густые заросли не дают разгуляться ветру. Одним словом, в Аокигахаре царит почти кромешная тишина.

Но загадка его не в тишине и не в застывшей лаве. Каждый год в Аокигахаре сводят счёты с жизнью порядка 100 японцев и японок[78]. Большинство вешаются прямо на сучьях. Другие предпочитают передозировку снотворным. Местные в этот лес вообще не ходят, опасаясь заблудиться или попасть в лапы *юрэй* – буквально, «слабых душ», что соответствует европейским призракам. Японцы верят в то, что после смерти душа умершего (*рэйкон*) пребывает в чистилище, где ожидает погребения своей земной оболочки и всех причитающихся по такому случаю обрядов. Если погребение и обряды проведены должным образом, рэйкон покойного становится

[78] В мировых масштабах Аокигахара уступает пальму первенства как излюбленного места для поклонников суицида лишь мосту «Золотые Ворота» в Калифорнии.

добрым покровителем и защитником всей семьи. Если же человек гибнет в результате насильственной смерти и оказывается лишённым возможности упокоиться с миром, его юрэй находит способ проделать лазейку из мира мёртвых в мир живых, и силы ему в этом придают желания мести, любви, ненависти или ревности.

В былые времена японцы не так охотно, как сейчас, уходили из жизни добровольно. Одни гибли на полях сражений, другие совершали благородный обряд *сэппуку* (в просторечье – харакири). Был и ещё один обряд – *убасутэ* (буквально, «покидание старухи»). Старого и отжившего своё родственника уносили на закорках куда-нибудь в горы и бросали там на произвол судьбы. Сегодня японцы от этого жестокого обычая открещиваются, списывая его на легенды, однако по некоторым сведениям практика убасутэ продолжалась в лесу Аокигахара вплоть до XIX века.

Сегодня о японских самоубийцах всех возрастов не слышал только ленивый. Считается, что у японцев трудная социальная жизнь, и решение с ней покончить приходит у многих из-за внутреннего конфликта с окружающим обществом. Помню, как лопнувший на рубеже тысячелетий экономический пузырь наполнил западные новостные сводки репортажами о бывших японских бизнесменах, которые, потеряв всё нажитое, не могли больше смотреть в глаза родственникам и друзьям и выпрыгивали из окон небоскрёбов или совершали другие вредные для здоровья действия.

В 1960 году Сэйтё Мацумото написал детективный роман «Курой Дзукай», т.е. «Чёрное море деревьев». Вообще говорят, что Сэйтё молодец, потому что расширил рамки детектива как жанра, добавив в напряжённость сюжета переживания героев и заслуженную критику угнетающего их общества. На деле это добавило повествованию хмурость и безысходность, а судя по отзывам русских читателей его переводных произведений – скуку. Как бы то ни было, упомянутый роман заканчивается тем, что двое любовников сводят счёты с жизнью именно в лесу Аокигахара. С тех пор в народе его называют не иначе как Дзукай.

Масла в огонь подлил бестселлер некоего Ватару Цурумуи, который вышел в 1993 году и так и назывался: «Полное руководство по самоубийству». Дзукай рекомендуется в нём как идеальное место для смерти. Нетрудно догадаться, как всё это вкупе повлияло на детские умы недовольных жизнью японцев. Официальная статистика гласит, что в 2002 году в лесу было совершено 78 само-

убийств, в 2003 – уже 105, в 2004 – 108. В одном только 2010 году 247 человек попытались послушаться совета Ватару, из них 54 «удачно». В последние годы официальные сводки перестали публиковаться, чтобы не будоражить общественность, а в лесу появились дощечки с обращениями типа, «Подумайте о своих родителях и детях», «Ваша жизнь – это подарок», «Прежде чем решитесь умереть, обратитесь в полицию».

Кого из вас эта тема заинтересовала, рекомендую найти в интернете документальный фильм *Suicide Forest in Japan*. Фильм на японском, но сопровождён английскими субтитрами. За менее чем полчаса прогулки по лесу самопальный гид (геодезист по профессии) и съёмочная группа находят давно брошенную на стоянке машину, свисающую с ветки верёвку со срезанной и валяющейся тут же петлёй, несколько давно заброшенных палаток, зеркальце и зонтик, подозрительного человека, предпочитавшего говорить с ними из весёленькой желтой палатки (не самое подходящее место для пикника, да и голос принадлежал мужчине пожилому, что не слишком вяжется с возрастом обычных туристов-дикарей), несколько букетиков и других подношений от родственников покойных и, наконец, целый скелет, лежащий с оторванным черепом под импровизированной виселицей, причём по прекрасно сохранившейся одежде документалисты заключили, что смерть наступила года за два до этого. Гид признался, что за тридцать лет работы в этих местах (связанной с изучением вулканических отложений и защитой окружающей среды) он лично нашёл в лесу Дзукай порядка сотни трупов.

Забегая вперёд, скажу, что моя одинокая прогулка никаких трупов не выявила. Наверное, если бы Сэйтё Мацумото послал своих героев умирать куда-нибудь «в лес за акведуком, что в Нандзэндзи», доверчивые японцы бросились бы следом, однако, к счастью, этого не произошло, и я теперь мог совершенно спокойно разгуливать по горной тропе, перешагивать через причудливые корни и фотографировать, фотографировать, фотографировать…

Не знаю, куда бы я в конце концов вышел и чем бы этот эпизод сейчас заканчивал, но меня вовремя остановил долг перед велосипедом. Он ждал где-то там, внизу, а впереди была ещё прогулка по Тропе философа и повторное знакомство с Серебряным павильоном.

Будете в тех краях сами, поклонитесь от меня двум большим камням на таких же каменных пьедесталах. Камни красиво изрезаны иероглифами и забавно опоясаны верёвочными юбочками. По всей вероятности, это импровизированные молельни для обращения к духам здешних мест.

На обратном пути мне стали попадаться люди. Большинство оказывались западными туристами. Ровняясь со мной, гордо спускавшимся с неведомых им высот, они учтиво здоровались и по-английски интересовались, что их ждёт впереди.

- Просто лес, – отвечал я.

***Глава XVIII**, в которой мы гуляем Тропой философа, осматриваем Серебряный павильон, и снова рассуждаем о зашоренности японцев*

Пусть другие творят, что хотят,
Я тот, кто я есть.
В любом случае я пройду тем путём,
Который делаю своим.

Такие слова вырезаны на валуне, лежащем на *Тэцугару-номити*, то есть на знаменитой Тропе философа. Знаменитой её сделал, по легенде, как раз автор этой надписи, влиятельный японский философ начала прошлого века *Китаро Нисида*.

Если вы бывали в Ватикане и рассматривали замечательные станцы[79] Рафаэля, то наверняка помните ту фреску, что называется «Афинская школа». Философы Платон и Аристотель находятся в центре композиции и ведут оживлённый диспут. При этом в отличие от остальных персонажей, они не стоят, а идут нам навстречу. К чему это я? К тому, что часто философские размышления наиболее плодотворны именно во время прогулки. Нет ничего странного в том, что Китаро Нисида, преподававший в уже известном нам Киотском университете, взял за обыкновение удаляться на самую восточную оконечность города и там прохаживаться в раздумьях вдоль русла одного из притоков канала Бива, преодолевая два с небольшим километра между Серебряным павильоном и храмом Нандзэн-дзи. Быть может, он просто не умел ездить на велосипеде.

Чтобы попасть на Тропу, попрощавшись с Нандзэн-дзи, сделайте следующее. Встаньте спиной к воротам Санмон. Ступайте или поезжайте направо, по Сисигатани-дори. Эта улица опишет полукруг вдоль небольшого парка по левую руку и выпрямится. Метров через сто с правой стороны вы поравняетесь ещё с одним островком зелени – храмовым комплексом Эйкандо. Говорят, с тамошней пагоды открывается отличный вид на Киото. Следующий после Эйкандо поворот направо – это как раз то, что вам нужно. Тут сразу несколько указателей, одинаково непонятных. На двух

[79] Парадные залы, расписанные Рафаэлем Санти.

каменных столбиках написано что-то иероглифами, между ними – белая доска с полустёршейся надписью и ещё различимой стрелкой. А рядом вообще чудо японской топографии: коричневый щит метровой высоты, на котором белой краской нанесена феерическая паутина линий и прямоугольников с иероглифическими подписями. Один из прямоугольников красный, и это обстоятельство наталкивает на мысль о том, что перед нами нечто иное, как план местности, а красным отмечено место, где мы сейчас находимся. Смело сворачивайте по улочке направо, поднимайтесь до глубокого, выложенного камнем рва с водой и знайте, что вы у цели – здесь начинается Тропа философа.

По сути своей это просто мощёная плитками дорожка, извивающаяся вдоль края вышеупомянутого рва на протяжении чуть более двух километров. По обеим берегам растут вишни и клёны, которые украшают собой прогулку соответственно в апреле и ноябре, хотя сами японцы считают, что здесь приятно ходить в любое время года. По пути вам попадутся различные кофейни, лавки ремесленников, ресторанчики и специализированные магазинчики на любой вкус и карман. Через ров переброшено множество мостков. Гуляют обычно по левой стороне, где через каждые несколько метров вас поджидают удобные лавочки.

По другую сторону, поближе к горам, расположено несколько святилищ, главным образом буддийских, хотя одно из них – *Отоё дзиндзя* – всё-таки синтоистское и тем примечательно.

Ещё один храм, куда стоит заглянуть при наличии сил и времени, – маленький *Хонэн-ин*. Как вы уже сами чувствуете по названию, назван он так в честь Хонэна, основателя секты Дзёдо, который некоторое время жил тут в хижине. В 1680 году 38-му главному настоятелю Тион-ина поступило предложение от собратьев устроить в этом месте зал для занятий песнопениями. Через год проект был завершён и дожил до наших дней. Говорят, правда, что в 1953 году Хонэн-ин стал независим от секты. Примечателен он воротами с соломенной крышей и двумя прямоугольными горками белого песка, расположенным по обеим сторонам от дорожки. Считается, что они символизируют расступившуюся воду, и прохождение между ними очищает путника. Внешне это даже не волны, а нечто вроде надгробий, причём плоская верхняя часть несёт на себе символический рисунок из песка, который меняется каждые несколько дней. Рядом возвышается каменная стела, на которой по-японски написано, что проносить на территорию храма чеснок, мясо и алкоголь запрещено. К чему бы это?..

Пока я шёл, толкая рядом с собой велосипед, по Тропе философа, мне навстречу то и дело попадались прохожие, такие же за-

думчивые и мечтательные. Но странное дело, стоило мне захотеть остаться наедине со своими мыслями, Тропа обезлюдела. Я присел на скамейку, поставил фотоаппарат на соседнюю, сфотографировался, потом решил запечатлеть себя идущим мимо на видео для будущего фильма, всё это проделал без каких-либо помех, однако когда попытался сфотографировать себя стоящим на фоне дорожки и рва, аппарат не захотел наводиться на резкость. И только я подумал, как бы хорошо сейчас кого-нибудь попросить мне помочь, как на Тропу вышел интеллигентного вида европейский юноша в очках. Я, не раздумывая, протянул ему камеру и принял независимо-гордую позу. Он охотно сделал несколько снимков, и мы поменялись местами и ролями. В Японии, как мне кажется, европейцы невольно ощущают себя англоязычными братьями, откуда бы они ни приехали. Впоследствии я не раз ещё встречал моего шапочного знакомого, катаясь в разных местах Киото.

В зависимости от того, с какой скоростью вы идёте, рано или поздно (а в среднем минут через 30) Тропа философа выведет вас на перпендикулярную оживлённую улицу, поднимающуюся в гору слева направо. Пройтись по многочисленным лавочкам, предлагающим главным образом китайские сувениры и лёгкие закуски, вы всегда успеете, так что давайте первым делом свернём вверх. Сразу за воротами вас встретит резкий поворот направо и длинный коридор из ровно подстриженных кустов, превращённых бамбуковыми ограждениями в сплошную стену зелёного лабиринта. Народ идёт по этому коридору в обе стороны, так что ни о каком уединении больше не приходится даже мечтать. Поворот налево, и вы стоите в небольшой очереди в деревянную кассу. Кассир высовывается из окошка по пояс. Его задача – обслужить всех желающих как можно вежливее и быстрее. На лице у него марлевая повязка. На всякий случай.

Вообще японцы в марлевых повязках, закрывающих рот от носа до подбородка, попадаются повсюду и довольно часто. Любители ужасов, знающих о Японии лишь по телевизору, настаивают, что повязки помогают беднягам дышать в отравленном машинами (а теперь и фукусимами) воздухе. Это не так. Японцы надевают повязки из вежливости: когда слегка простужены и не хотят заразить окружающих.

Расставшись с очередными пятью сотнями йен, я наконец вхожу на территорию последнего на сегодняшний день храмового

комплекса. Официально он называется *Дзисё-дзи*, то есть «Храм Сияющего Милосердия». Однако во всех путеводителях, на картах и указателях его название значится как *Гинкаку-дзи* или «Серебряный павильон».

Связь с Золотым павильоном здесь не только в цвете, но и историческая. Разделяют их постройку 92 года, за которые столица Японии из процветающего города при сёгуне Асикага Ёсимицу, построившем Кинкакудзи на северо-западе, превратилась в ходе Онинской гражданской войны в нечто вроде средневекового Сталинграда. Немудрено, что внук Ёсимицу, Асикага Ёсимаса, решил убраться подальше в горы и попытаться обрести там столь нужный в такое время покой. На лавры деда он не претендовал и потому замыслил украсить свою виллу не золотом, а всего лишь серебром. Увы, даже таким скромным планам не суждено было сбыться, и двухэтажный павильон, стоящий здесь же, справа от входа, до сих пор умиляет лишь древней патиной. Ничего серебряного в нём на первый взгляд нет. Зато есть настоящее проявление уже известной нам ваби-саби.

Поскольку за образец постройки Ёсимаса брал дедовский дом, нет ничего удивительного в том, что построен павильон в двух разных стиля. Первый этаж был изначально жилым и возводился, если вы не забыли, в стиле синдэн. Второй этаж надстраивался по китай-

ским образцам и назывался *буцума*, то есть буддистской алтарной комнатой. Здесь получила прописку очередная статуя Каннон. Собственно, правильное название Серебряного павильона, если исходить из цели его постройки, *Каннондэн* – Зал Каннон. Если не считать периодических реставраций, последняя из которых закончилась в 2010 году, Каннондэн дошёл до нас (в отличие от золотого собрата) в первозданном виде с 1489 года, поскольку его чудом не затронули ни землетрясения, ни даже пожары.

Считается, что если культура северных гор, Китаяма, эпицентром которой был Золотой павильон, оставалась ограниченной рамками аристократических кругов, то культура Хигасияма (*Хигасияма бунка* или «культура восточных гор») и её оплот, Серебряный павильон, в итоге повлияла на всю Японию. Отвлекаясь от мирских забот и ужасов разоренья, Ёсимаса стал знатоком и законодателем моды в таких искусствах, как чайная церемония, икебана[80], театр Но[81], садоводство и, разумеется, архитектура.

Сразу из-под стен Гинкаку-дзи начинает разливаться зелёный пруд, переходящий в серебряные волны песка с загадочным конусом, который выглядит так, будто гигантский малыш опрокинул здесь своё ведёрко и сделал своеобразный куличик в человеческий

[80] Традиционное японское искусство аранжировки срезанных цветов в простые и изысканные композиции.
[81] В отличие от кабуки, в театре Но актёры (тоже исключительно мужчины) скрываются под деревянными масками, а веер в руке может заменять любые предметы.

рост. Конус этот идеально гладкий со всех сторон и идеально плоский сверху. Зовут его *Когецудай* – Платформа для созерцания Луны. Кто-то считает, что он символизирует гору Фудзи. Или что он призван отражать божественный свет и направлять его в сердца прихожан. Говорят, если взглянуть на конус сверху (что физически не представляется возможным), то он станет похожим на отражение полной луны в песчаной глади пруда. Думаю, что правы все, а основная функция конуса становится понятна ночью, когда сад закрыт для обычных посетителей. В одном документальном фильме я видел, как свет полной луны, падавший на конус и засыпанное песком «море», окрашивал павильон тем самым серебром, которого так не хватает ему все эти столетия.

К 1485 году Ёсимаса окончательно переквалифицировался в дзэнского монаха, а после его смерти в январе 1490 года вилла и сад были превращены в храмовый комплекс. Кстати Дзисё-дзи он официально называется потому, что таково было буддийское имя Ёсимасы.

Просто погулять по саду у нас с вами не получится. Все дорожки здесь ненавязчиво огорожены, так что двигаться можно только в установленных направлениях. Сначала мы минуем главный зал, Хондо, в который публику не пускают, хотя там, говорят, можно полюбоваться росписью раздвижных дверей. Чуть дальше распо-

ложен зал Тогудо, в котором находится кабинет самого Ёсимасы на 4,5 татами, считающийся старейшим из сохранившихся образцов так называемого «кабинетного стиля», *сёин-дзукури*, в котором сегодня принято оформлять все традиционные японские комнаты, не говоря уж о залах для чайных церемоний.

Когда я был здесь в прошлый раз, мы с Алиной ограничились торопливой прогулкой вокруг пруда перед павильоном. Сегодня я никуда не спешил и заметил, что посетители гуськом поднимаются по ступеням в гору, откуда открывался приглушённый зеленью вид на территорию храма и кажущийся отсюда далёким Киото. На пути попадаются традиционные водопады, камни в воде, забросанные на счастье монетами, каменные мостики с бамбуковыми перилами и бамбуковый забор, едва ли помнящий старого сёгуна.

Серебряный павильон очарователен с любой точки

Дорожка проложена таким образом, что под конец прогулки вы всё равно оказываетесь снова рядом с Серебряным павильоном, причём ещё ближе, чем когда вы входили. Отсюда очень хорошо видна серая патина на бурых досках. Интересно, в чём же всё-таки заключался недавний ремонт? В замене патины на более свежую?

На макушке Гинкаку-дзи сидит петушок-феникс. В отличие от своего соплеменника на Золотом павильоне, этот такой же зелёный, каким был питерский Медный всадник до помывки шампунем.

Здесь закончилась моя культурная программа на тот достопамятный день. Впереди меня ждала прогулка на велосипеде по правому берегу Камо-гавы, фотографирование с телевиком (то есть издалека) сценок местной жизни, неохотное возвращение в гостиницу и вечерний поход, увы, снова по магазинам.

Ещё когда я несколько дней назад исследовал торговые центры Киото на предмет отделов детских игрушек, я заметил в одном из них броское розовое вязаное платье-кофту с интересной накидкой с рюшечками. Кроме того, на ногах стройного манекена были в тон кофте подобранные гольфы до колен. Ну, не гольфы, а такие как обтягивающие муфты, только на ноги. Которые можно надевать поверх любой обуви, и они будут казаться розовыми сапожками. В покупках я импульсивен, если вещь мне нравится, беру, не раздумывая и почти не торгуясь. Даже если покупаю не себе. Сей розовый прикол, как вы правильно могли понять, предназначался жене (не буду говорить «любимой жене», чтобы вы не решили, будто у меня их несколько, хотя именно так обычно и говорят, не задумываясь). Забегая за рамки этой книги, скажу, что подарок моей второй половине пришёлся весьма по вкусу, и одиночная отлучка мужа на восток была прощена окончательно. Дело не в этом.

А в том, что я решил впервые воспользоваться здешней системой беспошлинной торговли. Дело происходило в одном из самых дорогих (по японским, но не московским меркам) магазинов *Takashimaya*. Здесь на первом этаже, справа от одного из выходов (вы легко его найдёте на поэтажном плане, который здесь раздаётся в больших количествах в качестве удобной брошюрки) находится стойка информации (*Information Desk*). Когда вы закончите с покупками, смело идите сюда и требуйте возвращения 5% налога. Удобство заключается в том, что деньги вам вернут сразу, а не заставят заполнять бессмысленные бумаги в аэропорту, как делают правильно рассчитывающие на нашу с вами лень европейцы. Но подождите радоваться…

Девушка за стойкой попросила мой паспорт. Я был к этому готов, и с удивлением наблюдал, как она находит страничку с визой, берёт все чеки, которые я ей дал (а купил я в тот вечер не только

розовую прелесть) и невозмутимо собирается пришпандорить их степлером к паспорту.

- Погодите, милочка! – взмолился я. – Зачем вы это делаете?

- А как же? – искренне не поняла девушка. – Так надо.

- Секундочку, сударыня. Давайте рассуждать здраво. Где я при пересечении границы покажу этот паспорт?

- На паспортном контроле.

- А когда я сдам в багаж чемодан с вещами, которые у вас купил?

Тут до неё дошёл смысл моих сомнений, и она даже позволила себе рассмеяться.

- Ну, вот видите, - обрадовался я, решив, что сумел-таки побороть японский менталитет человека-функции. – Не надо портить дырками мой паспорт.

Девушка застыла в нерешительности со степлером в одной руке и чеками в моём паспорте – в другой. Она по-прежнему улыбалась, но уже не так уверенно, как когда поняла, что никто эти чеки с вещами сличить никогда не сможет.

- Нет, я не могу, - наконец выдавила она, почти умоляюще.

- Ну и не надо, - поддержал её я, - никто даже не узнает.

- Не могу не приколоть, - уточнила она. – Таковы правила.

- Какие правила, дорогая моя, если они такие идиотские?

- Да, похоже, вы правы, но я не могу.

И она уверенной рукой пригвоздила чеки к паспорту.

Когда я вернулся в гостиницу, то первым делом скобы вынул. Но чеки сразу не выбросил, а сперва почитал, что в них написано, благо тексты были по-английски. Оказалось, что отсутствие чеков в паспорте приравнивается чуть ли не к государственной измене. Почему – никто не объяснял, но угрозы были серьезными вплоть до лишения повторной визы. Я решил с местными дураками не шутить. Ещё увидят подозрительные дырки в паспорте, поймут, откуда они, потом пойди им докажи…

Одним словом, я вернул скобы и чеки на место и решил посмотреть, что же будет через три дня в аэропорту.

А было буквально следующее. Войдя в аэропорт, я сдал чемодан. Вместе со всеми покупками, включая оба меча, которые запросто могли бы оказаться антикварными. Чемодан уехал, а я пошёл через весь зал искать паспортный контроль. Молодой человек, сидевший в стеклянной тумбе, взял мой паспорт, посмотрел на визу,

одним рывком выдрал все чеки, бросил их в мусорное ведро, а паспорт вернул и пожелал счастливого пути.

Интересно, почему я предполагал, что именно так и будет?..

***Глава XIX**, в которой мы отправляемся в первую столицу Японии – город Нару, размышляем о японских поездах, посещаем все главные храмы города, знакомимся с их пожароопасной историей, рассматриваем самую большую в мире бронзовую статую и самое большое деревянное строение и благополучно находим дорогу домой*

Наступил первый день ноября.

На сей раз я подъехал к вокзалу на велосипеде. При том, что площадь перед стеклянной громадиной, как я уже описывал, весьма просторная, паркуются здесь разве что маршрутные автобусы. Собратьев моего велосипеда я отыскал лишь в арке здания на правой оконечности площади. Их там было немного, но стояли они дружно, причём за какой-то загородкой, так что я справедливо посчитал, что примоститься здесь будет почти безопасно. Тут же стояло и несколько автомобилей. Уезжал я в Нару на целый день, так что мне совсем не хотелось по возвращении обнаружить, что моего друга «эвакуировали».

Памятуя о столпотворении, которое застал на вокзале недавним вечером, я тем не менее почти не волновался. Повторяю: когда не знаете, что и как делать, полагайтесь на интуицию и расслабьтесь.

В прошлый раз мы с женой уехали отсюда в Нару почему-то настолько просто, что в памяти не осталось никаких зацепок и ориентиров. Сейчас я стоял перед турникетами, за которые можно было попасть лишь по билету, и с грустью рассматривал табло отправления и прибытия поездов. Имейте в виду, что если не торопиться и не паниковать, поскольку понятные цифры, означающие время и платформу, сопровождаются совершенно непонятными иероглифами, означающими категорию поезда и направление, то через несколько секунд на месте иероглифов вспыхнут спасительные латинские буквы. Про туристов здесь тоже думают.

Глаза разбегались, народ спешил, музыка играла, турникеты хлопали в ладоши, электрички сигналили, невидимый голос что-то пискляво объявлял, одним словом, расслабление давалось мне с напряжением…

Спасительной соломинкой для меня стала девушка в униформе, стоявшая сбоку от турникетов. Она поняла мой вопрос относительно Нары и сработала чётко:

- В автомате берёте билет за 690 йен, идёте на платформу 8, через 15 минут поезд отправляется.

Инструкции были более чем внятные, а потому я поспешил ко всегда пугающим меня роботам-кассирам и первым делом нашёл кнопку, которая преображала иероглифический экран в английский. Действительно, ориентироваться в направлениях оказалось проще всего по стоимости. Когда я скормил автомату тысячу йен, на экран высыпало штук тридцать виртуальных кнопок, но только на одной из них красовалась цифра 690. Её я и нажал. Тут же выплюнулся прямоугольный билетик, а в поддоне застучала мелочь. Автомат был японским и чаевых тоже не брал.

Так, теперь обратно к турникетам, всовываем билет в ближайшую щель, он исчезает в стойке, ладошки расхлопываются, вы проходите, билет выныривает у противоположного конца, вы его забираете (обязательно) и вуаля – вы на вокзале. Где же наша платформа номер 8? Вот синий указатель со стрелкой вверх и влево. Платформы 8, 9 и 10 стоят вместе и мелко-мелко (под большими иероглифами) подписаны по-английски *Nara Line*. Наверх, это значит по эскалатору. Отлично! Пока всё как будто просто. Поднимаемся. Навстречу стекает поток черноголовых школьников в одинаковых тёмно-серых формах. За эскалатором следовал длинный стеклянный коридор, как в аэропорте. По правой стене тянулись магазинчики импульсных покупок. Слева были спуски на платформы, обозначенные стрелками и номерами. Часы у меня над головой показывали 9:22. До моего отправления оставалось целых 11 минут.

Кстати, как вы поняли, ехал я сюда наобум, даже не зная, сколько вокруг времени. Интуиция – великая вещь. Не устаю ею восхищаться. Следующий поезд до Нары отходил где-то через час.

Более того, на втором табло уже непосредственно на платформе я обратил внимание, что мой поезд отмечен как *Rapid*, то есть скорый, в противоположность обычным междугородним *Local*. Вот и получалось, что чем меньше думаешь о времени, тем меньше его тратишь.

Поезд уже подали, и шла посадка. Я не смог отказать себе в удовольствии помочь молодой японской маме ввести в салон коляску с крохотной дочкой и с чувством выполненного долга сел в

удобное кресло у окна, идеально чистого, мимо которого как раз в этот момент текла чернильная река приехавших в Киото. Вскоре поезд тронулся, мягко и непринуждённо, и путешествие на юг в первую столицу Империи началось.

Первая железнодорожная линия была открыта в Японии между городами Симбаси (в пределах современного Токио) и Йокогамой в 1872 году. С тех пор по стране было проложено 27 268 километров рельс, а поезда и поныне являются самым удобным средством передвижения. Достаточно сказать, что в Германии с её более чем 40 000 км железных дорог услугами этого транспорта пользуются сегодня 2,2 миллиарда пассажиров в год, тогда как в Японии последняя цифра в десять раз больше – 22 с лишним миллиарда. Можно сказать, мне повезло, что я не попал в час-пик. Ибо на территории Японии находятся 46 из 50 самых загруженных вокзалов в мире.

В отличие от жителей российских городов, нормальные японцы совершенно не гнушаются услугами общественного транспорта. Подсчитано, что, например, в таком мегаполисе, каким является Токио с примыкающими к нему городками-спутниками лишь 20% жителей совершают ежедневные поездки на собственных автомобилях. Вероятно, поэтому ни в Токио, ни в Киото, ни в Осаке я никогда не видел пробок.

Железные дороги в Японии принадлежат народу. В том смысле, что они не принадлежат государству. За всё происходящее отвечают 6 региональных компаний, получивших самостоятельность в 1987 году и входящих в общенациональную корпорацию JR, сама корпорация JR, 16 крупных независимых и множество мелких частных компаний. Корпорация JR контролирует порядка 20 000 километров из вышеуказанных 27 268.

Обычные поезда ходят со скоростью, не превышающей 130 км/ч, хотя, как вы наверняка слышали, именно Япония является родиной «поезда-пули», называемого здесь *синкансэн*, что переводится всего лишь как «новая магистраль». Первым из них стал в 1964 году Токайдо Синкансэн, промчавшийся между Токио и Осакой (515 км) с максимальной скоростью 320 км/ч, что было приурочено к Токийской Олимпиаде. С тех пор это самый загруженный скоростной маршрут в мире. Чтобы перевозить более 150 миллионов пассажиров в год, между обоими городами ежечасно носятся по 13 поездов, в каждом из которых по 16 вагонов общей вместимостью

1323 пассажира. Только в 2011 году Япония уступила пальму первенства Китаю по пассажиропотоку скоростных линий (353 миллиона против 370 миллионов).

Поскольку скорость синкансэна несовместима с обычными поездами, под них были построены собственные железнодорожные линии. Благодаря независимости от внешних факторов, синкансэны отличаются врождённой пунктуальностью. Средняя задержка с отправлением-прибытием составляет 36 секунд. За свою долгую историю было зафиксировано лишь два схода поездов с рельсов, в 2004 и 2013 годах. Никто из пассажиров не пострадал. Вообще смерти людей в связи с синкансэнами происходят лишь по желанию первых: заядлые самоубийцы либо выпрыгивают из поезда, либо бросаются под него. Статистики у меня по этому поводу нет, но поскольку я сам катался из Токио в Киото и обратно, могу вас заверить в том, что выпасть из вагона нужно очень и очень постараться – всё герметично закрыто.

Синкансэн на фоне Киото

Что касается цен, то они на синкансэны довольно кусачие. Помнится, на дорогу в один конец от Токио до Киото мы с Алиной заплатили порядка 400 долларов. При желании вы можете сами

уточнить цены в интернете[82]. Когда я пишу эти строки, точная стоимость одного «взрослого» билета по этому маршруту составляет 13 910 йен. В зависимости от сезона она будет колебаться в обе стороны всего на 200 йен.

Будущее японских (и не только) железных дорог сегодня видится уже не за развитием синкансэнов, а в том, что получило название *Maglev*, то есть поезда на **маг**нитно-**лев**итационном ходу. Они уже существуют, развивают скорость, превышающую 500 км/ч и пределов совершенствованию, похоже, нет. Есть, правда, естественные ограничения. Так, скажем, на подобных скоростях не очень приятно входить в тоннели, которыми Япония грешит ввиду обилия гор. При этом воздушные потоки, как говорят специалисты, образуют завихрение, которое наши с вами уши воспринимают как жуткий хлопок. Тем не менее, предприимчивые японцы не успокаиваются и неторопливо готовятся к внедрению в общественный транспорт новых технологий. Планы их расписаны аж до 2045 года. Поживём – увидим.

Кстати, насчёт «увидим». Если вас интересуют виды из окна поезда, идущего маршрутом Киото-Нара, приглашаю вас посмотреть начало 6-й части моего фильма[83]. На мой вкус, там ничего интересного и стоящего отдельного описания нет. Может быть, я неправ, однако у меня выработалось стойкое ощущение, что по картине за окном вы не сразу определите, проезжаем ли мы по Японии, Китаю или какой-нибудь Италии. Всё невзрачно и скучно. Японцы, правда, в отличие от европейцев не боятся (или просто вынуждены) селиться в непосредственной близости от железных дорог, поэтому большую часть времени из двухминутного проезда камеры занимают примитивные панельные постройки, лишь изредка оживляемые скошенными черепичными крышами. Вообще же на поездку ушло порядка 45 минут.

Покинув вагон, я снова ничего вокруг себя не узнал. По моим воспоминаниям, в прошлый раз мы с женой приехали на какой-то крохотный вокзальчик и поднимались с платформы в город, а сегодня я оказался в довольно большом современном здании из стекла и был вынужден спускаться по эскалатору со второго этажа, где остановился поезд. Хорошо еще, что станция конечная, а то бы не сообразил и мимо проехал.

---

[82] По прямому адресу http://www.jreast.co.jp/e/charge/index.asp
[83] http://kyoto-nara-osaka.jimdo.com/видео/

Нара встретил меня солнцем и голубым небом.

Толковой карты у меня не было (городок настолько невелик, что даже в хороших путеводителях обычно публикуются не карты, а примитивные планы), и потому я обрадовался, когда прямо на площади обнаружил вполне презентабельное здание с гостеприимной надписью *Information*. Встретивший меня за стойкой пожилой японец прекрасно говорил по-английски. Презентовав сразу несколько экземпляров подробных карт Нары, он занял у меня несколько минут времени на дополнительные пояснения, порадовался, что я тут уже второй раз, вежливо удивился тому, что я из Москвы, и в конце концов отпустил с миром приобщаться к очередному очагу древней культуры и истории.

По поводу происхождения названия города существует пять наиболее популярных теорий. Это ещё ничего, если вспомнить, что тысячу с лишним лет назад оно писалось 乃楽, или 乃羅, или 平, или 平城, или 名良, или 奈良, или 奈羅, или 常, или 那良, или 那楽, или 那羅, или 楢, или 諾良, или 諾楽, или 寧, или 寧楽 или даже 儺羅…

По мнению «Японских хроник» (*Нихон Соки*), одной из самых древних летописей, завершённых к 720 году н.э., название первой столицы происходит от глагола *нарасу*, что означает «выравнивать». Мол, при императоре Судзине войска взобрались на здешние холмы, выкорчевали деревья и разровняли землю. Отсюда возник топоним Нара-яма (ямами, как вы помните, у нас в Японии называют горы).

Вторая теория лишь подтверждает первую и говорит, что плоскогорье в японском называется *нару*. Приведённый выше иероглиф 平 как раз плоскость и обозначает. Слова типа *нара* или *наро* являются просто вариантами *нару*.

Некоторые лингвисты считают, что название пошло от слова *нара*, которым обозначается японский дуб.

Другие лингвисты обрадовались теории, выдвинутой неким Мацуокой Сидзуо, который посчитал, что слово «нара» заимствовано из древнего корейского, в котором оно означало «страна, нация, королевство». При этом оказывается, что *нара* упоминается в корейских хрониках не раньше XV века и пишется как «нарах», то есть его более древнее звучание, скорее всего, было «нарак» и было заимствованно из древнекитайского «нрак», то есть «земля».

Наконец, этимологических родственников японской столице находят в группе тунгусских языков, где «земля» называлась просто «на». Следы этого слова угадываются в древнеяпонских выражениях типа *нави фуру* или *нави йору*, которыми тогда обозначались землетрясения.

Как бы то ни было, но даже после перемещения центра империи в Киото Нара ещё долгое время звалась *Нанто*, Южная столица.

Проживает в сегодняшней Наре чуть более 373 000 человек, из которых порядка 3 000 иностранцы, из которых 1 200 корейцев и 800 китайцев. И ещё 1 200 оленей.

По легенде, когда влиятельный в VIII веке клан Фудзивара основал семейный храм Касуга (мы его скоро с вами увидим), старейшины призвали из храма Касима (что в нынешней провинции Ибараки) местное божество по имени Такэмиадзути, более известное как Касима-но-ками, то есть «ками из Касимы». Такэмиадзути считался богом грома и меча, а любители сумо, быть может, знают его как участника первого в истории турнира по этому сугубо японскому виду единоборств. Ко двору Фудзивары бог пожаловал верхом на белом олене. С тех пор потомки того оленя (обычные, бурые и добродушные) почитаются и охраняются здесь как божественные посланцы.

Площадь, на которой я сделал короткий привал, чтобы свериться с картой, мало чем отличалась от площадей где-нибудь в Екатеринбурге, Перми или Новосибирске. Разве что чистотой и воздухом. Дома-коробки никакие, под ногами плитка, над головой путаницы проводов, одним словом, вот тебе и древности. Не поддавайтесь первым впечатлениям, друзья мои. Вы для того и читаете эту книгу, чтобы знать, куда и зачем идти. Тем более, что я уже сориентировался и обнаружил, что, быть может, действительно, в прошлый раз прибыл на другой вокзал. Тот, что сейчас был у меня за спиной, назывался *JR Nara*. А чуть правее по карте находился вокзал *Amagatsuji*, принадлежавший вместе с подводившими к нему рельсами крупнейшей (после JR) железнодорожной корпорации *Китэцу*. Очевидно мы с Алиной в 2004 году причалили именно туда. Поспешу добавить, что разница невелика: в любом случае вы выходите на центральную улицу города, *Сандзё-дори*, которая пересекает любую из полученных вами карт слева направо и ведёт в скопление зелёных прямоугольников-парков на востоке, где и сосредоточены главные исторические памятники. Считается, что она выполняет

роль основной городской артерии аж с VIII века. Сегодня на ней расположены многочисленные торговые и едальные заведения Нары, маленькие и уютные.

Первая столица Японии торопила осень. Все фонарные столбы вдоль улицы были ярко украшены желто-оранжевыми ветками, которые не отличались от настоящих, однако при ближайшем рассмотрении оказались пластиковыми. Там же на столбах прятались динамики, из которых приятный женских голос, перемежавшийся музыкой, обращался к прохожим, вероятно, с наилучшими пожеланиями, а может быть и с ненавязчивой рекламой, не знаю. Во всяком случае, звучало это гораздо менее крикливо, чем в наших московских парках.

Современная часть города почти не успевает вам надоесть. Когда она заканчивается (метров через 800), слева на вас с высоты зелёного холма взирает пятиярусная пагода, а прямо перед вами расстилается зеркало небольшого пруда. Почти у берега можно увидеть лежащее в воде сдвоенное бревно, из которого растут молодые побеги, а рядом друг на друге стоят два больших камня. Приглядитесь, и вы увидите, что и на бревне и на камнях копошатся маленькие черепашки. То и дело бурую муть пруда поджигают оранжевые спины карпов, плавающих здесь стайками.

Пруд этот называется *Сарусава-икэ*. Раньше он был частью храмового комплекса Кофукудзи, который сегодня расположен через дорогу и отмечен уже замеченной нами пагодой. Изначально его имя было Ходзо-икэ, то есть «пруд, в который выпускают живность». Японцы верили, что, отпуская животных на волю, они тем самым совершают добродетельный поступок для себя и для покойных родственников. Специально купленную по этому случаю у торговцев рыбу бросали в пруд.

Пруд окружён ивами. Камнями по легенде отмечено то место, где росла ива, на которую одна бедная придворная служанка (*унэмэ*), решившая, что впала в немилость императора, повесила одежду, прежде чем утопиться. На северной оконечности пруда в память о мученице и за упокой её души был построен крохотный храм Унэмэ. По традиции его поставили фасадом к пруду, однако через некоторое время храм не смог выносить вида воды и, говорят, отвернулся.

Черепаший пруд

После того, как вы налюбуетесь прудом и черепашками, советую вам не идти дальше, а обратить внимание на высокую каменную лестницу слева, по краям которой развеваются на ветру два ряда красных флагов. Большинство шедших вместе с вами по Сандзё-дори прохожих, если они здесь туристы, сворачивают именно туда. Потому что лестница ведёт в первый на нашем пути храм – Кофукудзи.

Считается, что он ровесник Нары и построен в 710 году. Это не совсем так. На самом деле он старше. В 669 году его основала Кагами-но-Окими, жена заболевшего Фудзивара-но-Каматари. Но было это отнюдь не здесь, а в местечке Ямасина, которое сегодня стало одним из районов Киото. Ещё через три года храм перевезли в

Фудзивара-кё, городок в одноимённой с Нарой провинции, служивший столицей императорской Японии на протяжении 16 лет (696 – 710 гг.). Сегодня этого уже никто из неспециалистов почти не помнит, от Фудзивара-кё не осталось толком даже руин, а в упоминавшейся выше хронике Нихон Соки его называют Арамаси-кё. Почему так получилось, мы с вами можем лишь догадываться, хотя общий принцип, думаю, понятен без объяснений: историю сочиняют победители.

В 710 году Кофукудзи был во второй раз разобран и перевезён на нынешнее место. Он считался фамильным храмом Фудзивара и процветал ровно столько, сколько процветал сам род. В силу этого обстоятельства даже когда столица переехала в Киото, Кофукудзи не утратил своей значимости в отличие от других местных святилищ. Говорят, что на пике власти комплекс Кофукудзи состоял из 150 зданий. От всего тогдашнего богатства до наших дней через пожары и гражданские войны дошли разве что две пагоды – пяти и трёхэтажная. Последняя находится слева от лестницы, по которой мы с вами только что поднялись.

Рядом с ней – красно-белый восьмигранник с серой раскидистой крышей, больше похожей на китайскую, нежели на японскую, что неудивительно, поскольку, как мы помним, столицы в Японии застраивались по образцам городов Поднебесной. Восьмигранник

называется Нанэн-до, то есть Южный зал. Чуть дальше виднеется его северный близнец – Хокуэн-до. Оба храма перестраивались, но если второй выглядит так, каким его сделали в 1789 году, то первый стоит здесь, говорят, с 1210 года. Для публики они открываются лишь несколько дней в году.

Осмотревшись, я направился в сторону величественной пятиэтажной пагоды, которая считается чуть ли не символом Нары. При высоте 50 метров она уступает лишь киотской подружке из храма Тодзи (его мы посетим завтра). Построенная изначально в 730 году, она раз пять сгорала и в нынешнем виде существует «всего» с 1426 года.

Когда я поравнялся с ней, ко мне подскочил улыбающийся во всё прищуренное лицо паренёк лет пятнадцати и о чём-то попросил на своём английском, которого я не понял, но зато увидел, что он показывает на компанию таких же радостных одноклассников, стоявших в тени Токондо, Восточного золотого зала, в котором скрыта большая деревянная статуя будды Якуси. Оказалось, что мой новый знакомый просто захотел со мной сфотографироваться. Мы с ним дружески обнялись на фоне пагоды, чем вызвали восторг и фейерверк вспышек со стороны его друзей. После чего я осчастливил всех, предложив сделать общую фотографию. Пока мы позировали, я слышал, как один из мальчуганов пытается сделать мне комплимент, называя Санта Клаусом. Виной тому, вероятно, было сочетание моей редкой для Японии бороды с сединой и красной кепки. Желание же сфотографироваться с *гайдзином*[84], возникло, предполагаю, от люб-

[84] Сокращённое от *гайкокудзин* – иностранец.

ви японцев ко всему не просто западному, но большому. Ваш покорный слуга, видать, показался им гигантом прямо-таки сумоистских масштабов. В тот же вечер эта групповая фотография появилась на моих страничках в соцсетях как шуточный призыв московским ученикам усерднее заниматься английским, а не то, мол, видите, какой тут на меня спрос – того и гляди останусь преподавать местной детворе, благо работы у нас в Японии с английским языком непочатый край.

Часть территории Кофукудзи скрыта строительными лесами. Это реконструируют Центральный золотой зал. Оригинальная постройка сгинула в огне пожара в 1717 году, а та, что появилась через сто лет, была выстроена в уменьшенном масштабе. Недавно японцы решили, что у них достаточно средств и желания, чтобы восстановить зал во всей былой красе. Окончание работ в здании планируется на 2018 год, а на прилегающей территории – к 2023 году. Впечатлению от Кофукудзи это вовсе не мешает. Тем более что вход на территорию комплекса бесплатный. Деньги с вас возьмут лишь в том случае, если вы захотите посетить Восточный золотой зал (300 йен) и Национальный музей сокровищ (600 йен). Общий билет в оба места покупать выгоднее (800 йен).

Зайдя в Кофукудзи, мы уже фактически оказываемся с вами в парке, который не закончится вплоть до нашего расставания с Нарой. Если Киото показался вам зелёным, то старая часть Нары, считайте, просто лес. В котором, как я уже упоминал, гуляют настоящие олени – *сика*. Они небольшие (с крупную собаку), приветливые и весьма приставучие. Считается, что они умеют кланяться, хотя я этого не заметил. Если вам нечего им дать, то можно просто погладить между ушами, они не обидятся. Вообще же здесь в некоторых местах можно купить специальные рисовые печенья, называемые *сика сэмбэй*.

Продолжая двигаться по широким асфальтированным дорожкам парка на восток, мы доходим до проезжей улицы, на той стороне которой между двух каменных фонарей стоят большие оранжевые *Итино-тории*. Послушайтесь моего совета и проходите дальше не под ними, а поднимитесь по ступенькам на холм справа (за доской с подробным планом местности). Здесь вас ждёт неспешная прогулка мимо крохотных деревянных и глинобитных домиков, в которых не похоже, чтобы жили, однако мне удалось заметить, как в один из них протиснулась целая компания людей в традиционных

кимоно, встречаемая поклонами такой же оригинальной хозяйки. Могу предположить, что здесь угощают чаем, но не ловите меня на слове и не начинайте стучать в закрытые ставни.

Как-то совсем не по-японски, но очень уютно

С холма мы с вами спускаемся снова на асфальтированную дорожку, идущую по оврагу. С обеих сторон к нам спускаются поросшие древними деревьями склоны. О древности деревьев я сужу не только по стволам, но и по могучим корневым системам (если можно так выразиться, хотя впечатление просто сказочное), рождающим в памяти кадры из разных властелинов колец и хоббитов. На всякий случай по краям дорожки склоны выложены булыжниками, отделёнными от асфальта глубокими стоками. Забавно наблюдать, как по этим узким желобам ходят олени, выискивая там что-то особенно вкусное.

Не пропустите момента, когда склон справа потеряет крутизну. Сверните на него, и по другую сторону вам откроется большая естественная лужайка, простирающаяся до красной полосы клёнов, вытянувшейся вдоль невидимого отсюда пруда. Кое-где на лужайке стояли лавочки, уже занятые школьниками с портфелями. Извивающийся через всю лужайку ручей обложен большими камнями.

Косолапые девочки дразнят оленей, с визгами бегая от них и не давая отнять печенье.

Прогулявшись через лужайку до клёнов, вы обнаружите, что пруд почти пересох. Тем не менее, несколько запоминающихся кадров с осенней листвой сделать очень даже можно. Если у вас в руках план, то вы сейчас стоите возле маленькой голубой кляксы, обозначенной как Ара-икэ.

Пруды Ара-икэ и Саги-икэ

Поворачиваем налево и идём дальше на восток вдоль пруда к очередной проезжей дороге. «Проезжая» в данном случае означает, что по ней изредка может проехать какая-нибудь легковушка. За ней – очаровательный вид на пруд Саги-икэ с переброшенным через него мостиком и неожиданной беседкой, стоящей прямо на воде. Беседка шестигранная и относится к так называемым *укимидо* – плавучим храмам. Построена, говорят, недавно, меньше ста лет назад, однако впечатление вместе с мостиком, синей гладью озера и особенно лежащим в воде зелёным от мха валуном производит фантастическое. Это не музей, так что можете сидеть в ней хоть круглые сутки.

Обойдя пруд и перезнакомившись ещё с десятком оленей, среди которых попадались и рогатые самцы, засняв на память тонконогую цаплю и очередного красно-сине-белого карпа, я вернулся на старую добрую Сандзё-дори, чтобы продолжить путь дальше на восток, к знаменитому храмовому комплексу Касуга, самой дальней точке маршрута, если считать от вокзала[85]. Только предварительно я некоторое время посидел на лавочке, ни о чём ровным счётом не думая и наблюдая за толпами школьников, резвящихся на просторных лужайках. Если девочки предпочитали бегать от оленей, то мальчишки гоняли четвероногих попрошаек почём зря. Нет, одна мысль у меня всё-таки в тот момент была: откуда среди бела дня столько молодёжи и почему никто не учится. Впоследствии я уточнил, что в Наре с её крохотным населением расположено

[85] Если судить по расстояниям, указанным на моём плане, то от станции до храма Касуга ровно 2,5 км.

16 средних школ и 6 университетов. Вторая часть вопроса остаётся для меня загадкой и по сей день.

На то, что мы с вами постепенно приближаемся по Сандзё-дори к чему-то священному, указывают появляющиеся то справа, то слева большие, выше человеческого роста каменные фонари, которые раньше воздвигались на деньги спонсоров. Вообще таких фонарей в округе насчитывается 3 000 – по количеству святилищ Касуга в других частях Японии. Символика тут довольно понятная: фонари указывают путнику дорогу к просвещению во тьме неведения.

Но сначала они приводят нас ко входу (слева) в небольшой ботанический парк – *Синэн*. Если вы не любитель садов в целом и цветов в частности, смело ступайте мимо. Правда, если вы приехали в Японию и уже пробыли в ней несколько дней, то наверняка успели если не полюбить местную флору, то во всяком случае проникнуться ощущениями от того, что трудолюбивые японцы умеют с ней делать. При наличии лишних сил и минут двадцати времени я всё же советую вам расстаться с парой сотен йен и заглянуть сюда, будь то осень или весна.

Вообще у этого ботанического сада несколько названий. В справочниках вы можете найти его как сад Касуга Тайса, но чаще – как *Манъё Сокубуцуэн*. Если слово «Манъё» ничего вам не говорит, то должен в двух словах пояснить, что так (точнее *Манъёсю*) назы-

вается старейшая (VII-VIII вв.) и весьма почитаемая антология японской поэзии. Переводится Манъёсю как «Собрание десяти тысяч листьев» (или «Собрание мириад листьев»[86]). Сборник рассказывает о стане Ямато и о таких синтоистских ценностях, как искренность и доблесть.

При чём тут ботанический сад, спросите вы? А притом, что в 265 длинных стихах *тёка* и 4 207 коротких стихах *танка* встречается 1 500 описаний различных трав, деревьев и цветов, росших в Японии с незапамятных времён. Порядка 300 из них ждут вас в этом саду. Причём отдельные растения снабжены табличками с соответствующими поэтическими цитатами. Сам по себе сад не древний. Открыли его в 1932 году. Собственно, если обойти всю его небольшую, но насыщенную территорию, то вы обнаружите несколько садов – с глициниями, с камелиями, с ирисами, а также различными злачными… простите, злаковыми культурами. Глицинии здесь неспроста: их цветок считается символом и гербом храма Касуга. Чтобы полюбоваться её цветением, планируйте поездку на конец апреля – начало мая. Разумеется, кроме многообразия японской флоры и поваленных замшелых стволов диковинных деревьев, вы увидите здесь и звонкие ручейки, и тенистые беседки, и каменные мостки, и революционно-оранжевых карпов в холодном супе пруда.

Покинув ботанический сад, мы с вами скоро оказываемся перед выцветшими до бледно-розового цвета воротами, за которыми начинается ступенчатый подъём сквозь плотный строй старинных каменных фонарей к собственно храму.

Прежде чем начать подъём, обратите внимание на большое здание, прячущееся в листве слева. Над входом есть и английская надпись – *Treasure Hall* (Сокровищница). Круглый год здесь выставляется порядка 3 000 старинных экспонатов – от музыкальных инструментов до доспехов, – которые в разное время дарились святилищу. Кроме того, проводятся тут и тематические выставки, призванные знакомить туристов с культурой Касуги. Сегодня красочные рекламные плакаты приглашали бросить взгляд на оружие самураев. Как ни странно, меня они не соблазнили. И причина тут не в 400 йенах за вход, а в том, что внутри музея запрещается снимать.

---

[86] ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА, 1971, Перевод с японского, вступительная статья и комментарии А. Е. ГЛУСКИНОЙ

Касуга считается ровесником Нары. Как я упоминал выше, изначально он служил семейным святилищем клана Фудзивара. Возведение первого строения было завершено в 710 году. Поскольку храм этот синтоистский, а синтоизм ратует за чистоту и обновление, Касуга разделил судьбу святилища в Исе, которое традиционно разбирается и снова восстанавливается каждые 20 лет. С храмом Касуга этот японский ренессанс произошёл с тех пор 50 раз, пока в 1863 году ни было принято решение с перестройками покончить. С тех пор нынешнее красно-белое здание стоит постоянно.

Фонарей здесь и в самом деле много, даже слегка чересчур. Причём не только каменных, что мшеют вдоль дороги и между которыми то и дело высовываются мордашки оленей, но и бронзовых. Последние висят повсюду, на всех крышах и карнизах. Зажигают их два раза в год по праздникам: в начале февраля и в середине августа.

Не успел я ступить за последние врата, как меня остановили улыбки какой-то старушки, которая, оказывается, увидела во мне того, кто может запечатлеть на её фотоаппарат всё их честное семейство, в котором выделялись внук и внучка. Мальчику было года

три, девочке – лет пять. Он был в нежном бело-голубом кимоно с чёрной в цветочек хакамой, она – в розовом, с жёлтым пояском и с розовой женской сумочкой. Я не растерялся и, когда просьба бабушки была выполнена, в свою очередь попросил остальных родственников выйти из кадра и запечатлел на память (на сей раз свою, цифровую) эту трогательную парочку.

Осмотр храма не занял много времени, и я, чтобы не возвращаться обратно, по привычке ступил на дорожку, которая уводила вправо и вверх, в нечто похожее на очередной девственный лес.

Если во всей Японии насчитывается 3 000 одноимённых храмов, то не должно быть ничего удивительного в том, что на призыв старейшин Фудзивара отреагировал не только ками из храма Касима (тот, что приехал на олене), но и ещё добрая дюжина божеств. Всем им возвели святилища поменьше в тех местах, где они приземлились на горном склоне. Поэтому, следуя по дорожке, я то и дело обнаруживал слева и справа красные теремки с покатыми крышами или ворота, указывающие на близость чего-то синтоистского.

Хотя позади я оставил большое скопление народа, вокруг сейчас не было ни души. В одном месте мне так понравилось, что я поставил видеокамеру на землю и запечатлел себя идущим вразвалочку мимо всей этой скромной красоты. И снова, как и много раз до

этого, стоило мне закончить съёмку, как на дорожке стали один за другим появляться туристы, будто специально выждавшие, когда я вдоволь натешусь уединением. Вот вам и прямое подтверждение того, что наше настроение создаёт окружающую нас реальность…

Третьим и последним в сегодняшней прогулке по Наре пунктом назначения в моих планах значился храм *Тодайдзи* с примыкающим к нему *Нигацу-до*.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне представляется более правильным приехать сюда с ночёвкой. Тем кратчайшим и наиболее полным маршрутом, что я вас веду, мы успеем до закрытия (до 17:00) осмотреть лишь основные здешние достопримечательности. За кадром не по нашей воле останется ещё немало мелких храмов, пагод и садов, которые, не знаю, как вам, а мне бы очень хотелось не спеша и рассудительно посетить.

Например, я за оба раза так и не добрался до того места, где некогда находился императорский дворец Хэйдзё. Этот участок земли длиной и шириной в километр некогда был центром «Столицы цитадели мира», но с переездом двора в Киото пришёл в такое запустенье, что местные жители несколько веков возделывали его как… рисовое поле. Зато отсутствие каких-либо строительных работ позволило археологам XX века провести здесь надлежащие раскопки, и на государственном уровне было принято решение, что прошлое Нары следует любить и уважать. За последние тридцать лет были реконструированы (то есть, выстроены заново) сразу несколько памятных мест: зал для аудиенций Дайгокудэн, главные ворота Судзакумон и сад Восточного дворца Тоин Тэйэн. О том, что восстановительные труды будут продолжены, говорит и тот факт, что поблизости уже открылись три музея: выставочный зал раскопок, музей дворца и музей истории Хэйдзё-кё. При этом никто, как в Китае или в Италии[87], не настаивает на «древности» заново возводимых строений.

Размышляя об этом, я вернулся обратной дорогой в храм Касуга, спустился между фонарями до розовых ворот, свернул направо и прошёл мимо Сокровищницы. В прошлый раз мы с Алиной торопились и пошли другим путём, взяв ещё правее, отчего в итоге только чудом нашли Тодайдзи, заметив его золотые «рога» на

[87] Я имею в виду такие «исторические» памятники, как Колизей или Помпеи, о чём я рассуждаю на своём сайте и в других книгах.

крыше с обзорной площадки Нигацу-до. Сегодня я хотел сделать всё наоборот, то есть оставить вид Нары с горных высот на десерт.

После погружения в мир синто теперешняя дорога возвратила меня в реальность, реальность подмосковную, дачную, в ощущения детства, когда лето было летом, а зима зимой, когда люди не суетились и не опаздывали, когда было мало автомобилей, но зато много свежего воздуха. Читая эти страницы, вы едва ли сможете ощутить то, что переживает русский человек, оказавшийся в Японии да к тому же вдали от крупных городов. Эту атмосферу, какую-то странным образом знакомую и почти родную можно только почувствовать и нельзя передать. И совершенно непонятно, то ли причиной тому постройка всего и вся по естественным принципам фэн-шуй, то ли всеобщая вера не в чуждого бога, а в исконных духов природы, каких можно встретить и у африканских негров, и у американских индейцев, и у кельтов Великобритании, и у братьев-славян, то ли просто японский эгрегор нам близок и по-своему дорог. Ответа я так и не нашёл по сей день, а потому предполагаю, что всё вместе.

Дорога через парк вывела меня на шоссе, по правую сторону которого простирался луг, ровную зелень которого прерывали алые и лимонные краски осенних деревьев и голубизна не имеющего чётких форм пруда с островками и каменными мостиками. Повсю-

ду на лугу отдыхали японцы и паслись олени. Собственно, ели и те, и другие.

Забавная деталь: стоит японцу или японке заметить, что их снимают, они автоматически начинают улыбаться и показывать двумя пальцами знак «виктория». Кстати, считается, что этот знак ввёл в обиход в его нынешнем значении – победа – Уинстон Черчилль, показывавший его народу (и врагам) чуть ли не на каждой второй своей фотографии. На самом деле корни этого знака гораздо глубже, чем мы склонны думать, и отнюдь не столь безобидны, как кажется на первый взгляд. В интернете вы можете найти объяснение, мол, указательный и средний палец показывали английские лучники ещё средних веков, которым их враги, французы, эти пальцы по понятным причинам старались при возможности обрубать. Правда, будьте осторожны с этим знаком особенно в самой Англии, поскольку если вы там покажете «викторию» с повёрнутой к себе ладонью, этот жест будет воспринят как оскорбление, подобное нынче приживающемуся у нас выставленному вверх среднему пальцу. Однако, лучники лучниками, а два поднятых и расставленных таким образом пальца с древности означают «рогатого бога». Равно как и ещё более распространённый и вопиющий знак с расставленными указательным пальцем и мизинцем. Его особенно любят показывать посетители рок-концертов и боёв без правил, хотя не менее часто его демонстрируют нам всякие милые политики, которым в большинстве своём истинное значение этого жеста хорошо известно. Так что будьте умнее и обращайтесь со знаками и символами аккуратнее. Лучше их на себе вообще не показывать. Даже такой «безобидный» знак, каким считается ОК, когда указательный и большой палец образуют колечко. Потому что если вы приглядитесь, то от «колечка» оставшиеся три пальца отходят «хвостиками», получая в итоге замечательно внятный символ 666. Ну, это я так, к слову. Если вы считаете, что это всё глупости, показывайте, что угодно, только потом не удивляйтесь, отчего «жизнь не складывается»…

Луг манил к себе. Я послушно сошёл с шоссе и двинулся по траве в сторону большой бамбуковой беседки со столиком и лавками, утопающей во вьюнках и полускрытой красными кронами соседних деревьев (причём на клёны не похожих). Здесь я передохнул в тени, позвонил домой, ещё раз сверился с картой и некоторое время следил за одиноким юношей в инвалидной коляске, который

оснастил её фотоаппаратом и с трудом и упоением прицеливался к одному ему ведомым композициям.

Идея построить храм Тодайдзи, к которому метрах в ста от меня тянулась оживлённая дорожка, принадлежала императору Сёму. Правда, название он тогда, в 728 году, получил Кинсёсэн-дзи и был возведён за упокой души маленького принца Мотои, первого сына Сёму и Кёмиёси из рода Фудзивара, умершего через год после рождения. Судьба вообще была неблагосклонна к Сёму. Его правление отмечено не только неурядицами политического характера, но и природными катаклизмами, перемежающимися с эпидемиями и неурожаями. Нужно было срочно что-то делать, и Сёму не то в 741, не то в 743 году призвал всю нацию объединиться и начать возводить по стране буддийские храмы с тем, чтобы Будда смилостивился и защитил Японию. Главным храмом над всеми остальными он назначил, разумеется, близкий сердцу Кинсёсэн-дзи, который впоследствии был переименован в Тодайдзи, что означает «Великий Восточный храм».

По задумке императора, главному храму должна была соответствовать и статуя самого Будды. На её отливку пошло 437 тонн бронзы, 150 килограммов золота, 7 тонн воска, 70 килограммов ртути и несколько тысяч тонн древесного угля. В итоге получилась самая большая бронзовая статуя Будды в мире.

Подстать статуе и помещение, где он сидит. *Дайбуцудэн*, или Зала Великого Будды, до 1998 года считался самым большим деревянным зданием. Тоже в мировом масштабе[88]. И это притом, что после неоднократных пожаров оно было окончательно реставрировано в 1709 году (официально, хотя это не совсем так, о чём я скажу ниже) и получилось на 30% меньше первоначального.

Говорят, некогда на территории комплекса можно было лицезреть две высоченные 100-метровые пагоды, но их разрушили землетрясения.

По преданию руководил постройкой Дайбуцудэна и литьём статуи мастер Кимимаро, приехавший в Японию из Кореи. Помощь при строительстве ему оказывало более 2 миллионов человек[89]. Я предполагаю, что речь тут идёт не о рабочих, которым бы просто не хватило места, а о тех, кто помогал морально и материально. Ведь проект этот был по размаху сравним даже не с «восстановлением»

---

[88] Сегодня его превзошёл, в частности, бейсбольный стадион «*Одатэ Дзюкай Дом*», тоже в Японии.
[89] Одни источники называют цифру 2 180 000, другие – свыше 2 600 000.

Храма Христа Спасителя в Москве, а с ужасами сочинской олимпиады. Казна империи была в итоге практически разорена. В стране не осталось бронзы.

В 752 году статуя Будды была наконец завершена, и на церемонию освящения храма собралось, говорят, 10 000 человек, включая делегации не только из всех провинций Японии, но также из Китая и Кореи. Корейцем по происхождению был не только мастер Кимимаро, но также знаменитый монах Гёки, который путешествовал по всей стране, распространяя буддийское учение и попутно собирая деньги на строительство, чем расположил к себе императора. Сегодня он считается основателем японской картографии. В 736 году он повстречал монаха Бодхисэну, приехавшего из Индии проповедовать идеи школы Кэгон[90]. Рассказывают, будто оба сразу же узнали друг друга, причём по прежней жизни, когда они были в числе последователей Шакьямуни и слушали его проповедь на горе Гридхракута. Если вы не знаете, то именно там Шакьямуни во второй раз повернул колесо Дхармы и изложил своё представление о пустоте. Как бы то ни было, но с подачи Гёки именно Бодхисэну император Сёму доверил проведение церемонии освещения Тодайдзи.

Уж не знаю, хорошо ли индус справился с возложенной на него миссией, но только в XII веке громадный Дайбуцудэн сгорел в огне гражданской войны. Бронзовый Будда тоже пострадал. Одни говорят, что у него отвалилась голова (поэтому сегодняшняя выглядит темнее остального тела), другие – что пришлось заменять многие части. Восстановленный храм повторно сгорел в 1567 году, и бедной статуе пришлось сидеть под открытым небом сто лет, пока в 1699 году ни начались реставрационные (фактически, строительные) работы, которые были благополучно свёрнуты через три года, так что наполовину достроенному храму пришлось ждать возвращения мастеров аж до 1903 года. В итоге он практически развалился. Приведение Дайбуцудэна в нынешний вид было окончательно завершено лишь через десять лет.

Покинув беседку, я прошёл в потоке туристов (в основном японских, хотя попадались и европейцы) и между приставучих оленей до Великих Южных ворот – Нандаймон. Пять пролётов во-

---

[90] Соответствует китайской школе *хуаянь* и корейской *хваом*. Основанная идея школы: «Всё в одном и одно во всём» – в каждом элементе весь мир и этот элемент – в каждом другом элементе. То есть по сути уже тогда некоторые мыслители догадывались, что окружающее нас представляет собой голограмму. Считается так же, что со временем именно учение кэгон перевоплотилось в учение дзэн.

рот накрыты двухъярусной крышей, которая поддерживается восемнадцатью цельными стволами-колоннами высотой 19 метров. В двух нишах стоят уже знакомые нам стражи Нио, очень выразительные, но на всякий случай прикрытые от нас с вами сеткой. Считается, что ворота стоят здесь с конца XII века, а стражей вынимали из ниш лишь однажды – в 1988 году для первой и единственной пока реставрации.

Справа от ворот в 2011 году был открыт музей местных реликвий. Почему-то он меня не заинтересовал, и я пошёл дальше, к бело-красной стене, в левой части которой находится касса и проход непосредственно к Дайбуцудэну (всего за каких-то 500 йен).

Бело-коричневый Дайбуцудэн возвышается в глубине просторного прямоугольного луга, не уступающего размерам футбольному полю. Отличительной его особенностью служат два золотых рога-конька, установленных на краях двухъярусной четырёхскатной крыши. Не знаю наверняка, но могу предположить, что появились они тут в честь всё того же оленя, который доставил к Фудзивара вызванного ими божественного ками. Надеюсь, что это не дань тому, кого изображает безобидный с виду знак «виктория».

Несмотря на всё, что я рассказывал вам выше про Будду (кстати, его тут зовут Вайрочана), на меня он второй раз сильного впечатления не произвёл. Сидящий на улице Будда в Камакуре со стороны кажется выше, хотя его рост 13,5 метров, тогда как здешний не дотягивает до 15 лишь каких-то 2 сантиметра. Но нам ли с вами удивляться оптическим обманам и относительности вещей. Например, высота статуи «Свободы» (простите за кавычки, но иначе это слово в отношении западного мира и США в частности у меня как-

то не выходит) от пьедестала до кончика факела – 46 метров. И весит она 225 тонн. А Будда при не полных 15 метрах тянет на все 500. И при этом, оказывается, символизирует Пустоту. Скорее уж тёмную материю…

По бокам от Будды сидят два позолоченных *босацу* (просветлённых), окружённые христианскими нимбами со спицами-лучами. Мне вспомнился Моисей работы Микеланджело, спрятанный в Риме в церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи и очень похожий на кудрявого Пана. Только без копыт. Зато с замечательными козлиными рожками (!). Которые ревнители католицизма и других иудейских сект спешат назвать… лучами.

Будда по традиции сидит в позе бомжа-регулировщика, то есть левая ладонь у него как пригоршня, а открытой правой он даёт всем входящим в храм сигнал «стоп». Сидением ему служит цветок бронзового лотоса с трехметровыми лепестками. Из двух ваз торчат настоящие еловые ветки. Все в благородной патине и пыли. Говорят, раз в год пыль счищают и носят на помойку вёдрами. При этом на лежащей ладони одновременно могут находиться пять-шесть рабочих.

За спиной статуи поблескивает деревянный позолоченный ореол, в котором выдавлены ещё 16 фигур Будды размером приблизи-

тельно в рост человека. Они олицетворяют предыдущие воплощения товарища Вайрочана.

Преисполненные восхищенья, давайте теперь обойдём Будду и залу слева.

Нельзя не обратить внимания на высоченную фигуру хмурого воина в очень детально проработанных доспехах и развевающемся плаще. Это *Коумокутэн* – один из четырёх великих небесных стражей, наделённый ясновидением и попирающий некую рептильную сущность. Он отвечает за неприкосновенность западных врат. Взгляд его злых глаз над ноздреватым носом-клювом и в самом деле завораживает. Нельзя не отдать должное мастерам, которые в самом конце XVIII века вырезали его из дерева.

А что это там дальше за скопление народа, преимущественно детворы, которая смеётся и резвится, иначе говоря, ведёт себя не подобающим храму образом? Толпа обступила одну из колонн. У самого пола в колонне прорезано сквозное отверстие. Девочки, мальчики и почтенные дяди (почтенных тёть я тут ни разу не видел) опускаются перед колонной на четвереньки и с разным успехом пытаются протиснуться через отверстие. Говорят, размер его соответствует размеру ноздри Великого Будды Вайрочаны. Картина и в самом деле весьма забавная, тем более что если для детей это просто очередная забава, то взрослые лезут в дырку с серьёзными лицами, ибо они точно знают: у кого это получится, тот в конечном счёте заслужит просветленья и попадёт в Нирвану[91].

[91] Некоторые путеводители считают, что таким образом можно очиститься от грехов.

Важно выйти из Нирваны не рваным…

Обратите внимание на стоящий у дальней стены залы макет. Его в начале XX века сделали на основании старых документов. Макет воссоздаёт первоначальный облик Тодайдзи в масштабе 1:50. Бросаются в глаза упомянутые мною стометровые пагоды по бокам и тот факт, что здание Дайбуцудэна заметно шире того, что окружает нас сейчас.

Недалеко от макета стоят две отрезанные деревянные головы. Судя по английским табличкам, так выглядели Дзотётэн и Дзикокутэн, тоже небесные стражи, отвечавшие за южные и восточные врата соответственно. Их последний, четвёртый собрат, Тамонтэн, стоит в полный рост по другую сторону от Великого Будды.

Здесь мне хотелось бы процитировать один из коротких рассказов плохо известного нам японского писателя Юмэмакура Баку на эту тему[92].

По словам Гэнкаку, он начал вырезать скульптуры четырех Небесных королей – локапал два года назад. Всего четыре фигуры. Это почитаемые божества, каждый из которых охраняет одну из сторон небесного свода: север, запад, юг и восток. На юге – Дзотётэн, Вирудхака. На востоке – Дзикокутэн, Дхиртараштра. На западе – Комокутэн, Вирупакша. На севере – Тамонтэн, Вайшра-

[92] Цитируется по сайту *http://hikari.narod.ru*

вана. Статуи вырезал из ствола старого дерева хиноки, японского кипариса, распиленного на четыре части. В храм Кёогококуодзи (нынешний Тодэйдзи – прим. К.Ш.) *попал ствол огромного тысячелетнего кипариса. Кипарис, после того как срубили, два года сушили, укрыв от солнечных лучей, а затем доставили очень вовремя к Гэнкаку. Монах начал свою работу со статуи локапалы юга, Дзотётэна. На эту статую ушло пол года. Следующий – Небесный король востока, Дзикокутэн. Затем – локапала севера, Тамонтэн. На каждую статую ушло по пол года, и в самом конце пришла очередь Небесного короля запада, Комокутэна.*

Месяц назад Гэнкаку закончил первую часть – беса. Затем он приступил к самой фигуре Комокутэна. И вот, когда статуя локапалы была почти закончена, начались странности. Дело в том, что каждый из четырех Небесных королей своей ногой попирает по одному бесу. И тот бес, которого должен был попирать локапала Запада, за несколько дней до полного завершения статуи… исчез.

Головы богов

- Исчез? – переспросил монаха Сэймей.

- Да, исчез.

Деревянная статуя от подставки до фигуры беса и вплоть до фигуры самого божества вырезается из ствола одного дерева. В статуе Комокутэна спина беса соединяется со ступней и ногой локапалы, попирающей эту самую спину. И вот – бес исчез. И следов того, что его кто-то вырезал долотом – нет. До полудня того дня, когда исчезновение обнаружилось, бес был на месте, где ему и положено, под ногой локапалы. Гэнкаку это точно знал.

А ночью, встав по малой нужде, Гэнкаку вдруг нестерпимо захотелось посмотреть на статую Комокутэна. Ведь двухлетний труд его как никак подходил к завершению. Справив нужду, монах взял лучину и зашел в мастерскую. И там он обнаружил, что беса нет.

Но на следующее утро бес был, вот он, на месте, под ногой локапалы. Решив, что увиденное вчера ночью – сон, Гэнкаку продолжил работу как обычно. Вечером он работу закончил, но вчерашнее происшествие не давало монаху покоя. Гэнкаку прошептал себе под нос:

- Ладно, закончу статую сегодня ночью. Статуя Комокутэна уже была почти готова, а если немного поднажать и поработать сегодня ночью, то работу можно закончить к утру.

Так Гэнкаку и решил. Поужинав, он подготовил лучин для освещения и пришел в мастерскую.

И снова беса не было! Исчез.

На этот раз и на следующее утро, и через день, и через два бес не вернулся. Тогда на четвертый день Гэнкаку не выдержал и пробрался к Сэймею. Тайком от настоятеля своего храма Кёогококуодзи. Ведь если рассказать о происшествии остальным монахам, то у самого Гэнкаку могут отнять монашеское звание – так объяснил Гэнкаку Сэймею.

- Это потому, что, по всей вероятности, я, именно я виноват в исчезновении беса...

- Да?

- Господин Сэймей, известно ли вам как поклоняются внутреннему кругу мандалы? – Поклонение внутреннему кругу мандалы, символизирующему не человеческое измерение вселенной, как внешний круг, а измерение божеств, бодхисатв или Будд, включает в себя практику поклонения не только Буддам и бодхисатвам, но и в случае необходимости – поклонение другим небесным божествам, сущностно присутствующим в мандале.

- Просветленных сущностей чрезвычайно много, и в зависимости от школы и от мастера существуют различные способы поклоняться мандале. Всех их я не знаю, но некоторые мне известны.

Иначе говоря, есть способ почитать локапалу, Небесного короля, как сущность, обладающую просветленной активностью наравне с Буддой.

- Когда мы начинаем вырезать статую, то, кем бы эта статуя ни была, вся душа твоя должна быть полна этой статуей. И пока ты работаешь, эта статуя становится твоим Буддой. Моим, буддийского монаха, Буддой.

Итак, Гэнкаку, приступая к работе над новой статуей, обязательно совершал водное очищение от скверны, а затем начинал работу, но только после того, как вознесет молитву Небесному королю способом поклонения мандале.

И вот тут собака зарыта:

- Начиная работу над статуей Комокутэна, я поленился провести моление…

Оставим суть произошедшего на совести автора, а русский язык – на совести переводчицы и пойдём дальше. Точнее, на улицу, поскольку внутренний осмотр Дайбуцудэна окончен.

Всё будет хорошо, ребята. Я, Биндзуру, вам обещаю.

Слева от выхода, прямо на улице, в широком кресле сидит в позе лотоса деревянный истукан Биндзуру. Так в Японии принято называть самого популярного из архат – Пиндолу Бхарадваджа. Архатами, если вы вдруг не в курсе, считаются просветлённые люди, достигшие освобождения от необходимости перевоплощаться в тренажёре нашего мира, но пока не обладающие всеведением Будды. На Биндзуру надет трогательный красный плащ с капюшоном. И то только для того, чтобы защитить от дождей. Таким образом японцы через Биндзуру заботятся о здоровье своих детей. Кроме того, считается, что если у вас что-то болит, вы должны потереть это место у статуи, потом у себя, и всё пройдёт. За десять лет до этого я честно тёр Бинзуру спину. Вероятно, моя вера оказалась не настолько крепка, потому что толку от этого идолопоклонства не было ни на грош. На сей раз я ограничился фотографированием. Примечательно, что за всё то время, пока я здесь крутился, никто из выходивших не подошёл к Биндзуру и не потрогал его. Видимо, я был не одинок в своих праведных сомнениях.

Чтобы достойно закончить знакомство с Тодайдзи и Нарой, я предлагаю вам при выходе за территорию Дайбуцудэна свернуть налево, на восток, в сторону, отмеченную высоченной золотой антенной с сердечником и множеством колец. Если бы не золото и не неподходящее место, можно решить, что перед нами обломок линии высоковольтных проводов или мачта для сотовой связи. На самом деле этими затейливыми конструкциями-громоотводами оборудованы здесь практически все пагоды. В европейской

традиции, насколько мне известно, эти архитектурные элементы называются финиалами, у нас – фиалами, в Японии – *курин*. Колец на самом деле всего девять и символизируют они буддийских божеств. На всех висят колокольчики. Считается, что практическая функция курин, действительно, заключается в отведении от пагод молний. Мне же почему-то кажется, что устройства, принимающие энергию, с такой же эффективностью могут энергию передавать. Какую и куда – это уже другой вопрос.

Подозреваю, что здешняя антенна, установленная прямо на земле, имеет отношение к одной из тех двух пагод, которые давным-давно были разрушены землетрясением.

Если мы продолжим идти по дорожке, то скоро окажемся в самом любимом мной местечке Нары – на территории храма Нигацудо, являющегося, по сути, составной частью комплекса Тодайдзи, но частью, на мой вкус, весьма своеобразной.

«Зал второго месяца», а именно так переводится его название, расположен на горе Вакакуса (или Микаса), известной тем, что в четвёртую субботу января тут проводится праздник Ямаяки, то есть «поджаривание горы», во время которого на склонах сжигают пожухлую траву. Традиция, как считается, родилась в 1760 году из-за спора о границах между Тодайдзи и Кофукудзи. Поговаривают, правда, что целью сжигания травы на самом деле является борьба с местными кабанами и прочими паразитами.

Основал Нигацу-до монах по имени Санэтада в 752 году, однако чаще всего в связи с храмом упоминается другой буддийский деятель – Дзиттю. Именно он создал ритуалы, практикуемые здесь по сей день. Самым важным из них считается церемония *Суни-э*, которую Дзиттю разработал по настоянию принцессы Кёмиёси, уже упоминавшейся мной жены императора Сёму, который болел и которого она хотела таким образом спасти от недуга.

О том, как он это сделал, рассказывают дошедшие до нас тексты XVI века. Оказывается, Дзиттю блуждал в раздумьях по горам и забрёл в пещеру, которая привела его в небесный мир Тосоцутэн. В пещере Дзиттю увидел 49 святилищ, посвященных разным буддийским божествам, между которыми сновали с подношениями разные небесные создания. Особенно поразило монаха действо, разыгравшееся перед святилищем одиннадцатиликой Каннон. Он даже испросил позволения поучаствовать в церемонии, однако получил отказ, поскольку время в мире Тосоцутэн бежит гораздо быст-

рее, чем на земле: один тамошний день равен 400 земным годам. Тем не менее, Дзиттю решил по возвращении домой воссоздать увиденное. Сначала принцесса Кёмиёси разрешила проводить Суни-э в своих покоях, но после её смерти Дзиттю перебрался в Нигацу-до. Суни-э, если вы ещё не догадались, переводится как «служба второго месяца». Поскольку речь идёт о лунно-солнечном календаре, торжества приходятся на февраль или март.

Судьба сыграла с Нигацу-до злую шутку. Храм без потерь пережил гражданские войны 1180 и 1567 годов (когда был разрушен соседний Дайбуцудэн), однако вспыхнул во время очередной церемонии Суни-э ровно через сто лет, в 1667 году. Восстановили его, правда, быстро – всего за два года.

Дорожка за «антенной» привела меня к очередным деревянным постройкам, образовывавшим большой навес. Спиной ко мне на банальных лавочках сидело несколько десятков японцев, которые внимали молодому человеку, облачённому в национальный наряд, венчавшийся высокой пилоткой на голове. Он обращался к слушателям с помоста, на котором, кроме него, была только обычного вида женщина за современным электрическим клавикордом. При входе под навес другой юноша в чёрном кимоно стоял за импровизированным прилавком с программками и дисками на продажу.

После долгой преамбулы молодой человек в пилотке поднял ко рту нечто вроде узкого деревянного подсвечника и протяжно заиграл. Клавикорд поддержал его. Некоторое время я с интересом слушал исполнение тягучей, но довольно музыкальной

песни без слов, которая послужила прекрасным фоном для съёмки окружавшего меня средневековья. Как я выяснил впоследствии, инструмент этот называется *шо*, состоит из 17 бамбуковых трубочек и представляет собой мини-орган, появившийся на территории Японии (из Китая, разумеется) как раз в эпоху Нара, то есть в начале VIII века. Из семнадцати трубочек две вообще звуков не издают, а служат для эстетической симметрии, поскольку символически изображают два крыла птицы. Считается, что звучание шо напоминает песню феникса. Язычок внутри конструкции сделан таким образом, что дудеть можно как на вдохе, так и на выдохе, что позволяет тянуть ноту почти бесконечно. Предназначен этот инструмент главным образом для исполнения «элегантной музыки», которой тешили себя императоры и их придворные и которая, придя тоже из Китая, получила здесь не слишком благозвучное название *гагаку*. Сегодня гагаку по праву считается древнейшей японской классической музыкой[93].

Достаточно умиротворившись и сверившись с телефоном на предмет времени, я почувствовал, что проголодался. Выйдя на небольшую площадь и убедившись, что лестница в Нигацу-до открыта и никуда не убежит, я смело зашёл в маленький ресторанчик. Предварительно мы вместе с радушно вышедшей мне навстречу пожилой официанткой выбрали для меня поднос с набором яств из числа выставленных пластмассовых муляжей на витрине, так что, расположившись за столиком, я лишь дозаказал пива. «Кирина» в ассортименте не было, так что я согласился на разливное «Асахи», которое почему-то оказалось в бутылке. Вы когда-нибудь видели, чтобы на бутылке писали, что пиво разливное? Ну, чего только не бывает на свете в первый раз!

Не успели принести мой заказ, как официантка вышла на улицу и стала снимать с окон рекламные флажки. Видимо, я успел как раз к закрытию. Еда оказалась обычной, японской, рисово-лапшёво-куриной с примесью невнятного салата. Самым примечательным в обеде был чек, состоявший из двух строчек размашисто написанных иероглифов без малейшего намёка на понятные гайдзину цифры. Взяли с меня, разумеется, ровно столько, сколько значилось на ценнике в витрине, то есть сущие копейки. Это вам не Париж и не

[93] Послушать, как она звучит, можно в конце 6-й части моего фильма (24:35) по адресу kyoto-nara-osaka.jimdo.com

Москва всё-таки. Здесь клиентов уважают и не пытаются во что бы то ни стало одноразово ободрать.

Посещение Нигацу-до сводится к совершенно бесплатному стоянию на открытой веранде и любованию раскрывающимся внизу видом на Нару. Внутри храма, говорят, хранятся две статуэтки Каннон, однако они тут считаются Хибуцу, то есть «тайными» Буддами и потому не демонстрируются публике.

Обратный путь до вокзала, до Киото и до гостиницы прошёл без приключений. Чтобы не повторять маршрут, проделанный до Нигацу-до, послушайтесь моего очередного совета и спуститесь с веранды по деревянному коридору-лестнице, не обращая внимания на взбегающую наперегонки детвору. Почти прямая дорожка приведёт вас на зады Дайбуцудэна. Обойдите его и встаньте спиной ко входу. Ваше направление – под 45 градусов направо. Таким образом минут через десять вы окажетесь перед европейским зданием с колоннами, в котором размещается местный Национальный музей. Будут силы и желание посмотреть на старинные свитки и изображения Будд, можете заглянуть. Позади музея вправо уходит уже знакомая нам центральная улица – Сандзё-дори. Ещё четверть часа, и вы у билетных автоматов вокзала. Как ни странно, обратный билет стоит те же 690 йен. Платформ тут мало, не запутаетесь. Главное – случайно не задремать и не проехать центральный вокзал

Киото. Что касается оставленного велосипеда, не волнуйтесь, он будет на месте.

Вечером я одним глазом посмотрел по телевизору прогноз погоды на 2-е ноября: на юге острова Кюсю – плюс 28. В Киото днем 22, ночью 12. На севере Хоккайдо – днём 9, ночью минус 1…

***Глава XX**, в которой я осматриваю храм Тодзи, поднимаюсь на 100 метров над Киото, делаю покупки и уезжаю в Осаку*

На последний полноценный день в Киото я запланировал посещение святилища *Тодзи* с самой высокой в Японии пагодой.

Переводится название Тодзи как «Восточный храм», хотя расположен он фактически на юге города, позади центрального вокзала. Дело в том, что через два года после переноса столицы в Киото, рядом были построены два храма, Восточный и, соответственно, Западный – *Сайдзи*. Стояли они чуть севернее ворот Расёмон, давших имя знаменитому фильму Куросавы. Теперь в этом месте проходит улица Сэнбон-дори и разбит маленький парк. А в 796 году это были единственные буддийские храмы, дозволенные в Киото императором Канму, пытавшемуся за счёт них сдержать политическое влияние осиротевшей Нары. Пожары 990 и 1233 годов разрушили Сайдзи, который почему-то так и не стали восстанавливать.

Кстати, от легендарных ворот Расёмон сегодня тоже не осталось даже основания. Изначально они служили южным входом в Киото[94], однако к XII веку пришли в полный упадок. Здесь стали селиться бомжи, тут прятали трупы, а нерадивые матери именно сюда подбрасывали нежеланных детей. Говорят, одно время в воротах даже обитал демон Ибараки Додзи. Акира Куросава избрал Расёмон как символ физического падения японского общества середины прошлого века.

Официальное название Тодзи – Кёогококудзи, что можно перевести как «Храм в защиту нации благостью сутры Нинно-гококукё». Строили его, несмотря на императорское повеление, больше тридцати лет. Император Канму давно сошёл с политической арены. Пришедший ему на смену Сага сам готовился последовать за ним, но успел назначить ответственным за строительство монаха Кукая, поднаторевшего не только в эзотерическом буддизме, но и в общественных проектах. Кукай заказ выполнил с честью и был назначен первым настоятелем Тодзи с неограниченной властью, что приблизило его ко двору. Новый император Дзунна предложил Кукаю вместе с другими буддийскими деятелями подготовить документ, в котором бы излагались основные принципы и постулаты его веры.

---

[94] Отсюда название: *расё* (или *раздё*) – «городская стена» и *мон* – «ворота».

В последовавшем за этим императорском декрете впервые прозвучало понятие Сингон-сю (школа Истинного Слова). Так было положено начало направлению Сингон и заложена основа прецедента – впервые в буддийской истории отдельный храм (Тодзи) был отдан в распоряжение отдельной секте – Сингон.

Кроме строительства, Кукай был известен как просветитель, художник и поэт. Именно он, рассказывает легенда, придумал слоговую азбуку *кана*, существующую ныне в двух графических формах – катакана и хирагана. Он и сегодня настолько знаменит, что его последователи считают, будто Кукай вовсе не умер 21-го числа 3-й луны 835 года в возрасте всего 62 лет, а вошёл в состояние вечной самадхи[95] и по-прежнему медитирует на горе Коя в ожидании пришествия будды Майтреи.

Тодзи: и днём и ночью…

Получившийся у Кукая храмовый комплекс дошёл до наших дней постройками XVII века. Наиболее знаменитая из них, считающаяся символом Киото пятиярусная пагода – самое высокое де-

[95] Состояние просветления, при котором стирается граница между внешним и внутренним.

ревянное строение в Японии (54,8 м). В нынешнем виде она стоит тут с 1644 года, будучи построенной по приказу сёгуна Токугава Иэмицу. Четыре её предшественницы сгорели, поскольку молнии всё равно, куда бить. Считается, что впервые Кукай воздвиг её тут в далёком 826 году. Войти в пагоду можно, но, говорят, открыта она не всегда. Мне повезло, хотя не скажу, что увиденное внутри меня потрясло. Ощущение такое, будто оказался на дне высоченного и очень пыльного колодца. Фотографировать запрещается. Да, в общем-то, и нечего, кроме четырёх скульптур Будд и их последователей – Босацу.

Два других здания – это *Кондо* и *Кодо*.

Первое считается главным строением комплекса и заключает в себе буддийскую троицу – большую деревянную статую будды Якуси и двух его помощников, бодхисатв Никко и Гакко. Построено оно было в 796 году, в 1486 сгорело и возродилось лишь в 1603 по приказу Тоётоми Хидэёри, сын знаменитого Хидэёси[96].

Второе Кукай строил 10 лет как эдакий «лекционный зал». Над ним в своё время изрядно поиздевались тайфуны и землетрясения, а пожар 1486 года превратил в груду угольков. Восстанавливала его тоже Тоётоми, только Китаномандокоро, жена Хидэёси. В Кодо можно увидеть 21 статую, собственноручно вывезенную Кукаем из Китая. Все вместе они представляют собой объёмную мандалу[97] с Вайрочаной, сидящем в центре в окружении будд, бодхисатв и грозных стражей причём в таком порядке, который, как считается, свойственен не обычной буддийской традиции, а именно эзотерической.

В одном из зданий возле входа-выхода и касс (входной билет в Тодзи может стоить от 500 до 800 йен в зависимости от того, сколько достопримечательностей в этот день можно посмотреть) находится сувенирный магазинчик. Он же музей. Во всяком случае, там выставлено несколько деревянных скульптур, точнее, чёрных обугленных фигур без рук. Я не удержался и прикупил долларов за 20 деревянную гирьку с молоточком, маленькую, если сравнивать с оригиналами, которые попались мне на глаза в храме Тион-ин, но не менее звонкую. Хотел ещё обзавестись большой настенной ман-

---

[96] Традиционно Хидэёри считается сыном Хидэёси. Однако некоторые историки ставят отцовство последнего под сомнение. У Хидэёси было несколько десятков наложниц, однако ни одна из них не забеременела в течение 30 лет его правления. Лишь госпожа Ёдо родила ему двух сыновей, когда Хидэёси уже перевалило за 50 лет.

[97] От санскритского «круг» – схематическое сакральное изображение модели вселенной.

далой, однако при ближайшем рассмотрении убедился в том, что полиграфия оставляет желать лучшего. Вероятно, налаженные Кукаем связи с Китаем используются до сих пор…

Разные путеводители в связи с Тодзи любят указывать на то, что 21-го числа каждого месяца здесь расставляют свои палатки коробейники, и начинает работу блошиный рынок, прозванный в народе *Кобо-сан* (в честь всё того же Кукая, официальное имя которого было вообще-то Кобо Дайси и который умер, как я писал выше, 21-го марта). Купить тут можно всё, что порадует вас своей ненужностью, начиная от антиквариата, картин, одежды и посуды и заканчивая подержанным барахлом и свежими продуктами. Самый большой Кобо-сан устраивается 21-го декабря, в последний день уходящего года по европейскому календарю.

Как вы уже поняли по пагоде, сегодня меня тянуло ко всему высокому. Нет ничего удивительного в том, что следующей точкой на моём маршруте стала 131-метровая Киото-тава.

Сооружение это по-своему уникально.

Во-первых, в отличие от какой-нибудь Эйфелевой башни или той же Токио-тавы, она лишена несущих металлоконструкций. Вместо этого она представляет собой соединение металлических колец, поставленных друг на друга, как в детской игрушке-пирамидке. Затем кольца были обшиты стальными листами толщиной от 12 до 22 мм. Швы сварили, а сталь выкрасили в белый цвет.

Во-вторых, в отличие от прочих известных нам с вами башен, Киото-тава стоит не на земле, а на крыше 9-этажного дома, который выполняет роль

торгового центра и гостиницы. Кстати, изначально я собирался забронировать номер именно в ней, поближе к вокзалу, но потом вовремя передумал.

Строительство башни пришлось на то же время, что и нашей Останкинской, то есть на середину 60-х годов, и приурочили её открытие к летним олимпийским играм в Токио. Раньше на этом месте, говорят, находился местный центральный почтамт.

Разумеется, широкая общественность встретила столь современный для Киото проект в штыки, как и соседний центральный вокзал. Жителей старой столицы, живших в малоэтажках, высота башни смущала. Мнение строителей о том, что конструкция символизирует традиционную японскую свечку, не убеждало. А сумма в 380 миллионов тогдашних йен (порядка миллиона долларов по состоянию на 1963 год) казалась огромной. До сих пор мнение японцев и иностранных туристов насчёт Киото-тавы остаётся неоднозначным. Многих из нас, кто хочет найти в Киото ощущение старины, зрелище белой иглы с платформы вокзала приводит в лёгкое негодование. Некоторые особенно расстроенные журналисты назвали её «колом в сердце» города. Другие не видят ни в башне, ни в вокзале ничего страшного и считают, что оба здания помогают Киото не слишком отрываться от современности.

Оставив велосипед на улице среди ему подобных, я прошёл в здание с тыла, где завозили товары в магазины, расположенные на первом этаже повсюду. Тут можно купить сувениры, книги, зайти к дантисту. Есть даже *хяку-йен сопу*, то есть 100-йен шоп, то есть место, где всё стоит 100 йен. Подобные магазины появились в Японии в пору лопнувшего мыльного пузыря экономики, то есть в начале нынешнего века и до сих пор довольно популярны. Только не спешите радоваться и скупать всё подряд, ибо там могут стоить 100 йен вещи, которые в обычных магазинах дешевле, например, шоколадки.

Коммерции отданы первые четыре этажа, включая подвальные. Выше, как я уже сказал, находится гостиница. Нам же с вами нужно сесть на лифт и подняться до самой крыши, то есть нажать на кнопку 11F. Здесь расположены кассы. За 770 йен без очереди покупаем билет, показываем его девушке, похожей на стюардессу, вежливо отказываемся фотографироваться в обнимку с пластмассовой Киото-тавой, выполненной в виде головастого мультипликационного персонажа, и неторопливо проходим следом за другими по-

сетителями в кабинку лифта. Собственно, посетителей крайне мало, что нас с вами не может не радовать и что крайне огорчает администрацию. В год открытия обзорную площадку башни посетил миллион человек. Сегодня желающих набирается меньше 400 тысяч, иначе говоря, чуть более тысячи человек в день.

Лифт оказывается не слишком быстрым: на высоту 100 метров он поднимает где-то секунд за 40. Средние бегуны преодолевают ту же дистанцию в четыре раза быстрее. Зато внутри на маленьких табло можно увидеть всё: высоту подъёма, фильм о башне, проезжаемый этаж (нам нужен 5-й) и даже самого себя (через камеру внутреннего наблюдения).

Наконец, лифт останавливается, дверцы распахиваются, молоденькая лифтёрша склоняется в поклоне, и мы выходим в стеклянную каплю, за которой, точнее, под которой, расстилается мой (надеюсь, что теперь и ваш) любимый Киото.

У тех, кто бывал на «Седьмом небе» в Останкинской башне или на дубайской «Бурдж-Халифа»[98], 100-метровая высота обзорной площадки не захватывает дух, однако при общей низости застройки обзор получается ничуть не хуже.

[98] В Останкинской башне (540 м) смотреть на Москву можно с высоты 360 метров, в «Бурдж-Халифа» (828 м) – с высоты 452 метра.

Главным образом сюда, как я понял, приходят из-за детей. Они радуются жизни и висят на бесплатных телескопах, пока взрослые терпеливо поясняют им, что именно они видят. В отличие от той же Останкинской башни стёкла здесь не только чистые, но и сильно выгнутые, а потому практически не бликуют и через них удобно снимать. Не мешают даже оранжевые железные арматурины, опоясывающие стеклянный шар и напоминающие тории. Храмы и парки, горы и пагоды отсюда просматриваются как на ладони, правда, ладонь эта слишком широкая, так что окраины скрываются в дымке.

Почти не видно автомобилей. Не потому, что они слишком маленькие, а потому, что их действительно очень мало. Польза от велосипедов и хождения пешком понятна японцам гораздо лучше, чем нашим меркантильным согражданам.

Из стеклянного куба вокзала выскользнул белый и прямой червячок синкансэна и беззвучно ускользнул куда-то в Токио.

Обратно в лифте я спускался вдвоём со смущённой лифтёршей в фирменной синей шляпке.

На правах местного жителя, практически не пользуясь выученной наизусть картой, выбирая самые неприметные улочки, я отправился через весь город в сувенирный магазин на Марутамати-дори.

Сегодня при мне был мой красный паспорт, расположение этажей и ассортимента я уже знал, так что сразу проследовал на лифте на верхний, он же 3-й, этаж и сразу зачем-то купил две пары наручных часов. Наверное, захотел сделать приятное сыновьям, которые к пониманию их необходимости ещё не пришли, тогда как я давно ничем подобным руки не отягощаю. Ну, купил и купил. Зато было очень интересно наблюдать за действиями продавца, который долго выписывал чек, потом приклеивал к нему какие-то липучки, потом упаковывал часы в пакетики, потом пакетики упаковывал в пакетик побольше, и это, вероятно, продолжалось бы до бесконечности, но я храбро вывел его из клинического состояния вопросом о том, полагается ли мне обещанная скидка за наличие паспорта. Он ответил, что со скидкой всё в порядке и вручил покупку.

Продукты и косметика меня мало интересовали, так что я спустился по лестнице на второй этаж.

Не знаю, что покупаете в подобных поездках своим домашним вы, а я решил прикупить красивые японские кимоно благо тут их был огромный выбор. Как вы понимаете, речь идёт о длинных домашних халатах всевозможных размеров, расцветок и рисунков.

Цены были разные, от смешных до даже не забавных. Отличалась материя и по плотности. Будучи не слишком сведущ в текстильных тонкостях, я обратился к отзывчивой продавщице, и она популярно пояснила, что дешевые кимоно сшиты не бог весть из чего, дорогие – из настоящего шёлка, а те, что потолще и поплотнее, из хлопка. Собственно, последние правильно назывались уже не кимоно, а *юката*, которые можно носить как дома, так и на улице в тёплую погоду. Буквально юката означает «одежда после купания», однако сегодня эта традиционная одежда переживает второе рождение и банными заведениями не ограничивается. Мне особенно понравились мужские юката, привлекавшие сдержанностью цветовой гаммы и простотой узора. В итоге я взял две юкаты (которые до сих пор даже не распаковал) себе и несколько кимоно для родственниц.

Пока продавщицы в четыре руки взялись заворачивать мои нехитрые покупки, я прошёлся по этажу и совершенно неожиданно оказался перед прилавком с жемчугом. Какого же было моё приятное удивление, когда среди немногочисленных украшений я нашёл то, что искал в Киото с первого дня: серьги с неровными жемчужинами и белым золотом. Сколько они стоили я тут писать не стану, однако цена не оставляла сомнения в том, что передо мной вещь настоящая, за которую мне перед женой не будет стыдно наверняка. Обслужила меня одна из двух уже занятых мной продавщиц, так что от необходимости искать новые коробочки и пакетики у обеих девушек головы пошли кругом, и они с кучей извинений предложили мне не тратить время на ожидание, а побродить пока по магазину и зайти чуть позже. В ответ я попросил их сделать на каждом из свёртков с кимоно пометку, какого оно там цвета. Поскольку от этого зависел получатель подарка.

На первом этаже я окунулся в море англоязычных книг о Японии. Купить хотелось, конечно, всё, однако я ограничился лишь справочником по японскому языку (которым пользовался при написании первых глав) да несколькими наборами с оригами для младшего сына, пока охочего до подобных поделок.

«Ори» означает «складывать», а «ками» – «бумага»[99]. Истоки этого искусства получения всевозможных фигурок из единого листа доподлинно неизвестны, но считается, что в Японии первое его упоминание датируется 1680 годом, когда поэт Ихара Сайкаку на-

[99] «Ками» превращается в «гами» в результате характерного для японского языка озвончения согласного, что называется *рэндаку*.

писал стихотворение о том, что видел во сне бумажных бабочек. Сегодня искусство оригами известно во всём мире, а техник работы с бумагой множество, включая простое, модульное и даже мокрое складывание. Лично меня особенно поражает японская бумага, специально продающаяся и с соответствующими инструкциями и без. Она уже порезана на ровные квадраты разного размера и предлагается в непередаваемом многообразии цветов и узоров, перед которым меркнут даже продаваемые этажом выше кимоно. Называется она *васи* и жёстче обычной бумаги, поскольку делается из волокон тутового дерева и коры некоторых других местных растений, а также может производиться из пеньки, риса и даже пшеницы.

Ещё мне приглянулись довольно необычные и явно трудоёмкие конструкторы, где нужно было вырезать крохотные детальки из листов тонкого железа, сгибать и соединять клеммами, в результате чего получались самые разные конструкции, от автомобилей до пагод. Кстати, пагоду я недавно собрал сам, потратив не один час на орудование ножичком и щипчиками и испытав немало самых положительных ощущений, знакомых любому творцу.

В итоге, когда я собрал воедино все свои покупки и подошёл к кассе расплачиваться, девушка просмотрела чеки, отлепила липучки и торжественно объявила, что мне полагается десять поворотов барабана. Оказалось, что, помимо скидки как иностранец, я ещё заработал участие в лотерее, которая проводится здесь же, у кассы. Барабан следовало крутить осторожно, потому что после каждого оборота из него вываливалась плотно сложенная бумажка. Когда таких бумажек набралось десять, девушка развернула их и стала выкладывать передо мной на прилавок поистине тысячу мелочей, среди которых были и палочки для еды, и открытки с видами Японии, и платки, и очень красивые закладки для книг и… всего не перечесть. Одним словом, на улицу я выходил с полным рюкзаком за плечами и весьма довольный жизнью и собой.

Теперь меня ждал магазин оружия через дорогу. Продавщицы, с которой я разговаривал в прошлый раз, не было, зато был деловой и исполнительный продавец, снова подробно меня проконсультировавший. Через полчаса, как вы уже знаете, я покинул его и с вакидзаси, и с тан-то. Не тем гламурно-красным, что бросился мне в глаза, а чёрным, но с такими же витиеватыми иероглифами на лезвии. Обошлись мне они оба где-то в тысячу долларов, о которых я нисколько не пожалел. Не всё же жене на серёжки тратить! Меч и

нож были упакованы в узкие картонные коробки, однако для экономии места я по возвращению в гостиницу их вынул и просто сунул в чемодан между одеждой. Достал я их и повесил на стенку уже в Москве.

Вообще сборы в обратный путь я всегда терпеть не могу, потому что не знаю, как у вас, а у меня они портят уйму нервов. Мне всегда кажется, что при сдаче багажа определится перевес, что две ручные клади не захотят пускать в салон, что чемодан заставят открывать, что он где-нибудь по дороге потеряется. Всё это в моей практике случалось неоднократно, заканчивалось как правило удачно, однако привыкнуть мне так и не удавалось. Пожалуй, это единственный период, когда мой фатализм вступает в конфликт с духом организатора. Первый всегда побеждает, но второй никогда не сдаётся без боя.

Когда в коридоре, наконец, застыли чемодан, большой пакет с игрушками и рюкзак, я посчитал, что имею право расслабиться, и пошёл в последний раз седлать велосипед, чтобы он отвёз меня куда-нибудь как следует пообедать.

Изначально таким местом я выбрал Гион, куда хотел на прощанье окунуться ещё раз.

Солнце светило, ветерок обдувал, грусти от скорого расставания с не разочаровавшим меня Киото не было, велосипед катил легко, и я пребывал в состоянии приятной неги, свойственной путешественнику, которому не нужно стремиться к какой-то надуманной цели, для которого его цель – здесь и сейчас.

Стоит ли говорить, что поиск ресторана вылился для меня лишь в повод поколесить по знакомым и незнакомым улочкам большого города, где я за неделю столь многое увидел, но где оставалось ещё немало мест, на которые банально не хватило времени и сил. Поскольку после сорока уже начинает хотеться совмещать исследования с отдыхом, а не просто рваться вперёд навстречу новым впечатлениям.

Гион меня не привлёк. Всё-таки там царит атмосфера схожая с той, которую можно сравнить с нынешним выхолощенным Арбатом. Место вроде бы историческое, намоленое, однако те, кто здесь действительно когда-то жил, как мой отец, давно выселены, а между лубочными магазинчиками и бесценными кафешками бродят разве что гости столицы.

После Гиона я с удовольствием окунулся в беззаботный мир Камо-гавы. Сегодня на её берегах было особенно много музыкантов.

Один пел и играл на традиционной японской балалайке, оставляя прохожих почему-то совершенно равнодушными.

Другой фальшиво кричал в микрофон современную попсу, бренча на гитаре и окружённый небольшим ансамблем. Молодой народ охотно останавливался и слушал, после каждой песни подбадривая беднягу аплодисментами.

Одинокая девушка на скамейке протяжно упражнялась на флейте. Именно её исполнением я впоследствии закончил свой фильм.

Короче говоря, единственное подходящее под моё настроение место я обнаружил на уютной Киямати-дори, с которой началось наше знакомство с Киото. Помните улочку с каналом, по которой мы гуляли после того, как увидели в первый же день радугу? Там я отобедал блюдом со свининой, вкусом напоминавшей курицу, запил всё бокалом ледяного «Асахи» и поехал снова окружными путями обратно в гостиницу – готовиться к раннему подъёму.

Следующее утро сразу не заладилось. Об этом я узнал, когда больно ударился головой о незаметный до сих пор абажур над столом. В 7:00 я уже стоял в очереди на завтрак, но именно стоял, потому что все столики в зале оказались внезапно занятыми. Зато такси приехало раньше, чем я успел отойти от стойки, где его заказывал, и сесть в фойе что называется «на дорожку». Поездка до вокзала облегчила мой кошелёк на 1 300 йен. По привычке я сразу же обратился к проверяющему билеты. Он назвал заветную цену – 540 йен – и пояснил, что мне нужен поезд до Хидзимы (в названии могу ошибиться, так что при случае уточняйте), отходящий не то с 7-й, не то с 8-й платформы. Осака будет через 2-3 остановки. Остальное было делом техники.

На платформе народу почти не было, так что я просто расслабился и стал ждать положенные минут десять. Напрасно. Незадолго до появления поезда я обнаружил, что пришедшие после меня японцы выстраиваются в небольшие очереди в совершенно определённых местах, отмеченных на платформе жёлтыми знаками. Оказывается, здесь не принято заходить в вагоны по-нашему, всем гуртом. Зато, стоя в очереди, я получил возможность уточнить у стоявшей сзади студентки, правда ли мы на этом поезде домчим до Осаки. Она заверила меня в том, что так и произойдёт, однако в вагоне меня снова охватили некоторые сомнения. В роли пассажиров японцы крайне замкнуты и неразговорчивы. Все делают вид, будто страшно заняты мобильными телефонами, читают газеты или комиксы или просто смотрят в пустоту. Мне это нисколько не помешало оставаться самим собой, то есть выбрать несколько персонажей и по очереди приставать к ним с уточнениями по поводу предстоящих остановок.

Пока всё шло по плану.

Встрепенулся я, когда увидел на очередной платформе надпись Shin-Osaka. Выходить или рано? Оказалось, что в черте города поезд останавливается дважды. Интуиция подсказала, что лучше выйти на следующей. С момента отправления из Киото прошло ровно 30 минут.

Когда вы с чемоданом, рюкзаком и сумкой, не думаю, что искать гостиницу в незнакомом японском городе стоит на метро или тем более пешком. Сколько бы это ни стоило, лучше поберечь силы и нервы и сесть в такси. Тем более, что вот оно, притормаживает и гостеприимно распахивает заднюю дверцу.

По-английски таксист худо-бедно два слова сказать мог, однако не имел ни малейшего представления о том, где находится моя гостиница *Metro the 21*. Ваучер с адресом ему тоже не слишком помог. На всякий случай он даже куда-то позвонил по телефону и что-то уточнил. Потом настроил свой иероглифический навигатор, и мы тронулись.

Осака сразу показался мне большим, высоким, просторным и пустым. Видимо, виной тому было 3-е ноября, пришедшееся на воскресенье. Машин было ещё меньше, чем в советской Москве, зато дома вокруг отливали стеклом и металлом и в лучших традициях напоминали… кучу других современных городов, где историческая архитектура сдалась на волю бизнеса и прогрессивного мэра. Разочарован я не был, поскольку нечто подобное предполагал, а цель у меня на сегодня была всего одна – осакский замок.

При почти полном отсутствии движения на улицах плутали мы с моим таксистом довольно долго. Таксометр уже пошёл на вторую тысячу йен, когда расстроенный водитель прошёлся по японматери и пояснил, что дурацкий навигатор вконец сбрендил и гоняет его по кругу. Хорошим в этой новости было то, что вину честный малый взял на себя, остановил таксометр на отметке 2 400 йен и остаток пути выруливал к заветной гостинице бесплатно.

Гостиница моя оказалась в высотном здании, зажатом в самом центре города, причём в наиболее оживлённой торговой его части, районе под названием *Соэмон-тё*, где обилие ресторанов и магазинов сопровождалось обилием праздной публики, явно не до конца пришедшей в себя после субботнего гульбища. Что тоже не могло меня не покоробить после тихого и интеллигентного Киото. Редкий случай, когда путеводители попадают в точку. Во всяком случае, те из них, которые приводят старую японскую поговорку «*Киото ки-*

даорэ, Осака куидаорэ», что означает «Жители Киото разоряются, покупая кимоно, обитатели Осаки – от обжорства». Сытыми люди за окном казались не все, но вот навеселе – почти поголовно.

Попрощавшись с таксистом, я направился прямиком к стойке портье, где орудовала очень деловая, чёткая и вполне англоговорящая девица со слегка лошадиным лицом. Она была мне, конечно, рада, однако пока могла облегчить мою участь лишь тем, что примет на хранение вещи. На часах было ровно 10, а заехать в номер я мог только после 15:00. Пришлось быстро перераспределять вещи, доставать нужную мне сегодня технику, вынимать второй, более удобный для длительной носки рюкзачок и просить снабдить меня картой.

Узнав о моём намерении наведаться в замок, лошадка стала обводить шариковой ручкой на плане метро станции *Shinsaibasi* и *Namba* (ближайшие, по её словам, к гостинице) и *Osaka Business Park* и *Morinomiya* (ближайшие к замку). Я гордо сказал, что доберусь пешком, если верна информация на сайте их гостиницы о том, что сейчас нас с замком разделяют чуть больше трёх километров. Девушка эти данные подтвердила, но заверила, что это очень далеко. Мою веру в то, что километр и в России и в Японии примерно одинаков, она тем не менее не пошатнула. Беда была лишь в том, что как я уже видел по предложенной мне и прекрасной во всех остальных отношениях карте, замок на ней не значился, то есть, он оставался где-то за её краем. Впереди у меня был целый день, так что я не слишком беспокоился по этому поводу. Где я только чего ни находил, так что замок – единственный и неповторимый в этом городе – никуда от меня не денется.

На прощание я поинтересовался, можно ли арендовать велосипед. Лошадка сказала, что можно, что стоить он будет всего 700 йен в сутки при залоге 1 000 йен, однако брать его сегодня она мне не рекомендует, поскольку по прогнозу днём ожидается дождь. Признаться, мне не очень хотелось её слушаться, однако я почему-то не стал спорить. И впоследствии не пожалел. Но об этом вы уже узнаете из следующей главы, кстати, последней.

***Глава XXI**, в которой нам предстоит совершить пешую прогулку по Осаке, осмотреть знаменитый Осакадзё, послушать музыку, сделать последнюю покупку, попасть под дождь, пожарить мясо и попрощаться*

Покинув гостиницу, я свернул налево, прошёл квартал по узкой улочке и вышел на широкую авеню – Сакай-судзи. Справа я увидел живописный мост через речку, меня потянуло туда, однако дежуривший на мосту полицейский на мой вопрос о замке хитро прищурился и кивнул в обратном направлении, на всякий случай тоже предупредив, что топать мне предстоит немало. Я не переживал. Пока.

Итак, я отправился на север по широкому пустому проспекту, в сторону реки, на берегу которой, как мне представлялось, чуть правее и стоит Замок.

Признаться, только сейчас, когда я пишу эти строки, мне стало известно, что на самом деле позади меня, за мостом, остался один из самых известных районов Осаки, в честь этого самого моста и названный – *Ниппонбаси*. Местные прозвали его Дэн Дэн Таун и считают аналогом токийского «города электроники» Акихабара. Вы не слышали про Акихабару? Ну, дамы и господа, это всё равно, что не знать о существовании компьютеров и мобильных телефонов. Потому что на Акихабаре в Токио продаются, что говорится, последние писки компьютерной и мобильной моды, то, что на нас с вами свалится эдак лет через пять-шесть. Правда, когда я сам бродил по тамошним магазинчикам, мне ничего особенно не приглянулось. Вероятно, потому, что я сторонник не плохеньких новинок, а добротных старинок. Так вот, Ниппонбаси образовался одновременно с Акихабарой сразу после второй мировой и стал второй Меккой для любителей японской техники. Раньше здесь торговали ещё и мебелью, однако интерес к ней постепенно спал, и её место заняли магазины манги и анимэ.

Меня же до самой реки не ждало ничего интересного. Магазины то и дело попадались, но были закрыты. Лишённый машин воздух дышал свежестью, чему немало способствовали высаженные вдоль авеню[100] деревья. Хотя со всех сторон меня обступали высот-

[100] Это не шутка: идущие сверху вниз по карте улицы называются в Осаке «авеню»

ные дома, от которых я за предыдущую неделю совершенно отвык. Да и подозрительные пакеты с неубранным мусором кое-где попадались.

Самым примечательным из всей двухкилометровой прогулки мне показался щит с планом округи. При взгляде на пронумерованные квадратики кварталов (с цифрами исключительно от 1 до 8, не больше) и сетку улиц, помеченных иероглифами и невнятными попытками перевода на латиницу, я не мог не отдать должное примитивной простоте доведения до японского ума топографической информации. Наиболее разительной особенностью плана было то, что сориентирован он был не по сторонам света, как водится в обычных городах, а по местности, то есть ожидаемая мною впереди река располагалась не наверху, а справа.

Кстати, что касается реки, то у неё здесь несколько названий в зависимости от того, где именно она протекает. Если вести взглядом по карте с запада на север, то до длинного острова она зовётся Адзи-гава, потом распадается на Додзима-гаву и Тосабори-гаву, а соединяется вновь уже под именем Ёдо-гава. Саму Ёдо-гаву местные жители называют кто Сэта-гава, кто Удзи-гава. Но вообще-то официально вся эта разноимённая система с 1907 года носит название Кю-Ёдо-гава. Запомнили?

Однако, не будь реки, кто знает, может, не было бы и Осаки. В её пойме учёные до сих пор находят скелеты людей, живших здесь, по их мнению, за 500-600 лет до н.э. Меня лично подобные находки, мягко говоря, не удивляют, поскольку гораздо легче предположить, что земля была населена всегда, по меньшей мере, миллионы лет, нежели согласиться с потомками обезьян, будто человечество зародилось каких-то несколько тысяч лет назад. Ясное дело, что его частично смывало потопами и уничтожало другими редкими катаклизмами вроде астероидов (ведь не всегда рождались такие неутомимые спасители, как Брюс Уиллис или как его там на самом деле зовут), однако все они, так или иначе, живы в людской памяти[101].

Говорят, что в 645 году н.э. на месте нынешнего Осака император Кётоку построил дворец Нанива, а окружающие земли приказал считать своей столицей – Нанива-кё. Через десять лет столица переехала в местечко Асука, однако Нанива сохранила за собой роль важного связующего звена на морских путях, соединяющих Японию, Корею и Китай. В 744 году она даже снова сделалась столицей, но лишь на год, после чего началась известная нам история с Нарой, которую я неоднократно ранее называл первой столицей империи. И был, по сути, прав, поскольку, как видно из истории, каждый древний император, приходя к власти, считал своим долгом назначать в качестве столицы какой-нибудь новый город. И только с появлением на сцене Нары чехарда поутихла. Вот и получается: что ни японский город, то обязательно столица. Правда, Осака среди них занимает почётное первое место.

Было ли всё это на самом деле, конечно, неизвестно. Осака, как и итальянский Рим[102], на много столетий исчезает с радаров летописцев и вновь появляется лишь в 1498 году, когда уже хорошо известная нам секта Дзёдо на месте бывшего дворца Нанива строит укреплённую штаб-квартиру Исияма Хонгандзи – мощный и влиятельный храм, который, если вы не забыли, в 1570 году обложил осадой Ода Нобунага. Спустя ещё десятилетие Исияма пал, и уже на его месте Тоётоми Хидэёси воздвиг осакский замок. Если бы Токугава Иэясу ни прервал род Тоётоми, кто знает, быть может,

---

[101] Так, в частности, православные славяне считают, что наши предки-боги появились на Мидгарде-земле за 957 522 лет до 2014 года.

[102] Богатую античную историю Рима тоже стали (вос)создавать не раньше XVII века, к которому, в частности, некоторые исследователи относят постройку руин Колизея по образу и подобию исторического Колизея (Арены), чьи действительно старые руины можно ещё сегодня увидеть в Стамбуле.

столица империи вернулась бы сюда, а не переехала в последний раз (на сегодняшний день) в Токио.

Всё это не помешало Осаке продолжать прирастать портовой торговлей и превращаться в крупнейший в Японии экономический центр. Здесь кипела и богатая культурная жизнь, получившая своё отражение в спектаклях кабуки и *бурнаку*[103]. А где богатство и роскошь, там несправедливость, а где несправедливость, там и зависть. В 1837 году низкородный самурай Осё Хэйхатиро поднял восстание, которое сёгунату удалось подавить лишь тогда, когда добрая четверть города была разрушена бедняками. Это происшествие, закончившееся самоубийством Осё, не помешало Осаке в 1868 году стать одним из двух городов[104], открывших свой порт для международной торговли. Вторая мировая в немалой степени искалечила Осаку регулярными бомбардировками в последний год войны, но он был заново отстроен и не затаил обиды на американцев.

Похоже, гораздо сильнее американцев здесь не любят токийцев, причём чувство это взаимное. Ещё в начале XIX века жители тогдашнего Эдо считали обитателей Осаки страшными скупердяями и расчетливыми делягами, лишёнными чувства гражданского долга.

Не меньшим нападкам со стороны столичной интеллигенции подвергался (и подвергается) за свой вульгаризм местный диалект японского языка – *Кэнсай-бэн* или, если быть совсем точным, *Осака-бэн*. Так если в стандартном японском глагол отрицается с помощью суффикса «*-най*», то здесь его заменяют на «*-хэн*». Или звук «с» часто заменяется на «х», а «б» – на «м», отчего вежливое обращение «*сан*» становится «*хан*», а слово «*самуй*» (холодный) звучит как простуженный «*сабуй*». Если глупого токийца вы назовёте «*бака*» (дурак), он непременно обидится. Если житель Осаки назовёт его в той же ситуации более распространённым здесь словом «*ахо*», токиец может вообще сделать вид, что ничего не произошло. Но вот если с уст носителя диалекта Кэнсай в адрес токийца сорвётся «*бака*», ему несдобровать.

Встретившись на улице, жители Осаки обмениваются чуждыми остальным японцам дежурными фразами типа:

- *Мооракимакка*?

- *Маа, боти боти, дэнна.*

То есть:

---

[103] Традиционная форма японского кукольного театра.

[104] Вторым городом был Хёго, нынешний Кобо.

- Ну, как бизнес, как прибыль?

- Так, ничего, помаленьку, знаешь ли.

Торгаши, одним словом.

Мне, как вы понимаете, все эти тонкости было знать ни к чему, поскольку, когда я вышел к реке и обнаружил, что не вижу замка ни слева, ни справа, пришлось прибегать к уже ставшему обычным в подобных ситуациях способу:

- *Сумимасэн, Осака-дзё*?

Указания местных жителей подтверждали мою изначальную правоту: надо идти вдоль реки вправо, на восток. Видимо, догадался я, замечательные фотографии белого красавца-замка сделаны вовсе не с ни в чём не повинной реки, как мне наивно представлялось в Москве, а с какого-нибудь наполненного водой рва. Так оно впоследствии и оказалось.

Современный Осака

Сама река никакого выдающегося впечатления не производила. Просто река как река, протекающая по современному азиатскому городу, берега которой застроены стеклянными и бетонными этажерками невыразительных зданий. Конечно, пошире и пополноводнее Камо-гавы, да к тому же и судоходная, если судить по двум-трем прогулочным корабликам с заспанными туристами, однако

где та прелесть ваби-саби старых деревянных домиков, где цапли, рыбы и рыбаки, где праздная публика? Ничего этого не виделось и не чувствовалось и в помине. И река и город казались практически вымершими. Понятное дело, всё зависит от настроения. Если вы приезжаете в Японию, чтобы поесть и развлечься, но не понимаете, как можно любоваться старыми храмами и садами, то вам прямая дорога в Осаку. Если вы хотите успеть и то и другое, то я бы рекомендовал ехать в Токио. На меня лично новострой и стеклянная помпезность наводят тоску, а потому я предпочёл Киото с Нарой. Каждому своё, как говаривал ещё греческий Платон.

Непосредственно вдоль воды пройти было нельзя. Я шёл по Тосабори-дори (в этом месте река называется Тосабори), окружённый высотками, и тщетно пытался вообразить, где и как сюда впишется знаменитый замок на крепостной стене. А потом я увидел его. Далеко справа, в сером промежутке между домами, маленькую белую избушку с каскадом покатых крыш. Совсем не там, где ожидал. Стало понятно, что если бы у меня была нормальная карта, я давно был бы на месте, вместо того, чтобы выписывать круголя, сверяясь с естественными ориентирами.

Если вас потянет моим маршрутом, имейте в виду, что сворачивать к замку следует рядом с железным мостом, весьма живописно заросшим пышным вьюнком.

После моста всё становится понятным. Перед вами в обе стороны расходится заполненный водой ров, за которым высится мощная стена, сложенная из плотно подогнанных друг к другу камней такого размера, что перед ними меркнут многие постройки Азии, Африки и Латинской Америки, обычно привлекающие внимание исследователей всевозможных протоцивилизаций. Вероятно, виной тому точная известность дат постройки этой крепости, тогда как мегалитические сооружения в Куско, в Баальбеке или в эфиопском Аксуме считаются очень древними. Мне это напоминает историю с громадной стелой, брошенной в египетских каменоломнях со следами современной обработки, которая часто является доказательством присутствия на земле развитой цивилизации за много тысяч лет до нашей эры. И никто как будто не помнит, что в этих местах ещё в 60-е годы прошлого века работали вооружённые передовой техникой специалисты из дружественного СССР. Я даже где-то слышал, что нашим инженерам была поставлена попутная задача изготовить и привезти в Москву «настоящую» египетскую стелу, чтобы заткнуть за пояс всякие Парижи с Римами. Когда политика партии поменялась, каменоломню просто бросили…

По каменному мосту через ров проходим к ничем не ограниченному входу внутрь крепости. В смысле, не ограниченному никакими воротами, которые мы с вами раньше видели по поводу и

без повода. Так ведь то были ворота в храмы, а здесь перед нами настоящее военное укрепление. Хотя вообще-то вход этот называется на планах замка «ворота Кё-баси», так что, вероятно, раньше тут какие-то ворота всё же были.

На мосту стоит повременить и сделать несколько фотографий небоскрёбов слева, которые необычно отражаются в водах рва на фоне средневековой стены.

Я до сих пор не сказал, что слово Осака переводится как «большой холм». Доподлинно неизвестно, когда изначальный Нанива стал называться Осакой, однако в какой-то из летописей 1496 года он уже упоминается под этим именем. Смею предположить, что под большим холмом подразумевался именно тот, на котором ещё красноречивый пропагандист учения Чистой Земли Рэнньё на старости лет выстроил храм Исияма Хонган.

Храма скоро не стало, но укрепление на возвышенности сохранилось и через сто лет привлекло внимание хорошо уже знакомого нам Тоётоми Хидэёси, который в 1583 году захотел возвести собственный замок по образу и подобию замка Адзути, принадлежавшего Ода Набунаге[105]. Только, разумеется, лучше и мощнее. Главная башня должна была иметь пять этажей над землёй и ещё три этажа под. Углы крыш должны были впечатлять зрителей золотом. Через два года башня была готова. Хидэёси на этом не остановился, и территория крепости продолжала расти и укрепляться вплоть до 1597 года, когда Хидэёси взял и умер. Замок перешёл по наследству его сыну – Хидэёри. В октябре 1600 года произошла знаменитая и воспетая во многих романах битва при Сэкигахаре, произошедшая между двумя армиями бывших вассалов покойного Хидэёси и открывшая путь к власти будущему сёгуну Токугаве Иэясу, возглавлявшему победоносную восточную коалицию. Иэясу поначалу на Осаку не претендовал и создал собственную бакуфу[106] в Эдо, однако за 14 последующих лет окреп настолько, что вторгся во владения Хидэёри прямо среди зимы и начал терпеливую осаду замка. Хотя 200 000 армия Иэясу превосходила количество защитников ровно в два раза, поначалу у нападавших ничего толком не получилось и, хотя Хидэёри подписал мирное соглашение, вопрос власти не был разрешён ни в ту, ни в другую пользу. Иэясу на всякий слу-

---

[105] Кстати, при желании Адзути и сегодня можно увидеть неподалёку от Киото, на озере Бива.

[106] Изначально так называлась ставка сёгуна, но впоследствии название бакуфу перешло на всё его правительство.

чай отдал распоряжение своим рабочим засыпать внешний ров, который, собственно, и помешал взять замок штурмом.

В апреле следующего года Иэясу получил известия о том, что его соперник не только подтягивает к замку свежие силы, но и мешает засыпать ров. Хидэёри распоясался настолько, что стал собственноручно нападать на войска восточной коалиции, расквартированные вокруг тогда ещё не такого огромного города. В одну из таких вылазок он был разбит, обратился в бегство, и враг вторгся в замок, как говорится, прямо у него на хвосте. Последовала отчаянная битва, пушки Иэясу сделали своё дело, замок пал, а Хидэёри и его мать в отчаянии совершили сэпукку. Место, где это произошло, вы сможете найти на территории замка сами. Оно отмечено большим округлым камнем. Интересно, что как и в истории с Гитлером, смерть Хидэёри по-прежнему не доказана. Его тело так и не было найдено. Говорят, сохранились дневники присутствовавших при этих событиях голландцев, в которых упоминаются тщетные попытки сёгуната добиться истины через выживших свидетелей и найти исчезнувшего Файдая Саммэ (как тогда принято было называть Хидэёри).

За реконструкцию разрушенного замка взялся в 1620 году Токугава Хидэтада. Мы упоминали это имя, когда говорили о восстановлении ворот Санмон в храме Тион-ин, если помните. Так вот, именно он распорядился сделать главную башню ещё выше, а восстановление стен поручить отдельным самурайским кланам. Если знать, куда смотреть, и вооружиться биноклями или телевиками, то можно заметить на отдельных глыбах выпуклые гербы принимавших участие в этом мегалитическом строительстве родов.

В 1660 году молния угодила в пороховой склад и спровоцировала разрушительный пожар. Через пять лет другая молния до основания сожгла главную башню. В таком ущербном виде замок простоял без дела вплоть до 1843 года, когда сёгунат решил-таки поправить крепостные сооружения, разумеется, на народные деньги. Почувствовали, вероятно, самураи, что скоро придётся иметь дело с императорскими войсками, заручившимися поддержкой иностранцев. В 1868 году произошла последняя в этих местах гражданская битва, империалисты победили, а замок снова подвергся разорению. Тому, что от него осталось, правительство Мэйдзи нашло достойное применение – замок был переоборудован в арсенал. В 1928 году были даже найдены средства на очередное восстановление глав-

ной башни. В следующий раз её повредили налёты бомбардировщиков второй мировой. 90% арсенала было в итоге разрушено, а 382 рабочих погибли. Только через 50 лет японское правительство дало добро на новые, пока последние реставрационные работы. Что за два года получилось, мы с вами скоро увидим.

А пока я шёл по внутреннему саду замка, больше напоминавшему обычный парк, с деревьями и асфальтированными дорожками. Если верить статистике, вокруг меня росло 1 250 японских слив и 4 500 вишнёвых деревьев, что по весне делало парк обворожительно красивым. Особенно, говорят, по ночам, когда главная башня замка подсвечивается снизу и превращается в золотую свечу на фоне ночного неба.

Надо сказать, что и среди бела осеннего дня она выглядела очень хорошо. Я увидел её, когда следом за велосипедистом вышел ко второму, внутреннему рву. И двинулся вдоль рва направо, к очередному мосту, то и дело находя интересный ракурс, чтобы запечатлеть эту бело-зелёно-золотую красавицу, несметное количество раз восстававшую из пепла. Сегодня мы видим её такой, какой захотели реставраторы, взяв за образец рисунки 1585 года. Высота её составляет 54 метра, из которых 13 с половиной приходятся на каменное основание. Со стороны в башне можно насчитать пять этажей. Под последней крышей находится обзорная площадка. Для того, чтобы на неё подняться, во внутреннем лифте нужно нажать на кнопку 8-го этажа. При этом обратите внимание, что 6-го этажа не существует в помине. Так что правильный ответ на вопрос «Сколько этажей в главной башне (кстати, по-японски она некрасиво называется *Тэнсю-каку*)?» будет не 5 и не 8, а 7.

Конечно, на обзорную площадку подняться стоит. Вам это обойдётся в 600 йен и несколько минут ожидания в очереди, а ваших наследников до 15 лет администрация обещает пустить бесплатно. Фотографировать башню лучше именно с того места, откуда мы с вами зашли, потому что когда вы минуете по мосту Гокураку-баси внутренний ров и поднимитесь по склону холма во внутренний двор, здесь вы увидите, что перед вами, по сути, современная пустышка с бросающейся в глаза стеклянной шахтой лифта, прилипшей снаружи к левой стене. Только что рассказанная мною история этого важного для Японии места постепенно развеивается, и дальше вы превращаетесь в посетителя довольно заурядного музея.

Вид на Осаку с крыши замка

Как я уже упомянул, наверх вы взмываете на лифте, а вниз спускаетесь пешком, описывая круг по каждому из этажей и знакомясь с не слишком интересной экспозицией, из которой мне особенно запомнилась панорама битвы, составленная из крохотных солдатиков, да детальный макет старой крепости, какой её видят современные учёные. Обзорная площадка довольно узкая, представляет собой галерею, по которой вы обходите башню со всех сторон, здесь много посетителей с детьми, однако виды на город

открываются замечательные, а на полученных фотографиях особенно колоритно выглядят золотые рыбы с задранными хвостами на углах крыши предыдущего уровня. Рыбы эти почему-то считаются дельфинами, называются *сятихоко* и служат для того, чтобы оберегать башню от новых пожаров. Неужели прежние хозяева не догадались их тут установить?

Разочарован я не был. Опять же, тут никто не заставляет тебя верить в то, что замку не пара десятков, а много сотен лет. Хочешь обманываться сам, не читая путеводители и проспекты – дело твоё. Ты не в Китае и не в Израиле. Что было, то было. Единственное, чего уже никогда, наверное, не ощутить в Осаке, так это непередаваемой атмосферы не просто Японии, а Японии настоящей. За ней, пожалуйста, в Киото.

Когда снова выйдете из башни на внутренний дворик, представляющий собой продолжение парка, сверните направо и прогуляйтесь по краю крепостной стены. Здесь народу почти нет, а вид на живописно заросший ров и современный город за ним ничуть не хуже, чем с обзорной площадки. Больше всего меня заинтриговала сколоченная из веток деревьев невысокая изгородь. Ветки пересекались под странными углами, образовывая нечто вроде надписи, причём явно кириллицей, но только получавшиеся слова не имели никакого смысла.

Что-то здесь всё-таки написано…

В парке занят кто чем. Из синей палатки мне помахала рукой симпатичная девушка, приглашая за 500 йен пострелять из лука в простенькие мишени. Это каким же плохим должен быть лук, подумал я, чтобы промахнуться с двух метров в толстый срез пня? Подумал… и не пошёл знакомиться.

Если отойти от башни чуть подальше, то можно попасть в подобие типичного японского садика с водопадом и каменным фонарём у пруда. Всё, вроде бы, как всюду, но ощущения не те, какие-то упрощённые что ли.

А это что за летающая тарелка?

На сверкающем металлом постаменте лежал метровый серебряный диск. Из сопроводительной надписи на щите мне стало известно следующее.

В 1970 году в Осаке проводилась всемирная выставка EXPO’70. Кстати, рекорд её посещаемости (64 218 770) был побит только в 2010 году в Шанхае. Так вот, две японские компании – газета «Майнити» и *Matsushita Electric* пошли на интересный рекламный ход. Обыгрывая лозунг выставки «Прогресс и гармония для человечества», они создали и зарыли здесь на глубине 15 метров две идентичные металлические капсулы. В капсулах собраны 2 098 предметов, характеризующих развитие цивилизации в XX веке. По задумке авторов, верхняя капсула должно открываться и снова закрываться каждые 100 лет, тогда как нижняя должна оставаться нетронутой до истечения срока закладки – 6970 года. Мне вспомнилось, как сам я всё детство зарывал в землю алюминиевые пузырьки от бабушкиного валидола, в которые прятал «послания» для потомков. Вот бы найти их сейчас…

Выйти с территории внутреннего двора можно либо той дорогой, которой я сюда пришёл, то есть с севера, либо через южные ворота, которые называются Сакура. Здание справа – местный центр боевых искусств. Слева – синтоистский храм Хококу, построенный сто с небольшим лет назад в честь Хидэёси.

Откуда-то донеслась современная музыка. Ещё когда я только подходил к замку, надо рвом слышалась решительная барабанная дробь, однако я не стал тратить время на поиски её источника. Теперь же мне захотелось вкусить современного японского духа. Тем более что до заезда в гостиницу оставалось больше полутора часов.

Свернув налево, миновав небольшой лесок и покинув территорию замка через некогда главные ворота Тамацукури, от которых осталась лишь часть стены, я снова вернулся ко рву и долго фотографировал неприступные булыжники с возвышающейся над ними изящной сторожевой башенкой Итибан, что означает всего-навсего «первая».

Музыка между тем играла где-то совсем рядом. Я двинулся на подвывание гитар, барабанный ритм и женский голос. К тому моменту, когда я определил источник звука, женский голос сменился мужским конферансом. Начинал накрапывать дождь. Через распахнутые воротца я вошёл в пространство, чётко разделённое на сцену под круглой крышей и пологий амфитеатр зрительного зала под от-

крытым небом. Обычная эстрада где-нибудь с Сочи. Зрителей было немного, чуть больше, чем исполнителей. Некоторые уже сидели под зонтиками. Я примостился подальше от сцены и стал наблюдать.

Щекастый и вихрастый солист неопределённого возраста перестал говорить прозой, закрыл припухшие глаза и стал хрипло петь в микрофон с неплохим американским акцентом незнакомые мне роковые песни. Ему аккомпанировали два дедульки на гитарах, очкастый ударник и крашеный клавишник. О музыкальности исполнения судить не берусь, но получалось у них довольно ритмично. Композиции три я высидел, частично запечатлев это событие в последней части моего фильма.

Когда круглые часы над входом показали начало третьего, я решил, что пора двигаться к гостинице. Дождь так и не собрался, поэтому я, снова выйдя в парк и поддавшись беззаботному настроению, пошёл в сторону, противоположную той, которая была мне нужна. О чём нисколько не жалею, поскольку парк вокруг замка разбит превосходный, и если бы я жил в Осаке, то каждый день ездил бы кататься по его извилистым дорожкам на велосипеде.

Сообразив, наконец, что иду не туда, я свернул направо, вышел из парка к линии местного метро и пошел в обратном направлении. Собираясь переходить дорогу перед станцией Мориномия, я бросил прощальный взгляд в сторону едва заметной за деревьями главной башни замка и тут заметил в глубине маленькой площадки прилавок с цветами. Точнее, это были не цветы, а столь нужные мне поначалу и совсем забытые под конец бонсаи. Каких здесь только ни было! Через несколько минут продавец уже заворачивал мне в газету два горшочка. Которые я, честно говоря, не чаял довести со всеми предстоящими пересадками до Москвы, однако попытаться стоило. Увы, попав в нашу зиму, оба бонсая захирели, но я поливаю их до сих пор в надежде на чудо.

Добраться до гостиницы оказалось гораздо сложнее, чем я предполагал. Мне почему-то не захотелось идти по прямой до поворота на мою длинную авеню, я свернул раньше и довольно долго шёл наугад, пока не начался дождь. Причём на сей раз настоящий. Кепка с козырьком перестала меня спасать. Я остановился у обочины и проголосовал. Остановившийся таксист оказался смышлёным и доставил меня до Метро 21 быстро и аккуратно всего за какие-то 1 400 йен.

В гостинице я первым делом расспросил мою знакомую лошадку о своих действиях на завтра.

Самолёт на Пекин вылетал в 9:00. Значит, согласилась лошадка, я должен оказаться в аэропорту где-то в районе 7:00. Нет, ни на какое метро и прочие поезда мне спешить не нужно. А нужно успеть на парковку так называемых автобусов-лимузинов, которые идут до Кэнсая ровно 50 минут. Она сверилась с расписанием. Да, один отходит в 5:40, другой в 6:10. Я решил нацеливаться на первый, чтобы не опоздать ко второму. До парковки, сказала лошадка, ехать отсюда на такси минут десять. Я скромно поинтересовался насчёт завтрака. Завтрак в ресторане начинался в 7:00. А сухой поёк отъезжающим раньше открытия ресторана не положен? Она только развела руками. Думаю, что произойди схожая ситуация в Киото, сотрудники гостиницы что-нибудь обязательно придумали, чтобы не потерять лицо. Но Осака не Киото, так что приходилось выкручиваться самостоятельно.

Номер мне выдали, как сейчас помню, 1228. И никакой стены перед окнами не было. Но был ранний вечер, и шёл дождь. Так что понаслаждаться видами города с высоты птичьего полёта мне и здесь не довелось. Переодевшись и почти не распаковываясь, я прихватил зонтик и поспешил обратно на улицу. Голод, знаете ли, и в Японии голод, а тем более в Осаке, а тем более в двух шагах от самого кулинарного района – *Дотомбори*[107], куда я попал уже через минуту, перейдя канал, точнее, речушку Дотомбори-гава.

Оказавшись тут, трудно не согласиться с путеводителями, которые пишут, что это одно из любимейших туристических мест в Осаке. Народу, несмотря на дождь, было очень много. И шум стоял соответствующий. Хотя по большому счёту здесь было всё то же самое, что и в торговом центре Киото (а также на «золотой миле» в Гонконге или в любом другом крупном азиатском городе). Даже большой механический краб на стене двигал клешнями так же лениво, как там.

Глаза мои, конечно, разбежались, ибо едальни разного пошиба были буквально на каждом углу, тогда как желудок требовал не выбора, а незамедлительного действия. И я зашёл, что называется, в первый попавшийся ресторанчик, показавшийся мне симпатич-

---

[107] По-английски название это часто пишется через “n” – *Dotonbori*, однако я в данном случае цитирую японскую карту.

ным по двум причинам: меню при входе было на английском и в нём преобладало редкое для Японии мясо.

Названия я не запомнил, а чек по привычке не сохранил, но когда возвращался домой, отметил, что подобных заведений здесь немало, так что при желании вы можете найти и получше. А причина, по которой я вообще об этом упоминаю, в том, что ресторанчик оказался в хорошем смысле слова рестораном самообслуживания.

Расторопный паренёк-официант встречает вас у порога и проводит в полутёмный зал, где стоят солидные деревянные столы. Зал небольшой, но и посетителей, к счастью, немного. Вы получаете меню и отыскиваете среди фотографий блюд множество тех, на которых в разном сочетании лежат шмотки разного мяса – баранины, свинины или говядины. Заказываете то, что вам приглянулось. А пока несут пиво и лёгкую закуску, с интересом рассматриваете довольно внушительную круглую дырку прямо посреди стола, закрытую зачем-то решёткой. Наконец, приносят долгожданное мясо, которое оказывается… сырым. Официант ставит перед вами блюдо, на котором ваш заказ порезан на тонкие кусочки, которые на фотографии смотрелись значительно внушительнее, поворачивает с краю стола крантик и подносит к зарешеченной дырке длинную зажигалку. Вспыхивает круг пламени. Оказывается, ваш стол – это ваша плита, на которой вы сами себе сейчас будете жарить мясо, макать его в разные чашечки с соусом и есть. Я сразу же воспользовался случаем лишний раз позвонить Алине и уточнить, до какой кондиции следует держать мясо на решётке. Недавно мы примерно так же обслуживали себя в одном из парков Майорки, правда там куски мяса, которые жена жарила на открытом печном мангале, были гораздо больше и толще. В итоге мы сошлись на том, что достаточно дождаться, когда мясо слегка посереет. В итоге поужинал я, скажу вам честно, отменно! Даже добавки заказал. Всё это неожиданное удовольствие, включая пиво, обошлось мне в смешные 1 400 йен (16-17 долларов).

На обратном пути (а гулять под дождём по шумным улочкам просто так, не имея возможности ничего купить, поскольку весь багаж уже аккуратно собран, не хотелось) я заглянул в местный круглосуточный магазинчик *7 Eleven* и прикупил себе разной лёгкой снеди на утро. Тут меня снова ждала какая-то дурацкая лотерея, по которой мне причитался пакетик чипсов. Чипсы я не ем вот уже

много-много лет (и вам, особенно вашим детям, не советую, если хотите обзавестись не просто здоровым потомством, а вообще потомством), но тут дал себе слабинку и перед сном всё сгрыз.

Сон продолжался до половины пятого утра, после чего я сделал вид, будто выспался, на скорую руку изобразил завтрак интеллигента, посидел на дорожку, подхватил чемодан, сумку и рюкзак и поспешил вниз.

Лошадки моей уже не было, а был слегка заспанный юноша, который начал по телефону вызывать мне такси. Время шло, такси не ехало, и юноша вышел на улицу его искать. Я не хотел, проведя столь безупречные две недели в Японии, в последний день попасть впросак, а потому вышел тоже, и скоро мне повезло. Юноше осталось только извиниться за неудобство.

Автобусы-лимузины, действительно, оказались недалеко, так что я поспел к отправлению очередного в 5:40. Десять минут на такси стоили мне ровно столько же, сколько почти час на этом чудо-экспрессе – 1 000 йен. Правда, в салоне было душновато, а кондиционер водитель почему-то включать не стал, чем напомнил мне нерадивых итальянских шоферов.

Аэропорт «Кэнсай» ещё дремал.

На дорожку я заглянул в местные удобства и здесь впервые обнаружил не компьютеризированные чудеса японской гигиены, а заурядные деревенские «стапеля», как мы называли эти дырки в полу в пору студенческой юности где-нибудь на подмосковной картошке. Вот тебе на, а ещё международный аэропорт!

Чемодан, как я уже упоминал раньше, был сдан и покинул меня без сучка и задоринки у пустой стойки регистрации. К сожалению, в нём не лежал антикварный вакидзаси, потому что ни малейшего досмотра милая девушка за стойкой даже не подумала проводить. На паспортном контроле все мои чеки были молча вырваны и брошены в помойку, и вот я с отличным запасом времени захожу в зону дьюти-фри и иду докупать всякой съедобной и сувенирной мелочи для моих домашних. Кстати, магазинов в «Кэнсае» оказалось гораздо больше, нежели в токийской «Нарите», да и выбор меня порадовал. Именно здесь, а не в городе, стоит покупать всякие рисовые сладости, духи и что вам там ещё нужно для полного счастья. Духи, правда, продавщицы с извинениями упакуют без изысков в полиэтиленовый закрывающийся пакет, поскольку они знают, что китайские таможенники дотошны и любят ко всему придираться.

Китай – страна режимная, так что вам я тоже не советую расслабляться, а главное, когда будете проходить через досмотр в транзитной зоне Пекина, не возмущаться и молча делать то, что вам говорят. У меня, например, тамошняя прищуренная девица в форме вынула из сумки пакет с духами и долго махала ими перед лицом начальника, ожидая указания, что с ними делать. Я не стал возмущаться очередной глупости тех, кто призваны «функционировать функцию». Начальник что-то пискнул, и духи были возвращены обратно. Вся моя техника, компьютер и планшет оказались выгруженными из рюкзака и вереницей проехали через рентген. Ну и что? Бомбы обнаружено не было, и я молча убрал их обратно. Важно встать в правильную очередь, чтобы не оказаться между какими-нибудь европейцами, которые громкими напоминаниями о своих демократических правах только тормозят процесс и нервируют китайцев.

В Пекине я с удовольствием просидел в ожидании вылета положенные часа три. Зато я был почти уверен, что на сей раз мой чемодан успеют перевезти и загрузить в нужный самолёт. Так и получилось.

«Шереметьево» встретило меня буднично и деловито. Никаких тебе поклонов и улыбок, но окошек паспортного контроля было открыто непривычно много, чемодан на багажной ленте появился одним из первых, а такси до дома обошлось в какие-то 1 800 рублей. Хотя, постойте, по текущему курсу это составляло порядка 5 500 йен. Хватило бы на пять часов езды в автобусе-лимузине! Причём не по Химкам, а по Японии. Правда, в нём, помнится, не работал кондиционер. Ладно, о чём это я? Можно хоть раз позволить себе шикануть, правда?

P.S. Если у вас после прочтения моих записок возникли какие-нибудь вопросы, а после просмотра фильма и фотографий на сайте *kyoto-nara-osaka.jimdo.com* появились интересные предложения, не стесняйтесь, пишите по адресу *shatilof@yandex.ru*.

P.P.S. Заранее прошу простить, если в тексте вам попались досадные опечатки. Всю жизнь с ними борюсь в своих книгах, но они неистребимы, как человеческая глупость…

За сим спешу раскланяться. Желаю вам, мой терпеливый читатель, здоровья и приятных впечатлений от поездок. И не только в Японию!

———————

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ **2**

Глава I, из которой вы узнаете, чем Киото отличается от Ташкента и как до него долететь с наименьшими потерями денег и времени **6**

Глава II, в которой мы с вами доберёмся на перекладных от аэропорта в Осаке до гостиницы в Киото и заодно узнаем, что почём, где и как покупать валюту, откуда взялась японская йена и японская нация, как ориентироваться в японских адресах и сколько тут принято давать на чай **14**

Глава III, из которой вы узнаете, как перевести биологические часы на полдня вперёд и при этом не заработать бессонницу, а также об истории Киото, о гейшах, о японском кинематографе, магазинах и продавцах, жемчуге, самодельных фуросики и японском чае **39**

Глава IV, в которой мы подучим японский язык, рассмотрим палочки для еды и совершим пешую прогулку по «поющим» полам **63**

Глава V, в которой мы поразмышляем об азартных играх, императоре, свастике, деревьях, японских волосах, камнях, синтоизме и буддизме, об оранжевом цвете **83**

Глава VI, в которой мы поговорим о студентах и буддизме Чистой Земли, исправим путаницу с храмами, приценимся к сувенирам, вспомним о некоторых последствиях выставок, рассмотрим японский меч и послушаем, как звучит автобус . **120**

Глава VII, в которой я расскажу об искусстве бонсай, кое-что куплю, прогуляюсь по Понтотё и ещё раз затрону тему гейш **141**

Глава VIII, в которой я наконец-то сяду на велосипед и восхищусь Золотым павильоном **149**

Глава IX, в которой мы с вами заглянем в знаменитый Сад камней и разгадаем некоторые его тайны **164**

Глава X, в которой я проведу вас по храму Ниннадзи, мы посмотрим, где снимают японские фильмы о самураях, и порассуждаем об игрушках **171**

Глава XI, в которой фигурируют настоящий меч и настоящие игрушки. Мы прогуляемся по двум храмам, объединённым нелицеприятной историей и заглянем в сад с цаплями **185**

Глава XII, в которой мы увидим 1 032 статуи под одной крышей, а также узнаем, сколько можно выпустить стрел за сутки и как выглядит японское кладбище **198**

Глава XIII, в которой мы совершим прогулку по Киёмидзудэра, узнаем, почему японцы ставят памятники кроликам, и выпьем из чудотворного источника **214**

Глава XIV, короткая, в которой я забываю о расстояниях, катаясь вдоль реки, рассуждаю об архитектуре, блуждаю по вокзалу, ужинаю и вспоминаю Герберта Уэллса **224**

Глава XV, в которой мы наведаемся в храм Кэнниндзи, поговорим о тиграх и землянике, полюбуемся потолком и захотим жить в отнюдь не предназначенном для этого месте **232**

Глава XVI, в которой я осматриваю с седла велосипеда Гион, посещаю храм Ясака и парк Маруяма, после чего окончательно теряю представление о времени в храме Тион-ин. Вообще она получилась очень длинной и глупой, так что можете её пропустить **241**

Глава XVII, в которой мы поговорим об истоках театра кабуки, посетим Нандзэн-дзи и его жемчужину – Тэндзюан, и задумаемся о связи японских лесов и смертности **273**

Глава XVIII, в которой мы гуляем Тропой философа, осматриваем Серебряный павильон, и снова рассуждаем о зашоренности японцев **295**

Глава XIX, в которой мы отправляемся в первую столицу Японии – город Нару, размышляем о японских поездах, посещаем все главные храмы города, знакомимся с их пожароопасной историей, рассматриваем самую большую в мире бронзовую статую и самое большое деревянное строение и благополучно находим дорогу домой **.....306**

Глава XX, в которой я осматриваю храм Тодзи, поднимаюсь на 100 метров над Киото, делаю покупки и уезжаю в Осаку **.....343**

Глава XXI, в которой нам предстоит совершить пешую прогулку по Осаке, осмотреть знаменитый Осакадзё, послушать музыку, сделать последнюю покупку, попасть под дождь, пожарить мясо и попрощаться **.....357**

Шатилов К.

Ш28 Осенью осенённая. М.: «Сам Полиграфист», 2014. – 400 с., ил.

ISBN 978-5-00077-100-6

Кирилл Шатилов

Осенью осенённая

Подписано в печать 15.07.2014 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Заказ № 47366.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО«Сам Полиграфист»
129090, г. Москва, Протопоповский пер., д. 6.
www.onebook.ru

ISBN 978-5-00077-100-6

9 785000 771006

Не рекламы ради, а пользы для

Будет желание пообщаться, пишите:

shatilof@yandex.ru

Немножко красного дзэна…

Сочетание старого и нового смотрится почему-то органично…

… как и сочетание линий и форм

В Императорском парке

Вторая жизнь старого дерева

Киото – страна контрастов

Киотские прямые закоулки ночью

Жизнь – как дорога. Зелёный дзэн…

Эти снимки разделяют несколько шагов…

… и пропасть чувств

Так и хочется спросить: «Камо грядеши?»

Это тоже Камо-гава и частичка Киото

Они не гейши. Просто японкам захотелось побыть японками.

Осенняя пагода

Японские октябрята

Современные герои Японии

Киото с высоты птичьего полёта + метр без кепки

Колонный дзэн

Плакучий дзэн

Осенний букет

Озёрный дзэн

Зелёные гвардейцы замка Нидзё

Врата

Природная роспись по стенам

Колодец

Замок

Крепостной вал

Здесь тоже гибли самураи…

Каменный фонарь

Духовный маяк

Лесная тропа

Последняя сакура

Последний корабль

В японском саду

Просто Дзэн

Дорогой солнца!

Кирилл Шатилов

ОСЕНЬЮ ОСЕНЁННАЯ